

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ

И МАТЕРИАЛЫ

3

Саратовский Ордена Трудового Красного Знамени
Государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Государственный Дом-музей Н. Г. Чернышевского

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ

И МАТЕРИАЛЫ

3

Под редакцией
Е. И. Покусаева
и Н. М. Чернышевской

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1 9 6 2

*Сборник подготовлен
к V Международному съезду славистов
в Софии*

786379

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник представляет собою 3-й том начатой в 1958 году (к пятидесятилетию Саратовского университета) серии научных изданий, посвященной Н. Г. Чернышевскому.

Сборник объединяет статьи и материалы, освещающие некоторые существенные стороны мировоззрения и общественно-литературной деятельности великого революционера-демократа. В ряде статей и сообщений рассматриваются литературно-теоретические взгляды Чернышевского, его революционная публицистика и критические выступления («Чернышевский и некоторые проблемы демократического народоведения», «Чернышевский и Валерьян Майков», «Публицистика Чернышевского 1859—1860 годов», «Доцензурная редакция статьи Чернышевского «Откупная система». «Чернышевский об Островском» и др.).

Вопросам научной биографии Чернышевского посвящены специальные обзоры, новые публикации и материалы («К саратовским взаимоотношениям Чернышевского и Костомарова», «Воспоминания А. А. Слепцова», «Чернышевский в Петропавловской крепости», «Стихотворение «На казнь Чернышевского», «Из дневниковых записей И. Е. Забелина»).

Идейно-литературные отношения Чернышевского и писателей его времени — главная тема таких статей, как «Чернышевский и Тургенев о лишних людях», «Полемика И. С. Тургенева с А. И. Герценом в 1862—1863 гг.», «Реализм правды без всяких прикрас» («Очерки бursы» Помяловского), «Что делать?», и повести Н. Ф. Бажина, «После крушения революционной ситуации» (Салтыков Щедрин и наследство шестидесятников)».

Статьями «Младший сын Н. Г. Чернышевского» и «Н. А. Алексеев» продолжается публикация материалов о выдающихся дореволюционных и советских исследователях литературного наследия Чернышевского.

В сборник включена библиография советских изданий романа «Что делать?» и литературы о нем.

Наряду с саратовскими авторами в данном сборнике, как и в предшествующих, участвуют ученые Ленинграда и некоторых других городов Советского Союза.

Настоящим сборником отмечается столетие революционной ситуации в России 1859—1961 годов.

Сборник предназначен для специалистов литературоведов и историков, преподавателей вузов, учителей средней школы, студентов историко-филологических факультетов.

1. ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

Г. И. УСАКИНА

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ВАЛЕРЬЯН МАЙКОВ

Уже более полувека не появляется в работах о Чернышевском имя В. Н. Майкова. Последний раз рядом с Чернышевским упомянул о нем Плеханов и тут же вычеркнул В. Майкова из истории революционно-демократической мысли, утверждая, что направление его философских исканий *«резко разошлось с тем, по которому шла сначала мысль Белинского, потом Чернышевского и Добролюбова и, наконец, русских марксистов»*¹.

Суровость приговора Плеханова во многом объяснялась тогда полемическими задачами его выступления. Статья «Виссарион Белинский и Валерьян Майков» (1911) была направлена против либерально-народнической критики, выступившей с ревизией революционно-демократического наследия Белинского.

Пересмотр исторического значения Белинского начал А. М. Скабичевский, противопоставив великому критику В. Майкова как мыслителя, занявшего, якобы, ведущее место в литературном движении конца сороковых годов. Под пером Скабичевского Белинский превратился в безнадежно отставшего от своей эпохи «метафизика», запутавшегося в безысходных противоречиях гегелевской эстетики, а В. Майков предстал как «реалист», «человек дела», провозвестник «общечеловеческой цивилизации» и «истинного прогресса»².

Суждения Скабичевского с всевозможными исправлениями и добавлениями легли в основу целого ряда статей, которые еще более запутали и усложнили вопрос о литературно-

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIII, стр. 258. Курсив Плеханова.

² А. Скабичевский. Сорок лет русской критики. В кн.: Сочинения А. Скабичевского, т. I. СПб, 1890, стр. 471—472, 492. См. также А. М. Скабичевский. История новейшей литературы. СПб, 1909, стр. 58.

теоретических взглядах В. Майкова, связав последние с эстетическими воззрениями Спенсера, Тэна, Гюйо и социологией Бокля¹.

Вскрыв путаницу и фальшь либерально-народнических трактовок Белинского, Плеханов указал на подлинное место великого критика в истории русской общественной мысли, но к оценке Майкова подошел тенденциозно и в пылу полемического увлечения решительно отделил В. Майкова от общего хода русской передовой идеологии. «Философия Фейербаха, явившаяся последним этапом истории умственного развития Белинского,—подытоживал Плеханов,—составила философскую основу миросозерцания Чернышевского и Добролюбова. Это обстоятельство связывало их теснейшей духовной связью с «критикой гоголевского периода русской литературы». Но с В. Майковым у Белинского такой связи не было»².

Вывод Плеханова лег в основу всех позднейших исследований о В. Майкове, которого со временем начали уличать не только в незнании Фейербаха, но в политическом оппортунизме, защите «чистого искусства», привязанности к позитивизму и т. п.³ Правда о В. Майкове начала восстанавливаться с появлением книг С. А. Макашина и Н. И. Мордовченко. Однако С. А. Макашин сосредоточил внимание на выяснении общественно-политического лица Майкова, оставив в стороне его эстетические взгляды, а Н. И. Мордовченко охарактеризовал полемику Майкова с Белинским вне связи с воззрениями петрашевцев, определивших характер литературно-теоретических выступлений В. Майкова. При этом и Н. И. Мордовченко и С. А. Макашин в конечном счете присоединились к заключению Плеханова⁴.

Между тем, мнение Плеханова об историческом месте и философском облике В. Майкова было слишком категорическим и в смысле решительности приговора об отсутствии связей между Майковым и революционной демократией и в от-

¹ См., например, М. Протопопов. Объективный метод в литературной критике. «Русская мысль», 1891, № 10; А. Мухин. Преемник Белинского. «Исторический вестник», 1891, № 4; Г. В. Александровский. В. Майков и его литературная деятельность. В кн.: Сочинения В. Н. Майкова, т. I, Киев, 1901 и др.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXIII, стр. 257.

³ См. Л. Н. Вольпе. Белинский в борьбе против космополитизма В. Майкова. «Ученые записки Московского гос. пединститута им. В. И. Ленина», т. 47, вып. 3, 1949; Б. В. Папковский. Натуральная школа Белинского и Салтыков. «Ученые записки Ленинградского гос. пединститута им. А. И. Герцена», т. 81, 1949; Я. Е. Эльсберг. Белинский в борьбе с космополитизмом. «Литературная газета», 1948, № 31 и его же Салтыков-Щедрин, М., 1953. См. также статью о В. Майкове в БСЭ, изд. 2-е, т. 26, стр. 78 и др.

⁴ С. А. Макашин. Салтыков-Щедрин. Биография, I, М., 1951, стр. 219—220, 230; Н. И. Мордовченко. Белинский и русская литература его времени. М.—Л., 1950, стр. 240—241.

ношении знакомства Майкова с учением Л. Фейербаха. В действительности между литературно-теоретическими взглядами Майкова и Чернышевского существовала внутренняя связь как между представителями одного идейного течения в русской общественной мысли. И В. Майков, и Чернышевский опирались в своем понимании искусства на общие теоретические источники; среди последних важное место принадлежало философии Фейербаха и теориям утопических социалистов, воспринятых в том органическом синтезе, который характерен был для интерпретации их в кругу петрашевцев. В установлении этой преемственности между эстетическими взглядами Чернышевского и Майкова и видит автор задачу настоящей работы, рассматривая ее как первый подступ к большой и сложной проблеме: «Чернышевский и петрашевцы».

Вслед за Белинским и Герценом петрашевцы связывали вопросы литературы и искусства с задачами общественно-преобразовательной деятельности, направленной на переустройство социальных форм русской действительности и уничтожение крепостного права. Но пути и средства преобразований, самое понимание исторического процесса и связанное с ним представление петрашевцев о специфике и предмете литературы не совпадало с программой натуральной школы¹.

Воззрения петрашевцев на источник и содержание исторического прогресса восходили к антропологическим системам Фурье, Сен-Симона и их последователей, утверждавших, что законы исторического развития следует искать не в общественном целом, а в природе человеческого индивидуума².

Философское основание возможности «братства на земле», которое проповедовали утописты, петрашевцы нашли в фейербаховском обожествлении материальных сил и нравственных качеств человека.

«Новая философия,—писал Фейербах,—превращает человека, включая и природу как базис человека, в единственный, универсальный и высший предмет философии, превращая, следовательно, антропологию, в том числе и физиологию, в универсальную науку»³. Самую природу человека Фейербах при этом истолковывал односторонне, метафизически, подчеркивая главным образом естественные, природные условия его бытия и абстрагируясь от условий общественно-исторических.

¹ Вопрос об отношениях между Майковым и Белинским является предметом специального исследования и в настоящей статье не ставится.

² См. об этом, например, суждения М. В. Петрашевского—«Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М., 1953, стр. 423.

³ Л. Фейербах. Избранные философские произведения, т. I, М., 1955, стр. 202. Курсив Фейербаха.

Фейербах, отмечал Маркс, «слишком много напирает на природу и слишком мало на политику»¹.

Это ограниченное представление о человеке было усвоено петрашевцами (вместе с сильными сторонами философии Фейербаха). Петрашевцы не могли видеть здесь односторонности уже потому, что самый факт принятия утопического социализма как руководства к действию неизбежно предполагал метафизическое решение вопроса о человеке и обществе. Французские социалисты, в первую очередь Фурье, создавая свои проекты общественного преобразования, так же, как и Фейербах, апеллировали к «вечной и неизменной» человеческой природе, отвлекаясь от социально-исторической практики людей.

Вслед за утопистами и Фейербахом, петрашевцы полагали, что для борьбы с несправедливостью и определения законов будущего гармонического устройства «должно анализировать природу человека и по требованиям ее устроить ту средину, в которой она должна проявляться»².

Правильный анализ человеческой природы, утверждали петрашевцы, дается естествознанием. Предваряя «Антропологический принцип в философии», петрашевцы отстаивали мысль о необходимости реформировать общественные науки при помощи естественных. Человек, говорилось в реферате Н. С. Кашкина, «научился открывать в естественных науках законы природы; остается применить их в науке общественной. И когда он это сделает, человечество будет иметь закон счастья и совершенства». Отсюда, солидаризируясь с абсолютным большинством членов кружка, Кашкин выводил основную задачу всякого «действительного познания»: «...понять, определить природу человека, чтобы на основании этого познания природы человека определить и цель существования его, к которой он должен стремиться»³.

Социально-философские взгляды петрашевцев определили характер их требований к литературе. «Переходя к словесности,—указывал Петрашевский в 1846 г.,—нельзя не заметить, что при таком положении вещей любимым миром для воображения поэта должен стать внутренний мир человека; не факты должны вдохновлять его, а их источник <...>. Потребностям современного гения,—подчеркивал он далее, —соответствует анализ внутреннего человека»⁴. В связи с этим еще

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, 1938, стр. 510.

² «Петрашевцы». Сборник материалов под ред. П. Е. Щеголева, т. II, 1927, стр. 122.

³ Там же, стр. 173, 169.

⁴ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 269—270.

в 1845 г. у петрашевцев наметилась тенденция к сближению художественной литературы с «аналитическими» естественно-научными жанрами¹.

Еще в статье «Общественные науки в России» (1844) В. Майков противопоставил немецкому идеализму антропологический материализм Фейербаха, выдвинув идею создания т. н. «философии общества», предметом которой должно стать «общественное благосостояние», а центральной задачей—«соединение науки с практикой». Теоретической основой этой философии Майков считал антропологию: «Как неорганическая химия служит основанием органической, — писал Майков, смыкаясь с Фейербахом,—так начала антропологические, которые своей общностью и неизменностью далеко превосходят начала философии общества, служат ей самой основанием».

В 1844 г. Майков, не без влияния Герцена и Белинского, отмечал односторонность только антропологического воззрения на человека и правильно толковал диалектику общечеловеческого и национального, хотя и тогда уже в его взглядах явственно ощущался крен в сторону антропологии, которую он считал «сущностью бытия человечества», а социальную философию — лишь «формой» этого бытия².

С этими воззрениями В. Майков пришел в общество Петрашевского (во второй половине 1845 г.). Под воздействием философских исканий петрашевцев Майков еще более укрепился на позициях метафизического материализма, признав антропологический метод универсальным методом для всех областей человеческого знания, а антропологический материализм—последним словом в философии, способным дать верное объяснение любому явлению общественной и естественной жизни.

На рубеже 1846—1847 гг. В. Майков, вместе с В. А. Милутиным, организовал свой кружок, не утративший однако глубокой идейной связи с «пятницами» Петрашевского, который признавался, имея в виду свое отношение к майковскому «обществу литераторов», что все они, несмотря на «различный род деятельности», «стремятся к одной цели»³. Особенно тесно связан был с идеологией петрашевцев Валерьян Майков.

Недаром и сами петрашевцы, задумав весной 1847 г. создать «Общество, содействующее развитию отечественной ли-

¹ См. о слиянии «дидактики» с «изяществом» в «Карманном словаре иностранных слов, издаваемом Н. Кирилловым», вып. 1, СПб., 1845, стр. 55.

² Сочинения В. Н. Майкова в двух томах, т. II, Киев, 1901, стр. 8, 35. В дальнейшем цитируем в тексте по этому же изданию, обозначая том римской цифрой, страницу—арабской.

³ Цитируем по кн.: С. А. Макашин. Салтыков-Щедрин. Биография, стр. 214.

тературы», поставили на знамени его «имя молодого Валерьяна Майкова». Замыслу этому не суждено было осуществиться в связи с трагической смертью Майкова летом этого же года. Но наброски проекта программы общества, найденные при обыске у петрашевца Баласогло, дошли до нас как живое свидетельство той особой роли, какую отводили петрашевцы Майкову в развитии литературной мысли России и Запада. «Во всей Европе,—говорилось во введении к проекту,—нет в наше время ни одного настоящего поэта, поэта человечества и природы, созерцания и действия,—поэта жизни, как она есть во всем своем изяществе, разнообразии и дивноразумном единстве у нас. У нас, русских, опять уже есть подобное чудо—перед вами развилась мысль молодого Майкова!»¹.

Принадлежал к кругам петрашевцев и молодой Чернышевский. Осенью 1846 г. он поступил в Петербургский университет, жадно впитывая передовые веяния времени, когда о собраниях Петрашевского знала вся столица, а В. Майков возглавлял «Отечественные записки», сменив перешедшего в «Современник» Белинского. Непосредственно с петрашевцами Чернышевский сошелся только осенью 1848 г.,² но уже начиная с 1847 г., общее развитие его совершалось в сторону сближения с петрашевцами.

В статье А. П. Медведова «Чернышевский в кружке И. И. Введенского»³ убедительно показано, что кружок этот по своему социально-философскому облику представлял одно из многочисленных ответвлений общества петрашевцев. Фейербах, Фурье, Консидеран, Прудон, Луи Блан изучались и обсуждались на «средах» Введенского. Большое значение для Чернышевского имели беседы с петрашевцем А. В. Ханьковым, который с первой встречи начал с жаром обращать его в фурьериста. Ханькову же обязан был Чернышевский и знакомством с «Сущностью христианства». При этом, судя по письмам и дневникам, восприятие материалистической философии и утопического социализма шло у Чернышевского в том общем направлении, которое было характерно для петрашевцев вообще. Но главным аргументом, позволяющим настаивать на том, что литературно-теоретические взгляды Чернышевского складывались под решающим воздействием не только Белинского и Герцена, но и петрашевцев, является внутренняя общность между некоторыми важнейшими мо-

¹ ЦГВИА (М), фонд 9, отд. IV, д. № 55, часть 17, л. 49—50. Документ этот впервые приводится и выборочно цитируется в докторской диссертации Б. В. Папковского «М. Е. Салтыков-Щедрин в эпоху 30—50-х годов», Л., 1948, стр. 381.

² См. Н. М. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, М., 1953, стр. 38—41 и сл.

³ Сб. «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы», т. I, Саратов, 1958.

ментами диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» и философско-эстетическими принципами петрашевцев.

**
*

Свою литературную деятельность В. Майков начал с критики немецкой философии от Канта до Гегеля за «умозрительность» и отрыв от опыта, требуя «выводить науку» не из «диалектического голословного толкования терминов», а из «опытных фактов», из «наблюдений общества», из «практики» (см. II, 15—17, 296). Самое понимание практики связано было у Майкова с антропологической философией общества, воздействие которой отчетливо проявилось и в толковании им «законов изящного, одинаковых для всех веков и всех народов» (там же, 11).

Основной своей задачей в области эстетики В. Майков считал теоретическое обоснование «законности натуральной школы». Определяя в этом смысле свое отношение к Белинскому, он указывал, что в критике его «гаится залог правильного развития нашей эстетики», несмотря на «безотчетность» и «несообразность ее с пробуждающимся требованием строгой логики» (I, 8, 9).

Тезис этот открывал статью о стихотворениях Кольцова (1846), ставшую по существу программным документом петрашевцев. В статье этой Майков, взяв на себя задачу «научного обоснования» реализма, попытался распространить на эстетику метод и принципы антропологического материализма в его органической связи с утопической социологией.

Главная мысль статьи о поэзии Кольцова состояла в утверждении действительности как первоосновы художественного творчества. Продолжая развивать эту мысль, Майков подчеркивал несколькими месяцами спустя, что идеалистическая эстетика враждебна искусству, так как подчиняет его «созданию идеалов» — «односторонних абстрактов», в которых «страсть доведена до последней степени напряжения и исключает все остальные движения <...> между тем как в действительном мире нет ничего отвлеченного и одностороннего». Конкретизируя свое представление об отношении искусства к действительности, Майков опирался на жанр исторического романа, где художник, не задумываясь о «несуществующем идеале», прямо отражает жизнь «в формах самой жизни» (I, 120—121)¹.

¹ Тезис Майкова о «тождестве художественных форм с формами действительности» вызывал резкие возражения у позднейшей критики субъективно-идеалистического толка, видевшей в Майкове «прямого предшественника Чернышевского и Добролюбова». См., например, А. Волынский. Литературные заметки. Валерьян Майков. Эстетические и общественные вопросы перед судом социологической критики, «Северный вестник», 1895. № 10, стр. 281—282, 290.

Это «уважение к действительной жизни» и «недоверчивость к априорическим гипотезам» горячо поддержал и молодой Чернышевский, увидев в том и другом «характер направления, господствующего ныне в науке»¹.

Основной вопрос теории искусства Чернышевский решал в духе материалистической традиции, общей и для Белинского, и для петрашевцев. Но в толковании связей между искусством и жизнью, в известном противопоставлении одного другому, автор «Эстетических отношений» в годы работы над диссертацией был ближе к метафизическим суждениям петрашевцев, чем к диалектической точке зрения Белинского, который ощущал недостаточность антропологического метода в объяснении литературы и жизни.

Чернышевский, выступив с решительным осуждением идеалистических «теорий о каузальных отношениях между общим и частным», отстаивал приоритет жизни над искусством, именуя «идеальное» («общее») «бледным и мертвым экстрактом индивидуального» и критикуя «сочинителей», «дающих нам вместо людей квинт-эссенцию героизма и злобы в виде чудовищ порока и каменных героев». Характерно, что Чернышевский, как и Майков, сближал в этом смысле литературу с историей, считая, что «поэт в отношении к своим лицам почти всегда только историк или автор мемуаров» (II, 64—65, 67).

Материализм в объяснении отношений искусства к жизни неизбежно требовал опровержения идеалистического учения о прекрасном как абстракции, лишенной реального жизненного содержания.

«Для нас,—указывал Майков в статье о Кольцове,—недостаточно уже то бледное определение, по которому изящное создание есть выражение мысли в живой форме» (I, 31). «Неполность» и «односторонность» этой формулы с еще большей последовательностью раскрыл в диссертации Чернышевский, отмечая, что из нее «надобно выводить не искусство в частности, а вообще всю деятельность человека». «Единство идеи и образа»,—разъяснял он в другом месте, — не «специальная особенность» искусства, а «общий закон и для ремесел, и для промышленности, и для научной деятельности и т. д.» (II, 76, 82). Именно в этом направлении работала и мысль В. Майкова, когда, определяя свое отношение к гегелевской формуле прекрасного, он писал, что «всякое человеческое создание, всякое человеческое действие может быть определено таким же образом. Например, что такое наука, как не проведение известной идеи по всем ступеням ее развития в действительности, по форме. Мало того: всякое предприятие, всякий акт деятельности подходит под это определение» (I, 31).

¹ Н. Г. Чернышевский. ПСС в 16 тт., т. II, М., 1949, стр. 6. В дальнейшем цитируем в тексте по этому же изданию.

Взамен идеалистической формулы прекрасного, Майков предложил свое определение искусства, антропологическое и по происхождению, и по содержанию. Объясняя своеобразие художественного творчества, Майков, как позднее Чернышевский, основывался на одном из центральных положений теории познания Л. Фейербаха: «каждый из нас,—говорил он в разборе поэзии Кольцова, — познает и объясняет себе все единственно по сравнению с самим собою»¹. Распространяя этот тезис на объяснение природы искусства, Майков утверждал, что «художественная мысль зарождается в форме любви или негодования и что тайна творчества состоит в способности верно изображать действительность с ее симпатической стороны. Иными словами, художественное творчество есть пересоздание действительности, совершаемое не изменением ее форм, а возведением их в мир человеческих интересов (в поэзию)». Поэтому «искусство, чтобы действовать на людей, должно заключать в себе что-нибудь общее с их мыслями, чувствами и стремлениями» (I, 22, 38, 21)¹.

Те же теоретические принципы лежали и в основе суждений Чернышевского, который еще решительнее восставал против гегелевского «подведения всех человеческих стремлений под абсолют», подчеркивая, что деятельность человеческая, и в том числе деятельность эстетическая, имеет в виду «чисто человеческие цели». «*Similis simili gaudet*,—писал он, продолжая линию петрашевцев,—поэтому нам, существам индивидуальным, не могущим перейти за границы нашей индивидуальности <...> очень нравится индивидуальная красота, не могущая перейти за границы своей индивидуальности» (II, 47).

В соответствии с этими общими посылками Чернышевский, как и Майков, включил в понятие прекрасного субъективный фактор, утверждая, что «мы бескорыстно любим прекрасное, в нем есть «что-то милое, дорогое нашему сердцу», что прекрасное это «жизнь, какова должна быть она по нашим понятиям» (II, 9, 10).

Общность в истолковании специфики искусства обусловила близость Чернышевского к петрашевцам и в определении предмета искусства.

Обнажая идеалистические основы эстетики классицизма и романтизма, Майков «радикально отрицал» представление классиков и романтиков о содержании искусства. «...Надо

¹ Курсив В. Майкова. Ср. у Л. Фейербаха в «Сущности христианства»: «Какой бы объект мы ни познавали, мы познаем в нем нашу собственную сущность; что бы мы ни осуществляли, мы в этом проявляем самих себя» (Л. Фейербах, Избранные философские произведения, т. II, стр. 35). Именно эта мысль была выделена Чернышевским как основополагающая в философии Фейербаха при первом знакомстве с «Сущностью христианства» (См. дневники его—I, 248).

понять прежде всего,—писал он в этой связи,—что изображать жизнь несуществующую значит творить не для человечества, живущего действительною жизнью, в которой столько же высокого, грозного, торжественного, наивного, грациозного и проч., сколько и низкого, подлого, гнусного и проч.». Область искусства, подчеркивал Майков, отнюдь не ограничивается эстетическими категориями, выработанными теоретиками классицизма и романтизма, но включает в себя всю жизнь: «Где жизнь, там и поэзия,—воскликнул Майков,—где человеческие отношения, там и драма». Первым и необходимым «атрибутом» истинного таланта, по мнению его, была «любовь к жизни со всеми ее свойствами и во всех ее формах» (I, 7, 144, 45).

Именно об этом настойчиво говорил и Чернышевский, доказывая, что «прекрасное есть жизнь», что «сфера искусства не ограничивается одним прекрасным и его так называемыми моментами, а обнимает собою все, что в действительности (в природе и в жизни) интересует человека <...> Общеинтересное в жизни—вот содержание искусства» (II, 81—82).

И В. Майков, и все петрашевцы вообще — в большей или меньшей степени—верили в осуществление прогнозов утопических социалистов. Поэтому они уже в сороковых годах настойчиво выдвигали вопрос о научной разработке и конкретизации положительного идеала, считая, что «сознание идеала одно только и может дать смысл и крепость анализу и отрицанию»¹.

В соответствии с общим духом философии петрашевцев, Майков выдвинул в качестве идеала некий «общечеловеческий» тип, свободный от уз национальности и потому наиболее приближающийся к «идеалу богоподобного человека» (I, 54—59)². Требуя дополнить гоголевское «отрицательное» направление утверждением положительных идеалов, В. Майков конкретизировал свое представление о них в статье о стихотворениях Кольцова, где вопрос этот был перенесен в область рассуждений о природе прекрасного.

¹ В. Н. Майков, т. I, стр. 99.

² Сконструированный Майковым идеал «богочеловека», борющегося с «национальными пороками» во имя утверждения «общечеловеческих добродетелей», прямо восходил к мнениям петрашевцев. «Социализм, — проповедовал Петрашевский,—есть доктрина космополитическая, стоящая выше национальностей: для социалиста различие народностей исчезает, есть только люди». Чем «национальнее и уединеннее народ,—писал Петрашевский в 1846 г.,—тем далее будет он отстоять от идеала общечеловеческого развития, тем более отпечатков дикости и варварства будет носить в себе его национальность, тем менее будут подходить по своему нравственному достоинству члены его к высокому типу истинного человека, принимаемому в космическом и космополитическом смысле». «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 432, 194.

Представление о прекрасном в жизни и литературе Майков соединил с социалистическим учением о цели человеческого развития, которое должно увенчаться общим благосостоянием, торжеством «гармонии», когда человек обретет право на всестороннее удовлетворение физических, умственных и нравственных потребностей. «Свежесть лица, крепкая, крутая грудь, хороший аппетит, веселость и бодрость духа, социальность, счастливая любовь, выгодный труд, исполняемый не по неволе,—писал Майков, формулируя свое понимание прекрасного в действительности, — все это такие вещи, которые нам, презренной, чернорабочей толпе, кажутся необходимыми условиями законного существования, и по тому самому все противоположное этому мы считаем злом». Иллюстрацией этого «зла» явились для Майкова романтические нормы прекрасного, реализовавшиеся в «бледных, хилых, с ввалившейся грудью» героях, окруженных «чахоточными красавицами», не менее «бледными, изнуренными больными грезами» (I, 13—15). «Аномалии», «призрачности» романтических идеалов Майков противопоставил поэзию Кольцова, произведения которого, по глубокому убеждению петрашевцев¹, «положительно выразили собою тот идеал, на который остальные поэты наши указывают путем отрицания. Он был более поэтом возможного и будущего, чем поэтом действительного и настоящего. Его поэзия прямо призывает к полноте наслаждения тою жизнью, которой простые законы стремится определить и современная мудрость путем критики и утопии. Страсть и труд, в их естественном благоустройстве,—вот простые начала, из которых сложился яркий идеал жизни, проникший восторгом здоровую натуру поэта...» (I, 98—99).

Эти же «естественные начала» включил в понятие «жизни, как должна она быть», и Чернышевский, прославляя в своей диссертации «цветущее здоровье и равновесие сил в организме, всегдашнее следствие жизни в довольстве при постоянной и нешуточной, но не чрезмерной работе». Все симпатии свои Чернышевский отдавал народному представлению о «хорошей жизни». Последнему он противопоставлял «искусственность» идеалистического наполнения прекрасного, иронизируя над «бледностью, томностью, болезненностью» романтических идеальных героев. При этом под категорию прекрасного Чернышевский подводил общественно-политическое и экономическое основание, связывая различие в идеалах красоты с вопросом о социальной дифференциации общества.

¹ Апология творчества Кольцова связана была у Майкова с восторженной оценкой роли его поэзии среди петрашевцев: «В России есть и должно быть все. В ней есть Ломоносов и Кольцов», — утверждалось в проекте программы литературного общества, задуманного петрашевцами в 1847 г. См. об этом проекте выше.

Этой мыслью руководствовался в своих эстетических исканиях и В. Майков, который также стремился подчинить эстетику социально-экономическим проблемам, всячески превознося Кольцова за то, что «он смотрит на бедность и богатство как самый ревностный политико-эконом» (I, 19)¹.

Однако в исходных посылках своих воззрений на искусство Майков, вступая в противоречие с конечными намерениями своих эстетических взглядов, руководствовался антропологической концепцией личности. Реализуя призыв Петрашевского к «изучению внутреннего мира человека», он пытался теоретически обосновать необходимость поворота русской литературы от общественных вопросов к психологической проблематике. Разумеется, при этом Майков не отрицал важности социальной тематики, но рассматривал социальные вопросы, как производные от вопросов психологических.

И в психологические описания и в изображение социальной среды Майков предлагал ввести «спокойный, беспристрастный анализ», который он связывал с именем Гоголя. Однако качественная природа анализа, проповедуемого Майковым, существенно отличалась от художественного метода Гоголя и интерпретации его Белинским. Это различие обусловлено было своеобразным истолкованием искусства в кругу петрашевцев, сблизивших художественное изображение действительности с естественнонаучным изучением ее.

По мнению петрашевцев, «физиология» и «естественные науки», «основанные на наблюдении и опыте», должны быть положены в основу всех форм человеческого познания, не исключая искусства². В этом отношении петрашевцы учитывали не только точку зрения Фурье³, но и метод осмысления

¹ П. В. Анненков, ощутив эту тенденцию в эстетике Майкова, определил содержание его взглядов как «переход к литературному периоду 1850—1860 годов». «В. Н. Майков,—замечал он,—отложил в сторону весь эстетический, нравственный и полемический багаж Белинского и за норму оценки произведений искусства принял количество и важность бытовых и общественных вопросов, ими поднимаемых, и способы, с какими авторы указывают и разрешают их». (П. В. Анненков. Литературные воспоминания, М., 1960, стр. 296). Аналогичную точку зрения высказывал в своих мемуарах и Тургенев, указывая на Майкова как на критика новой эпохи, который пытался «выйти из тесного круга; политико-экономические вопросы должны были сменить вопросы эстетические, литературные». (И. С. Тургенев. Собр. соч., т. X, М., 1956, стр. 286).

² См. об этом: В. А. Милютин. Избранные произведения, Госполитиздат, 1946, стр. 156; Н. С. Кашкин. Речь о задачах общественных наук. «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 654.

³ Фурье, подчеркивая «единство» системы движения для материального мира и для мира духовного, предлагал «установить точные методы во всех областях человеческого познания», «вплоть до литературы и искусства», признавая важную роль последних в изучении человеческой природы. Шарль Фурье. Избранные философские произведения, т. I, изд. АН СССР, М. 1956, стр. 107).

жизни, предложенный Фейербахом («метод аналитической химии»), Огюстом Контom, проповедовавшим «естественнонаучный анализ действительности» как основу «всех форм познания», и Стюартом Миллем, отождествлявшим методологию всех общественных наук с естествознанием. Глубокий интерес петрашевцев ко всем попыткам естественнонаучного объяснения жизни был предопределен высоким уровнем развития русской философской мысли, получившей блестящее выражение в статьях Герцена, видевшего в «научном мировоззрении» «живоначальный источник действий всех и каждого».

Эстетическая мысль Майкова развивалась в том же направлении, когда он отстаивал свое понимание искусства как «объективного анализа действительности» в соответствии с «пробуждающимся духом математической строгости суждений» (см. I, 165—166, 258). В литературе этот дух, по мнению Майкова, выразился в «могуществе анализа» Гоголя и Лермонтова, но ярче всего проявился в творчестве Достоевского, с которым «современное поколение вступило на попрание аналитического исследования» «анатомии человеческой души». Достоевского Майков поставил во главе современного развития русской литературы как писателя, который «так глубоко проник в человеческую душу, так бестрепетно и страстно вгляделся в сокровенную машинию человеческих чувств, мыслей и дел», что впечатление от чтения его повестей «можно сравнить только с впечатлением любознательного человека, проникающего в химический состав материи» (I, 258, 208).

Эти же стороны таланта Достоевского—«психологический анализ и занимательность для науки» отмечал в конце сороковых годов и Чернышевский (I, 221). «Великое знание человеческого сердца» было для него в это время одним из важнейших, если не первым критерием в оценке писателей и историков, сам он замышлял повесть психологического характера (в духе «Двойника») и проводил «исследование собственной природы» в поисках стимулов, движущих человеческою деятельностью (см. там же, 154, 222—223, 365, 133).

Знакомство с петрашевцами и изучение Фейербаха укрепили интерес Чернышевского к психологическому анализу. В «Эстетических отношениях», разумеется, без майковского преувеличения роли психологизма в развитии литературы, он обозначил «внутреннюю жизнь человека» одной из главных сторон действительной жизни, воспроизведением которой должно заниматься искусство (II, 85). В этой связи несомненно находилась и восторженная оценка Чернышевским психологического анализа Л. Толстого как «прочной основы для изучения человеческой жизни вообще, для разгадывания характеров и пружин действия, борьбы страстей и впечатлений» (III, 426).

Сближение художественного изображения жизни с «опытным исследованием» ее приводило петрашевцев к мысли о расширении горизонтов искусства за счет науки¹. Наиболее отчетливо требование это было сформулировано в статьях В. Майкова, который перенес в эстетику мысль о взаимодействии науки и искусства, указав на условность разграничения произведений художественных, ученых и беллетристических (см. I, 258—259, 220—222). Проповедуя необходимость «тесной связи» науки с жизнью, Майков считал целью беллетристики «популяризацию идей, важных для общества» (там же, 190).

Ради достижения этой цели он оправдывал и дидактику («беллетрист—талант по преимуществу дидактический») и полунаучную — полухудожественную форму отражения действительности, когда принцип «показа» жизни через художественные образы совмещался с методом доказательства той или иной истины, которую беллетрист должен черпать «прямо из произведений современной науки». В беллетристике, замечал Майков, идея может быть «не художественной, а дидактической, в этом нет еще никакой потери, если только идея справедлива логически» (там же, 191, 182, 183).

Анализируя беллетристику Герцена, Буткова, Одоевского, поэзию Кольцова, Плещеева, Майков искал в них прежде всего сочувствия современным вопросам в той высшей форме их выражения, какой являлась, по его мнению, передовая наука—философия, социология и политическая экономия.

Эти принципы изображения жизни во многом разделял в годы близости с петрашевцами и Салтыков. Его первая повесть «Противоречия» была задумана как полемическое выступление против мальтузианских и родственных им фаталистических теорий Прудона и Конта, а замысел другой ранней повести «Запутанное дело» связан был с задачей разоблачения религиозной этики Фейербаха и утопистов².

К взглядам Майкова на взаимосвязь науки и искусства близки были и утверждения автора «Эстетических отношений», когда он указывал на отсутствие резких границ между искусством и наукой. Требуя от искусства мысли, приговора, Чернышевский подчеркивал, что «тогда художник становится

¹ Ср. точку зрения Сен-Симона, который призывал художников «проводить в массы выводы ученых», реализуя их проекты в своей творческой практике. Задачу писателей XIX века Сен-Симон видел в том, чтобы «всесторонне и полно доказать», что «при современном состоянии знаний и цивилизации» только одни лишь научные принципы могут служить обоснованием общественной организации. См. об этом подробнее «Le socialisme et le romantisme en France» Par H. Hunt. Oxford, 1935, p. 10—15.

² См. об этом подробнее в нашей работе «М. Е. Салтыков и общественно-литературное движение сороковых годов». Автореферат диссертации, Саратов, 1959.

мыслителем, и произведение искусства, оставаясь в области искусства, приобретает значение научное. Само собою разумеется, что в этом отношении произведения искусства не находят себе ничего соответствующего в действительности,—но только по форме; что касается до содержания, до самых вопросов, предлагающихся или разрешаемых искусством, они все найдутся в действительной жизни, только без преднамеренности...» (II, 86). Это представление о задачах беллетристики было реализовано Чернышевским впоследствии в романе «Что делать?».

**
**

Сравнительный анализ литературно-теоретических суждений Чернышевского и В. Майкова показывает, таким образом, что важнейшие вопросы о природе и содержании прекрасного, о предмете, специфике, методе и задачах искусства решались Чернышевским в том общем направлении, которое характерно было для развития идеологии петрашевцев в целом и эстетических взглядов их, в частности.

Постановка вопроса об идейных связях Чернышевского с петрашевцами на материале статей В. Н. Майкова, естественно, предполагает уяснение и другой, субъективной стороны дела— о степени знакомства Чернышевского со статьями Майкова и отношении его к этим статьям.

Судя по письмам и дневниковым записям, литературно-критические выступления В. Майкова привлекли к себе внимание Чернышевского сразу по приезде его в Петербург. Уже в октябре 1846 г. Чернышевский сообщал родным о предполагающихся переменах в «Современнике» и, перечисляя «знаменитых людей литературных», называл в первую очередь имена Белинского, Майкова, Искандера (XIV, 69). Несколько лет спустя в письме к М. Л. Михайлову Чернышевский рекомендовал ему в связи с изучением истории литературы «перечитать Белинского и В. Майкова» (там же, 211). Еще через шесть лет Чернышевский вновь вспомнил В. Майкова уже на страницах «Современника» и особо выделил важнейшую теоретическую статью его о стихотворениях Кольцова, поставив последнюю в связь с литературными взглядами Белинского. «Из написанного о Кольцове,—отмечал Чернышевский в рецензии на сборник его стихов,—заметим еще статью покойного В. Майкова (брат поэта), помещенную в двух последних книжках «Отечественных записок» за 1846 год. Она направлена, по-видимому, против статьи Белинского, но в сущности представляет развитие мыслей, высказанных Белинским, и некоторые места в ней прекрасны» (III, 514—515).

С первых дней учебы в университете Чернышевский стал внимательным читателем «Отечественных записок», считая их лучшим русским журналом, а издателя его (Краевского)—

достоинством «чрезвычайного уважения» (I, 66, 69). С апреля 1846 г. критико-библиографический отдел «Отечественных записок» возглавил В. Майков, к мнениям которого Чернышевский относился с большим почтением, о чем свидетельствует и общая положительная характеристика журнала 1846—1847 гг. и отдельные высказывания будущего автора «Эстетических отношений» в письмах и дневниках. Рассказывая, например, родным об А. Н. Плещееве, бывшим в ту пору студентом Петербургского университета, Чернышевский замечал, что испытывает к нему «двойной интерес. В «Отечественных записках» за октябрь провозглашают его <...> первым современным поэтом» (XIV, 64). Упомянутая Чернышевским оценка Плещеева принадлежала В. Майкову, который возвел последнего в «бесспорно» «первые поэты нашего времени», считая его поэзию самым ярким выражением протестующих настроений и утопических чаяний петрашевцев. Перекликается с характеристиками В. Майкова и отношение Чернышевского к Достоевскому (см. об этом выше) и Гоголю. В оценке последнего Чернышевский акцентировал внимание на общечеловеческой стороне гоголевского анализа действительности и видел в авторе «Мертвых душ» своеобразного Гомера русской жизни (I, 127, 69). В связи с этим Чернышевский, как несколько раньше В. Майков, не заметил в «Выбранных местах из переписки с друзьями» отказа Гоголя от обличительного пафоса «Ревизора» и «Мертвых душ» (см. там же, 54).

Все это в конечном счете свидетельствует, что деятельность Майкова, несмотря на ее кратковременность, была замечена Чернышевским и мысли этого талантливого критика вливались в тот общий поток передовых идей, на которых воспитывался автор «Эстетических отношений искусства к действительности».

В свете установленной общности между диссертацией Чернышевского и взглядами Майкова можно полагать также, что признания Чернышевского о связи его эстетических теорий с критикой «Отечественных записок» относятся не только к Белинскому, но и к В. Майкову¹.

Разумеется, у В. Майкова, по сравнению с Чернышевским, не было стройной системы, взгляды его находились в становлении, в формировании. Им не были чужды крайности и противоречия, с критикой которых выступил в 1847—1848 гг. Белинский, осуждая уклон Майкова в сторону абстрактного

¹ В 1854 г. Чернышевский указывал в статье «Критический взгляд на современные эстетические понятия», что автор «Эстетических отношений», и не думает о притязаниях на то, что изложенные им понятия—его изобретение <...> он охотно сознается, что большую часть тех мыслей, которые признает он справедливыми, можно отыскать не далее как, напр., в «Отечественных записках». (II, 158).

космополитизма, не соглашаясь с его преувеличенными оценками творчества Достоевского и Плещеева, не принимая в целом взгляд Майкова на беллетристику как на «смешанный дидактический жанр».

В отличие от В. Майкова, Чернышевский в период создания «Эстетических отношений» уже вплотную подходил к революционно-демократическому пониманию общества и ставил свою диссертацию в прямую связь с вопросом коренного преобразования самодержавно-крепостнической действительности. Формулу прекрасного в искусстве и жизни Чернышевский наполнял реально-историческим классовым содержанием, продолжая в этом смысле линию Белинского и Герцена.

Характер же литературно-эстетических и критических суждений Майкова был обусловлен своеобразием литературно-теоретических интересов петрашевцев на раннем этапе их деятельности (1845—1847), когда печать антропологизма и натурализма лежала на их понимании практики, а общественно-политическая программа еще не сложилась. Неясна она была и В. Майкову, чем во многом объясняется абстрактность его литературно-философских принципов. Однако самые тенденции развития Майкова характеризуют его как петрашевца, как представителя того же направления в истории русской передовой эстетической мысли, к которому принадлежали и Белинский, и Чернышевский, и Добролюбов.

Установление внутренней связи во взглядах Майкова и Чернышевского проливает дополнительный свет и на историю создания «Эстетических отношений искусства к действительности». Знаменитая диссертация Чернышевского выросла из тех же идеологических импульсов, которые стимулировали литературно-общественную деятельность петрашевцев, что еще раз подтверждает неразрывное единство демократической теории искусства с освободительным движением своего времени.

В. Г. БАЗАНОВ

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО НАРОДОВЕДЕНИЯ

1

Чернышевский как фольклорист и этнограф неоднократно освещался в науке. М. К. Азадовский, И. М. Колесницкая, М. Г. Левин, В. Е. Гусев много сделали для выяснения позиции Чернышевского в этой области¹. Наиболее изученными оказались положительные высказывания Чернышевского по вопросам фольклора и его выступления против теории религиозного, мифотворческого происхождения народной поэзии. В трудах советских этнографов изложены и прокомментированы взгляды Чернышевского по вопросам этнографии и антропологии. Несмотря на наличие ценных исследований о Чернышевском-фольклористе и Чернышевском-этнографе, ав-

¹ М. К. Азадовский. Н. Г. Чернышевский в истории русской фольклористики. «Ученые записки Ленинградского Гос. университета», т. 8, 1941, вып. 12; И. М. Колесницкая. Проблемы этнографии и народного творчества в «Современнике» 1850—1860 годов. Доклады и сообщения филологического института Ленинградского гос. университета, вып. 3, 1951; В. Е. Гусев. Чернышевский о народной поэзии. «Известия отделения языка и литературы АН СССР», т. XIII, 1954, вып. 4; в сокращенном виде эта статья составляет главу книги того же автора: «Русские революционные демократы о народной поэзии», Учпедгиз, 1955 (гл. «Чернышевский о народной поэзии»); В. Е. Гусев. Проблемы этнографии и народной поэзии в русских журналах 50—60-х годов XIX века (по материалам «Современника» и «Отечественных записок»). «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. 1, изд. АН СССР, М., 1956; М. Г. Левин. Н. Г. Чернышевский о расах и расовой проблеме. «Советская этнография», 1949, № 4; М. Г. Левин. Этнографическая и антропологическая тематика в работах Н. Г. Чернышевского. «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. 1, изд. АН СССР, М., 1956. Высказывания Чернышевского по вопросам этнографии содержатся также в статье Г. Виноградова «Этнография в кругу научных интересов Н. Г. Чернышевского». «Советская этнография», сб. статей, III, 1940.

тор данной работы считал целесообразным еще раз вернуться к затронутым ранее проблемам и поставить ряд новых вопросов, не претендуя на их окончательное решение.

Отмечая общность во взглядах революционных демократов, мы не должны забывать своеобразие каждого из них, индивидуальных отличий, проявлявшихся в той или иной сфере научной и общественной деятельности. Чернышевского многое объединяет с Белинским, Герценом, Добролюбовым, Михайловым и Шелгуновым, но многое и отличает от них. Деятельность Чернышевского поражает своей многогранностью. Он был политэкономом, философом, историком, филологом, теоретиком литературы, литературным критиком и беллетристом, этнографом и фольклористом¹.

Отдельные стороны деятельности Чернышевского тесно связаны между собой. Так, Чернышевский-этнограф и Чернышевский-фольклорист неотделимы от Чернышевского-экономиста. Взгляды Чернышевского на фольклор и этнографию следует рассматривать не изолированно, а в связи с его экономическим учением и взглядами на историческую роль и судьбу крестьянства как революционной силы.

Наша задача—показать, как Чернышевский в подцензурной печати использовал этнографические и фольклорные материалы для утверждения революционных понятий о народе. Он признавал за этнографией, если она не отгораживается от современности, от решения крестьянского вопроса, огромные преимущества перед исторической филологией. Передовая этнография освещает дальнейшие пути развития народной жизни, народного экономического быта и духовной культуры.

В понятие фольклористика не укладывается учение революционных демократов о народе и его поэзии. Отсюда наша попытка выйти за рамки принятой в трудах о Чернышевском-фольклористе фразеологии и восстановить в гражданских правах термин народоведение. Народоведение—понятие более широкое, нежели фольклористика и этнография, включающее экономическое учение революционных демократов и их пропагандистскую деятельность среди крестьян, этнография и фольклористика входят в это понятие на равных правах, составляя важнейший раздел демократического народоведения.

В формировании и развитии демократического народоведения выдающуюся роль играл «Современник» Некрасова и Чернышевского. Ратуя за совместное изучение фольклори-

¹ В 60-е годы не существовало самого термина фольклористика. Этот термин был введен в научный обиход значительно позже. Чернышевский и Добролюбов рассматривали народную поэзию в связи с исторической филологией и этнографией. Для них фольклористика не имела самостоятельного значения.

стических и этнографических проблем, революционные демократы на первый план выдвигали проблему современного нравственного и экономического быта народа. Для них этнография и фольклористика были и обществоведением и народоведением, они должны были изучать как прошлое человечества, так и его настоящее и будущее. Методологическую основу демократического народоведения составляло революционное просветительство. В. И. Ленин в статье «От какого наследства мы отказываемся?» называет три черты революционного просветительства:

Первая—вражда «к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области».

Вторая—защита «европейских форм жизни», т. е. защита прогрессивных форм жизни, цивилизации и просвещения.

Третья—«отстаивание интересов народных масс, главным образом, крестьян»¹.

Эти основные черты определяют предмет и метод демократического народоведения.

2

Для того, чтобы создать новое учение о народе, необходимо было разрушить те предвзятые и часто реакционные теории, которые пропагандировались под флагом борьбы за народность и национальную самобытность. Чернышевский был согласен с тем, что народные песни остаются «до сих пор единственною поэзией массы народонаселения». Но для него было ясно и то, что не фольклор, а передовая общественная мысль и литература постепенно становятся показателем национального прогресса. Славянофильское противопоставление фольклора и литературы Чернышевский считал доморощенной схоластикой, просто маниловщиной. Poleмика велась и в плане открытой борьбы и в целях профилактики. Важно было предупредить некоторых рьяных поклонников устной словесности от крайне односторонних взглядов на проблему народности².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. II, стр. 472. Курсив в оригинале.

² К сожалению, в трудах советских фольклористов все еще можно встретить утверждение, что народное творчество в условиях классового общества «иногда оказывается чуть ли не единственным достоверным источником, раскрывающим подлинные воззрения эксплуатируемых масс». Провозглашение фольклора «чуть ли не единственным источником» и безапелляционное объявление культуры господствующих классов антинародной ведут к прямому искажению историко-литературного процесса и к недооценке народного содержания великой русской литературы. На ошибочность столь прямолинейного понимания художественного и идейного значения фольклора указал И. В. Сергиевский в статье «До конца преодолеть схематизм и вульгарный социологизм» («Литературная газета», 1954, 23 ноября). И. В. Сергиевский в качестве примера приводит вступительную статью к сб. «Русское народно-поэтическое творчество. Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа» (М. 1953).

Славянофильская этнография и фольклористика фактически брали на себя миссию знатока и толкователя народного мирозерцания, они претендовали на исключительное положение среди других гуманитарных наук. Славянофилы рассматривали народную поэзию и крестьянский быт как нечто аморфное и замкнутое, стоящее особняком, вне общих процессов человеческой культуры. За романтическим культом фольклора у славянофилов скрывалось обычное доктринерство, стремление обосновать неподвижность крестьянского мировоззрения, патриархальность семейных и общественных отношений. Славянофилы изучали русский народ в отрыве от общенациональных культурных достижений и интересов, от общего хода цивилизации, они противопоставляли фольклор литературе, полагая, что самобытный путь русского народа лежит в допетровской Руси. Фактически славянофилы под самобытностью и народностью подразумевали «православие и основанное на любви и взаимном согласии отношение между властями и подчиненными...»¹.

Критические выступления «Современника» славянофилы пытались выдать за «гонение на народность в деле науки». В «Русской беседе» Ю. Самарин предлагал создать специальную науку с «народным воззрением», которая бы противостояла демократическому народоведению. Что хотел сказать Самарин, какую «меру народности» он предлагал — не трудно было догадаться. Самарин ратовал за славянофильскую науку о народе. Чернышевский тогда же, в 1856 г., откликнулся в «Современнике» на статью Самарина, взяв под сомнение необходимость выделять из всех наук особую науку по вопросам народности. Если говорить о внимании отрасли знания к народной жизни, к народному быту, к народной поэзии, то такое внимание давно существует, оно не является преимуществом какой-то одной науки, одних ученых. «Все это, — пишет Чернышевский, — давным-давно существует и в русской науке, насколько существует русская наука. Огромное большинство наших ученых все силы свои посвящают разработке отечественной истории, этнографии, фауны, флоры и т. д.» (III, 655)². Но Самарин имел в виду не только предмет самой науки, но и ее метод, он был озабочен ее направлением.

Чернышевский предлагал называть вещи своими именами, ибо суть дела состояла не в особом «народном воззрении», а в том, чтобы «развивать свое воззрение сообразно настоящему положению науки». «Надобно вникнуть в это, и мы

¹ М. Антонович. О духе «Времени» и о г. Косице, как наилучшем его выражении. «Современник», 1862, № 4, отд. II, стр. 262.

² Н. Г. Чернышевский. ПСС в 16 тт. Гослитиздат, 1939—1953; в дальнейшем ссылки на сочинения Чернышевского даются по этому изданию, том и страница указываются в тексте.

убедимся,—писал Чернышевский,—что главным основанием различия в ученом воззрении бывает степень общего образования, на которой стоит автор, а не народность его, партия (ученая или политическая), к которой он принадлежит, а не язык, которым он говорит» (III, 656). Если действительно думать об основной цели науки относительно судеб народа, то она состоит в том, чтобы решать «гигантскую задачу распространения просвещения в нашем отечестве» (III, 657). Признав неудачной постановку вопроса о «народном воззрении в науке», неопределенной в своей отвлеченности, неясной в практическом приложении («теория без практики почти неуловима для мысли»), Чернышевский в ответ на статью Самарина «Два слова о народности в науке» предлагает руководствоваться во всякой науке следующими правилами:

«1. Основывать свои суждения о том, что справедливо и что несправедливо, на идеях, выработанных современною наукою, а не на каких-либо субъективных симпатиях, не на мертвой букве какой-либо книги и не на предрассудках, которые сами не выдерживают критики;

2. Ни под каким видом, ни для каких целей не игнорировать и не искажать фактов» (III, 660).

Именно славянофилы держались за «мертвую букву» и изрядно искажали факты. В «Заметках о журналах» Чернышевский указывает на эти недостатки славянофильской теории: «Славянофилам вредит не то, что они славянофилы; есть другие причины предубеждения против них. Придавая слишком большую важность своим отвлеченным понятиям о всеобъемлющем характере русской народности, о так называемой односторонности и несостоятельности западной науки и жизни, они слишком готовы без разбора восхищаться всяким суждением, лишь бы только оно было в пользу народности против европеизма» (IV, 693).

Это не значит, что Чернышевский не замечал противоречий на Западе. В том-то и состояла революционная логика Чернышевского, что он был бесстрашным критиком западно-европейской жизни, прекрасно видевшим те страшные бедствия, которые капитализм несет народу. Западная Европа вовсе не рай, там свои противоречия, в России—свои. Отвечая «Русской беседе» на ее постоянные опасения, что «Современник» переоценивает успехи западноевропейской цивилизации, Чернышевский предупреждал своих противников: «Всякая ложь вредна. Зачем нам оставаться в фантастической уверенности, будто бы Западная Европа—земной рай, когда на самом деле положение народов ее вовсе не таково?» (IV, 724).

Чернышевский осуждал славянофилов за то, что они закрывают глаза на факты современной действительности и видят в допетровской старине исконно народные идеалы. По

славянофильской теории получалось, что реформы Петра I лишили Россию народности и самобытности, что общественное устройство и нравы при баснословном Гостомысле были куда выше. Отсюда следовало, что русское простонародье не нуждается ни в каких новых идеях и преобразованиях.

Чтобы окончательно разрушить славянофильский культ средневековой Руси, якобы не знавшей никаких противоречий, и подтвердить, что петровские реформы были шагом вперед в жизни русского общества, Чернышевский в рецензии на «Собрание писем царя Алексея Михайловича» (М., 1856) ссылается на показания иностранных путешественников и писателей (Вебер, Корб, Флетчер, Герберштейн, Олсари). Иностранным путешественникам не приходится во всем верить, они часто судили о простонародье тенденциозно, в их дневниках встречаются неверные сведения и т. п. Бесспорно и то, что многочисленные иностранцы, находившиеся при дворах русских царей, ничего не сделали для просвещения народа, они были заинтересованы в сохранении невежества: «распространение знаний в русском народе прекратило бы необходимость в иноземцах» (IV, 255). Все это учитывалось Чернышевским. Но было бы неверно вовсе не доверять иностранным путешественникам. В иных случаях они куда более трезво смотрели на жизнь простонародья, нежели славянофильские историографы. Если верить славянофилам, то простой народ в допетровские времена жил вольготно, не зная материальной нужды и лишений. «Рассказы иноземцев,— замечает Чернышевский,—совершенно противоречат поверью, которое полагает, что в старину Русь жила вроде того, как мечтали иногда жить современные нам простолюдины на реке Дарье, у которой берега кисельные, а вода сытовая: не говоря уже о частых голодных годах, и в обыкновенные годы нищета была страшная» (IV, 256). Существовавшие в ту пору семейные обряды и обычаи тоже не идеальны. Чернышевский напоминает о свадебных обрядах: «<...> знаменитый элемент наших свадебных обрядов—плеть, по смыслу народного обычая, вручается мужу не для одной аллегории, а для серьезного употребления» (IV, 250). Отсюда и народная поговорка: «жену люби как душу, трепли как грушу». Напрасно славянофилы превращают средневековую Россию в «золотое царство». Экономическое состояние и патриархальные крестьянские нравы не подтверждают славянофильской исторической концепции. Хотя в рецензии славянофилы прямо не названы, но критика направлена все же в их адрес. В письме к Некрасову от 13 февраля 1857 г. Чернышевский признавался: «В критике о письмах Алексея Михайловича постараюсь (без упоминания о славянофилах, которые надоели и опошлели в один год) сказать о допетровской Руси разные вещи, имеющие отношение к нашему времени» (XIV, 340).

В течение десяти лет со страниц «Современника» не сходил полемика со славянофилами, с их взглядами на «народное воззрение». За несколько месяцев до закрытия «Современника» М. А. Антонович в статье «Суемудрие «Дня», ссылаясь на Чернышевского («Чернышевский несколько лет тому назад доказал в «Современнике», что «День» служит лучшим и неподдельным выражением «народной бестолковости»), еще раз повторил, что «главным пунктом в учении славянофилов была не народность, а именно старина или старинность, древность»¹.

3

Чернышевский не отрицал важности исторического рассмотрения народного быта и фольклора. Он сам был и фольклористом, и этнографом, но без предвзятостей, без односторонних увлечений. Историко-этнографическая тема проходит через многие его ранние рецензии, опубликованные в 1854—1855 гг. в «Отечественных записках». Первые рецензии в «Современнике» посвящены этнографическим проблемам. Важнейшей из них является рецензия 1855 года на III том «Магазина земледения и путешествий» Н. Фролова². С помощью этнографии, добывающей ценнейшие сведения по истории общественного развития человечества, только и можно восстановить прошлое предков. Этнография, по словам Чернышевского, «должна быть главнейшею путеводительницею при восстановлении древнейших периодов развития народов...» (II, 619). Чернышевский владел огромным фактическим материалом и постоянно обращался к древним письменным и фольклорным памятникам. В одной из его ранних рецензий на «Известия имп. Академии наук по отделению русского языка и словесности» содержится указание на необходимость собирания и изучения былины и исторических песен. Обращая внимание на былины и побывальщины, собранные Гуляевым, Чернышевский пересказывает содержание былины «Про Илью Муромца и Ермака Тимофеевича», добавляя при этом: «вот содержание первой и замечательнейшей из былин» (XVI, 437). Чернышевский не то что недооценивает поэтическую «старину», он отрицательно относится к своему современному состоянию исторической филологии.

¹ «Современник», 1865, № 10, отд. II, стр. 202.

² Советские этнографы ставят в пример именно эту рецензию Чернышевского. Говоря о вкладе русских ученых в мировую этнографию, С. А. Токарев пишет о Чернышевском: «Не будучи специалистом-этнографом, он обладал однако поразительно ясным пониманием задач и принципов этнографии. Эту науку он склонен был ставить вообще на первое место среди других наук» (См. «Очерки истории русской этнографии. фольклористики и антропологии». Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 16).

Академическая историческая филология ограничивалась обычно изучением древней русской письменности и фольклора, предавая забвению современные социальные проблемы. Чернышевский отмечает преимущества этнографической науки перед исторической филологией. Этнография сообщает ценнейшие сведения из истории народного быта и проливает свет на современное состояние русской деревни. Чернышевский, всегда придававший огромное значение вопросам общетеоретического характера, здесь—на стороне разумно-эмпирической этнографии, на стороне большого этнографического материала.

«Этнография говорит совершенно то же, что историческая филология. Но есть и огромное различие между этими очень важными в наше время науками. Историческая филология,— пишет Чернышевский,—отгадывает, строит гипотезы, основанные на скудных и часто бледных фактах, потому дает картины не полные, не довольно подробные и живые, иногда не совсем точные. Совершенно не таково положение этнографии: она видит и передает факты народной жизни во всей их жизненной полноте и точности; этнограф видит своими глазами то, что при помощи исследований языка можно только предчувствовать. И верность, и полнота на стороне этнографии» (II, 619).

Но это не значит, что Чернышевский не видел теоретической беспомощности буржуазно-дворянских этнографов в постановке и решении важнейших проблем современной материальной и культурной жизни народа. Этнографы, как и политэкономы старой школы, слишком преувеличивали значение стихийных факторов, в частности географической среды. Чернышевский не отвергал географических условий, но эти условия, по его словам, играли заметную роль только «при начале» жизни народа. Впоследствии, когда человек стал выходить из-под власти природы, «географическое и климатическое влияние страны отодвигается уже на второй план, и характер народных занятий уже начинается в гораздо большей степени зависеть от каких-то других влияний» (IV, 480). Об этих «других влияниях» Чернышевский говорит в замечаниях на «Историю цивилизации в Англии» Бокля¹. Бокль, один из крупнейших представителей географического направления в буржуазной социологии, указывает на четыре фактора: климат, пища, почва и общий характер природы. Чернышевский подчеркивает характер общественных отношений, а также народных обычаев и нравов, которые определяются этими отно-

¹ Замечания Чернышевского на «Историю цивилизации в Англии» Бокля условно датируются 1860—1861 гг. Возможно, что эти замечания относятся и к более позднему периоду, к периоду сибирской каторги и ссылки.

шениями. Приведем некоторые из замечаний Чернышевского на «Историю» Бокля:

Бокль: «Исследуя, какие физические факторы оказывают самое мощное влияние на человеческий род, мы найдем, что их можно распределить на четыре категории: климат, пища, почва и общий вид природы».

Чернышевский: «Не полно, исторические влияния сглаживают их силу».

Бокль: «<...> Климат, пища и почва главным образом влияют на накопление и распределение богатств».

Чернышевский: «Но также и образ жизни, то есть и обычаи, то есть и нравств <енные> понятия».

Несколько далее Чернышевский добавляет: «Но и развитие общественных отношений важно» (XVI, 535, 542, 547).

В статье о Бабсте из всех факторов Чернышевский на первый план выдвигает «гражданское устройство общества». «Ни природа, ни порождаемый ею темперамент народа вовсе недостаточны для объяснения народных занятий и быта, как скоро народ выходит на поприще исторического развития. Чем же объяснить различие национальных качеств и быта в различных европейских народах? Для этого нужно только, не останавливаясь на первоначальном факте их жизни, на отношении их к природе стран, с таким же вниманием наблюдать и влияние других отношений, среди которых проходила и проходит их жизнь. Отношения эти определяются гражданским устройством народов» (IV, 481).

Этнографическое изучение начинается с самых ранних периодов исторического развития; этнография немислима без «исторического способа решать вопросы». Вместе с тем этнограф не должен задерживаться на первых ступенях человеческого общества, оставаться во тьме веков. Этнография следует за историей, с другой стороны, сама история нуждается в этнографической проверке. История и цивилизация каждого народа «должны быть ближайшим образом проверяемы изучением нравов и обычаев народа, сложившихся или видоизменившихся под влиянием этих (общественных—В. Б.) отношений; нравы народа, образ его жизни, житейских понятий и привычек, с одной стороны, с другой—статистические данные представляют лучшее мерило для оценки достоинства и недостатков разных направлений цивилизации» (II, 615—616). Главным же мерилom «должны служить настоятельные жизненные потребности современного положения дел» (II, 617). Этнографические материалы имеют первостепенное значение как для понимания исторической жизни прошлого, так и для понимания современной жизни народа. На основе этнографии можно и должно решать вопросы, идущие далеко вперед. В конечном итоге важно понять, «что именно в извест-

ном обычае или учреждении мы должны считать необходимым для нас, какие стороны его служат выражением действительной потребности, какие отжили свое время и при изменившихся условиях продолжают существовать только по закону косности, господствующему и в общественных отношениях, как в мире физическом» (II, 616).

Для того, чтобы иметь более или менее полное представление о жизненных потребностях народа, необходимо изучение «очень многих элементов». Без знания обычаев и нравов, материальной и духовной культуры народа нельзя понять всей «жизни рода человеческого». «Жизнь рода человеческого, как и жизнь отдельного человека,—пишет Чернышевский в рецензии на сочинения Т. Н. Грановского (1856),—слагается из взаимного проникновения очень многих элементов: кроме внешних эффектных событий, кроме общественных отношений, кроме науки и искусства, не менее важны нравы, обычаи, семейные отношения, наконец, материальный быт: жилища, пища, средства добывания всех тех вещей и условий, которыми поддерживается существование, которыми доставляются житейские радости или скорби» (III, 356).

Из всех этих элементов, взаимно связанных между собой, Чернышевский выделяет материальные условия быта и производственные отношения, составляющие первооснову общественной и духовной жизни народа. Знание экономического устройства обязательно в одинаковой мере и для этнографов, и для фольклористов.

В статье Добролюбова «Народные русские сказки» Афанасьева» (1858) задача этнографического описания значительно уточнена. Добролюбов говорит не просто о жилище, одежде и пище, а о «курных избах и лохмотьях; об этих пустых щах и гнилом хлебе». В центре демократической этнографической науки стоит трудящийся человек с его нуждами и понятиями, с его «житейскими радостями или скорбями», или, говоря словами Добролюбова, составную часть этнографического описания составляет «внутренняя жизнь народа». «И если мы уже хотим, чтоб когда-нибудь распространялись между ними наши понятия,—пишет Добролюбов,—то непременно следует начать с возможно полного знакомства с их понятиями, с их степенью развития»¹. Легче было решить первую задачу, т. е. изображать «внешнюю» сторону крестьянской жизни. О курных избах, пустых щах и лохмотьях писали почти все передовые русские художники и публицисты, наблюдавшие собственными глазами ужасы крепостного права и народные бедствия. В данном случае у Чернышевского и Добролюбова было много предшественников. Значительно сложнее оказалась вторая проблема, т. е. изображе-

¹ «Современник», 1858, № 9, отд. II, стр. 73.

ние «внутренней жизни народа». Только Радищев и его ближайшие последователи, в том числе и некоторые декабристы, сумели разгадать эту «внутреннюю жизнь» и сделать из нее соответствующие выводы. Чернышевский и Добролюбов, не делая ссылок на запрещенное «Патешевствие из Петербурга в Москву», постоянно дают понять, что в России со времени Радищева мало что изменилось. В статье «Леность грубого простонародья» Чернышевский совсем по Радищеву изображает ужасы крепостничества. Эта статья написана в традиционной для передовой литературы манере: русская, национальная действительность выступает в образах рабовладельческого деспотизма. Подобный «маскарад» показателен для Радищева, писателей-радищевцев (Пнин и Попугаев), показателен он для декабристских писателей (Гнедич, Раевский, Глинка), постоянно обращавшихся к теме рабства и истории невольничества негров. Чернышевскому всего легче было бы сослаться на Радищева, на его «Путешествие» и дополнить радищевские описания новыми фактами. Но, не имея возможности это сделать, он приводит подробные выписки из английского журнала «Эдинбургское обозрение». Все, что говорится об ужасах подневольного труда негров, о бичах и насилии в Вест-Индии, в одинаковой мере относилось и к крепостнической России. В «Современнике» приводится рассказ мистера Уитли, побывавшего в плантации Нью-Грунд, на Ямайке:

«Замужнюю женщину, мать нескольких человек детей, однажды утром приташили к дому надзирателя, обвиняя в покраже курицы. Доказательством преступления представили несколько перьев, будто бы найденных в ее хижине. Надзиратель спросил ее, может ли она заплатить за птицу. Она дала ему какой-то ответ, которого я не мог ясно расслышать. Надзиратель повторил свой вопрос и снова получил такого же рода ответ. Тогда он сказал: «Разложите ее». При этих словах женщина наполнила воздух криками ужаса; лицо ее страшно изменилось, губы мертвенно побледнели. Надзиратель с ругательством повторил свое приказание. Женщину тогда растянули на земле, два негра стали держать ее. Платье и рубашка были сорваны с ее спины и, обнажив ее таким грубым образом, ее подвергли ударам бича. Наказание этой несчастной было бесчеловечно жестоко» (VII, 192—193).

Печатая этот отрывок в 1860 г. в «Современнике», Чернышевский тут же замечает, что «возмутительные жестокости вовсе не были явлением исключительным». Подобные же явления можно было наблюдать в русской деревне. У Чернышевского был готов совсем русский комментарий, но в «Современнике» он не появился по цензурным соображениям. Если вторая половина статьи из английского журнала, где речь шла о благотворных последствиях освобождения,

была неприменима к русской жизни, ибо крестьянин все еще находился под крепостническим гнетом, то первая половина статьи, рассказывающая о рабстве негров, по словам Чернышевского, «кажется списанною прямо и буквально с наших обстоятельств» (VII, 217—218).

К русскому простонародью легко применялась основная идея статьи: «напрасно возводят на негров клевету, будто они ленивы и грубы, напротив, огромное большинство негров очень трудолюбивы». «Освобожденные негры,—пишет Чернышевский,—не усердны в работе только для тех землевладельцев, которые не могли отбросить любви к бичу и ругательствам» (VII, 221).

О русской действительности Чернышевский говорит намеками, но эти намеки часто принимают такую прозрачную форму, что читателю не составляет большого труда разгадать революционный смысл зашифрованных описаний и в образах восточного деспотизма увидеть современную Россию.

4

Основная задача демократического народоведения состояла в накоплении и в расширении материала, характеризующего положение многомиллионного трудового крестьянства. В этом направлении была проделана огромная коллективная работа, в которой главенствующую роль играл «Современник», его кадры¹. В. И. Ленин, опираясь на факты, собранные передовыми историками, этнографами и литераторами, писал о пореформенном периоде: «Все пореформенное сорокалетие есть один сплошной процесс этого раскрестьянивания, процесс медленного, мучительного вымирания. Крестьянин был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой; крестьянин бежал из своего надела, когда только было куда бежать, даже откупаясь от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность. Крестьяне голодали хронически и десятками тысяч умирали от голода и эпидемий во время неурожая, которые возвращались все чаще и чаще»². В этой ленинской

¹ «Современник» уже привлекал внимание этнографов и фольклористов. Характеристика статей и материалов по этнографии и фольклору, опубликованных в «Современнике» Некрасова и Чернышевского, содержится в статьях И. М. Колесницкой «Проблемы этнографии и народного творчества в «Современнике» 1850—1860 гг.» («Доклады и сообщения филологического факультета ЛГУ», вып. 3, Л., 1951) и В. Е. Гусева «Проблемы этнографии и народной поэзии в русских журналах 50—60-х гг. XIX в.» («Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. 1. Изд. АН СССР, М., 1956).

² В. И. Ленин. Соч., т. IV, изд. 4, стр. 396.

характеристике содержатся основные элементы социально-этнографического описания дореволюционной деревни, начато Радичевым и продолженного революционными демократами.

Крепостничество — сила антинародная, противоречащая материальным и духовным интересам русского крестьянина. Реформа 1861 года принесла новые беды, бесправие, разорение, нищету. Ясно, что этнографические описания современной народной жизни и рассказы из народного быта не могли быть безмятежными, безобразная действительность требовала резкого разоблачения. Но именно в этой области, в области социальной критики, русская литература и передовая наука накопили огромный опыт и имели немало достижений. Более трудным и сложным предметом познания и изображения оказалась развивающаяся «внутренняя жизнь». Осмыслить и обобщить те процессы, которые происходили в сознании крестьян, можно было лишь с помощью революционной теории, перейдя на позиции самого народа. Революционные демократы пытаются разгадать дальнейшие народные судьбы, найти выход из создавшегося положения. Отсюда позитивный характер демократического народоведения. В силу отсталости самой русской действительности, революционные демократы не могли найти правильный выход, они невольно впадали в утопию, но их утопические проекты строятся с учетом национальных особенностей и в какой-то степени отражают крестьянские представления о «хорошей жизни».

Известно, что Чернышевский огромные надежды возлагал на социалистическое преобразование сельской общины. Если западные социалисты-утописты на первый план выдвигали вопросы нравственного порядка, несколько нивелируя национальные различия, нравы и обычаи, заменяя истинную народность замашками сентиментального демократизма и филантропизма, то Чернышевский мечтает о крестьянском социализме, основанном на коллективном землевладении и революционном преобразовании внутреннего мира самого крестьянина. «Идеалы будущего» проверяются «местными условиями», теория социализма находится в содружестве с народознанием. «Местные условия» — это исторический опыт, народный экономический быт, материальная выгода трудящихся, степень просвещения, народные обычаи и привычки. Со всеми этими «местными условиями» и обстоятельствами нельзя не считаться. «<...> Общий принцип ясен для всех, кто хочет знать его, а технические подробности никогда не определяются предшествующею теориею, они даются практикою, самым исполнением дела и местными условиями» (IV, 741).

Чернышевский осуждает этнографов и экономистов «стальной школы», считавших, что в природе все устроено наилучшим образом. Сторонниками стихийного развития народ-

ных обычаев и нравов в России являлись славянофилы. В статье «Экономическая детальность и законодательство» говорится по поводу основной славянофильской догмы: «Пусть вещи идут естественным порядком. Насиловать природу нельзя». «Слова эти очень громки и милы, а главное, очень успокоительны. Смысл их таков: будьте людьми, которые, по выражению Гоголя, смотрят на мир, ковыряя пальцем в носу» (V, 605).

Разоблачение реакционной сущности теории стихийности и критика обычаев, мешающих умственному и экономическому развитию народа, имеют прямое отношение к спору «Современника» с «Русской беседой» по вопросам русского народного быта и народной поэзии. «Русская беседа» полностью полагалась на стихийный процесс, она всемерно поддерживала пережиточные явления и патриархальные обычаи, выдавая их за национальное наследие, завещанное предками.

В действительности крестьянская этнография—пестра и мозаична. Заслуга «Современника» состоит в том, что он сумел разобраться в этой пестрой этнографической мозаике и отличить в народном быту прогрессивное, демократическое от консервативного, рутинерского. «Современник» резко осуждает отдельные суеверные обычаи и обряды, вроде знахарства и колдовства. Любить свой народ, желать ему лучшего—это значит видеть его недостатки, помогать ему освободиться от патриархальных привычек, привитых крепостничеством. В статье «Суеверие и правила логики» Чернышевский касается именно этих теневых сторон народного быта.

«Нам, людям просвещенным, — пишет Чернышевский, — чрезвычайно смешны кажутся деревенские простяки, верящие в знахарство и заговоры. Пропадет у бабы холст, который разостлала она белить за огородом,—баба отправляется к знахарю, главе всех окрестных мошенников, и знахарь объявляет ей, что холст найдется в таком-то овине или хлеве. Долго бьет мужика неотвязная лихорадка; призывают знахарку,—она поит его вином, к которому примешан мышьяк, сопровождая лечение причитыванием разных заговоров, и лихорадка проходит, если больной не умрет от мышьяка. И баба, нашедшая свой холст, и мужик, выздоровевший от лихорадки, остаются в твердом убеждении, что действие произведено причитываниями и таинственными жестами, с которыми знахарь гадал о потерянной вещи и знахарка давала лекарство. Какое нелепое, тупоумное суеверие!» (V, 686).

Чернышевский обосновывает необходимость критического направления в русской этнографической и фольклористической науке. Для него фольклор — не только поэзия труда и заветных чаяний, но и своеобразная летопись заблуждений и рутинерских понятий. Отсюда и своеобразие фольклорных цитат в его трудах. Из статьи Зеленого «О жестоком обра-

щении крестьян с их женами» Чернышевский приводит поговорки и отрывки из народных песен, характеризующие жестокие нравы «домостроя».

В конечном итоге Чернышевский осуждает не столько «деревенских простяков», сколько ту действительность, которая порождает «тупоумное суеверие» и ставит крестьянина в заколдованный круг предрассудков. Изучать крестьянский быт, крестьянские нравы и понятия—значит изучать вредные влияния крепостничества на экономическую и нравственную жизнь народа. «Крепостное право, — говорит Чернышевский,— было одним из учреждений, ослаблявших народную энергию» (V, 694). В подстрочных примечаниях к «Очеркам политической экономии» Милля Чернышевский подробно останавливается на рутинерских обычаях, которые поддерживаются феодально-крепостническим строем. Кроме экономического угнетения существует еще нравственное угнетение. Это нравственное угнетение во многом зависит от «грубости наших нравов», от «привычки каждого мужчины, отца или брата, потом мужа распорядиться женщиной, как ему кажется лучше». Чернышевский снова напоминает о положении русской женщины: «Обычай действует, как веревка, привязывающая к известному положению, сдерживающая уклонение от него и в хорошую сторону точно также же, как в дурную. Был обычай таскать жену за косу. Этот обычай очень во многих случаях ограждал жену от истязаний еще более тяжелых: иной муж бил бы жену оглоблей или обухом, и не делал этого только потому, что обычай говорил: так бить жену не годится, а следует таскать ее за косу. Но зато разве не было других мужей, которые только потому и таскали жен за косы, что обычай поднимал их руки, и которые без этого обычая вовсе не били бы жен? Точно таково же значение обычая и в экономических делах» (IX, 838).

Характеристику рутинерских народных обычаев Чернышевский ведет в строгом соответствии с революционно-демократической концепцией русского простонародья. Рутинерские обычаи обусловили «пассивные добродетели». Это явления одного и того же порядка. «Исторические обстоятельства развили в нас, — утверждает Чернышевский, — добродетели чисто пассивные, как, например, долготерпение, переносливость к лишениям (обидам) и всяким невзгодам» (V, 695). Для Чернышевского все эти черты: пассивность, долготерпение, непротивление — не являются устойчивыми, постоянными, они возникли под влиянием определенных исторических обстоятельств и должны исчезнуть при более благоприятных условиях народной жизни. Славянофилы все эти патриархальные черты возводили в идеал; для них положительный тип простолюдина — «тихий», «тишайший» религиозно-созерцательный, «с Христом за пазухой». Когда славя-

нофилы обращаются к народной поэзии, то и в ней они выскивают все консервативное, патриархальное, выражающее «пассивные добродетели». Не случайно П. В. Киреевский называл духовные стихи «полевыми цветами». Из богатейшей фольклорной коллекции он поспешил опубликовать именно духовные стихи, распеваемые нищими на папертях. Т. Филиппов на страницах «Русской беседы» называл «грехом все, что происходит в мире не по правилу, предлагаемому стихом из одной русской песни:

Потерпи, сестрица, потерпи, родная!»

По Филиппову, «терпение—прекрасное качество», а «смирение — высокая добродетель».

Обозревая «Русскую беседу» за 1856 г., Чернышевский резко осудил Филиппова за его крепостническое отношение к народной поэзии и преклонение перед рутинерскими привычками. Правда, славянофилы были непрочь хвалить «широкий русский разгул». Но это был тот самый «разгул», которым отличался гоголевский Ноздрев. О таком «разгуле», как показателе «особенного устройства» простонародных обычаев и нравов, Чернышевский писал в статье «О причинах падения Рима»: «драки в харчевнях и битье стекол в трактирах», «битье жен мужьями», «битье сыновей отцами». Подобный «разгул» был показателем не столько для простонародья, задавленного материальной нуждой и нравственно угнетенного, сколько для дворянских и купеческих молодчиков. Вместо славянофильского понятия «разгул» Чернышевский выдвигает понятие «народная энергия».

Рутинерские привычки и «пассивные добродетели» мешают проявлению народной энергии. Сами народные нравы и обычаи есть следствие определенных социальных условий и общественных отношений. Вообще обычай «есть представитель среднего уровня отношений при данном состоянии нравов» (IX, 839). Чтобы поднять этот «средний уровень», необходимо идти не вровень с обычаями, с существующими нравами, а впереди их, всегда имея в виду самый высокий уровень отношений между людьми. Рутинерские обычаи задерживают общественное развитие и отягощают народ. Если понятия и привычки правящих классов не могут быть улучшены, так как в процессе исторического развития они неизбежно опускаются все ниже и ниже, то народная нравственность развивается с ходом самой истории; патриархальные привычки, сковывающие народную энергию, неизбежно отомрут, как только изменятся исторические обстоятельства.

5

Кроме «пассивных добродетелей», в народе есть другая сила, экономическая и нравственная, которой принадлежит великое будущее. Эта сила — «живость в работе». «В сенти-

ментальном отношении эти качества, — говорит Чернышевский о «пассивных добродетелях», — могут быть очень хороши, и нет сомнения, что они очень удобны для людей, пользующихся ими в своей выгоде; но для развития экономической деятельности пассивные добродетели никуда не годятся. Как вы хотите, чтобы оказывал энергию в производстве человек, который приучен не оказывать энергии в защите своей личности от притеснений? Привычка не может быть ограничиваема какими-нибудь частными сферами: она охватывает все стороны жизни. Нельзя выдрессировать человека так, чтобы он умел, например, быть энергичным на ниве и безответным в приказной избе тем, чтобы почесывать себе затылок и переминаться с ноги на ногу. Он будет таким же вахлаком и за сохой. Впрочем, об этом предмете можно было бы наговорить слишком много, если бы в самом деле нуждалась в доказательствах мысль, что энергия в русском человеке подавлена обстоятельствами, сделавшими из него какого-то аскета. Возвратимся лучше к той, более отрадной стороне его жизни, которая показывает, что по природе своей он вовсе не предназначен быть апатичным. Когда пробуждается в нем усердие к делу, он обнаруживает чрезвычайно замечательную неутомимость и живость в работе. Но для этого бывает нужно ему увидеть себя самостоятельным, почувствовать себя освобожденным от стеснений и опеки, которыми он вообще бывает подавлен» (V, 695).

«Вахлак за сохой» — тоже не вымышленный Чернышевским образ, он внутренне полемичен. Если славянофилы желали видеть в русском крестьянине «божьего человека», носителя «пассивной добродетели», то были и такие «проницательные люди», которые обвиняли простонародье в лени, в грубости, в отсутствии деликатности и инициативы. Подобный барский скептицизм показателен прежде всего для космополитствующих либералов. У этнографов и фольклористов этот скептицизм, граничивший с нигилизмом, сказывался в неверии в духовные силы народа, в отрицании народной эстетики, в непонимании элементарных основ народной экономической жизни. В какой-то степени пренебрежение к духовной культуре крестьянства показательно и для «Очерков» Милюкова, а потом и для Варфоломея Зайцева, не верившего в народную энергию. Что касается рядовых представителей дворянского общества, светских бездельников и крепостников, то они о мужике отзывались не иначе как о лапотнике, вахлаке и «серой скотине». Для Чернышевского отвратителен Тертий Филиппов, призывающий русского крестьянина жить в невежестве, безропотно покоряться судьбе, надеяться только на бога. Но по-своему отвратителен и жалок Великосельцев, автор «Заметок о связи между улучшенной жизнью, нравственностью и богатством в крестьянском быту», скор-

блещущий о том, что русские крестьянки не заботятся об артистической красоте, в частности о красоте талии. «Возможно ли читать без смеха, — пишет Чернышевский, — эти предположения, что для улучшения быта поселян нужно затянуть сельских девушек в корсеты, набить им головы романами, выучить их танцевать французскую кадрили, а мужиков приучить к тому, чтобы они целовали ручки у своих дам?» (IV, 694). Учить крестьян светским манерам обращения в крепостнических условиях — пустая и вредная фантазия. Нужно начинать с преобразования экономического быта, с уничтожения крепостного права и наделения крестьян землей. Что касается народной энергии и трудолюбия, то в этом отношении русский крестьянин может служить примером.

В статье «Устройство быта помещичьих крестьян. Материалы для решения крестьянского вопроса». Чернышевский прямо заявляет, что «нет в Европе народа более усердного к работе, потому что нет народа, который был бы в климате более суровом, требующем больше труда для ограждения существования... Наши учреждения таковы, что вольному мужику нужно работать без отдыха круглый год, чтобы хоть как-нибудь свести концы с концами. У кого на руках более многочисленная семья? У какого народа из каждых двух братьев один кормит две семьи, потому что другой взят рекрутчиной? Грех нам и стыдно говорить о недостатке охоты к работе у русского мужика. Мы, просвещенные люди, точно руководимся пословицей «дело не волк — в лес не убежит»; мы точно просиживаем изо дня в день чуть не с обеда, чуть не до утра за картами. Правда, где же и понять таким людям, как мы, русского мужика? Мы напрасно сказали, что грех и стыдно нам считать его ленивым: в нелепой сказке об его лени выразилось только то, что мы понимаем качества других классов сообразно нашей собственной натуре. Другого объяснения нет нашей клевете» (V, 717).

Для крестьянина труд при нормальных условиях жизни является удовольствием. В классических примечаниях к «Очеркам политической экономии» Милля трудовая теория Чернышевского находит свое завершение. Милль в понятие труда вкладывает «все те неприятные или тяжелые ощущения», которые соединены с трудовой деятельностью людей. Чернышевский говорит о приятности самого труда и неприятности тех условий, в которых протекает труд трудящегося человека. Сам по себе труд есть деятельность «приятная», — он составляет «наслаждение для трудящихся». «<...> Почти все неприятные ощущения производятся не самой сущностью труда, а только внешнею, случайною обстановкою его; что почти все роды труда, и в том числе все важные роды его, имеют по своей сущности приятность или привлекательность,

которая далеко превышает их неприятную сторону, если даже есть в их сущности неприятная сторона (существование которой сомнительно), так что при отстранении неблагоприятной случайной и внешней обстановки почти всякий, и в том числе всякий важный в экономическом отношении, труд составляет для трудящегося не неприятность, а удовольствие» (IX, 76)¹.

Вопросы этнографии и фольклористики у Чернышевского всегда связаны с проблемой народного благосостояния, с проблемой материального и нравственного «народного капитала» («богатства»).

Таким образом, в понятие «нравственный капитал» входят «трудолюбие», «честность», «умственная развитость», «предприимчивость работающего сословия». «Народный капитал» включает «весь запас как материальных, так и нравственных богатств» (IV, 474). «Важнейший капитал нации— нравственные качества народа» (IV, 475). «Какое бы определение капитала мы ни взяли, заключает Чернышевский,— все-таки окажется, что кроме материального капитала, существующего в виде зданий, машин и денег или кредитных знаков, существует другой капитал, сливающийся с организмом работника, и что этот капитал, который можно назвать нравственным, гораздо важнее материального. Этот важнейший национальный капитал есть запас нравственных сил и умственной развитости в народе» (IV, 472).

Учение Чернышевского о материальном и нравственном «народном капитале» составляет методологическую основу революционно-демократической этнографии и фольклористики. Этнография имеет дело с материальным и нравственным «капиталом», фольклористика, по преимуществу, только с нравственным. Народная поэзия—один из самых надежных показателей «умственной развитости в народе».

Выступления Чернышевского и его единомышленников в «Современнике» по вопросам народного быта и народной поэзии воспринимались охранителями косных, рутинерских привычек как гонение на национальную самобытность и истинную народность. Реакционная газета «День» (1865, № 4) упрекала «Современник» за то, что он жертвует «строго научными интересами», «чистотой семейного начала» и сводит этнографию к «скандалам» («вся этнография сведена здесь на скандал, и только на скандал»).

«Современник» на самом деле не проходил мимо соци-

¹ В вариантах к «Очеркам политической экономии» Чернышевский разъясняет: «Каждая деятельность, долженствующая по своей природе доставлять наслаждение человеку, может обращаться в неприятность для него, если происходит в неблагоприятных для нее обстоятельствах» (IX, 800).

альных скандалов и открыто признавался, что этнографии не положено впадать в «благонамеренный оптимизм», «квасной патриотизм», «нелепое идеальничанье» и «затхлую благонамеренность». В статье «Как понимать этнографию?» «Современник» отвечал «Дню»: «Этнографическими статьями «Современник» интересуется не со вчерашнего дня и читатели его знают, что статьи с этим характером — в той или другой форме—появляются в нем нередко. В прошлом году он напечатал даже этнографическую статейку об одном Вологодском крае, и в том роде, какой собственно нравится «Дню», т. е. несколько скучноватую и сухую, и уж без малейших признаков какого-нибудь скандала. «Этнографические очерки Кадниковского уезда» показались «Современнику» несколько новыми потому, что они брали малотронутую сторону народного быта, изображали ее без всякого сентиментального прикрашивания, и, вовсе не намереваясь отыскивать в Кадниковском уезде каких-нибудь особенных национальных добродетелей, представляли подробности быта в их настоящей простоте и даже грубости. «Современник» решился печатать очерки потому, что в них оказывались действительные черты народного быта»¹. Иначе говоря, этнография «не должна забывать современных явлений народного быта и их общественного интереса в настоящую минуту»².

6

Революционные демократы не были последовательными материалистами в понимании законов развития общественной жизни. Однако и в этой области они значительно продвинулись вперед по сравнению со своими предшественниками. В статьях Чернышевского рассыпаны многочисленные замечания о так называемых «скачках», с помощью которых только и происходит революционное развитие действительности. Буржуазные социологи и экономисты хотели, чтобы «развитие совершалось бесстрастным образом, по рецепту спокойствия и всесторонности». «К сожалению, — пишет Чернышевский в статье «Чичерин как публицист», — этого никогда не бывало» (V, 650). Без борьбы нельзя одолеть «сильного врага». «До сих пор история, — пишет Чернышевский, — не представляла ни одного примера, когда успех получался бы без борьбы. Но, по мнению г. Чичерина, борьба вредна. До сих пор мы знали, что крайность может быть побеждаема только другою крайностью, что без напряжения сил нельзя одолеть сильного врага; по мнению г. Чичерина, следует избегать напряжения сил: он не знает, что, одержав

¹ «Современник», 1865, № 2, отд. II, стр. 178.

² Там же, стр. 181.

победу, войско всегда бывает утомлено и что если оно боится утомления, то незачем ему выходить в поле» (V, 649).

Чернышевский значительно уточняет свою прежнюю формулу «прогресс—результат знаний». Чтобы не дать возможности либералам-постепеновцам воспользоваться этой просветительской формулой, Чернышевский поясняет, что «все-таки девять десятых частей того, в чем состоит прогресс, совершается во время кратких периодов усиленной работы. История движется медленно, но все-таки почти все свое движение производит скачок за скачком» (V, 649).

В России в шестидесятые годы наступила пора для такой краткой, но «усиленной работы»; Чернышевский призывает готовиться к революции, не покладая рук работать на нее.

Показательна сама фразеология приведенных отрывков статьи о Чичерине: «отбиться от разбойников», «напряжение сил», «одолеть сильного врага», «усиленная работа», «скачок за скачком» и т. п. Это уже не просто общественно-политическая фразеология, а фразеология крестьянского революционера.

Самая сильная сторона учения Чернышевского о народе состоит в обосновании необходимости крестьянской революции в России. Признавая великую силу просвещения, утверждая, что «грамотность и образование в народе постепенно увеличиваются» и, «благодаря этому, народ постепенно привыкает понимать свое человеческое достоинство, распознавать невыгодные для него вещи и учреждения от выгодных и обдумывать свси надобности» (IX, 833), Чернышевский никогда не собирался с помощью одного просвещения и образования решать социальные проблемы. Коренные изменения в экономическом народном быте и в духовной жизни могут произойти только в процессе исторических народных событий. Во Франции таким событием, сражением за социализм, была июньская битва на улицах Парижа; в Англии—апрельская битва хартистов в том же 1848 году. «Обе были проиграны. Но на нашем веку еще будут новые битвы,—с каким успехом, мы увидим, А впрочем, с каким бы успехом ни были даны они, мы должны вперед знать, что проигрыш только возвращает дело к положению, из которого должны возникнуть новые битвы, а выигрыш, — не только первый, который и сам когда-то еще будет, — но и второй, и третий и, может быть, десятый еще не дает окончательного торжества, потому что интересы, охраняющие нынешнюю экономическую организацию, страшно сильны. Разве одним ударом или двумя ударами была разрушена Римская империя?» (IX, 833). В свете революционной теории и «новых битв» Чернышевский рассматривает проблему народа и проблему национального характера.

Придавая первостепенное значение экономическому фак-

тору, революционные демократы постоянно думали о «внутренней жизни» народа, о мировоззрении русского крестьянина, сложной и противоречивой его психологии. В крестьянском мировоззрении были заложены разные тенденции, часто противоположные, исключаящие друг друга. С одной стороны, русский крестьянин был склонен к стихийной революционности, к протесту против власти помещиков и чиновников, к бесстрашной борьбе за настоящую волю. С другой—он был еще слишком подавлен обстоятельствами, своими собственными консервативными привычками, религией и верой в «хорошего царя». Россия крестьянская, Россия народная или молчала, затаив обиды и горечь, или стихийно бунтовала, отвечая на деспотизм помещиков разрозненными крестьянскими восстаниями. Поэтому-то и сама проблема демократического народоведения в пореформенной России включала идеи революционного просветительства. Одна из главных задач демократического народознания состояла в том, чтобы своевременно улавливать передовые стремления русского крестьянина, обобщать опыт крестьянских движений, влиять на текущие события народной жизни, намечать пути перехода от сложившихся форм народного быта к более совершенным, отвечающим революционным требованиям эпохи.

Все, что писал Чернышевский раньше о крестьянском «внутреннем» и «внешнем» быте, о народном материальном и нравственном «капитале», он уже с поправкой на возможную крестьянскую революцию собрал и обобщил в знаменитой статье «Не начало ли перемены?», появившейся в ноябрьской книжке «Современника» за 1861 год.

Чернышевский ценил в рассказах Н. Успенского социальную и этнографическую точность. Для Чернышевского эти рассказы равноценны фольклору. В них всегда есть рассказчик от народа: старуха рассказывает, как попали в солдаты два ее сына; мещанин рассказывает о своей покойной жене Груше; ведут между собой беседы дворовая девушка Анна Герасимовна и конторщик Семен Петрович; в избе и в дороге мужики-извозчики разговаривают о неоконченном расчете с хозяином постоялого двора и т. д. Главная заслуга Н. Успенского, по словам Чернышевского, состояла в том, что он «глубоко заглянул в народную жизнь». Что значит «глубоко заглянул», Чернышевский показал на примере трех рассказов: «Старуха», «Проезжий» и «Обоз». Рассказ «Проезжий» имеет прямое отношение к фольклористике.

Напомним из рассказа «Проезжий» заключительную сцену:

«Парень, придерживая щеку, как это делают вообще запевалы, начинает; все подхватывают. — Песня раздается.

Ночь осенняя,
Молодка моя,
Молоденькая и т. д.

Съезжает со двора тройка. Колокольчик разливается, стчего ямщики приходят в большой экстаз».

Это почти законченная страница из походной тетради фольклориста: запись текста и комментариев собирателя. Получается довольно веселая картина: запевала, песня, тройка, колокольчик и общий экстаз. На самом деле ничего подобного: проезжий господин, требуя поскорее лошадей, разбивает множество носов, подбивает множество глаз, садится пить водку, наконец требует к себе запевалу. Пьяный барин, ямщики с «подвязанными глазами»... и народная песня. Песни поются по принуждению, но все же они поются. От начала до конца драматическая сцена:

«Проезжий. А кто у вас тут запевало? *(Ямщики вытаскивают из своей толпы молодого парня с отдутой щекой)*..

Проезжий. Ты?

Парень *(скромно)*. Я-с.

Проезжий. Вот вам на всех... *(Дает из кошелька монету; ямщики кланяются и говорят благодарность)*. Ну, спойте же песню!... да хорошенько...» (VII, 864—865).

Вместо обычного праздничного обряда мы видим совсем невеселую картину человеческого унижения. Запевала из толпы битых мужиков. Трудно сказать, то ли он придерживает щеку, как это делают все запевалы, то ли кулак барина разбил щеку. Вернее второе.

Николай Успенский показал ямщиков, безвинно прибитых проезжим барином и за рюмку водки поющих для этого же барина народные песни. Картина эта печальна не только потому, что существуют господа, имеющие право бить безвинных мужиков, спаивать их водкой, потом заставлять петь песни ради потехи. Еще печальнее, что ямщики прощают обиду и сами остаются в прежнем положении. В простонародье имеются простофили, носители «пассивных добродетелей», люди бесцветные, безликие. «Рутинна господствует над обыкновенным ходом жизни дюжинных людей и в простом народе, как во всех других сословиях, и в простом народе, — пишет Чернышевский, — рутинна точно так же тупа, пошла, как во всех других сословиях. Заслуга г. Успенского состоит в том, что он отважился без всяких утаек и прикрас изобразить нам рутинные мысли и поступки, чувства и обычаи простолюдинов» (VII, 876).

Все, что говорит Чернышевский о рассказах Н. Успенского, относится в одинаковой мере и к этнографии и к фольклористике, ибо они всего ближе стоят к познанию народного быта. Писать без всяких утаек, не проходя мимо социальных конфликтов, отрицательных явлений народной жизни, не

идеализировать простонародье, а говорить о нем только правду—таково первое и главное требование Чернышевского. обращенное в равной степени и к писателям, и к этнографам, и к фольклористам.

Второе требование состоит в том, чтобы не только изображать эти отрицательные явления, но и правильно их понимать, истолковывать. Познакомившись с рассказом «Проезжий», недальнозоркий человек может воскликнуть: «Какое безнадежное падение народного духа и народной чести!» Иной пойдет в своих выводах еще дальше: «Такой народ совершенно утратил всякое чувство своих прав, всякое сознание человеческого достоинства; он ни к чему не способен, кроме как быть битым от всякого встречного и поперечного» (VII, 865).

Именно такой вывод из наблюдений над рутинными явлениями народного быта обычно делали либералы. Чернышевский считает столь «отчаянные заключения» слишком преждевременными. Наивно думать, что побитые ямщики «в самом деле не чувствуют ни боли, ни озлобления». «Что они, — замечает Чернышевский, — не выражают этого чувства, даже поступают наперекор ему, ровно ничего еще не свидетельствует против силы чувства и против возможности и готовности поступить сообразно ему при первом удобном случае» (VII, 865). Ямщики не связали по рукам проезжего барина, а разбежались по конюшням и спрятались, скрыли свое чувство озлобления, не проявили его явно. И поступили так только потому, что «так заведено», «главная сила тут — «обычай, машинальная привычка». «Так заведено» и есть рутинерство, слепая власть привычки, обычая.

От этого «так заведено» простолюдинам отказаться не совсем просто, ибо обычай и привычки коренятся не в самой природе крестьянина, а в тех социальных условиях, в той исторической обстановке, в которой протекала и протекает жизнь простонародья. Если бы ямщики отказались от «так заведено», не разбежались по конюшням, а схватили бы барина и привели его в суд, то, спрашивается, чем бы закончилась все эта мужицкая история? Ясно, что закончилась бы она очень печально для мужиков. За барином стоит сила могущественная, сковывающая народную инициативу и поддерживающая традиционное «так заведено». Сила эта — русское самодержавие и помещичий строй. «Мы, — заключает Чернышевский, — нашли ближайшую причину той невозможности защитить свои права, которая заставляет дюжинных людей в народе безответно переносить страдания и неприятности, не обнаруживая даже злобы на обидчиков» (VII, 870).

Преодолеть привычку «так заведено» можно при том условии, что сам народ поймет две непереносимые истины:

«Удары эти (удары, которые получили ямщики от проезжего—В. Б.) даются не индивидуальной силой проезжего, а неразумною силою вещей...» (VII, 869).

«От всяких несправедливостей и наглостей страдает масса, а полезны или приятны они только небольшому числу людей» (VII, 370).

Чернышевский «пускается в метафоры». Но метафорические уподобления сравнительно легко расшифровываются: для того, чтобы обиженные и оскорбленные действовали уверенно, необходимо отменить «неразумную силу вещей», изменить существующий социальный строй, сделать крестьянина свободным человеком, дать ему право защищать свои интересы, тогда отпадет и «как заведено».

В понятие «неразумная сила» Чернышевский включает как русское самодержавие, так и те силы, которые его поддерживают. Чернышевский не скрывает, что и в самом народе много еще патриархального, косного, рутинерского. Не случайно в народной среде так часто встречаются простофили. Простофили всего более склонны к «пассивным добродетелям», к непротивлению и терпению. В доказательство он приводит из поэмы «Коробейники» некрасовскую характеристику народного непротивленца. «Если сказано «простофиля», вся его жизнь понятна:

Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?

Холодно, родименький, холодно!

Холодно, странничек, холодно!

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?

Голодно, странничек, голодно,

Голодно, родименький, голодно!

Уж я в третью: мужик! что ты бабу бьешь?

С холоду, странничек, с холоду,

С холоду, родименький, с холоду:

Я в четверту: мужик! что в кабак ты идешь?

С голоду, странничек, с голоду!

С голоду, родименький, с голоду!

Чернышевский лишет по поводу этой рабской философии. «Жалкие ответы, слова нет, но глупые ответы. «Я живу холодно, холодно». — А разве не можешь ты жить тепло? Разве нельзя быть избе теплою? — «Я живу голодно, голодно». — Да разве нельзя тебе жить сытно, разве плоха земля, если ты живешь на черноземе, или мало земли вокруг тебя, если она не чернозем,—чего же ты смотришь?—«Жену я бью, потому что рассержен холодом». — Да разве жена в этом виновата? — «Я в кабак иду с голоду». — Разве тебя накормят в кабаке? Ответы твои понятны только тогда, когда тебя признать простофилю. Не так следует жить и не так следует отвечать, если ты не глуп» (VII, 874).

Но может ли простонародье жить по-другому, не так, как жили отцы и деды, не рутинерскими привычками? На этот вопрос Чернышевский отвечает вполне уверенно. Либералы считали, что русский крестьянин не способен своими силами добиваться гражданской свободы, что только сверху может прийти освобождение. Чернышевский противопоставляет этой либеральной концепции свое понимание русского простонародья, основанное на вере в революционные силы дюжинных и недюжинных людей из народа. Масса русского простонародья действительно темна и пассивна, но это еще «не дает нам права,—говорит Чернышевский, — отрицать в ней способность проникнуться склонностью к какому-нибудь другому порядку жизни, хотя бы он и не был хорошенько известен ей, и даже энергически устремиться к приобретению этого лучшего неизвестного ей состояния» (VII, 886—887). В жизни рутинных, дюжинных людей, лишенных инициативы, приходят «минуты совершенно другого оттенка, минуты энергических усилий, отважных решений». (VII, 877). Чернышевский неоднократно обращается к мысли о дюжинных людях, которые составляют огромную массу простонародья. И эта масса инертна до поры, до времени. Приходит в жизни простонародья такая историческая минута, когда самые дюжинные люди выпрямляются и проявляют чудеса храбрости. Чернышевский вынужден снова «пускаться в метафоры». «Мы остановились на том, что в жизни каждого дюжинного человека бывают минуты, когда нельзя его узнать, так он изменяется или порывом благородного чувства, или мимолетным влиянием чрезвычайных обстоятельств, или просто, наконец, тем, что не может же навек хватить ему силы холодно держаться в неприятном положении. Это все равно, что смиренная лошадь (если позволите такое сравнение). Ездит, ездит лошадь смиренно и благоразумно—и вдруг встанет на дыбы или заржет и понесет; отчего это с ней приключилось, кто ее разберет: быть может, укусил ее овод, быть может, она испугалась чего-нибудь, быть может, кучер как-нибудь неловко передернул вожжами» (VII, 881), 1812 год—пример «великих результатов, совершаемых народным одушевлением» (VII, 882). В годы войны с Наполеоном «весь русский народ одушевился необыкновенным патриотическим энтузиазмом».

Исторический опыт свидетельствует, что не только недюжинные люди, но и дюжинные, они же простофили, способны совершать героические дела и добиваться блестящих результатов. Русский крестьянин при благоприятных условиях может «энергически устремиться к приобретению» своих гражданских прав, «другого порядка жизни». При первом «удобном случае» патриархальный крестьянин из апатичного превратится в энергичного, вооружится против насилия и деспотизма. Отсюда и вторая сторона проблемы: в народном

характере заложены все возможности превращения дюжинных людей в недюжинных. Нельзя «подводить всех мужиков под один тип». Среди простонародья есть свои дюжинные и недюжинные люди. Первые «плывут куда ветер дунет», вторые — сознательные борцы за интересы трудового народа. Инициатива исходит не от простофиля, но при надлежащем направлении и руководстве дюжинные люди способны сыграть свою историческую миссию в народном освободительном движении.

Недюжинные люди из простонародья — это «люди энергического ума и характера, способные обдумывать данное положение, понимать данное сочетание обстоятельств, сознавать свои потребности, соображать способы к их удовлетворению при данных обстоятельствах и действовать самостоятельно» (VII, 387). Таких недюжинных людей в массе простонародья не так много, они столь же редки, как Рахметовы, в гуще рядовых представителей молодого поколения. Но они все же имеются, и по ним можно судить, на что способен народ, к чему он стремится. «Кто сблизился с ним, наверное встречал между ними людей, поражавших его силою ума и характера» (VII, 887). Эти люди еще не оказывают должного влияния на умственную жизнь простонародья, но им принадлежит будущее, они проявят свою энергию, свой талант, свое влияние на массы, когда приблизится час социального возмездия. «Не забудем, — предупреждает Чернышевский, — о каких людях мы теперь говорим, о людях умных и сильного характера» (VII, 888). «Способность к инициативе» и «твёрдость характера» — отличительные черты этих людей. Примером может служить Вильгельм Телль, который в нужную минуту «бог знает откуда появляется».

Всего вернее суждение Чернышевского передают народные пословицы, которые тут же, в статье «Не начало ли перемены?», приводятся: «Был бы хлеб, а зубы будут»; «Свято место не живет пусто». Это значит, что люди с «твёрдым характером» покажут себя с наилучшей стороны в самом ближайшем будущем: была бы соответствующая ситуация. Такие люди уже имеются в народе. В статье Чернышевского не назван недюжинный крестьянин Антон Петров. Но о нем писал в августовской книжке «Современника» за 1861 год И. А. Пиотровский: «Крестьяне поднимаются... Они поднялись по зову Антона Петрова»¹. «Современник» довольно ясно намекает, что пришла пора активного сотрудничества с народом. В годы революционной ситуации демократическое народоуправление идет на прямой союз с «требованиями времени»: способствовать пробуждению крестьянской революционности и идти впереди крестьянских стихийных движений.

¹ «Современник», 1861, № 8, отд. II, стр. 246.

В. М. СЕЛЕЗНЕВ

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ ОБ ОСТРОВСКОМ

(К истории литературной борьбы 50-х годов)

«В правде сила таланта; ошибочное направление губит самый сильный талант. Ложные по основной мысли произведения бывают слабы даже и в чисто художественном отношении»¹. Эти заключительные формулировки рецензии Чернышевского на комедию Островского «Бедность не порок» давно стали хрестоматийными и взяты на вооружение критиками и литературоведами.

Едва ли не в каждом исследовании о Чернышевском или Островском благожелательно упоминается рецензия (ее вернее было бы называть статьей о раннем творчестве драматурга), которая помогла Островскому в пересмотре своих идейно-художественных позиций. Однако в специальной литературе не выяснены ни место статьи в литературно-журнальной борьбе 50-х годов, ни ее значение для оценки молодого Островского. Б. И. Бурсов в монографии о Чернышевском-критике ставил своей задачей только «показать *мастерство* Чернышевского в борьбе за выдающегося писателя»², и поэтому он не рассматривал вопроса о верности идейно-эстетических оценок статьи.

Для историко-литературного понимания статьи Чернышевского необходимо познакомиться с полемикой, которую писатели круга «Современника» в 1851—1855 гг. вели с критиками «молодой редакции» «Москвитянина» по поводу творчества Островского и его эпигонов. Поскольку материалы полемики мало учтены в научной литературе, нам придется их подробно цитировать.

¹ «Современник», 1854, № 5, отд. IV, стр. 24. В дальнейшем все ссылки на статьи и рецензии «Современника» даются в самом тексте: первая арабская цифра обозначает год, вторая арабская — номер журнала, римская — отдел, третья арабская — страницу.

² Б. И. Бурсов. Мастерство Чернышевского-критика, Л., 1959, стр. 13. Курсив Бурсова.

Ранние пьесы Островского, как установлено в нашей литературной науке¹, создавались под определенным влиянием эстетических принципов «натуральной школы». Даже в таких пьесах, как «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок» и «Не так живи, как хочется», несомненны демократические устремления драматурга, его симпатии к народным низам, к униженным и оскорбленным. Но после восторженно принятой передовыми кругами и запрещенной к постановке самим Николаем I комедии «Свои люди—сочтемся» Островский осмысляет трагическую российскую действительность, исходя уже из иных социально-эстетических взглядов.

На главный вопрос эпохи—«кто виноват?» в сложившемся порядке вещей — писатели левого крыла отвечали, что «зло скрывается не в человеке, но в обществе»². Этот генеральный тезис русского реализма XIX века, впервые выдвинутый и теоретически обоснованный Белинским, требует от литературы постановки кардинальных социально-политических проблем, обличения «слабостей и пороков — не случайных, не принадлежащих исключительно какому-нибудь отдельному лицу—Петру, Ивану, Сидору, а слабостей и пороков общественных в известную, данную минуту <...>» (1855, 10, IV, 40).

А критики «молодой редакции» «Москвитянина» основное зло русской жизни усматривали в отрицательных сторонах «натуры человека», а не в общественно-бытовых обстоятельствах. Перед литературой ставятся «нравственно-обличительные», «нравственно-сатирические» цели: следует обличать дурные поступки людей, а не самодержавно-крепостнический режим. Все пороки российской действительности якобы можно будет ликвидировать при помощи извечного «национального духа», который в своем «первообразном» состоянии сохранился в народе (под последним подразумевается главным образом купечество). Выдвигается на первый план проблема этического самоусовершенствования человеческой личности, моральной «вины, ответственности, <...> суда над собою»³. Проповедуется националистическая идея исключительности и избранности русского народа.

Сдвиг в мировоззрении Островского, объясняемый во многом наступлением политической реакции в период «мрачного

¹ А. П. Скафтымов. Белинский и драматургия Островского («Статьи о русской литературе», Саратов, 1958); Л. М. Лотман. А. Н. Островский и русская драматургия его времени. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961.

² В. Г. Белинский. ПСС, Изд. АН СССР, т. 8, М., 1955, стр. 466.

³ А. А. Григорьев. Материалы для биографии. Под ред. В. Княжнина. Пг., 1917, стр. 115.

семилетия», заметен уже в небольших пьесах «Утро молодого человека» и «Неожиданный случай» (1850). Редакция «Современника» решила начать журнальную атаку против драматурга, который, по убеждению демократических писателей, изменил своей знаменитой комедии, становился «представителем ретроградных направлений, прикрывающихся именем «народа»¹.

Полемика открылась в мае 1851 года критической статьей об «учено-литературном альманахе» «Комета», в котором были опубликованы «Неожиданный случай» и отрывок из «Бедной невесты». Сразу же отметим резко враждебный тон статьи по адресу Островского. В пылу литературной борьбы талант драматурга квалифицируется как «нетворческий», «второстепенный» (1851, 5, III, 19). По мнению критика, комедия «Свои люди сочтемся» не определяет творческих возможностей драматурга, ибо «должно судить автора не по первому его произведению, а по второму»². Автор статьи, отметив «ничтожность» и «избитость» новых героев драматурга, спрашивает: «как же г. Островский <...> задумал сделать их интересными без *внешней* помощи жизни?» Произведениям противопоставляется творчество Гоголя, который «постоянно обрисовывал их (персонажей — В. С.) разными побочными столкновениями с жизнью общественной. Чтобы охарактеризовать ничтожное лицо, не нужно копаться в его ничтожной умственной и нравственной деятельности, а должно рисовать его теми штрихами, которыми он прикасается к миру действительному» (там же, 17), т. е. персонажи должны быть объяснены социально-исторически, нужно раскрыть общественный смысл их бытия.

В конце статьи также отражено характерное для литературной позиции «Современника» требование постановки коренных общественных проблем: «<...> если г. Островский будет продолжать свои наблюдения только над психологическим состоянием лиц, подобных Розовому или Дружнину, а не над *обществом*, в котором мы живем, его сцены всегда будут одинаково бесцветны, потому что сам материал его наблюдений бесцветен» (1851, 5, III, 20. Курсив критика «Современника»).

В «Заметках Нового Пюэта о русской журналистике», ежемесячном обозрении журналов, которое в фельетонной форме с пятого номера «Современника» начал вести И. И. Панаев, находим ряд выпадов против «молодой редакции» и, в частности, против Островского. Панаев продолжает атаку

¹ П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., 1960, стр. 495.

² Читая критические отклики 50-х годов на творчество Островского, надо помнить, что его первым произведением критики считают «Своих людей», а год опубликования комедии (1850)—началом литературного пути Островского.

против драматурга в шестом и седьмом номерах журнала. В остроумной пародии на «Неожиданный случай» — «драматическом и психологическом этюде» «Растегаи» — он высмеивает незначительность тематики, низкий художественный уровень новых произведений Островского. В десятом номере Панаев выступает против критиков «Москвитянина», шумно провозглашавших Островского пророком литературных и жизненных истин: «Перестаньте возводить простых, хотя и талантливых смертных в художники, в гении, перестаньте играть серьезными словами, не опошляйте этих слов <...>» (1851, 10, VI, 6). Нельзя прилагать термин «художественность» «к таким произведениям, которые только что выходят из уровня посредственности». И, наконец, в последнем номере журнала за 1851 год Новый Поэт с сожалением констатирует, что «автор одной известной комедии» не оправдал возлагавшихся на него «ожиданий и надежд» (1851, 12, VI, 145. Курсив Панаева).

Редакция «Современника» в «Угре молодого человека» и в «Неожиданном случае» увидела неверные тенденции творчества Островского, нашедшие затем свое логическое завершение в пьесах «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок» и «Не так живи, как хочется». С 1851 года драматургия Островского оказывается в центре литературной борьбы, и отношением к его произведениям определяется принадлежность критика к тому или иному лагерю¹

На опубликованную в «Москвитянине» пьесу «Бедная невеста» редакция откликнулась тургеневской статьей «Несколько слов о новой комедии г. Островского «Бедная невеста». Признавая Островского «замечательным и даровитым» писателем, Тургенев пишет, что «необходимо» ему отказаться от ложной манеры, которую он себе как бы придал и которой не было заметно в «Своих людях» (1852, 3, III, I). «Эта ложная манера состоит в подробном до крайности и утомительном воспроизведении всех частности и мелочей каждого отдельного характера, в каком-то ложно-тонком психологическом анализе, который обыкновенно разрешается тем, что каждое лицо беспрерывно повторяет одни и те же слова, в которых, по мнению автора, и выражается его особенность». «Недостатки» комедии, по формулировке Тургенева, «происходят частью от бессилия, частью от ложного направления, данного силе». Концовка статьи далеко не оптимистична: «Да осуществятся в нем наши надежды! Они не слишком радостны, не слишком сильны» (1852, 3, III, 9).

¹ Ср.: «Затем (после опубликования «Своих людей» — В. С.) каждое новое произведение Островского возбуждало в журналистике некоторое волнение, и вскоре по поводу их образовались даже две литературные партии, радикально противоположные одна другой.» (Н. А. Добролюбов, ПСС, т. II, Л., 1935, стр. 36).

Отношение к Островскому среди писателей круга «Современника» было в те годы столь неодобрительным, что тургеневская статья показалась им излишне комплиментарной и половинчатой. Этим объясняются упреки Боткина в письме к Тургеневу за «сладковатый тон статьи»¹. Несогласие редакции с некоторыми утверждениями Тургенева нашло отражение и на страницах журнала. Спустя год Панаев писал: «Вообще в статье этой, хотя и написанной одним из талантливейших представителей современной литературы, есть что-то неопределенное и недосказанное. Автор ее усиливался придать произведению г. Островского большее достоинство, чем оно имеет, и как бы сам в то же время чувствовал это» (1853, 4, VI, 263)².

Дополнительно проясняют идейный смысл этого эпизода воспоминания П. В. Анненкова: «Один из редакторов самого «Современника» Панаев, еще говорил по поводу направления, принятого Тургеневым (в статье о «Бедной невесте»—В.С.): «Надо сдерживать Ивана Сергеевича, а то его московским прославлениям не будет меры и конца», да он же, Панаев, принял на себя после устранившегося Дружинина (1851) и редакцию журнального фельетона, сняв с него эклектический характер, сообщенный ему прежним составителем»³. Важно отметить, во-первых, что П. В. Анненков, бывший в те годы членом «Современниковского» кружка, называет Панаева зачинателем полемики с «молодой редакцией», во-вторых, что отстранение А. В. Дружинина от составления журнального обозрения, которое тот вел в форме «Писем иногороднего подписчика», мемуарист связывает с разногласиями в «Современнике» по вопросу о «молодой редакции» вообще и об Островском в частности⁴.

¹ В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Незданная переписка. 1851—1869. М.—Л., 1930, стр. 28.

² Известное расхождение между позицией «Современника» и точкой зрения И. Т. (этими инициалами была подписана статья) увидел и критик «Москвитянина». («Москвитянин», 1852, № 8, отд. V, стр. 141, 142).

³ П. В. Анненков, Литературные воспоминания. М., 1960, стр. 495.

⁴ Еще в первом номере журнала за 1851 год Панаев в письме Нового Поэта «Странный сон» критически отзывался об обзорах Дружинина: «Этот подписчик шутит и иногда даже очень легко о предметах очень серьезных. Он человек милый и образованный <...>, но он помешан на парадоксах и блестях. Он немножко *fat...*» (1851, 1, VI, 80. Курсив Панаева). В первом своем журнальном обозрении Панаев возражает против отождествления «бесцеремонности и фамильярности» иногороднего подписчика, которого он называет лишь «гостем» в журнале, с точкой зрения «Современника» (1851, 5, VI, 47—48). В том же году А. В. Дружинин начинает печатать свои фельетоны под тем же псевдонимом в «Библиотеке для чтения». После этого он выступает в «Современнике» только эпизодически, главным образом, со статьями об английской литературе. Вопреки этим очевидным фактам, в научной литературе Дружинина часто объявляют главным критиком «Современника» периода «мрачного семилетия» (В. Е. Евгеньев-Максимов. «Современник» в 40—50 гг., Л., 1934, стр. 298—305).

Как мы знаем, Панаев уже в первом своем фельетонном обозрении выступил против ошибочных тенденций в творчестве талантливого драматурга. Теперь Новый Поэт усиливает впечатление от тургеневской статьи выпадом против «Бедной невесты» в следующем же номере журнала (1852, 4, VI, 282). А в фельетоне «Канун нового года. Кошмар в стихах и прозе Нового Поэта» пародируются панегирики А. Григорьева по адресу комедии: «За моментом разложения в литературе, которое необходимо было потому, что к основным простым веществам примешалось много чуждого, внешнего, наносного, наступает момент крепкого, органического срастания, обусловленного, конечно, ясным сознанием простых начал. Этот момент срастания олицетворяет собою «Бедная невеста» — высокохудожественное, истинно-конкретное создание!.. Преклонитесь же вы все перед нею <...>, подобно тому, как преклоняемся перед нею мы!..» (1853, I, VI, 121). Постановка «Бедной невесты» в Александринском театре стала поводом для новых иронических замечаний о комедии: «Как много ума и как мало таланта! Как много терпения и как мало вдохновения!» (1853, II, VI, 103).

В одном из фельетонов 1853 года Панаев явно метил в Островского, рассказывая историю одного молодого человека, который написал «очень забавную повесть, поэму, драму или *комедию*—я не помню» (1853, 9.VI, 52. Курсив мой—В. С.). Молодой человек начал литературную деятельность в 1850 году, т. е. когда была опубликована комедия «Свои люди», которая ввела Островского в большую литературу. Первое произведение писателя было встречено «неумеренными похвалами» (ср. упоминание Панаева о «преувеличенных надеждах», которые возбудил драматург после «Своих людей»—1853, 4, VI, 262). Но затем молодой человек создает «скороспелые произведения, не имеющие никакой основы, не проникнутые никакой мыслью» (1853, 9, VI, 53). Панаев еще в 1851 году упрекал Островского за слишком поспешное писание пьес: «<...> если я не напишу в продолжении дня художественного произведения—мне и день не в день, а ночью—нет музыки и в пении соловья» (1851, 6, VI, 141). В новых произведениях молодого человека «нет жизни, нет души, они вялы и холодны, они не свободно вылились из фантазии» (1853, 9, VI, 53). Это почти текстуально совпадает с мнением Боткина о «Бедной невесте»: «<...> на всей комедии лежит какой-то холодный и сухой колорит и несмотря на дагерротипную меткость и верность языка, постоянно чувствуется бедность фантазии. Для меня это произведение большого почтенного труда, а не творчества»¹. Новый Поэт признает га-

¹ В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка, стр. 22.

лантливость молодого автора («Это дарование, еще в зародыше, для того, чтобы подняться и укрепиться, нуждалось в хорошей почве и рачительном уходе. Только наука, труд, уважение и любовь к искусству могли развить это дарование»), хотя сомневается, сможет ли тот преодолеть творческий кризис и найти дорогу к подлинному искусству: «Я думал: «Да уж полно, теперь не поздно ли?» (1853, 9, VI, 54). Это замечание написано в одной тональности с уже цитированной концовкой тургеневской статьи: «Да осуществляются в нем наши надежды! Они не слишком радостны, не слишком сильны».

Важно подчеркнуть, что эти критические отзывы выражали не только личное мнение Панаева, но и коллективное мнение всех объединившихся в «Современнике» литераторов, мнение передовой интеллигенции, воспитанной на идеях Белинского и Гоголя¹.

Однако суждениям Панаева об Островском (как и вообще его писаниям) не хватало теоретической глубины, серьезного критического анализа, без чего, понятно, нельзя было выиграть затянувшуюся литературную битву с «молодой редакцией». Панаеву, которого лишь крайне тяжелое положение в «Современнике» (смерть Белинского, эмиграция Герцена, идеологические разногласия с Дружининым) вынудило стать главным критиком журнала, трудно было выполнять эту сложнейшую миссию.

Это стало особенно ясным после опубликования комедии «Не в свои сани не садись», в которой уже со всей определенностью выявились новые взгляды Островского. Панаев в очередном обозрении русской журналистики, упрекая Тургенева за преувеличение значения «Бедной невесты», сам в общем одобрительно, хотя и сдержанно, отзывається о новой пьесе. Почти не упомянув об идейных заблуждениях драматурга, критик пришел к выводу, что «впечатление, производимое комедией г. Островского, совершенно нравственное». (1853, 4, VI, 267). Возможно, что умеренно-сочувственные от-

¹ Пародия авторов Козьмы Пруткова — «естественно-разговорное представление» «Опрометчивый турка, или приятно ли быть внуком?» — была направлена против Островского и против А. Григорьева, объявившего его творцом «нового слова». «Отечественные записки» и «Санкт-Петербургские ведомости» порицают драматурга за отказ от направления «Своих людей». Основоположник реализма в русском театральном искусстве М. С. Щепкин не признавал произведений Островского. По мнению Герцена, комедия «Не в свои сани не садись» «безмерно плоха». Хлесткие сатиры и эпиграммы посвящает Островскому и А. Григорьеву Н. Ф. Щербина. А. В. Сухово-Кобылин иронически отзывається о драматурге на страницах своего дневника. Интересно, что ссыльный декабрист И. Д. Якушкин, назвавший комедию «Свои люди» «блестящей звездой», с тревогой пишет об Островском уже после прочтения «Утра молодого человека» (Декабристы. Летописи Государственного литературного музея, кн. 3. М., 1938, стр. 432).

звывы Нового Поэта объясняются тем, что в пьесе разоблачался дворянский класс (Вихорев). Однако одобрение комедии в какой-то степени лишало позицию журнала необходимой последовательности. Теперь участники «молодой редакции» могли расценить непрекращающиеся упреки по адресу Островского как фельетонное зубоскальство.

После опубликования комедии «Бедность не порок» уже невозможно было ограничиться более или менее остроумными репликами, ибо передовая интеллигенция ждала аргументированного идейного и эстетического анализа творчества драматурга. Редакция «Современника» поручает ответственнейшее выступление против консервативно-моралистической драматургии молодому критику, будущему вождю русского революционного движения Чернышевскому. Программный смысл рецензии на «Бедность не порок» объяснил сам Чернышевский в статье «Об искренности в критике»: «Фальшивая идея» пьесы «явилась твердым, постоянным принципом автора, была шумно провозглашена за животворную истину, была замечена всеми и, если не ошибаемся, произвела очень сильное неудовольствие во всей здравомыслящей части общества. «Современник» почувствовал обязанность обратить внимание на эту идею и дать, по мере возможности, выражение общему чувству» (1854, 7, III, 12). «По мере возможности»—явный намек на цензуру, которая в 1854 году особенно усердно выискивала подозрительные материалы в «Современнике». Об этом нельзя забывать, читая статью.

Молодой критик блестяще выполнил сложную задачу. Его статья отличается от обзоров Панаева ясностью мысли, четкостью идейно-художественных критериев, строгостью оценок без фельетонной легковесности, в известной мере присущей высказываниям Нового Поэта.

Чернышевский впервые точно формулирует суть позиции Островского в последних пьесах—отказ от обличительного пафоса «Своих людей», фальшивая идеализация патриархально-купеческого быта. Критику важно не только констатировать, сам по себе факт «прискорбного различия между первою комедиею г. Островского и его последними произведениями», но и найти причины его творческого кризиса. Высоко оценивая комедию «Свои люди», Чернышевский утверждает, что затем Островский стал подражать самому себе, развивать «до крайности все слабые стороны «Своих людей» в художественном отношении», копировать «в громадных размерах <...> недостатки» пьесы. Чернышевский подразумевал, что обличительные тенденции «Своих людей» локализованы купеческой средой, изображаемые явления не были соотносены с социально-политическим строем. Иными словами, как спустя несколько лет без обиняков скажет Добролюбов, про-

изведения Островского не имели «политического значения»¹.

Говоря в этом плане о «Бедной невесте», Чернышевский демонстрирует один из основных принципов раннего Островского: изображение замкнутых бытовых сфер, связанное с отказом от политической проблематики: «Идея в ней была, если хотите; а если хотите, то можете сказать, что и не было, потому что идея эта была вовсе не новая. <...> Мало того, что идея не имела достоинства новизны: она принадлежала слишком тесному кругу частной жизни». (1854, 5, IV, 17). Именно отказ Островского от решения главных социально-политических вопросов времени привел его к идеализации патриархальной старины. Настоящая человечность, как он думает, сохранилась только в купеческом быту, где пока нет разлагающего влияния дурной цивилизации. Человек может быть счастлив лишь при условии, если он живет по незыблемым патриархально-этическим законам, смысл которых в абсолютном подчинении младших старшим, детей родителям в любых ситуациях.

Революционный просветитель, надеявшийся на пробуждение народных масс к решительной борьбе с самодержавно-крепостническим деспотизмом, не мог не осудить консервативную позицию Островского, идеалы которого не впереди, а позади. Для Чернышевского неприемлема поэтизация в пьесе «Не в свои сани не садись» «представителя (мнимо) русских по преимуществу понятий» Русакова и «представителя верности старинным обычаям» Бородинкина. «В этой комедии ясно и резко было сказано: *полуобразованность хуже невежества*, но не прибавлено, что лучше и той и другого: *истинная образованность*» (1854, 5, IV, 17. Курсив Чернышевского). С показной цивилизацией надо бороться не путем отрицания цивилизации вообще, прославляя древний жизненный уклад, патриархальщину, а с позиций подлинной культуры, истинного просвещения.

С бескомпромиссной беспощадностью Чернышевский характеризует пьесу «Бедность не порок»: «Мы не можем найти эпитета, который бы достаточно выражал всю фальшивость и слабость новой комедии; не можем найти потому, что воспоминание о «Своих людях» не позволяет нам прибегнуть к эпитетам, которыми характеризуются произведения кичливой бездарности». По мнению критика, идейно-художественная неудача постигла Островского, так как «он пишет апотеозу старинного быта, каким представляется ему современный быт некоторой части купеческого общества; поэтому он старается выставить на вид все поэтические черты его; для этой цели он вставил в свою небольшую пьесу 16 или 17 песен (не считая того, что Разлюляев несколько раз

¹ Н. А. Добролюбов. ПСС, т. II, Л., стр. 45.

поет «Ах, как гусара не любить», и несколько же раз поется «Одна гора высока»), выставил на сцене целый святочный вечер с переодеваниями, загадками, гаданиями и т. д., заставил действующих лиц раз десять плясать и т. д., и т. д.» (1854, 5, IV, 22—23).

Для Островского народно-поэтический стиль был, разумеется, идеологически оправдан, мотивирован. Драматург тогда полагал, что национальный дух получил законченное эстетическое воплощение лишь в фольклоре, а литература, мол, оторвана от народа и не имеет права выступать от его имени. Положительные персонажи говорят на условно-фольклорном языке, ибо они выражают единое общенародное сознание. Чернышевский называет пьесу «сборником народных песен и обычаев», иронизирует над языком героев: «Митя остается наедине с Любовью Гордеевною и объясняется ей в любви—каким бы вы думали способом? Читая ей «собственно для нее сочиненные стихи» о том, что

Понапрасну свое сердце парень губит,

Что неровнюшку девицу парень любит.

Нам казалось бы еще правдоподобнее объяснение полуграмотного русского парня с безграмотной девушкой, если бы они принялись (по примеру Шатобриана, см. его «Замогильные записки») читать Ариосто, и на каком-нибудь патетическом месте их уста слились бы в поцелуй». (1854, 5, IV, 20).

Ирония Чернышевского, конечно, объясняется не его отрицательным отношением к фольклору или тем более к народу, а тем, что Островский не отличал в ту пору рассудок народа от его предрассудка, не замечал темных сторон народной жизни, порожденных многовековым крепостническим гнетом и наложивших определенный отпечаток на фольклорное творчество. Подобные «коленипреклонения перед народною мудростью и перед народною правдою»¹, как говорил Писарев, объективно вели к воспеванию невежества, бескультурья, религиозности, смирения, забитости народных масс. Революционные демократы, вся деятельность которых была подчинена подготовке крестьянской революции, считали, что народ может стать вершителем собственной судьбы, только преодолев, свои патриархальные предрассудки и иллюзии. Потому-то в статье Чернышевского столько сарказма по поводу пассивности и тупой покорности персонажей пьесы. Митю, который «имеет терпение, непостижимое ни для кого, кроме героев г. Островского <...>», критик даже сравнивает с юродивым. Чернышевский едко вышучивает вечно пьяного Любима Торцова, который выведен в комедии как глашатай жизненных истин, как критерий этической правды: «Если

¹ Д. И. Писарев. Соч. в 4 томах, т. II, М., 1955, стр. 366.

подражать Любиму Торцову советуют в том, чтобы не заниматься коммерцией, которой никто не одобряет (воровством—*В.С.*), то нет сомнения, что он полезный, хотя несколько обидный, образец для читателей. Ну, а если некоторые читатели подумают, что им предлагают идти к нравственной высоте путем Любима Торцова, т. е. пропившись, сделаться скоморохами и выкидывать артикулы по улицам? Воля ваша, они могут обидеться еще сильнее» (1854, 5, IV, 21). Ср. отзыв Щепкина о пьесе: «Бедность — не порок, да и пьянство — не добродетель»¹.

Идейно-художественная концепция Островского была для Чернышевского консервативной не только в эстетическом, но и в политическом смысле, хотя об этом прямо писать в 1854 году по цензурным условиям Чернышевский не мог: «Мы должны были бы сказать еще очень многое по поводу «Бедность не порок», но наша статья и без того слишком длинна. Оставим до другого случая то, что еще остается нам высказать о ложной идеализации устарелых форм». Статья была направлена не только против Островского, но и против его подражателей А. Потехина и А. Красовского, которые копировали «в громадных размерах его недостатки, принимая их за красоты». Тенденции, которые у Островского были только намечены, эти драматурги с присущей эгонам прямолинейностью доводили до конца. Красовский высмеивал просветительские идеалы демократической интеллигенции («Жених из Ножевой линии»), а Потехин даже отдал некоторую дань монархическому славословию («Суд людской — не божий»).

Заключительные формулировки статьи звучат как приговор истории: «В двух своих последних произведениях г. Островский впал в приторное прикрашивание того, что не может и не должно быть прикрашиваемо. Произведения вышли слабые и фальшивые. <...>. В правде сила таланта; ошибочное направление губит самый сильный талант. Ложные по основной мысли произведения бывают слабы даже и в чисто художественном отношении»². Но, осудив с такой резкостью идейные заблуждения драматурга, Чернышевский верит,

¹ И. Ф. Горбунов. Отрывки из воспоминаний. Соч., т. II, изд. А. Ф. Маркса, СПб., стр. 570.

² Добролюбов, по-видимому, был согласен с этой оценкой раннего этапа творчества драматурга: «<...> в комедиях «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок» и «Не так живи, как хочется» — существенно дурные стороны нашего старинного быта обставлены в действии такими случайностями, которые как будто заставляют не считать их дурными. Будучи положены в основу названного пьеса, эти случайности доказывают, что автор придавал им более значения, нежели они имеют в самом деле, и эта неверность взгляда повредила цельности и яркости самих произведений» (ПСС, т. II, стр. 49). Но в 1859 году не имело, понятно, смысла подробно разбирать былые заблуждения драматурга.

что тот «не погубил еще своего прекрасного дарования» и зовет его оставить «ту тинистую тропу, которая привела его к «Бедности не порок».

Рецензия на «Бедность не порок» и статья «Об искренности в критике», в которой Чернышевский еще раз вернулся к оценке творчества Островского, фактически завершали острые выступления «Современника» против консервативно-моралистической драматургии. В 1855 году Панаев лишь один раз упомянул об Островском, отвечая на статью А. А. Григорьева «О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене».

У нас нет прямых данных о том, как Островский отнесся к статье Чернышевского. Но его дальнейшие идейно-художественные поиски убедительнее всего говорят о том, что он во многом признал правоту Чернышевского. Замечательный драматург под влиянием критики «Современника» и начавшегося вскоре общественного подъема осознает неверность своих социально-эстетических построений, изменяется его отношение к патриархально-купеческому быту, к цивилизации. Это очевидно уже в комедии «В чужом пиру похмелье» (показательно первоначальное заглавие «Ученье свет, а неученье тьма», немислимое раньше для драматурга)—первом произведении, задуманном и написанном Островским после смерти Николая I. В комедии «Доходное место», «сильное и благородное направление»¹ которой приветствовал Чернышевский на страницах «Современника», Островский утверждает, что счастье человека в борьбе за общественные идеалы, а не в смирении, не в подчинении древним догмам патриархального мира. Соратник Чернышевского Добролюбов в статьях об Островском, писавшихся в период революционной ситуации, не без некоторых оснований мог использовать произведения драматурга для пропаганды идеи крестьянской революции.

Статья Чернышевского, без которой нельзя уяснить значение раннего этапа творчества Островского, показывает, как следует критику строго, но без передержек, анализировать творчество большого художника, помочь ему найти в искусстве свою настоящую дорогу.

¹ Н. Г. Чернышевский. ПСС, т. IV, М., 1948, стр. 732.

Б. И. ЛАЗЕРСОН

ПУБЛИЦИСТИКА ЧЕРНЫШЕВСКОГО В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ

(К характеристике иносказательного мастерства
Чернышевского)

В. И. Ленин писал, что в годы революционной ситуации Чернышевский умел своими «подцензурными» статьями воспитывать настоящих *революционеров*¹. Публицистика Чернышевского этих лет отличается поразительной разносторонностью освещаемых вопросов, особой революционной страстностью и силой убеждения, а также разнообразием тех средств литературной борьбы, тех косвенных приемов выражения мысли, которые дали возможность большинству его статей пройти через усилившую свою бдительность цензуру и оказать на читателя пропагандистское воздействие.

Значительное место в публицистике Чернышевского в эти годы занимают статьи исторического и социологического характера («Кавеньяк», «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X» (1858), «Франция при Людовике Наполеоне» (1859), «Июльская монархия» (1860), «Нынешние английские виги» (1860), «Русский реформатор» (1861), «Предисловие к нынешним австрийским делам» (1861) и др.) и знаменитые политические обзоры, которые, начиная с 1859 года, составили особый раздел «Современника».

Чернышевский не был специалистом-историком, и анализируя историческое прошлое России и других стран, он подчинял историю как науку конкретным целям современной ему общественной борьбы. Анализ исторических событий, исторические сопоставления и экскурсы встречаются у Чернышевского не только в статьях, посвященных целиком исторической тематике и не только в период с 1859 по 1862 годы, но и в более ранние годы в литературно-критических, экономических, философских работах, во многих рецензиях и обзорах.

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. V, стр. 26. Курсив Ленина.

Широко и подробно знакомя читателя с важнейшими событиями исторической жизни европейских стран, Чернышевский показал себя человеком глубоких знаний и огромной эрудиции, тонко разбирающимся во всем многообразии политических столкновений. Пользуясь материалом всеобщей истории, Чернышевский обсуждал на страницах «Современника» важнейшие вопросы классовой борьбы, выявлял решающую роль народа в истории, реакционность монархических правительств, нерешительность и предательство либеральной тактики. Богатое содержание этих статей Чернышевского, имевших значительную познавательную ценность, расширяло кругозор читателя, заставляло его задумываться над поучительными уроками истории.

В статьях, где характеризовалась современная ему зарубежная политическая жизнь, главным образом, в многочисленных политических обозрениях, Чернышевский проявил себя вдумчивым социологом и проницательным политиком, прекрасно разбиравшимся в сложной борьбе различных политических партий. Чернышевскому было свойственно необыкновенное умение ориентироваться во всем многообразии кипящих политических страстей, улавливать ход событий, предвидеть их грядущее значение и возможный успех революционного дела там, где, казалось, не было на это никакой надежды. Обширнейший фактический материал этих работ Чернышевского, соединявшийся с богатством и глубиной его теоретических обобщений, также в значительной степени расширял кругозор читателя, приобщал его к политической жизни Западной Европы, приучал его к социальному, политическому осмыслению происходящего, вселял в него веру в победу народного дела. Все это способствовало воспитанию читателя в духе революционно-демократического миропонимания.

Но не только этими качествами определяется огромная историческая ценность и многозначительность исторических и политических статей Чернышевского: они обладали еще одним органическим свойством, вызванным жизненными обстоятельствами.

Очень часто, особенно во время обострения классовой борьбы и усиления бдительности и придирчивости цензуры, исторические экскурсы Чернышевского, а также его описания современной зарубежной политической жизни, получали и другую, невидимую с первого взгляда целенаправленность, — познакомив читателя с тем или иным историческим или современным, но не русской жизни, событием, заставить его провести аналогии с русской действительностью. В этих случаях изложение приобретало двойной план и становилось иносказанием, направленным к тому, чтобы по возможности устранить или ослабить цензурное вмешательство.

Такой способ иносказания при помощи исторической и современной политической аналогии занимает в системе эзоповской речи Чернышевского огромное место, проявляя себя во всем разнообразии именно в годы революционной ситуации.

Русским писателям, поэтам, публицистам, политическим деятелям, так или иначе выступавшим против существующего порядка, издавна было свойственно использование определенных фактов из отечественной или западной истории и, в особенности, изложение событий из современной им зарубежной жизни для скрытых аналогий с русской действительностью. Пользовался этим способом и В. И. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», написанной «проклятым эзоповским языком»¹. В предисловии он писал: «<...> чтобы в цензурной форме пояснить читателю, как бесстыдно лгут капиталисты и перешедшие на их сторону социал-шовинисты <...> я вынужден был взять пример... Японии! Внимательный читатель легко подставит вместо Японии— Россию, а вместо Кореи—Финляндию, Польшу, Курляндию, Украину, Хиву, Бухару, Эстляндию и прочие не-великороссами заселенные области»².

Приведение многочисленных аналогий из истории России и других стран занимало значительное место в системе эзоповского языка 1860-х годов.

Материал русской и западной истории был очень выгоден для скрытых аналогий с русской действительностью, которая при этом не называлась, но ассоциации с которой тем не менее у читателя вызывались. На этом материале построена обширная часть иносказаний Чернышевского.

Внешне речь шла об историческом прошлом, не имевшем, казалось, никакого отношения к современной жизни. Но сам подбор фактов был не случаен: из русской истории бралось Чернышевским то, что характеризовало антинародную, аристократическую природу царской власти, произвол и грабеж правящих классов и администрации, страшную нищету, угнетенность и невежество народа, бесправие русского общества. Из истории других стран Чернышевский приводил такие факты и рассказывал о таких событиях, которые также говорили о деспотическом характере абсолютизма, произволе и насилии правительственного аппарата, о крайней угнетенности народа, его революционной инициативе. Речь шла о неизбежности и непримиримости классовой борьбы, о половинчатости, трусости и нерешительности либерализма, его нежелании улучшить положение масс. То есть отбиралось и преподноси-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XXII, стр. 175.

² Там же, стр. 176.

лось читателю все то, что могло вызвать у него аналогии с современной ему русской жизнью, современным состоянием народа и соотношением классов в России.

Описывая определенные исторические события и не делая при этом открытых, прямых сравнений, Чернышевский умело подводил читателя к сопоставлению с злободневными вопросами и заставлял его приходиться к таким выводам, которые отвечали взглядам революционной демократии.

По цензурным условиям Чернышевский имел большую возможность пользоваться для иносказаний аналогиями из западной истории, т. к. изображение прошлого России, даже давно ставшего историей, тем более изображение, отличное от официального, встречалось цензурой крайне настроенно¹.

Аналогии из иностранной политической жизни довольно широко использовались писателями и публицистами—современниками Чернышевского; события, происходившие за рубежом в период оживления общественного движения 1850-х—1860-х годов, постоянно давали разнообразный для этого материал. Так, Некрасов в стихотворении «Газетная» (1865) писал об этом способе, принятом даже цензорами:

Если скажешь: «в дворянских именах

Нищета ежегодно растет», —

«Речь идет о сардинских владеньях» —

Поясню, — и статейка пройдет!

...Переносится действие в Пизу —

И спасен многотомный роман!²

О распространенности этого способа иносказания в исторических и особенно в политических статьях «Современника» вспоминал впоследствии Н. В. Шелгунов: «Завеса, закрывавшая до сих пор от публики политические и исторические отношения Европы, была приподнята. Картина европейских порядков оказалась поразительною: с одной стороны—беспутство, разврат и мотовство правителей и придворных, с другой—бедствие и нищета разоренных дурным управлением народов представляли резкий контраст и вызвали поучительные сравнения. Публика читала и думала»³.

В представленной сенату «Записке о литературной деятельности Н. Г. Чернышевского» среди других методов «для обойдения цензуры» отмечался и общераспространенный

¹ В письме А. П. Златовратскому Н. А. Добролюбов писал в 1860 г., что «велено обращать» на исторические статьи «строжайшее внимание и не пропускать никаких намеков. О русской истории после Петра запрещено рассуждать. Половина статей, являющихся в журнале, являются в искаженном виде; другая половина вовсе бросается» («Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», т. I, М., 1890, стр. 557).

² Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, М., 1948, т. II, стр. 296.

³ Н. В. Шелгунов. Воспоминания, М.—П., 1923, стр. 167—168.

прием «сваливань[я] всего дела на западных народов». В «Записке» указывалось, что «это все делалось и трактовалось так, что ясно было, что идет дело о принципах и истинах всеобщих»¹.

Иносказательность таких описаний определял подбор фактов и их авторское освещение. В письме к Некрасову в 1857 году Чернышевский указывал на необходимость созвучности излагаемого материала современным потребностям общества: «Все эти Лессинги и Краббы и т. п. были хороши два года тому назад. В следующем месяце (№4) постараюсь написать или о Штейне (то есть освобождении крестьян и тому подобное в Пруссии) или о железных дорогах, в объяснение условий наших дорог по обнародованному теперь указу. Как только разделаюсь с Лессингом, стану писать постоянно о более живых предметах... Выгоднее говорить о чем-нибудь другом посовременнее»².

Предметом его описаний становилось: абсолютистский режим в Австрии, Пруссии, Неаполитанском королевстве и политические порядки Франции при Наполеоне III; борьба с рабовладением в Америке; относительная демократическая свобода в Англии и во Франции; народно-освободительная борьба в Италии, положение народных масс в Сицилии. Особенное внимание Чернышевский уделял обстоятельным изложениям событий современного ему революционного движения в Европе и борьбе с различными проявлениями либерализма.

Информация о жизни Австрии, Пруссии, Неаполя и т. п. вызывала ассоциации с самодержавным строем России, а описание антинародной политики либералов различных стран адресовалось к русским либеральным деятелям. Изображение борьбы с рабством в Америке и революционно-освободительных движений европейских стран имело целью преподать русскому читателю опыт борьбы других народов и донести до него революционный призыв.

Форма преподнесения Чернышевским разнообразного материала, вызывавшего аналогии, была различна; от нее зависело, насколько был открыт для восприятия читателя тайный смысл приведенного сообщения.

Наиболее открытым иносказание было в тех случаях, когда фактическое изложение сопровождалось рассуждениями Чернышевского, содержащими в себе более или менее явный намек на то, что факт приведен не случайно, что в изло-

¹ Записка о литературной деятельности Н. Г. Чернышевского, представленная сенату. Сб. «Процесс Н. Г. Чернышевского», Сароблгиз, 1939, стр. 264.

² Н. Г. Чернышевский. ПСС. Гослитиздат, М., 1939—1953, т. XIV, стр. 341. В дальнейшем ссылки на это издание (с указанием тома и страницы) приводятся непосредственно в тексте.

жении содержится не только один (первый) смысл и что читателю необходимо провести соответствующую параллель. В этих случаях Чернышевский сам указывал, хотя и завуалированно, на применимость приводимого им факта к соответствующим явлениям действительности.

Такой способ иносказания встречается, например, еще в статье «Собрание писем царя Алексея Михайловича» (1857), где Чернышевский имел в виду, как он писал Некрасову: «сказать о допетровской Руси разные вещи, имеющие отношение к нашему времени» (XIV, 340).

Отмечая мрачные стороны русской жизни XVII века, описанной иностранными путешественниками: нищету, страшное невежество, убожество быта народа, его ожесточение от скорби и лишений и вместе с тем врожденную доброту его сердца, Чернышевский говорит: «Оба ряда этих противоречащих явлений могут быть наблюдаемы в народе до сих пор всяким, кому есть охота наблюдать народ» (IV, 254). Подобные намеки в рассуждениях, сопровождающих характеристику русской жизни XVII века, встречаются и в других местах этой же статьи (IV, 251, 254, 258).

В статье «Тюргож» (1858) Чернышевский проводит скрытую параллель между бесплодностью реформистских начинаний французского экономиста и администратора XVIII века и бесперспективностью надежд на реформу русских либералов (V, 317). Он дает читателю понять, что его сомнения в отношении Тюрго касаются русских реформистов в следующем замечании: «Странные надежды бывают у людей! В числе моих знакомых, — вероятно, также и в числе ваших, читатель, — есть такие странные люди. Нельзя не уважать их за чистоту намерений, за преданность общей пользе, но, воля ваша, нельзя не улыбнуться, слушая их» (V, 317). Характеризуя произвол в государственном управлении министра Морепа во времена Людовика XVI. Чернышевский замечал, обращаясь к читателю: «...не осуждайте Морепа. Вы видите сучок в его глазу—прежде чем укорять за то почтенного человека, посмотрите, нет ли у нас самих бревна в глазу» (V, 316).

Подобный же прием находим в статье «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X» (1858) (V, 219—220).

Также более открыт был второй план сообщений Чернышевского о современной зарубежной политике в тех случаях, когда факты сопровождались его намекающими комментариями.

В политическом обозрении за июль 1859 года Чернышевский говорил о бюрократической организации, свойственной не только всему австрийскому государству, но и в особенности австрийской армии (VI, 316). Читатель, привыкший видеть в

Австрии и во всех ее организациях прообраз России и ее жизненного уклада, пережив Крымскую войну, не мог не адресовать эту характеристику к русской армии, созданной, как и весь государственный строй России, по аналогичному бюрократическому принципу. Подтверждение своей догадке читатель находил в следующих словах Чернышевского: «нам нет надобности долго говорить о том, как и почему оказывается бесплодным геройское мужество забитого машинальной дрессировкою и обворованного солдата, — это история, хорошо известная каждому» (VI, 317). Или в другом месте этого обзора, рассказав о поражении австрийской армии в франко-австрийской войне, Чернышевский замечал: «В Западной Европе покажется ненатуральным и невероятным, чтобы даже австрийские немцы считали несчастным для государства тот случай, когда их правительство одержало бы победу, и надеялись добра только от поражений своей армии. Но мы совершенно понимаем это чувство» (IV, 322)¹.

Иносказание было более скрыто в тех случаях, когда фактическое изложение Чернышевский сопровождал обобщением, возводящим исторический факт или обстоятельство современной жизни другой страны к общему принципу. Подготовленный всем изложением, читатель мог применить этот общий принцип к фактам русской действительности.

Доказывая в статье «Борьба партий во Франции» (1858) невозможность заключения каких-либо союзов между французским народом и Бурбонами или даже между французским народом и французскими либералами, Чернышевский писал, что «Бурбоны по своей истории, по своей натуре, по всей своей обстановке не могли действовать иначе, нежели как действовали...» (V, 276). Это изложение сопровождалось общим рассуждением: «Есть в истории такие положения, из которых нет хорошего выхода, — не оттого, чтобы нельзя было представить его себе, а оттого, что воля, от которой зависит этот выход, никак не может принять его» (V, 277). Затем (в данном случае) Чернышевский адресовался непосредственно к своим соотечественникам со следующей параболой:² «...оставим надежды ребятам, взрослому человеку неприлично ожидать виноградных гроздов на терновнике. Пусть евангельская притча о дереве, не приносящем добрых плодов, будет руководительницей наших мыслей. Нет, она кажется суровой нашему мягкому уму—мягкому до того, что иногда чувствуешь искушение приписывать это качество просто размягчению мозга» (V, 277). Чернышевский давал

¹ См. также Н. Г. Чернышевский. ПСС, Гослитиздат, М., 1939—1953, т. VI, стр. 281—282.

² О параболе как способе подцензурного иносказания Чернышевского см.: Б. И. Лазерсон. Парабола в публицистике Н. Г. Чернышевского в сб.: «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы». Изд. Саратовского университета, 1961, стр. 154—173.

понять, что исторический факт о Бурбонах, возведенный в принцип общего исторического развития, имеет ближайшее отношение к русским делам. Здесь в образной форме параболы мысль Чернышевского конкретизировалась и становилась более доступной читателю. Связав аллегорию с предыдущим изложением, читатель легко мог ее расшифровать и понять, что Чернышевский намекает на свойственные русским либералам ожидания добрых намерений от правительства, указывает на бесплодность подобных упований и резко порицает их.

В статье «Кавеньяк» (1858) Чернышевский, как известно, подчеркивал, что успех государственной и политической деятельности зависит от понимания потребностей народа и удовлетворения этих потребностей. Говоря о Кавеньяке и «умеренных республиканцах», Чернышевский порой имел в виду сходное поведение и русских либералов. Факты из истории Франции должны были указать русскому читателю на шаткость политической позиции русских либералов, на то, что, если они не удовлетворят интересы крестьян в реформе, их политика также будет обречена на провал—они сдадут свои позиции реакционерам. Эти скрытые аналогии сопровождались здесь выводами и рассуждениями, которые обобщали смысл конкретных фактов и открывали читателю возможность применить их к русским делам. Так, Чернышевский писал, например: «Нет ничего гибельнее для людей и в частной и в государственной жизни, как действовать нерешительно, отталкивая от себя друзей и робея перед врагами. Честный человек, стремящийся сделать что-нибудь полезное, должен быть уверен в том, что ни от кого, кроме людей, действительно сочувствующих его намерениям, не может он ждать опоры, что недоверие к ним и доверие к людям, желающим совершенно противоположного, не приведет его ни к чему хорошему... Государственный человек не должен вверять ведения дел, не должен оставлять влияния на ход событий врагам своих намерений. Только при этом условии дела пойдут так, как он того хочет» (V, 64). При этом Чернышевский сначала хотел более ясно указать читателю на необходимость проведения аналогии: «Формы устройства в различных странах, — замечал он в рукописи,—могут быть различны; вопросы, которым сочувствуют честные люди, в одной стране одни, в другой—другие. Но правила благоразумия для всех стран и времен одни и те же» (V, 959)¹. Затем он вычеркнул эти строки и оставил только заключение самого общего характера.

В другом месте статьи о Кавеньяке Чернышевский писал: «Государственный человек <...> должен верно понимать силы и стремления каждого из элементов, движущих обществом;

¹ ЦГАЛИ, ф. № 1, оп. № 1, ед. хр. 145, л. 39 об.

должен понимать, с каким из них он может вступать в союз для достижения своих добрых целей; должен уметь давать удовлетворение законнейшим и сильнейшим из интересов общества... Без того его деятельность истощится на бесславную для него, вредную для общества борьбу; общественные интересы, отвергаемые им, восстанут против него...» и т. д. (V, 7).

В январском политическом обозрении 1859 года Чернышевский писал о реакционном правительстве Луи-Наполеона, имея в виду и правительство Александра II. Намек на двуплановость изложения содержится в идущем затем обобщающем заключении о тех качествах человека, стоящего во главе нации («правителя»), которые отсутствуют у монархов, в частности у Луи-Филиппа, и, как мог догадываться читатель, у Александра II: «для того, чтобы быть хорошим правителем, нужно другое качество, именно способность думать о выгодах ближнего, о пользах общества, о благе нации. Дело частного человека, прокладывающего себе дорогу вперед, совершенно не таково, как дело правителя, задача которого состоит в удовлетворении потребностям общества» (VI, 19—20).

Такой же вид иносказания встречается и в майском политическом обозрении 1860 года, где высказанную в виде отвлеченного рассуждения мысль о бесплодности иллюзий неаполитанских либералов насчет добрых намерений монарха Франческо Чернышевский относил и к русским либералам, которые также надеялись на реформы Александра II (VIII, 120—122).

Еще более скрыт был от глаз читателя второй план сравнения в тех случаях, когда Чернышевский, казалось бы, «объективно» знакомил его с богатым по содержанию фактическим материалом, не делая никаких видимых сопоставлений, предоставляя читателю самому делать соответствующие выводы. При этом Чернышевский ограничивался подбором таких фактов и событий из всеобщей истории и современной жизни других государств, уже одно упоминание которых наводило читателя на мысль о существовании в современной России аналогичных положений.

В статье «Чичерин как публицист»¹ (1859) по поводу книги Б. Н. Чичерина о русской администрации «Областные учреждения России в XVII веке» Чернышевский, например, писал: «...что делала администрация в XIII веке? — Грабила. Что делала она в XV веке? — Грабила. Что делала она в XVII веке? — Грабила». (V, 668). Читатель, познакомившийся с таким категорическим многозначительным заявлением относительно исконного порока государственного управления России, сам мог сделать из него соответствующие заключения.

В период создания статьи «Лессинг и его время» (1856) Чернышевский писал Некрасову: «По возможности пишу с приноравливаниями к нашим домашним обстоятельствам, хотя не упоминаю о том ясно» (XIV, 313). В самом деле, рассказывая о Германии XVIII века, Чернышевский нигде открыто не сравнивает ее с Россией (за исключением тех мест, где он пишет о сухости и безжизненности немецкого классицизма)¹. Но, говоря о жизни Лессинга и об общественной жизни и культуре Германии XVIII века, Чернышевский особенно подчеркивал в них то, что он считал сродным современной России. Чернышевский писал, что реформы даже такого деятельного монарха, как Фридрих Великий, не могли бы способствовать возрождению нации, т. к. и Фридрих и Иосиф II не искали «помощи своему начинанию в самостоятельной деятельности всей массы народа» (IV, 71). Германский государственный быт отличали «дурное управление, беззаконность, расточительность и насилие» (IV, 26), «грубый произвол полицейско-фискального управления» (IV, 37). Над немецким народом довлел страшный гнет, «участью поселян была нищета» (IV, 44). Чернышевский характеризовал тупость и безжизненность официальной науки в университете, где только «затуманивали умы» (IV, 64), и в духе преподавания которого «господствовали вообще непроходимый педантизм, формализм и страшная сухость» (IV, 83). «В жизни немецкого народа, — писал Чернышевский. — господствовали апатия, пустота, — та же самая пустота господствовала и в литературе; подобострастный формализм сковывал жизнь общества, — он же сковывал и литературные таланты... Степень умственного развития в массе немецкой публики совершенно соответствовала общему состоянию литературы» (IV, 63).

Читая все эти и подобные им строки, русский читатель легко мог усмотреть в них прозрачные намеки на аналогичные черты русской жизни, с которыми он сталкивался на каждом шагу. Личность самого Лессинга привлекла внимание Чернышевского потому, что в Германии времен великого немецкого просветителя и в современной Чернышевскому России в силу отсутствия общественной гласности литература играла более значительную, чем обычно, роль в жизни общества. Об этом Чернышевский писал в «Лессинге»: «Что же делать, если единственным средством к возрождению целой великой нации оставалось то, что называется мараньем бумаги. Мы видели, что около половины XVIII века мертвящая формалистика и бессмысленный произвол, грубость нравов и эгоизм разврата погружали Германию в какую-то хаотическую летаргию, так что преграждены были всякие обыкновенные пути к по-

¹ Н. Г. Чернышевский. ПСС, Гослитиздат, М., 1939—1953, т. IV, стр. 47—49.

лезному действию на состояние нации... Оставался один путь к полезному действию на нацию—литература» (IV, 136). Здесь Чернышевский также не называет Россию, но то, что он и здесь имеет в виду именно ее, подтверждает следующая выдержка из вариантов к статье «Очерки гоголевского периода русской литературы» (1856), где такое же сравнение приводится открыто. Имея в виду Белинского, который в условиях России мог стать только литературным критиком, имеет также в виду Полевого и Надеждина, Чернышевский писал: «...замечательный критик не рождается, а делается критиком, вследствие особенных условий, представляемых ему сосредоточением жизненных интересов его страны на литературных вопросах. То же говорит нам пример знаменитых германских критиков прошедшего и нынешнего столетия. Служению эстетике они обрекли себя добровольно, обдуманно, не потому, чтоб сочинять именно рецензии было для них особенно приятным делом, а просто потому, что это был лучший из доступных им путей к действию на жизнь общества» (III, 766—767).

В Лессинге Чернышевский видел пример импонирующего ему исторического деятеля, понимающего большую действительную роль литературы в жизни нации, стремящегося направить ее на общественное служение. Всем обликом Лессинга Чернышевский как бы обращался с призывом к русскому читателю—направить свою деятельность на осуществление пользы общества, как понимал ее Чернышевский в эти годы.

В статьях «Кавеньяк» (1858), «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X» (1858), «Июльская монархия» (1860) и других, пересказывая и анализируя события во Франции в периоды Реставрации, господства Луи-Филиппа, диктатуры Кавеньяка, революций 1830 и 1848 годов, Чернышевский помогал читателю разрешать наболевшие вопросы, стоявшие и перед русским обществом. Само изложение бурных событий истории Франции говорило за себя.

В статье «Кавеньяк», например, Чернышевский особое внимание уделил подробному рассказу о приходе к власти и о господстве «умеренных республиканцев» и Кавеньяка, учинивших кровавую расправу над французским народом. Уже одним изложением этих событий Чернышевский заставлял читателя проводить аналогии с русскими либералами и их отношением к народу, подводил читателя к заключению о том, что русскому народу также нечего ждать от русских либералов. Легко представить себе, как злободневны были в России в 1858 году следующие слова из статьи «Борьба партий во Франции» (хотя формально они относились только к французам): «...народ совершенно ошибался, воображая, что должен ожидать себе спасения от либералов» (V, 220); ли-

бералы «забывали о народе, подобно Бурбонам и роялистам; а когда и случалось им говорить от имени низших классов, они почти постоянно употребляли его имя понапрасну, не умея выразить желаний, понять нужд простонародья. В программе либералов не было ни одной фразы, которая <...> выражала бы желание улучшить положение низших классов» (V, 271).

В статье «Июльская монархия», обстоятельно показывая на примере правления Луи-Филиппа гнилость и крайнюю реакционность монархической формы правления, отрицая основные начала монархической власти вообще, Чернышевский намекал на аналогичный характер русского самодержавия, в частности, на Александра II и его правительство. «Половина всех правительственных забот, — писал, например, Чернышевский, — тратилась на подавление восстаний, а другая употреблялась на устройство личных отношений Луи-Филиппа, его родственников и послушных министров; у правительства не оставалось ни времени, ни охоты позаботиться об устранении тех причин, которыми вызывались смуты, подвергавшие опасности его существование... Для облегчения судьбы народа не было ничего сделано правительством» (VII, 156). Слова Чернышевского: «монархическая форма во Франции несовместна с народными потребностями» (VII, 124) имели, конечно, отношение не только к Франции, но и к России.

Большое место Чернышевский уделил описанию восстаний и революций во Франции в 1830, 1831, 1832 годах. Это не могло не вызвать мысли о революционном пути освобождения народа, как единственном, который может предоставить ему материальные блага и политическую независимость. Особенно подробным было описание восстания лионских ткачей (VII, 111—117) и восстания в Париже 5 июня 1832 года (VII, 146—152).

Несмотря на значительные цензурные купюры, статья «Июльская монархия», столь важная для революционной демократии в программном отношении, была разрешена к опубликованию. И только после ее появления в «Современнике» скрытый смысл ее стал ясен, и она явилась одной из основных причин цензурных репрессий против журнала в этот период¹.

Позднее В. Костомаров в записке «Разбор литературной деятельности Чернышевского», представленной сенату, уделил большое внимание разбору «Июльской монархии» и расшифровке скрытых в ней идей, отметив способ иносказания, посредством которого они были доведены до читателя. Косто-

¹ Н. Г. Чернышевский и царская цензура. Публикация И. Ковалева. Сб. «Шестидесятые годы». Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 386.

маров писал, что Чернышевский обратился к пропаганде своих опасных взглядов в «мнимо-исторической монографии», избрал «путь ученого исследования», зная, что «открытая оппозиция правительству у нас невозможна», и что нельзя обратиться «со своими советами прямо к русскому обществу»¹. Костомаров отметил, что Чернышевский в этой монографии останавливался «с видимым сочувствием на передаче возмущительных речей демагогов и клубистов, на рассказах о бунтах и мятежах, на анализе коммунистических учений и пр.»². «Все его ученые исследования,—продолжал Костомаров,—ведут к тому, чтобы в лице июльского правительства поругать самый принцип королевской власти, унижить его авторитет, показать, что только одни демагоги были бы в состоянии вывести Францию из того «нелепого положения всех прав и благ общественной жизни», в которое привела ее монархия <...>, автор, очевидно, имеет в виду «путем научного исследования» вразумить своих читателей, что не мешало бы, дескать, и нам таких людей, хорошо бы и у нас завести такие порядки»³. Но «оппозиционность» содержания «Июльской монархии» была раскрыта уже после того, как статья стала достоянием читателя, следовательно, после того, как Чернышевский достиг своей цели, пользуясь методом исторической аналогии.

Часто читатель находил скрытую характеристику русской современности не только в исторических монографиях, но и в рецензиях Чернышевского на исторические исследования других авторов. Осуждая Чичерина, который в сборнике статей «Очерки Англии и Франции» защищал начала самодержавного государственного строя, Чернышевский в статье «Чичерин как публицист» (1859) указывал на примере французских королей, что принцип абсолютизма имеет сугубо аристократический характер, глубоко враждебный народу. Русскому читателю достаточно было заменить имена французских монархов именами русских царей, и все изложение статьи могло бы быть отнесено к отечественным условиям. «Являются ли французские абсолютные короли,—писал Чернышевский,—начиная с Людовика XIII или даже Генриха II, сколько-нибудь расположенными к «уничтожению сословных привилегий», как думает г. Чичерин? Напротив, они устраивают целое государство таким образом, чтобы весь народ жил исключительно для содержания двора и придворной аристократии. Все подати лежат на простолюдинах, почти вся масса простолюдинов обязана сверх того личными повинностями дворянству. Одни дворяне имеют значение, они одни

¹ М. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., М.—Пг., 1923, стр. 407—408.

² Там же, стр. 407.

³ Там же, стр. 412.

пользуются покровительством государственной власти. С Людовика XI или, пожалуй, с Филиппа Прекрасного до самого конца XVIII века ни одна из привилегий дворянства не была отменена королевскою властью <...>, французский король есть представитель и глава аристократического принципа. Он все государство устраивает в духе самой исключительной аристократии» (V, 655).

Знакомя читателя с международной политикой, Чернышевский часто направлял его мысль на сопоставление с русской жизнью, также не делая на этот счет никаких дополнительных указаний. Однако само изложение наталкивало на ассоциации. И как бы ни хотел Чернышевский казаться внешне беспристрастным обозревателем, его заинтересованность сказывалась в том внимании, с каким он подробно описывал определенным образом отобранные события и факты, и в той оценке, которую он давал им. Такой способ иносказания был рассчитан на читателя, воспитанного длительным процессом развития подцензурной русской публицистики, умевшего читать между строками и раскрывать установившуюся иносказательную терминологию.

Так, читатель должен был понимать, что когда Чернышевский писал об Австрии, Пруссии, Неаполитанском королевстве, Франции Наполеона III, Испании, Турции — т. е. о странах с абсолютистским политическим строем, где все привилегии были предоставлены феодалам и где народ находился в состоянии нищеты и несправия, он часто имел в виду Россию и аналогичные русские дела.

Особое место в иносказаниях этого рода занимала Австрия. Безраздельный произвол власти абсолютного монарха, роскошь двора и нищета народа, господство аристократов, огромных размеров расточительство государственных средств, бездушие бюрократической машины, продажность чиновников, отсутствие гласности, рабское положение печати, полицейский террор—все это роднило Австрию с Россией. Она стала чем-то вроде псевдонима России, своеобразной аллегорией, одного упоминания которой было достаточно, чтобы насторожить внимание читателя. В своих воспоминаниях Н. В. Шелгунов писал: «...козлом отпущения служила обыкновенно Австрия. Несмотря на «свободу», которою теперь пахло на цензуру; оказывалось все-таки невозможным обходиться без иносказательности, и Австрия, явившаяся на выручку писателей, учила и читателей проницательности и умению понимать иносказания»¹.

О том же свидетельствовали Л. Ф. Пантелеев: «...цензура допускала полнейшую свободу по отношению к Австрии, чем

¹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—Пг., 1923, стр. 168.

печатать и воспользовалась для критики наших собственных порядков под видом австрийских»¹.

Чернышевский сам писал, что слово «австрийцы» стало из определения национальной принадлежности термином, определяющим политическую (именно реакционную) принадлежность, независимо от национальности: «коварство и угнетение других людей служит основною чертою истинного австрийца. Австрийцы—это понятие не так просто, как думают наивные люди, представляющие себе его в географическом смысле. Это такое же мировое понятие, как поселянин, горожанин, портной, или как обскурант, либерал, прогрессист, реакционер. Австрийцы есть и в Англии, и в Пруссии, и во Франции, и Австрия так же мало населена австрийцами, как Англия, Пруссия или Франция» (VI, 273—274). И в другом месте Чернышевский дал такое же обобщенное определение «австрийского правительственного принципа», который «по натуре своей соединен с угнетением народа и в материальном отношении, как основан на угнетении его в нравственном и умственном отношениях...» (VI, 366).

В тех случаях, когда Чернышевский ограничивался повествованием без комментариев, намекающих на необходимость проведения сравнения с Россией, часто сама форма повествования была такова, что если бы читатель заменил Австрию Россией, он вполне мог бы отнести изложение к соответствующим обстоятельствам русской действительности.

Так, Чернышевский писал, например, в июльском обзоре 1859 года о государственном устройстве Австрии, подчеркивая его аристократический характер, при котором «каждый аристократ, если угодно ему поступить на службу, имеет по своему роду, родству и связям неотъемлемое право занять важную должность в бюрократическом механизме...» (VI, 319). Здесь и дальше, где Чернышевский сообщал о таком же порядке дел в австрийской армии, все изложение рассчитывало заставить читателя провести параллель с аналогичным положением в России. Такой же была характеристика австрийской финансовой системы, при которой «искони веков» существовало «громадное систематическое воровство»; средства давались «для угнетения, для официального разбоя, для истребления всего честного и доброго, для мотовства, ханжества, мракобесия»; при существующей системе, писал Чернышевский, «убивается энергия народа и разоряется страна» (VIII, 140). Или в декабрьском политическом обзоре 1859 года Чернышевский говорил о том, что «австрийская журналистика всегда находилась в стесненном положе-

¹ Л. Ф. Пантелеев. Памяти Н. Г. Чернышевского. В кн. Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. Под ред. С. А. Рейсера, М., 1958, стр. 524.

нии», и что «после войны австрийской кабинет, вынужденный к некоторым наружным уступкам для смягчения общего ропота, должен был допустить газеты к обсуждению некоторых предметов, споров о которых не дозволялось прежде. Теперь, оправившись от первого смущения, он захотел отнять у газет ту гомеопатическую дозу свободы, которой они пользовались недолгое время» (VI, 486). Если забыть о том, что речь шла об Австрии, не было бы никаких сомнений, что Чернышевский здесь имел в виду постоянное стеснение русской журналистики и то, что хотя после Крымской войны она получила некоторую возможность касаться, например, такого вопроса, как крепостное право, в то время, когда Чернышевский писал эти строки, она вновь подвергалась жестоким цензурным гонениям¹.

Говоря так же об австрийском правительстве и его «освободительных» намерениях, Чернышевский косвенно в это время уже подвергал критике самую мысль о возможности проведения освободительных реформ русским правительством. Он писал в декабре 1859 года, что австрийское правительство, которое «держится исключительно военным деспотизмом» и существует именно только для подавления свободы и «посредством ее подавления», не может допустить «расширения свободы», оно способно только произвести такие меры, которые «по необходимости были пародиями на реформы или прикрывали именем реформ введение реакционных мер» (VI, 472—473). Таким же способом Чернышевский высказал свое отношение к реформе в статье «Предисловие к нынешним австрийским делам» (1861; VIII, 445). Читатель мог понять, что все сказанное об австрийском правительстве относилось и к России.

Как иносказание о русских делах, читатель мог воспринять и подробные описания положения в Неаполитанском королевстве в политических обозрениях Чернышевского 1859, 1860, 1861 годов (VI, 150—154; VIII, 110—122, 184, 192, 561—562). Таким же был рассказ в мартовском обозрении 1859 года о неаполитанских либералах во главе с Поэрио, напрасно уверовавших в освободительные намерения неаполитанского короля (VI, 149—154). Здесь Чернышевский пользуется этим видом иносказания не только для того, чтобы высказаться относительно полного отсутствия элементарной законности в монархических странах (в частности в России), но и для того, чтобы подвергнуть обличению беспоч-

¹ В письме к Добролюбову 2 авг. 1860 г., например, Чернышевский писал об этом: «Надобно сказать Вам, что о крепостном праве решительно запрещено писать. Как идут цензурные дела, можете судить из одного факта: Рахманинов (цензор—Б. Л.) в четыре дня (около 20 июля) получил пять выговоров за вещи самые невиннейшие и вздорнейшие», (XIV, 401).

венные надежды либералов (в том числе русских) на освободительные намерения монархов.

К сопоставлениям располагали частые и обширные описания реакционной политики правительства Наполеона III во Франции, которое по существу мало чем отличалось от абсолютистских правительств таких типичных в этом отношении стран, как Австрия, Пруссия, Неаполь. Часто Наполеон III, его политика, внутренние порядки современной Франции становились в политических обзорах Чернышевского нарицательными именами, иносказанием для характеристики аналогичных явлений русской жизни.

Однако в ряде случаев Чернышевский использовал Францию как пример относительного, по сравнению с Австрией, Неаполем, Пруссией и, следовательно, по сравнению с Россией, демократического устройства и относительной свободы проявления общественного самосознания. В этом отношении характерной является статья «Вопрос о свободе журналистики во Франции» (1859). Путем изложения полемики французских газет по вопросу о свободе печати Чернышевский высказывал горькие мысли о несравненном с Францией бесправном положении журналистики и вообще печати в России; о необходимости ограждения свободы слова специальным законодательством правительства, связанным с установлением общей законности и демократии политического строя.

Иносказание здесь заключалось в скрытом сопоставлении двух фактов (из которых один не назван, а только имелся в виду) не по принципу их сходства, а по принципу различия, противопоставления их основных черт. Чернышевский напоминал читателю о чрезвычайно затрудненных обстоятельствах, в которых находилось русское печатное слово, рассказом о совершенно иных условиях состояния французской прессы, подчеркивая именно то, чего не было в России. Знакомясь с таким описанием, читатель волей-неволей мог сделать сравнения, невыгодные для России. Так, Чернышевский отмечал наличие во Франции цензуры, независимой от правительства и его полиции, от «администрации»; отмечал практику открытого, публичного объявления о несовместном с французскими законами содержании какой-либо книги или статьи, что включало проявление произвола власти в делах печати: «Статьи, содержание которых было бы по французским законам преступно, подвергались бы судебному преследованию, которое и начинается и производится людьми, независимыми по своему положению от администрации» (V, 741). Или: всякое замечание, которое «делается газетам министром внутренних дел» (V, 741), «становится предметом рассуждений целой публики, возбуждает сильные толки; поэтому было бы неосновательно сказать, что административная власть может действовать безотчетно» (V, 742).

Желая натолкнуть читателя на необходимость сопоставлений, Чернышевский пользовался привычными для читателя «псевдонимами» России, противопоставляя Франции Австрию, Пруссию, Неаполь. Говоря о сравнительно незначительных притеснениях, которым подвергались французские газеты, Чернышевский замечал: «счастливы были бы, например, австрийские журналисты, если бы подвергались точно такому же угнетению, как французские» (V, 739). Или в другом месте: «...мы нимало не думаем находить удовлетворительным положение, в которое поставлены французские газеты введением системы замечаний. Но все-таки было бы ошибочно мерить каким-нибудь австрийским или неаполитанским масштабом простор критики, остающийся у французских газет и при этой системе» (V, 741—742). Тот же прием встречается и там, где Чернышевский сравнивает положение печати во Франции¹ и в Пруссии (V, 740—741).

Разоблачая ложь и лицемерие английского буржуазного парламентаризма, Чернышевский вместе с тем часто пользовался обозрением политической жизни Англии для представления ее в качестве примера относительной демократии и законности конституционного строя, которые он скрыто противопоставлял произволу, отсутствию элементарной свободы и уважения к человеческой личности в самодержавно-крепостническом государстве (февраль, 1859; VI, 90). В «Политике» за апрель 1859 года Чернышевский противопоставлял Англию Франции (которая в данном случае являлась «псевдонимом» России), подчеркивая преимущества английского конституционного устройства, исключающего бюрократию и произвол в решении государственных дел (VI, 172—173).

Значительное место в обзорах Чернышевского занимают подробные описания народных движений, в частности, восстания сицилийцев против неаполитанского деспотизма, и не менее подробные и пространные изложения подвигов волонтеров Гарибальди, боровшихся против австрийского порабощения за освобождение итальянского народа и за национальное объединение Италии. Как ни старался Чернышевский быть осторожным в передаче своего отношения ко всему этому, сквозь сдержанные, «беспристрастные» строки прорывалась горячая симпатия к революционным событиям и их участникам. «Гораздо с большею любовью,—писал, например, Чернышевский в июньском политическом обзоре 1859 года,—останавливаемся мы на удивительных подвигах волонтеров Гарибальди в северной Ломбардии, и, если бы мы

¹ «Для книг решительно никаких стеснений не существует... Правительство Наполеона III, как ни сурово смотрит оно на политическую литературу, никогда не считало удобным присваивать себе власть просматривать книги до их напечатания. В форме книги французские писатели всегда могли издавать все, что хотели...» и т. д. (V, 740—741).

могли, эту часть военных событий мы изложили бы с наибольшей подробностью... Мы считаем действия волонтеров Гарибальди заслуживающими самого точного изучения...» (VI, 261—262).

Е. В. Тарле справедливо писал, касаясь выступлений Чернышевского по вопросам международной политики: «Он (Чернышевский—Б. Л.) считал, что военное дело, сражения и битвы, военные операции имеют гораздо более тесную связь с революцией, чем думают средние революционеры. Он выдвинул эту идею и на итальянском материале, проведя ее в отношении Гарибальди»¹.

Чернышевский стремился к тому, чтобы передовой читатель «Современника» в годы революционной ситуации особенно внимательно воспринимал факты этих сообщений, чтобы он учел их пример в русской освободительной борьбе. При этом, оставаясь в рамках скрытых сравнений, Чернышевский особенно четко разграничивал соглашательскую тактику либерализма от революционной решимости в действиях руководителей народных восстаний, способствуя воспитанию русских революционеров, предостерегая их от громких, но пустых речей русских либералов. В этом отношении характерно следующее заявление Чернышевского: «между людьми неаполитанской системы и сицилийцами невозможно примирение. Их отношениям нет другого исхода, кроме истребления той или другой стороны» (1860; VIII, 129).

Так же пристрастно должен был воспринимать читатель 60-х годов изложение Чернышевским восстания против рабовладения в Америке под руководством Джона Брауна и затем хода войны между Севером и Югом. Несмотря на то, что Чернышевский не намекал на необходимость проведения аналогий между американскими и русскими событиями, в условиях предреформенной борьбы в России рассказы о борьбе с рабством в Америке воспринимались чутким читателем очень живо. В форме повествования об американских событиях Чернышевский говорил по существу о животрепещущих вопросах русской жизни той поры: об экономической невыгодности рабства, о преимуществах свободного труда перед трудом невольников, о политическом беспорядке, господствующем там, где существует рабство, о различных партиях борьбы с невольничеством и т. п.

Высоко оценив первую попытку борьбы против рабовладения, возглавленную Д. Брауном, «предводителем горсти людей, геройски сражавшихся» (VI, 453—454), Чернышевский этим самым высказывался за революционные методы

¹ Е. В. Тарле. Н. Г. Чернышевский и международная политика. Сб. «Н. Г. Чернышевский. Труды научной сессии к пятидесятилетию со дня смерти». Изд. ЛГУ, Л., 1941, стр. 299.

борьбы с рабством и, следовательно, с крепостным правом в России («Политика», ноябрь, 1859). Прямую аналогию положению дел в России находил читатель и в следующих словах февральского политического обозрения Чернышевского 1861 года: «В южных штатах были уничтожены основные права северо-американского гражданина—свобода убеждений, свобода высказывать их, безопасность от произвольных притеснений. Было запрещено писать и говорить против невольничества: люди, желавшие его отмены, были наказываемы и изгоняемы» (VIII, 414). Читая политическое обозрение за январь 1861 года, читатель должен был понять, что Чернышевский имел в виду русских либералов, когда писал о «самых умеренных» и «умеренных» в республиканской партии, намеревавшихся «ограничиться косвенными мерами и вообще оставить уничтожение невольничества в каждом из южных штатов благоразумию этого штата» и «пассивно выжидать естественных результатов самого экономического развития» (VIII, 388—389). А когда Чернышевский говорил о «крайнем оттенке враждебной невольничеству партии», т. е. об аболиционистах, которые «давно готовы были бы вооруженною рукою провести законодательные меры против невольничества» (VIII, 389), он предоставлял читателю догадываться, что речь шла о сторонниках отмены крепостного права революционным путем.

Таким образом, ознакомление читателя со специально отобранными историческими данными и материалом современной зарубежной жизни имело в публицистике Чернышевского само по себе большое познавательное и революционизирующее значение. Вместе с тем иногда эти сообщения Чернышевского приобретали еще и дополнительную пропагандирующую направленность, заключая в себе скрытое сравнение с русскими обстоятельствами. Как видно из приведенных примеров, предоставляя читателю самому находить аналогии в русской действительности при его ознакомлении с историческими фактами и современными событиями, не указывая специально на необходимость сопоставления, Чернышевский освещал в своем повествовании те факты и события, которым особенно легко было найти соответствие в России.

На этот способ выражения запретных идей было обращено внимание властей. В «Предложении цензурным комитетам Главного управления цензуры» от 21 апреля 1861 года говорилось: «При настоящем взволнованном положении умов в европейских государствах нельзя не признать вредным распространение сочинений¹, в которых выставляются яркие описания революций, необходимых, будто бы для

¹ Среди них указывалось, в частности, на статью Чернышевского «Предисловие к нынешним австрийским делам» (1861).

оживления организма государства. Неопытный читатель легко может применять к положению своей страны те действительные или мнимые недостатки управления, которые вызвали в других странах события, *описанные с желанием сделать из них факты всеобщего значения*. И далее предлагалось «допускать к печати с особою осмотрительностью вышеозначенного рода сочинения и переводные из них дозволять единственно в том случае, когда они, представляя описание событий в каком-либо государстве, *не выводят из них общих начал для применения в других государствах*»¹.

Установление второго плана в этом виде иносказания требует особенно тонкого анализа с обязательным учетом контекста статьи. Это тем более необходимо потому, что некоторые исследователи приписывают статьям Чернышевского на исторические темы и его политическим обзорам дополнительный иносказательный смысл там, где в действительности имеется только одно, прямое выражение мысли. Например, В. Шульгин, говоря о статье Чернышевского «О причинах падения Рима», считает, что когда Чернышевский пишет о «недавнем возмущении бенгальской армии» (VII, 652), он имеет в виду «бездненское восстание»². Это утверждение совершенно неожиданно, поскольку из контекста, где говорится о восстаниях поработанных колонизаторами народов, ясно следует, что Чернышевский пишет именно о восстании индийского народа против англичан в 1857 году. Представление В. Шульгина о том, что здесь содержится намек на восстание в селе Бездна, ничем не подтверждается и является произвольным.

Следует отметить также такой вид иносказания методом аналогии, когда изложение, долженствовавшее вызвать у читателя нужные Чернышевскому ассоциации, сопровождалось специальными авторскими оговорками. В них Чернышевский с целью конспирации демонстративно подчеркивал свою «объективность» при передаче фактов и даже иронически отмечал коренное отличие описываемых явлений от сходных с ними в русской действительности. Сам Чернышевский заявил, что уверение, содержащееся в такой намеренной оговорке, имеет «свою внешнюю выгоду» и употребляется «многими из нас по условному правилу» (V, 657). Рассчитанные на цензуру, эти примечания должны были формально более глубоко завуалировать мысль, заключенную в иносказательном изложении. Вместе с тем своей нарочитой подчеркнутостью и заостренностью, иногда парадоксальностью, настораживая вни-

¹ «Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г.». СПб., 1862, стр. 459. Выделено нами.—Б. Л.

² В. Шульгин. О некоторых ошибках в комментариях к Полному собранию сочинений Н. Г. Чернышевского. «Вопросы философии», 1954, № 1, стр. 227.

мание читателя-друга, они активизировали его мысль, заставляли приходиться к нужным заключениям. Конечно, эти оговорки, как и все иронические утверждения Чернышевского, были рассчитаны на известную подготовленность читателя, его осведомленность в существе воззрений Чернышевского и характере его эзоповской речи. Кроме того, имея сатирическую окраску, иронические оговорки способствовали борьбе с врагами и помогали воспитывать читателя в революционном духе.

Преследуя одинаковую цель, оговорки имели различный характер. В одних случаях Чернышевский подчеркивал в них свою «объективность» историка и политического обозревателя, который как бы устраняется от сообщаемого, не придерживаясь ни той, ни другой партии, о борьбе которых он рассказывает.

В статье «Прадедовские нравы» (1860) Чернышевский пользовался записками поэта Державина о России 18 века, чтобы раскрыть страшную картину фаворитизма, самоуправства, взяточничества, казнокрадства, — чем так характерна была жизнь самодержавно-крепостнической России не только во времена Державина, но и в эпоху Чернышевского. При этом Чернышевский подчеркивал свою «объективность» следующим образом: «никто не препятствует читателю придать им (историческим фактам.— *Б. Л.*) собственную мысль ту обработку, какой не умела сообщить им наша статья. Пусть читатели довольствуются тем, что мы знакомим их с любопытными местами книги... Что за странная претензия получать готовые выводы, — гораздо лучше думать самому» (VII, 356).

Рассказывая о «поправении» «умеренных республиканцев», испуганных угрозой революции, при диктатуре Кавеньяка и имея в виду русских либералов, опасавшихся крестьянского восстания, Чернышевский заявлял следующее: «Просим читателя не забывать точки зрения, с которой мы излагаем события. Мы говорим вовсе не о том, хороши или дурны были убеждения той или другой партии. Наша цель вовсе не теоретический разбор различных политических убеждений, существовавших во Франции в 1848 году. До них нам нет никакого дела... в десять лет все эти убеждения совершенно устарели... Каковы были мнения умеренных республиканцев, нам нет дела; мы хотим только знать, благоразумно ли поступали они...» (V, 51—52).

Для того, чтобы демонстративно подчеркнуть отсутствие аналогии между «умеренными республиканцами» и русскими либералами, Чернышевский отделил в оговорке убеждения и цели «умеренных республиканцев» от их действий. Эта намеренная алогичность рассуждения наводила читателя на подлинное содержание и целенаправленность изложения, кото-

рое по форме являлось вполне приемлемым для цензурных требований.

Такую же оговорку использовал Чернышевский в статье «Июльская монархия» (1860), когда говорил о том, что «монархическая форма во Франции несовместна с народными потребностями»: «Мы не хотим решать, были ли в самой форме правительства, сохраненной июльским переворотом, какие-нибудь причины невозможности принять прогрессивное направление...» (VII, 124). Или, характеризуя в 1860 году разногласия между итальянским либералом Кавуром и Гарибальди, Чернышевский приводил читателя к мысли о том, что единственно правильной тактикой в руководстве народным освободительным движением является революционная тактика Гарибальди. При этом Чернышевский так объявляет о своей «нейтральной» позиции «обозревателя»: «По обыкновению, мы не берем на себя труда разбирать, на чьей стороне должно быть сочувствие читателя, кто прав, Франциск II, Пий IX, Виктор-Эммануэль, император Наполеон или император Франц-Иосиф-Рехберг, Антонелли, Кавур или Маццини и Гарибальди,—мы предоставляем самому читателю рассуждать, чьи принципы полезнее» (VIII, 292). Читатель, хорошо изучивший направление «Современника» и образ мыслей Чернышевского, конечно, мог разобрать, чьи «принципы полезнее» и на чьей стороне симпатии Чернышевского. Однако ироническое замечание Чернышевского о его нейтральной позиции не давало цензору формального повода для купюр. Уже после появления в печати политических обозрений обличительный смысл скрытого сравнения Кавура с русскими либералами, например, разгадывался во вражеском лагере, вызывая соответствующую реакцию. В письме к Добролюбову 1 июля 1861 года Чернышевский писал об этом: «Ярость на нас за Кавура повсюду неописанная» (XIV, 436).

В других случаях в оговорке Чернышевский подчеркивал, что описываемые им факты и события из истории или современной жизни другой страны не имеют никакого отношения к России; что он имел в виду только то, о чем писал, хотя изложение было явно рассчитано на сближение.

Касаясь всеобщего избирательного права во Франции в период июльской монархии, недоступности массе народа, лишённого политической самостоятельности и экономической обеспеченности, и явно намекая на аналогичное положение русского народа, Чернышевский писал при этом: «Разумеется, мы говорим только о Западной Европе» (VII, 98).

Или когда в политическом обозрении в августе 1859 года Чернышевский писал о народном движении в Италии, о половинчатой позиции либералов в этом движении и имел в виду русских либералов и их отношение к реформе и к интересам крестьянства в годы революционной ситуации, он прерыв-

вал изложение такими же ироническими оговорками: «Наш выгод, само собою разумеется, относится только к итальянцам и ни к кому другому. Вот он: либералы (разумеется, в Италии) бессильны против реакционеров, если остаются с одними своими силами <...> то, чего хочет масса, гораздо обширнее реформ, которыми могли бы удовлетвориться сами по себе образованные сословия (просим не забывать, что мы говорим собственно только об Италии). Масса хочет коренных изменений в своем материальном быте. Обыкновенно либералы забывают об этой потребности.., и потому масса остается холодна к ним и продолжает по своей апатии давать реакционерам средства к подавлению либералов (в Италии) <...>, если потребности массы (в Италии—коренное изменение отношений труда к капиталу и в особенности поземельных отношений) кажутся либералам несправедливыми или неудободовлетворяемыми, то пусть либералы сидят тихо и молча, потому что без возбуждения энтузиазма к движению в массе движение не может кончиться ничем иным, кроме гибели либералов от торжествующей и мстительной реакции (в Италии, само собою разумеется)» (VI, 374—375)¹. Повторяя несколько раз, точно рефрен, что все сказанное относится только к Италии, хотя это заключение касалось в такой же (если не в большей!) степени русской реформы, русского крестьянства и русских либералов, Чернышевский зло издевался и над либералами и над цензором. Здесь сказалась особая сторона паразитического мастерства Чернышевского-публициста, умевшего, несмотря на строгости цензуры, своей саркастической иронией уничтожать идейного противника, доводить его до крайнего раздражения.

Касаясь в «Политике» за январь 1861 г. тактики различных партий в борьбе против рабовладения в Америке и проводя мысль о том, что компромисс в деле отмены рабства «был не сравненно хуже всего», т. к. он «опять оттягивал бы дело» освобождения, Чернышевский подчеркивал при этом, что сказанное не имеет никакого отношения к русским делам, т. к. рабовладельцы, противники уничтожения рабства в Америке «не родня нам», «посторонним» людям (VIII, 407—408).

В некоторых случаях в оговорке Чернышевский иронически подчеркивал ненужность изложения, являющего собой аналогию России, неуместность его в контексте или несоответствие этого изложения его воззрениям. Например, мысль о том, что народ (и в том числе русский) только тогда поддерживает политику правительства, когда оно удовлетворяет его материальные потребности,—мысль, высказанную им в 1859 году применительно к итальянскому народу и правительству Каву-

¹ См. также Н. Г. Чернышевский. ПСС, Гослитиздат, М., 1939—1953, т. VI, стр. 370.

ра, — Чернышевский сопроводил следующей оговоркой: «Впрочем, мы совершенно напрасно вдавались в этот эпизод об отношениях к народу политики, столь симпатичной благородным стремлениям всех образованных сословий: какое кому дело до того, лучше или хуже стало массе?» (VI, 254). Точно так же, применяя для скрытой характеристики самодержавно-крепостнической России пример жизненного устройства Турции, страны «азиатской», в которой «не существует неприкосновенности никаких прав», в которой «не ограждены от произвола ни личность, ни труд, ни собственность», где «закон совершенно бессилён» и где «господствует исключительно насилие, Чернышевский из предосторожности оговаривался: «Мы чувствуем, что этот эпизод об азиатстве решительно недостоин той серьёзной идеи, которая служит основанием нашей статьи... Забывая наш неудовлетворительный эпизод об азиатстве, мы беремся опять за логику...» (1859 г.; V, 700).

В политическом обозрении за июль 1859 года Чернышевский выдвинул идею несовместимости монархии с принципом освобождения народа, которое может осуществиться только революционным путем. Эта идея выражена им иносказательно с помощью рассказа об Испании, где «на больших дорогах есть разбойники, которые живут нарушением законов о собственности и личной неприкосновенности <...> занимаются грабежом, а при случае надобности совершают и убийства». Напрасны надежды на то, пишет Чернышевский, что «сами кастильские разбойники исправятся и перестанут грабить кастильцев». Тем, что эту пустую надежду питает «целая толпа людей» и объясняется, «почему Испания вообще находится в таком жалком состоянии». Для прекращения разбоев в Испании «необходимо принять меры, которых никак не желают, никогда не могут желать разбойники..., эти меры не могут быть проведены иначе, как силами каких-нибудь других людей и сословий, не имеющих ничего общего ни с какими другими разбойниками» (VI, 277—279).

В пределах этого рассказа из жизни Испании, которая, как и Австрия, являлась привычным читателю псевдонимом России, Чернышевский использовал параболу на сюжет о разбойниках, грабящих на дорогах. Такую параболу он употреблял также в статьях «О новых условиях сельского быта» (1858) и «Устройство быта помещичьих крестьян. Труден ли выкуп земли?» (1859), и она была знакома читателю¹.

Но чтобы ввести в заблуждение цензора, Чернышевский спешит заявить о «неуместности» приведенного примера: «Впрочем, нас совершенно справедливо упрекают за нелепость уклонений от предмета и неуместность произвольных

¹ См. Н. Г. Чернышевский, ПСС, Гослитиздат, М., 1939—1953, т. V, стр. 106 и 980.

эпизодов, нисколько не идущих к делу. Вот, например, и теперь мы видим, что написали целые полторы страницы, что называется, ни к селу, ни к городу, и что даже невозможно извлечь из этих страниц никакого порядочного смысла... Вы, читатель, простите нам невоздержанность...» (VI, 279).

Часто в своих сопроводительных иронических оговорках, выражая точку зрения человека с противоположными ему убеждениями, Чернышевский намеренно доводил свои рассуждения и характеристики до абсурда, демонстративно называя черное белым. Конечно, при этом Чернышевский рассчитывал на читателя, знакомого с его действительным убеждением. Внешне же такая оговорка отвечала формальным требованиям цензуры и зачастую усыпляла ее бдительность. Характеризуя, например, порядки современной Австрии, Чернышевский называл австрийское государство «примерным», его порядки «прекрасными». Себя он причислял к «многочисленным друзьям» Австрии и заявлял, что «порицатели Австрии напрасно выводят убийственное» для его «чувств заключение, будто бы Австрии в самом деле угрожает падение» и т. д. (1859; VI, 468—469)¹.

В других иронических комментариях Чернышевский перечислял как отсутствующие именно те факты жизни другой страны, которые в действительности были свойственны России.

Характерный пример такой иронической оговорки находим в сентябрьском политическом обозрении 1859 года. Австрийские либералы, отличительными чертами которых, как и «повсюду», «служат два качества: верить и восхищаться», ожидают коренных улучшений жизни в результате обещанных австрийским правительством реформ. Между тем, «ясно,—пишет Чернышевский,— что только военные неудачи заставили австрийское правительство подумать о внутренних улучшениях, а из этого ясно, что, когда позабудется стыд поражений, когда остынет народное неудовольствие, возбужденное ими, пройдет и забота об улучшениях... мы скоро увидим, что почти все обещания свои оно оставит невыполненными, решительно возвратится к реакционной политике, которой следовало до войны. Да и в чем состоят обещанные реформы? Касаются ли они основной причины зла? Обещано ли прекратить бесправие граждан перед правительством? Нет...» Реформы «могли бы иметь действительное значение только тогда, если бы являлись лишь второстепенными чертами в общем преобразовании государственных учреждений, во всей системе своей проникнутых духом угнетения...» и т. д. (VI, 406—407).

Характеристика реформистских намерений австрийского

¹ См. также Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. VI, стр. 489.

правительства являлась прозрачной аналогией положению в России, вполне понятной русскому читателю. Чтобы законспирировать смысл иносказания и вместе с тем показать, что никаких существенных изменений в жизни Австрии (и, следовательно, России) не произошло в результате обещаний правительства, Чернышевский с иронией отрицает наличие в Австрии (и, следовательно, в России) основных пороков государственного управления, в действительности утверждая их самим перечислением: «Если нам кто-нибудь скажет, что все учреждения и принципы, от которых зависит нынешний порядок дел в Австрии, остаются невредимы, мы будем отвечать ему, что он тупоумный скептик, не понимающий величия совершаемых австрийским правительством преобразований. Он, быть может, скажет, что венское правительство по-прежнему сохраняет безотчетную власть над всей государственной жизнью, может по произволу сажать в Шпильберг кого только вздумает, назначать правителей по придворным и бюрократическим интригам.; он скажет, что венское правительство по-прежнему опирается только на вооруженную силу и жертвует всем для поддержания своего военного деспотизма, что оно преследует всякую свободную мысль, управляет посредством ржавых бюрократических пружин, что народ по-прежнему обременен налогами, что финансы по-прежнему истощаются расходами на армию и на роскошь двора. Мы будем отвечать такому скептику, что все это пустяки...» (VI, 408).

В некоторых случаях Чернышевским называлась не только страна, которая служила аналогией России, но и сама Россия. При этом характеристика обстоятельств русской жизни давалась в форме описания аналогичных фактов другой страны, а сравнение с Россией шло в ироническом плане.

В статье «Французские законы по делам книгопечатания» (1862) Чернышевский писал об «исключительных» законах, ограничивающих свободу французской печати. К этим мерам французское правительство прибегло для запрещения выражения враждебного ему общественного мнения. Чернышевский ставил своей целью также показать подлинное лицо русского правительства, предполагавшего в это время издать новые постановления о цензуре для еще большего стеснения русской печати. Иносказание здесь содержалось не только в самом повествовании о положении французской печати, аналогичном русскому, но и в следующем ироническом сравнении. Сначала Чернышевский «отказывался» сравнивать Францию с другими странами под таким предлогом, который как раз указывал на их сходство: «Мы не имеем ни времени, ни охоты разбирать здесь, до какой степени положение других континентальных западных правительств сходно с положением французского и до какой степени необходимы для

них исключительные законы по делам печати, действительно необходимые для французского правительства: мы не будем разбирать потому, что подобное исследование было бы совершенно напрасно: мы уже говорили о том, что Франция, как передовая страна, имеет неотразимое влияние всеми, и хорошими и дурными, сторонами на другие континентальные страны Западной Европы...» (X, 166—167). Затем также в ироническом плане Чернышевский «отказывался» разбирать вопрос, «до какой степени нужны были бы у нас специальные законы по делам печати»: «Если бы оказалось,—писал он,— что они действительно нужны у нас, тогда мы вновь заслужили бы имя обскурантов, врагов прогресса, ненавистников свободы, панегиристов деспотизма и т. д.. Вот важнейшая причина тому, что мы не хотим исследовать вопроса <...> мы опасаемся, что добросовестное исследование привело бы нас к ответу: да, они нужны» (X, 167). Оговорки строились таким образом, что благодаря иронии отказ от сравнения с Россией или отрицание принадлежности России перечисляемых качеств другой страны указывали русскому читателю на существующие в его отечестве аналогичные обстоятельства. Иронический тон таких примечаний заострял характеристику, подвергал сатирическому осмеянию отмечаемые в иносказании пороки русского политического устройства.

Статья была напечатана, и только после опубликования антиправительственный смысл ее, а также сходной с ней статьи «Журналистика во Франции во время консульства и империи» обратил на себя внимание властей. Министр внутренних дел П. А. Валуев в отношении к управляющему министерством народного просвещения А. В. Головину писал 30 апреля 1862 года, что Чернышевский «сгруппировал и высказал такие стороны французской истории, которые весьма близко подходят к современным обстоятельствам России, и представляя их более или менее в неблагоприятном свете, возбуждает таким образом в читателях чувство неудовольствия и дух порицания прямо противу наших правительственных действий»¹.

Такой же прием иронического сравнения встречается в статье «Упрек и оправдание» (1859). Сравнение России с Францией начинается с иронической оговорки: «положение этих стран различно. Это—совершенная правда, и существенная причина разницы <...> такова, что должна служить великим преимуществом нашего общества перед французским» (V, 764). Затем следует само сравнение, в котором на примерах французской жизни Чернышевский характеризует Рос-

¹ Н. Г. Чернышевский и царская цензура. Публикация И. Ковалева. Сб. «Шестидесятые годы». Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 388—389.

сию, каждый раз иронически отрицая, что все это относится к ней: «В своих отношениях к обществу французское правительство должно по необходимости руководствоваться соображениями об ограждении собственной своей безопасности от непримиримых врагов... Из этой необходимости обороны своего существования возникает для него потребность прибегать к стеснительным мерам... Надобно ли говорить, что положение нашего правительства совершенно не таково <...> и стеснительные меры, понятные для Франции, были бы совершенно лишены оснований и неуместны у нас» (V, 764). Так же и дальше: «...французская пресса постоянно занята вопросом о законности нынешнего французского правительства... Нам этот вопрос о происхождении власти совершенно чужд <...> французское общество постоянно занято вопросом о пределах правительственной власти. У нас также совершенно нет такой причины рассуждать о подобных вещах, какая дана Франции ее политическими переворотами» (V, 765).

В февральском политическом обозрении 1859 года, говоря о свободе печати в Англии, Чернышевский противопоставляет ее относительно демократическое социальное устройство русским порядкам. Делает он это с помощью иронического отождествления по существу таких несравнимых друг с другом явлений общественного быта, определяющих различные уровни развития общества, как «правило не держать женщин взаперти», присущее русскому обществу, и «печатное обсуждение всех внутренних и внешних вопросов», парламентаризм в законодательстве, «митинги по общественным делам» — в Англии (VI, 83). «Эти дела, в которых Англия опередила континентальную Европу, очень важны,—иронизирует Чернышевский, — в том нет спора. Но допущение женщины в общество также дело очень важное» (VI, 83).

Читатель мог понять истинный смысл этого сравнения, тем более, что даже равноправия русской женщины, выдвинутого Чернышевским как показатель русского «прогресса», в России не существовало. Ирония здесь, как и в приведенных выше примерах, не только углубляла способ иносказания средством проведения аналогии, помогая обходить цензуру, она придавала также сатирическую заостренность и тем публицистическим статьям, где широко использовалось скрытое сравнение прошлой и настоящей зарубежной жизни с русской действительностью.

Исторические сравнения, аналогии, параллели наполняют страницы сочинений Чернышевского, как не раз упоминалось, особенно широко — начиная с 1859 года. Богатый фактический материал, приобщавший читателя к сложным социологическим и политическим обобщениям, часто привлекался для скрытых сравнений с русскими условиями существования и давал возможность высказываться по поводу злободневных

вопросов, непосредственно касающихся читателей «Современника».

И тогда, когда Чернышевский сам осторожно указывал на применимость к отечественным обстоятельствам излагаемого им материала, и когда лишь наводил читателя на мысль о необходимости сопоставления, и когда предоставлял устанавливать аналогию самому читателю, и когда он дополнительно вуалировал сравнение иронической оговоркой — во всех этих случаях такое изложение становилось еще и средством иносказания. Дополнительная конспиративная целенаправленность повествований на темы истории и международной политики приумножала познавательное и революционное воспитательное значение публицистики Чернышевского.

Г. Н. АНТОНОВА

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ТУРГЕНЕВ О «ЛИШНИХ ЛЮДЯХ» (1859—1863 гг.)

В последнее время новейшими исследователями литературы было высказано мнение, будто Тургенев под влиянием статьи Чернышевского «Русский человек на rendez-vous» (1858) пересмотрел свое прежнее представление о «лишних людях» и в «Дворянском гнезде» в основном солидаризировался с революционно-демократическим решением проблемы. Так, М. О. Габель по этому поводу пишет: «Тургенев не только не был раздосадован статьей «Русский человек на rendez-vous», но сделал из нее важные для себя выводы. <...>. Статья Чернышевского появилась в печати, когда Тургенев уже работал над «Дворянским гнездом», и Тургенев учел в романе основные замечания Чернышевского относительно «лишнего человека» <...>»¹. Это утверждение слишком категорично и нуждается в коррективах.

На самом деле в «Дворянском гнезде» Тургенев не только не разделял точки зрения революционных демократов на «лишнего человека», но и намеренно заострил свой роман против статьи Чернышевского «Русский человек на rendez-vous» и примыкающей к ней по содержанию статьи Добролюбова «Николай Владимирович Станкевич» (1858)². Задум-

¹ М. О. Габель. Роман Тургенева «Дворянское гнездо» в общественно-политической и литературной борьбе конца 50 годов, «Уч. зап. Харьковского гос. библ. ин-та», 1956, в. 2, стр. 218—219.

² Полемическая заостренность тургеневской концепции «лишнего человека» в романе до сих пор не отмечалась исследователями. Дореволюционные историки литературы тенденциозно противопоставляли «Дворянское гнездо» главным образом в эстетическом отношении, как произведение чистого искусства, обличительному направлению, возглавленному революционными демократами. (В. Буренин. Литературная деятельность Тургенева. СПб., 1884, стр. 116—117; И. Иванов. И. С. Тургенев. Нежин, 1914, стр. 317, 319; А. Е. Грузинский. И. С. Тургенев. М., 1918, стр. 136—137. Советские литературоведы лишь в самом общем плане

мав «Дворянское гнездо» еще в начале 1856 г., Тургенев работал над ним наиболее интенсивно именно летом и осенью 1858 г., когда уже появились в печати названные статьи.

Но в ожесточенной борьбе мнений вокруг «лишних людей» Тургенев не солидаризировался ни с одним из направлений либерально-дворянского лагеря, враждебного революционным демократам. Свою позицию писатель четко отделил и от воззрений славянофилов, печатавшихся в «Русской беседе» и «Молве», и от взглядов либеральных западников, представленных «Русским вестником», «Атенеум», «Отечественными записками», «Библиотекой для чтения», «Московскими ведомостями» и другими печатными изданиями. В споре с Чернышевским и Добролюбовым ближе всего оказалась Тургеневу точка зрения Герцена, хотя и она не совпала полностью с его концепцией «лишнего человека».

Статья Добролюбова о Н. В. Станкевиче («Современник», 1858, № 4) и «Русский человек на rendez-vous» Чернышевского («Атеней», 1858, № 18, май—июнь) явились самым сильным отрицанием тургеневского представления о «лишнем человеке» накануне революционной ситуации.

Анализируя повесть Тургенева «Фауст», Добролюбов резко выступил против того «мрачного» взгляда на человеческую личность, который лег в основу суждений писателя о «лишних людях». В противовес тургеневскому неверию в гармонию «существа» человека и «требований чистой нравственности» Добролюбов энергично отстаивал теорию разумного эгоизма, утверждающую естественное совпадение «потребностей человеческой природы» и «велений долга»¹.

Почти одновременно с Добролюбовым Чернышевский в «Русском человеке на rendez-vous», развивая ту же идею «житейского благоразумия» и «выгоды», нанес решительный удар либерально-абстрактной точке зрения Тургенева на «лишних людей». На примере «Аси», «Фауста» и «Рудина» критик-демократ подчеркнул недостаточность свойственного Тургеневу морального суда над «лишними людьми». Констатация «дрянного бессилия характера», «мелочно-робкого эгоизма» «лишнего человека» и утверждение «благородных

констатировали сложное соотношение философско-нравственных воззрений Тургенева со взглядами Чернышевского и Добролюбова, причем связь этической темы романа с проблемой «лишнего человека» оставалась недостаточно уясненной (Г. А. Бялый, в кн.: «История русской литературы», т. VIII, ч. I, М.—Л., 1956, стр. 353—356; Г. Б. Курляндская Романы И. С. Тургенева 50-х—начала 60-х годов. «Уч. зап. Казанского ун-та», т. 116, кн. 8, 1956, стр. 52—57).

¹ Н. А. Добролюбов. ПСС в 6 тт., т. III, ГИХЛ, М., 1936, стр. 67—69, 72—73. В дальнейшем цитируется это издание с указанием в тексте тома и страницы.

стремлений, самопожертвования и бог знает каких прекрасных вещей» не удовлетворяли Чернышевского. Подобную манеру изображения «лишнего человека» Чернышевский прямо возводил к традиции 40-х гг., поставив героев Тургенева в один ряд с Печориным и Бельтовым. Теперь, в конце 50-х годов, эта манера представляется Чернышевскому уже лишней «твердой опоры практической действительности».

Упоминая Бельтова, Чернышевский тем самым отвергал и стремление Герцена оправдать бездеятельность «лишнего человека» объективными препятствиями, влиянием внешней среды.

Сам Чернышевский объяснял характер и «образ мыслей» «лишнего человека» конкретными социально-историческими обстоятельствами, «принадлежащими его сословию», т. е. дворянскому классу или дворянской «семье», из «частных интересов» которой о «своем кармане, о своем брюшке или о своих забавах» органически «исключены гражданские мотивы». Своей статьей Чернышевский нанес удар и славянофильской, и западнической концепциям «лишнего человека», объективный политический смысл которых, несмотря на различие субъективных оценочных оттенков, сводился лишь к требованию «обновления» дворянского класса. Самой логикой мысли революционера-демократа с ними была сближена фактически и позиция Тургенева.

В то время, как Чернышевский и Добролюбов заново переоценивали идейное наследие предшествующего десятилетия, Тургенев выступил в «Дворянском гнезде» его горячим защитником. Недаром даже действие своего произведения он приурочил к 40-м годам. В этом романе Тургенев дал широкое и всестороннее художественное развитие той концепции «лишнего человека», которая сложилась у него еще в «Гамлете Шигровского уезда» (1849) и «Дневнике лишнего человека» (1850).

Учитывая роль воспитания и среды в появлении «лишних людей», Тургенев в отличие от Белинского и Герцена основным считал тогда нравственный фактор, самую природу человека. Неудачно сложившуюся жизнь и «Гамлета» и Чулкатурина он объяснял не столько внешними обстоятельствами, сколько прежде всего свойственным им обостренным чувством своего «я», излишней эгоистической сосредоточенностью. Осуждая это чувство, Тургенев указывал выход в сознательном отречении от себя в пользу других, в бескорыстной заботе о благе окружающих. Самоотречение, по Тургеневу, не может не причинить страданий тому, кто жертвует собой. Поэтому мысль о самопожертвовании окрашивалась у Турге-

нева скорбной грустью за человека, отказывающегося от своих естественных желаний.

В оценке Лаврецкого нравственный фактор для писателя по-прежнему остается одним из самых решающих. Скептицизм Лаврецкого Тургенев рассматривал прежде всего как следствие его исключительной «жажды счастья», его стремления к «самонаслаждению». С этой стороны Лаврецкого судят и Михалевич и Лиза. Оба они являются в романе воплощением высокого идеального начала, лишенного всяких эгоистических забот о собственном благе. Михалевича автор называет «идеалистом», который жил, «искренно радея и сокрушаясь о судьбах человечества <...> — и весьма мало заботясь о том, как бы не умереть с голоду». Этим Михалевич родствен Рудину, которому Тургенев сочувствовал именно за то, что, живя «для общего блага», сам он «остался нищим». Устами Михалевича Тургенев и обвиняет Лаврецкого в эгоизме. «Ты эгоист, вот что!»—говорил Михалевич. «Ты желал самонаслажденья, ты желал счастья в жизни, ты хотел жить только для себя <...>. И все тебя обмануло; все рухнуло под твоими ногами <...>. И оно должно было рухнуть. Ибо ты искал опоры там, где ее найти нельзя, ибо ты строил свой дом на зыбком песке...»¹. Сам Лаврецкий не может не согласиться с Михалевичем, когда после крушения надежд на счастье с Лизой с горечью убедился, что «жажда счастья» «оторвала его от того, что он признал своим долгом» (II, 281).

Строгий суд над Лаврецким вершит на протяжении всего романа и Лиза. «Вся проникнутая чувством долга», Лиза оттеняет своей цельностью внутренние колебания Лаврецкого между стремлением к личному счастью и нежеланием нарушить интересы окружающих. Однако Тургеневу было глубоко чуждо славянофильское аскетическое признание порочности эгоизма вообще. Как и Герцен, Тургенев был убежден в природной естественности эгоистического начала в человеке. Здесь он солидаризировался и с Чернышевским и с Добролюбовым. Вот почему поэтическим сочувствием окружена в романе любовь Лаврецкого к Лизе. Надежды на счастье самой Лизы писатель отнюдь не считает преступными, «как она

¹ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. II, ПИХЛ, М., 1954, стр. 216—217. В дальнейшем цитируется это издание с указанием в тексте тома и страницы.

Слова Михалевича и по содержанию и буквально почти полностью совпадают с тем, что писал в 40-х гг. Герцен в статье «По поводу одной драмы» (1843), когда предрекал неизбежную нравственную катастрофу тем, кто «любовью» отвлекся от сферы всеобщих интересов: «Люди, основывающие все благо своей жизни на семейной жизни, ставят дом на песке» (А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. II, Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 65). На это совпадение впервые указала А. Н. Мензорова (Роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо», Новосибирск, 1959, стр. 27).

назвала их». Многочисленные эпизоды романа, демонстрируя трудность, с какой Лиза подавляла свое чувство, утверждают неискоренимость и неистребимость его во всякой живой личности: сцена знакомства Лизы с Варварой Павловной, свидание Лизы с Лаврецким перед уходом в монастырь, встреча их в монастыре и т. п.¹

Все сказанное, однако, ни в какой мере не позволяет сделать вывод о том, что Тургенев, подобно Чернышевскому и Добролюбову, убеждал читателя в необходимости и возможности совпадения личного интереса и долга перед другими людьми². Напротив, то гармоническое слияние личного с общим, которое революционные демократы нашли в теории разумного эгоизма, представлялось Тургеневу глубоко неверным и на практике неосуществимым.

Вся образная система романа свидетельствует, что Тургенев не принимал эту теорию как идеал и норму поведения людей. Тургенев полагал, что человеческая личность более сложна и противоречива, чем она понималась разночинцами-демократами, и что разумный расчет отнюдь не всегда совпадает с высокой нравственностью и гуманностью. В полемических целях писатель даже явно схематизировал и упрощал этическое учение революционных демократов, намеренно отождествляя «разумную выгоду» со своекорыстным преследованием узко личных интересов. Эта мысль Тургенева, свидетельствующая об ограниченности его либеральных воззрений, реализована в «Дворянском гнезде» на образах Варвары Павловны и Паншина.

Тургенев не без умысла подчеркивал, что всеми поступками своекорыстной Варвары Павловны движет «расчет», т. е. исключительно утилитарное отношение к жизни. Выйдя замуж по расчету, ибо ей «хорошо было известно, что жених ее богат», Варвара Павловна и в дальнейшем руководствуется только собственной выгодой, «весьма искусно» добиваясь «всех своих целей». Изменой Варвары Павловны Лаврецкому, ее беззастенчивым поведением в г. О. по возвращении из-за границы — всюду писатель подчеркивает, что ее эгоизм, не подчиненный никаким моральным нормам, никогда не сливается с заботой о благе других людей. Напротив, Варвара Павловна причиняет всем окружающим только страдания.

В Варваре Павловне говорит не просто эгоизм нераз-

¹ См. об этом подробнее в работах Г. Б. Курляндской «Романы И. С. Тургенева 50-х—начала 60-х годов» (Казань, 1956, стр. 59—60) и С. М. Петрова «И. С. Тургенев», Гихл, М., 1961, стр. 273—274.

² Именно этот ошибочный вывод содержится в работах М. О. Габель, указ. соч., стр. 222; А. Н. Мензоровой, указ. соч., стр. 26, 29; А. Ф. Захаркина «Роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (сб. «Творчество И. С. Тургенева», Учпедгиз, М., 1959, стр. 225—226).

витого человека. Тургенев подчеркивает, что Варвара Павловна образована, хотя и поверхностно. По словам автора, в «...ском институте» Варвара Павловна «считалась <...> первую умницей»; неоднократно упоминается также, что у нее «изящный ум», «умные глаза», что «она много и часто беседовала с умными людьми разных разборов» (II, 277). Не без иронии Тургенев называет ее «большой философкой».

Таков же и Паншин, «очень ловкий» и холодно-расчетливый молодой человек, вышедший из университета «с чином действительного студента». По характеристике автора, он только «держался вольно и просто», «но в душе <...> был холоден и хитер» и «никогда не мог забыть и увлечься вполне» (II, 150). В Паншине, как и в Варваре Павловне, Тургенев отмечает абсолютное отсутствие нравственного чувства: «душа его не прекрасна» (II, 211), «сердца-то у него и нету» (II, 223). Расчетливо-практический принцип Паншина — «в жизни — легкость и смелость — первое дело» — оборачивается сухой черствостью в сфере частной жизни (отношение его к Лемму, Лизе, Марье Дмитриевне), беспочвенным прожектерством в области общественных преобразований (об этом будет сказано ниже). Недаром утилитарный эгоизм Паншина Писарев назвал впоследствии «копеечным расчетом», отметив, что он «смотрит на жизнь, как на спекуляцию, в которой можно выиграть столько-то выгод, столько-то почестей, столько-то наслаждений»¹.

В противовес мысли революционных демократов о естественном совпадении в разумной личности частного интереса и общей пользы Тургенев настойчиво выдвигает защищаемый им еще в 40-х гг. принцип отречения от личных желаний во имя общего блага.

В интерпретации Тургенева Лаврецкий только потому остался «порядочным человеком до конца», что, преодолев эгоистические стремления, «действительно перестал думать о собственном счастье, о своекорыстных целях». Лишь тогда «он сделался действительно хорошим хозяином, действительно выучился пахать землю и трудился не для одного себя» (II, 306).

Эгоистической Варваре Павловне противопоставлена Лиза, отказавшаяся от личного счастья ради блага других людей.

Правда, ни Лаврецкому, ни Лизе самопожертвование не доставляет радости. Об этом в достаточной степени свидетельствует эпилог, окрашенный скорбными пессимистическими тонами. Но, грустя от чувства неполноты своей жизни, Лаврецкий осознает принцип самоотречения как достижение

¹ Д. И. Писарев, Соч. в 4-х тт., т. I, ГИХЛ, М., 1955, стр. 25.

передовых людей его поколения, которым пришлось «отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака». Понимая, что самоотречение тяжело, Тургенев вместе с тем не видит иного пути для «порядочного человека».

В «Дворянском гнезде» в отличие от своих произведений 40-х г.г. Тургенев объясняет нравственно-психологические качества «лишнего человека» конкретными условиями жизни всего дворянского сословия России. Свои наблюдения над современным помещичьим классом Тургенев обосновывает его историей, связывая ее с историей развития страны и народа в целом.

В романе Тургенев решительно отвергает главный тезис революционных демократов о том, что несостоятельность «лишних людей» коренится в самой их принадлежности к дворянскому помещичьему классу, к дворянской «семье». Этот тезис представляется Тургеневу ограниченным и не охватывающим всей сложности явления. Самим названием романа—«Дворянское гнездо»—писатель полемически переосмысливал упрек, адресованный революционными демократами «лишним людям».

Судьбы и характеры Лаврецкого и его антипода Паншина, Лизы и противопоставленной ей Варвары Павловны различны, хотя все эти герои и принадлежат к одному сословию дворян. Подчеркивая решающую роль среды в появлении «лишних людей», Тургенев отрицал первостепенную важность ее социального признака.

Точка зрения Тургенева в этом отношении была наиболее близка к позиции Герцена 1856—1858 гг. В той части «Былого и дум», которая была посвящена изображению идейного движения 40-х гг. и печаталась в «Полярной звезде»¹, Герцен оправдывал Онегиных и Печориных тем, что их окружало «общество без живых интересов, жалкое, струсившее, подбострастное».

Но в отличие от Герцена Тургенев разумел под средой, окружавшей «лишнего человека», не столько общественно-политический уклад жизни страны, тормозивший свободное развитие личности, сколько определенный тип культуры, обусловленный социально-историческими признаками, большей или меньшей близостью к народу. В этом аспекте, восходящем к пушкинской традиции, как она сложилась в «Евгении Онегине»², даны обстановка, воспитание, быт, формировавшие Лаврецкого, и противоположные им условия, окружавшие Лизу.

¹ «Полярная звезда», 1855, кн. I, изд. 2-е, 1858, кн. IV, март («От издателя», стр. 311). Ср. «О развитии революционных идей в России», изд. 3-е, февраль—март 1858 г.

² Г. А. Гукровский. Пушкин и проблемы реалистического стиля, ГИХЛ, М., 1957, стр. 204—205.

Вся история предков Лаврецкого, начиная с прадеда Андрея, который «что восхотел, то и творил» и кончая «застарелым эгоистом» англоманом Иваном Петровичем, демонстрирует отсутствие в их жизни определяющих нравственных начал. Гуманистические принципы французских просветителей XVIII в., проникнув на русскую почву, были усвоены средней дворянской интеллигенцией лишь рассудочно, «одной только головой». По словам Тургенева, «вся премудрость XVIII века» пребывала в Иване Петровиче, «не смешавшись с его кровью, не проникнув в его душу, не сказавшись крепким убеждением» (II, 166).

Это отсутствие внутреннего нравственного чувства в русском дворянстве Тургенев прямо связывал с антинациональным образом его жизни, с моральным отрывом его от простого народа. Таков отец Лаврецкого. По ироническому замечанию писателя, он, «превратившись в англомана, стал в то же время патриотом». Но «мужикам запретили обращаться прямо к Ивану Петровичу: патриот очень уж презирал своих сограждан» (II, 175). Печальная судьба Лаврецкого мотивирована в романе его «капризным воспитанием», данным Иваном Петровичем и лишенным национальных и моральных основ.

В то же время непосредственную способность Лаврецкого к добру писатель связывал с тем, что в нем «течет честная плебейская кровь» его матери — простой крестьянки, не знающей эгоистических побуждений и наделенной «постоянной кротостью смирения»¹. В дальнейшем все положительное в Лаврецком укрепляется под живым влиянием Лизы. При этом подчеркивается, что жертвенность и моральная чуткость Лизы воспитаны были Агафьей, ее крепостной няней. Высоким нравственным чувством, искренним патриотизмом обладают в романе самые демократические персонажи, в том числе Михалевич, Марфа Тимофеевна, Лемм.

В противоположность Чернышевскому, отрицавшему уже тогда положительную общественную роль всего дворянского сословия и убежденному в том, что «лишние люди» «не способны понять свое положение», Тургенев еще верил в жизнеспособность дворянства². Выход из скептицизма и апатии

¹ Недаром П. В. Анненков в статье «Наше общество в «Дворянском гнезде» Тургенева» (1859) решительно отверг эту народную точку зрения писателя: «...плебейская кровь также нуждается в обуздании ее духовным началом, может быть, даже более, чем какая-либо другая» (П. В. Анненков. Воспоминания и критические очерки, отд. 2, СПб, 1879, стр. 210).

² М. О. Габель несправедливо полагает, что образом Лаврецкого Тургенев, «переключаясь с Чернышевским», вершит суд на дворянским либерализмом (указ. соч., стр. 236). Ср. А. Н. Мензорова, указ. соч., стр. 36; А. Ф. Захаркин, указ. соч., стр. 229:

«лишних людей» он видел в «признании народной правды и смирении перед нею» (II, 245).

Идея «народной правды» имела при этом у Тургенева широкое гуманистическое содержание, означая любовь к ближним, отказ от эгоистических притязаний во имя блага окружающих. В ней не было ничего специфически славянофильского, хотя по внешнему выражению она, казалось, и совпадала с тем, что проповедовали критики указанного направления на страницах «Русской беседы» и «Молвы» во второй половине 50-х гг. ▀

Славянофилы объясняли «личную самозаконность» «лишних людей» преобладанием в них «логического убеждения» над «верой». Это обстоятельство славянофилы связывали с моральным отрывом «образованного класса» от «народной стихии», утверждая, что русская интеллигенция «больна своей искусственно безнародностью»¹. Путь к преодолению эгоистической рефлексии «лишнего человека» славянофилы видели в том, чтобы сознать «ничтожность ума»², «ложность русского европеизма»³, и обратиться «к чистым источникам древней православной веры своего народа»⁴.

Подобно славянофилам, Тургенев восхищался нравственной красотой и душевным благородством тех, кто проникнут был сердечной верой в идеал, непосредственной способностью к любви и самопожертвованию. Но в отличие от славянофилов писатель верил в силу разумного логического начала. Вот почему в своих героях, горячо преданных идеалу, Тургенев не без сожаления отмечал некоторую умственную узость, недостаточность здравого смысла и проницательности. Этими чертами отмечены в романе образы Лизы и Михалевича. По словам автора, Лизу «особенно блестящими способностями большим умом <...> бог не наградил», «читала она немного; у ней не было «своих слов» (II, 256). Говорит Лиза «с запинкой», «не без некоторого усилия». Ее оценки людей не всегда достаточно верны: так долгое время она ошибалась в Панишине, пока Лаврецкий не помог ей разгадать его.

Нотками добродушной иронии окружен в романе образ восторженного идеалиста Михалевича, упрекавшего Лаврецкого в том, что в нем «веры нет — и нет откровения», «ум, все один только копеечный ум» (II, 217—218). Проникнутый этой верой, сам Михалевич лишен был практического пони-

¹ А. С. Хомяков. Разговор в Подмосковной, «Русская беседа», 1856, кн. 2, отд. Смесь, стр. 114.

² Отрывки, найденные в бумагах И. В. Киреевского, «Русская беседа», 1857, кн. 5, стр. 15.

³ Я. Сахаров. О воспитании в духе народности, «Молва», 1857, № 27, 12 октября, стр. 318.

⁴ И. В. Киреевский. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России, «Московский сборник», т. I, 1852, стр. 66.

мания действительной жизни, вследствие чего «удачей в предприятиях своих он похвастаться не мог» (II, 214).

Между тем для Тургенева утонченная развитость самосознания почти всегда служит ручательством глубокого и аналитического ума, образованности, высокой культуры — всего того, что он чрезвычайно ценил в «лишних людях». В этом отношении Лаврецкий превосходит и Лизу и Михалеви́ча.

Четко отделив свою концепцию «лишнего человека» от славянофильской, Тургенев выступил одновременно и против решения этой проблемы критиками либерально-западнического направления, представленного такими журналами, как «Русский вестник», «Отечественные записки», «Атеней», «Библиотека для чтения» и другими. В «Дворянском гнезде» Тургенев осудил отвлеченный антинародный характер западнических рецептов оздоровления дворянского класса, игнорирующих действительные потребности русской жизни. Наиболее характерные высказывания «западных доктринеров» художественно обобщены в рассуждениях «самонадеянного светского чиновника» Паншина в сцене спора его с Лаврецким у Калитиных. «Россия, — говорил он, — отстала от Европы; нужно подогнать ее. Уверяют, что мы молоды — это вздор; да и притом у нас изобретательности нет; сам Хомяков признается в том, что мы даже мышеловки не выдумали. Следовательно, мы поневоле должны заимствовать у других. Мы больны, говорит Лермонтов, — я согласен с ним; но мы больны оттого, что только наполовину сделались европейцами; чем мы ушиблись, тем мы и лечиться должны» (II, 244—245).

Упреки Паншина в адрес «нового поколения» «по поводу» лермонтовской «Думы» почти полностью воспроизводят смысл высказываний Дружинина, Дудышкина, Чичерина и других публицистов, мотивировавших появление «лишних людей» «юностью» России, «не доучившейся у Европы»¹. «Европейское современное просвещение, не примененное к жизни, дало нам Рудина», — утверждал, например, А. Дружинин². С. Дудышкин обвинял «лишних людей» за отсутствие в них «равновесия космополитизма и народности, образования и деятельности», имея в виду под образованием европейское просвещение³. «Русский вестник», формулируя

¹ Ср. А. С. Хомяков. «Разговор в Подмосковной». Один из персонажей пьесы—западник Запутин—говорит: «Мы не доучились и, следовательно, не можем еще подвигать науку вперед. Прежде, чем других поведешь, надо их догнать» («Русская беседа», 1856, кн. 2, отд. Смесь, стр. 130).

² А. В. Дружинин. Повести и рассказы И. Тургенева, «Библиотека для чтения», 1857, № 5, т. 143, стр. 38.

³ С. Дудышкин. Повести и рассказы И. С. Тургенева, «Отечественные записки», 1857, № 1, стр. 22.

ближайшую программу деятельности для передового дворянского общества, призывал его «совместить в себе плоды чужого прошедшего, все образованности»¹, т. к. для России «наступила пора учения, пора подражания»².

В «Дворянском гнезде» Тургенев вскрыл несостоятельность подобных проектов общественного переустройства России. Лаврецкий при горячем сочувствии Лизы и Марфы Тимофеевны «покойно разбил Паншина на всех пунктах». «Он доказал ему невозможность скачков и надменных переделок, не оправданных ни знанием родной земли, ни действительной верой в идеал, хотя бы отрицательный» (II, 245).

Критикуя либеральное западничество в социально-исторической и этической сферах, Тургенев солидаризировался тем самым с Герценом, резко выступившим в 1858 г. против Чичерина и других буржуазных прогрессистов, игнорирующих национальные особенности исторического развития страны. Более того, высказывания Тургенева шли в этом отношении в общем русле с суждениями Чернышевского и Добролюбова, решительно разоблачавших, как и Герцен, в своих статьях экономические и исторические «теории» либеральных западников.

Однако некоторое сходство взглядов Тургенева, с одной стороны, и Чернышевского и Добролюбова, с другой, несколько не отменяло полемической заостренности «Дворянского гнезда» в целом против революционной демократии.

Эта целеустремленность писателя была тотчас угадана и славянофильской и либерально-западнической критикой, использовавшей роман для утверждения своих позиций в борьбе против революционно-демократического направления.

А. Григорьев истолковал роман как критику одновременно и «славянофильской» и «западной» «теорий», подразумевая под последней прежде всего воззрения «Современника», представленного статьями Чернышевского и Добролюбова. В образе Лизы А. Григорьев увидел «явный контраст» тому «миросозерцанию», которое воплотилось в образе Ольги из романа Гончарова «Обломов» и которому так «обрадовался» «публицист «Современника» — Добролюбов»³. Известно, что в своем разборе «Обломова» Добролюбов высоко оценил характер Ольги, чуждой, по его словам, всякому подчинению «внешнему нравственному долгу» и поражающей «изумительной гармонией сердца и воли». Противопоставив Лизе Варвару Павловну, Аполлон Григорьев неслучайно заметил,

¹ «Русский вестник», 1857, т. 8, март, стр. 227.

² Там же, стр. 466.

³ А. Григорьев в. И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо» (1859). Соч., т. I, СПб., 1876, стр. 414, 420, 425.

что к жене Лаврецкого очень бы шло «внешнее понимание Ж. Санда»¹.

В свою очередь П. В. Анненков отмечал, что «умножение лиц, подобных Варваре Павловне, в последнее время» является следствием «разнородности и противоречивости» «представлений о дозволенном и недозволенном в различных кругах нашего общества»². Причем сама возможность «явлений <...> европейских Варвар Павловн» прямо связывалась с «действием различных учений, обуревающих общество», среди которых, очевидно, имелось в виду просветительское учение о независимости и свободе личности³. Идейный смысл романа и его название Анненков истолковал как утверждение жизнеспособности «того круга», «из которого вышел Лаврецкий» и необходимости лишь «обновления и освежения этого круга»⁴. Подобно Анненкову, вся либеральная критика восторженно приветствовала «Дворянское гнездо», истолковав его как сознательный протест против революционно-демократического направления⁵.

**

Славянофильская и западническая оценки романа имели явно тенденциозный характер и не охватывали всей сложности и глубины мысли писателя. Однако, учитывая живучесть и широту распространения этих оценок, Чернышевский спустя несколько лет после опубликования «Дворянского гнезда» polemически откликнулся на него в своем романе «Что делать?» (1863), дав отповедь и многочисленным комментаторам Тургенева из либерального лагеря. В главе «Гамлетовское испытание» Чернышевский решительно осудил «партизанов прекрасных идей», полагавших, будто в реальной русской жизни разумный эгоизм по существу ничем не отличается от своекорыстного стремления к собственному благу. Сравнивая образ мыслей Лопухова, пропагандиста теории разумной выгоды, и Марьи Алексеевны Розальской, понимавшей эту выгоду лишь в утилитарном смысле, Чернышевский иронически замечал: «Сходство их понятий было так велико, что просвещенные и благородные романисты, журналисты и

¹ А. Григорьев. Соч., т. I, СПб., 1876, стр. 444.

² П. В. Анненков. Наше общество в «Дворянском гнезде» Тургенева (1859). Воспоминания и критические очерки, отд. 2, СПб., 1879, стр. 218.

³ Там же, стр. 217.

⁴ Там же, стр. 219. Ср. А. Г-ф о в. Критическое обозрение «Дворянского гнезда» г. Тургенева. «Русский мир», 1859, № 11, 13 марта.

⁵ А. Пятковский. «Дворянское гнездо». Повесть И. С. Тургенева. «Журнал министерства народного просвещения», 1859, ч. СII, № 5; М. Де-Пуле. Дворянское гнездо И. С. Тургенева, «Русское слово», 1859, № 11; Н. Ахшарумов. «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева. Сб. «Весна», СПб., 1859.

другие поучатели нашей публики давно провозгласили: «эти люди вроде Лопухова ничем не разнятся от людей вроде Марьи Алексевны»¹. Среди «просвещенных и благородных романистов», очевидно, имелся в виду прежде всего Тургенев, который задолго до «Отцов и детей», уже в «Дворянском гнезде» отождествил разумный эгоизм с утилитаристским расчетом.

Ложность подобных представлений Чернышевский опроверг в романе самой логикой развития образов Лопухова и Марьи Алексеевны, подчеркнув, что смысл рассуждений Лопухова лишь «казался Марье Алексевне ее собственным духом», между тем как на самом деле «выгода этой (Лопухова—Г. А.) выгоды не совсем сходна с ее выгодою» (XI, 70).

Не без учета точки зрения Тургенева Чернышевский в «Что делать?» снова развил и углубил свою прежнюю мысль о социальной обреченности Рудиных. Назвав героя «Аси» «дрянным человеком» в статье «Русский человек на rendez-vous», Чернышевский в романе характеризует тем же «эпитетом» весь дворянский класс. В отличие от просто «дурных людей», разъясняет Чернышевский, «дрянные люди не способны ни к чему», т. к. их питает «нездоровая почва», «гнилая грязь», в которой совершенно отсутствует «элемент труда» (XI, 110, 120—122). К «дрянным людям» отнесены все герои-дворяне—Серж, Сторешников, Жорж, в то время как Марья Алексеевна именуется «дурным человеком, а не дрянным».

Однако у Чернышевского нет непосредственной оценки «Дворянского гнезда». Она была дана Добролюбовым, который обратил на этот роман особое внимание, выделив в нем одновременно то, что и разъединяло и объединяло Тургенева с революционными демократами.

В статье «Когда же придет настоящий день?» (1860) Добролюбов решительно осудил тургеневскую трактовку проблемы «лишнего человека» в «Дворянском гнезде», завершающем, по его мнению, все предшествующее творчество писателя. «Путь создания возвышенных характеров, принужденных смиряться под ударами рока, сделался очень скользким» (II, 212),—констатировал критик-демократ, резюмируя свои прежние суждения о Тургеневе в разборе «Губернских очерков» Щедрина и статье «Николай Владимирович Станкевич». Таким образом, Добролюбов окончательно разрушил трагический ореол, окружавший героев Тургенева, иронизируя над его верой в неразрешимость противоречий человеческой натуры («рок») и «подавляющую силу людской пошлости» (внешнюю среду).

¹ Н. Г. Чернышевский. ПСС, т. XI, М., 1939, стр. 69. В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы.

Лаврецкого Добролюбов отнес к роду бездельных типов», как он называл всех «лишних людей» вообще. Правда, Добролюбов положительно выделил Лаврецкого среди его предшественников—Чулкатурина, Пасынкова, Рудина — на том основании, «что в нем есть что-то законно-трагическое, а не призрачное». Однако смысл трагизма Лаврецкого Добролюбов и Тургенев объясняли по-разному.

Тургенев видел этот трагизм прежде всего в фатальном несовпадении стремлений Лаврецкого к личному счастью и его желания жить для общей пользы. По Добролюбову же, «драматизм положения» Лаврецкого заключался в «столкновении» с религиозными «понятиями» Лизы, «с которыми борьба действительно должна устроить даже энергического и смелого человека» (II, 211). Указав, таким образом, что зло коренится в конкретных моральных и социальных установлениях современного общества, Добролюбов утверждал реальную возможность уничтожения зла. «Самое положение Лаврецкого,—писал он, вуалируя радикальный политический смысл своего вывода,—самая коллизия, избранная г. Тургеневым и столь знакомая русской жизни, должны [служить сильную пропагандою и] наводить каждого читателя на ряд мыслей о значении целого огромного отдела понятий, управляющих нашей жизнью» (II, 212).

Но даже в самый острый момент идейного расхождения с Тургеневым революционеры-демократы высоко оценили роман за его пафос общественного служения, за его высокий нравственный идеал. Именно об этом с восхищением писал Салтыков-Щедрин П. В. Анненкову 3 февраля 1859 г. после прочтения «Дворянского гнезда». Он поставил роман в ряд тех произведений писателя, после которых «ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается» и «мысленно благословляешь и любишь автора»¹. Почти теми же словами говорил о «Дворянском гнезде» и Добролюбов в рецензии на «Воспитанницу» Островского (1859), отметив «высокое и чистое наслаждение, испытанное при чтении этой повести»² (II, 459).

Так накануне революционной ситуации 1859—1861 гг. разночинцы-демократы брали у Тургенева на вооружение то, что отвечало их собственным гуманистическим представлениям о личности, одновременно резко полемизируя с абстрактностью и либеральной расплывчатостью его суждений о «лишних людях». Рассмотрение одного из эпизодов литературно-общественной борьбы 60-х годов выявило, с одной сто-

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. ПСС., т. XVIII, М., 1937, стр. 144.

² Ср. также отзыв Добролюбова о «Дворянском гнезде» в письме к С. Т. Славутинскому в декабре 1858 г. («Огни. История, литература», под ред. Е. А. Ляцкого, кн. I, Пг., 1916, стр. 39).

роны, своеобразие и сложность позиций Тургенева перед его разрывом с «Современником», а с другой — еще раз обнаружило ту настойчивость, с какой революционные демократы отстаивали свою точку зрения на важнейшие вопросы эпохи. Последующий ход развития жизни страны подтвердил справедливость концепции Чернышевского и Добролюбова, чья критика «лишних людей» отвечала насущным потребностям времени. И сам Тургенев, по-прежнему не соглашаясь с революционными демократами по ряду принципиальных проблем, выдвигает в центр своего внимания нового героя — разночинца, которому принадлежало будущее.

И. А. ВИННИКОВА

ПОЛЕМИКА И. С. ТУРГЕНЕВА С А. И. ГЕРЦЕНОМ В 1862—1863 ГОДАХ

1

Возникновение идейного замысла романа Тургенева «Дым» в значительной степени обусловлено полемикой писателя с Герценом о путях дальнейшего развития России и Европы, о движущих силах истории, о роли поземельной крестьянской общины.

Эти историко-философские и политические споры получили яркое отражение в цикле литературно-публицистических писем Герцена «Концы и начала»¹ и ответах на них Тургенева.

М. П. Драгоманов, опубликовавший письма Тургенева к Герцену², связал появление герценовских статей со спорами писателей в Лондоне весной 1862 г. во время пребывания там Тургенева. Близость речей Потугина в романе «Дым» к письмам его автора по поводу «Концов и начал» впервые отметил В. П. Батурицкий, широко использовавший изданную М. П. Драгомановым переписку в своей книге о Герцене³.

Подробно восстанавливая историю создания «Дыма», Ю. Г. Оксман утверждает, что «вся идеологическая нагрузка» романа «была предопределена историко-философскими и социально-политическими дискуссиями Тургенева с Герценом, Огаревым и Бакуниным» летом 1862 г. в Лондоне⁴.

¹ А. И. Герцен. Концы и начала. «Колокол», 1862, лл. 138, 140, 142, 144, 145, 148, 149; 1863, лл. 154 и 156.

² «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену с объяснительными примечаниями М. Драгоманова». Женева, 1892. В дальнейшем: «Письма».

³ В. П. Батурицкий. А. И. Герцен, его друзья и знакомые, т. I, СПб., 1904, стр. 255.

⁴ Ю. Г. Оксман. Комментарии к роману «Дым» В кн: И. С. Тургенев. Собрание сочинений, т. IX, М.-Л., 1930, стр. 419.

Однако полемика Тургенева с Герценом по философским и политическим вопросам была начата значительно раньше 1862 г. и задолго до появления первой статьи «Концов и начал». Она была вызвана особенностями мировоззренческих и политических позиций писателей, которые привели к идейным расхождениям уже в 1856 году значительно обострившимся после крестьянской реформы 1861 года.

Близко примыкает и переплетается с полемикой 1862—1863 годов весь круг вопросов, связанных с отношением Герцена и Тургенева к реформе 1861 г., т. е. осмысление путей послереформенного развития России, понимание революции и ее движущих сил.

Из необходимости хотя бы предварительного освещения всех этих моментов и исходит настоящая статья.

Период наибольшей близости Тургенева к Герцену относится к 1856—1861 годам¹. Они ведут в это время деятельную переписку, свидетельствующую об общности многих интересов писателей, о наличии ответственных поручений, которые давал организатор вольной русской прессы за границей своему другу. Большая часть их была вызвана сбором и проверкой материалов для «Колокола»².

Программа этого издания, которую Герцен не раз открыто заявлял на его страницах—«Освобождение крестьян от помещиков, освобождение слова—от цензуры, освобождение всех—от побоев»³—в предреформенный период объединяла самые широкие круги противников крепостничества.

В период 1857—1861 годов Тургенев, безусловно, разделял программу «Колокола», что отнюдь не говорит о его полной солидарности со всем содержанием газеты, а тем более о тождестве его убеждений с политической позицией Герцена.

Имевшиеся между ними разногласия и спорные вопросы неизбежно должны были затрагиваться в беседах писателей во время ежегодных поездок Тургенева в Лондон для свидания с Герценом. Поездки были в значительной степени продиктованы необходимостью личного обсуждения вопросов, возникавших в связи с изданием «Колокола», которые нельзя было доверить переписке⁴.

¹ Фактическая сторона отношений писателей освещена В. П. Батуриным, см. его книгу «А. И. Герцен, его друзья и знакомые», т. I, СПб., 1904.

² Подробнее см.: С. А. Рейсер. Тургенев—сотрудник «Колокола». Сб. «И. С. Тургенев. Материалы и исследования». Орел, 1940, стр. 136—147; также: З. Коган. Тургенев и Герцен. Сб. «И. С. Тургенев: 1883—1933», ГИХЛ, Л., 1934, стр. 107—132.

³ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XIII. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 199. В дальнейшем: Собр. соч. в 30 томах.

⁴ Так, 7 октября 1861 г. Тургенев писал Герцену из Парижа: «Всею душою жажду тебя видеть, да и нужно обо многом весьма важном переговорить с тобой и многое тебе сообщить». («Письма», стр. 141), там же: «Повторяю, нам необходимо видеться». (стр. 141).

Впервые Тургенев был в Лондоне еще до возникновения «Колокола» (с 31 августа по 8 сентября 1856 г.).

Через месяц после отъезда Тургенева из Лондона, 8 ноября 1856 г., Герцен ему сообщал: «Сегодняшнего числа окончил то письмо, которое тебе обещал: на кайенском перце и с West Indian pickles. Заглавие будет: «Еще вариация на старую тему (Письмо к И. С.)»¹. В этой статье впервые говорится о разногласиях, существовавших между писателями по вопросам дальнейшего развития России и стран Западной Европы. Сам Герцен отмечал два основных упрека со стороны Тургенева, который в данном случае высказывал не только свои соображения, но и мнение кружка западников². Герцен писал: «Главные упреки сводятся на два: во-первых, что мое воззрение на запад потрясает верования, необходимые еще у нас; во-вторых, что мое воззрение на Россию сближает меня со славянофилами»³.

Герцен сразу отводит второй пункт. Он справедливо считает, что споры со славянофилами потеряли уже прежнее значение вместе с концом царствования императора Николая I, так как славянофилы превратились в реакционную силу, целиком обращенную в прошлое.

Затем Герцен повторяет неоднократно высказанное ранее, выстраданное им убеждение в том, что к настоящему времени прогрессивная роль Запада исчерпана и важнейшие социальные проблемы должны быть разрешены в России⁴. Герцен не видит реальных возможностей установления социальной

¹ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. VIII, стр. 354. Затем, после обсуждения автором и адресатом, две буквы посвящения были сняты по просьбе Тургенева (см. письма Тургенева Герцену от 10 ноября и 6 декабря, «Письма», стр. 91 и 92, а также письмо Герцена от 3 декабря 1856 г. Полн. собр. соч. и писем, т. VIII, стр. 361). Статья была опубликована в «Полярной звезде» на 1857 год, кн. 3, стр. 291—305. Подробнее историю ее создания см.: А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XII, стр. 563—564.

² По выражению Герцена, «замечания наших друзей (Собр. соч. в 30 томах, т. XII, стр. 423).

³ Там же.

⁴ Еще в декабре 1847 г., в V письме «Писем из Франции и Италии», Герцен говорил о русском селе: «Будущность его велика» (Собр. соч. в 30-ти томах, т. V, стр. 74); в статье 1849 г. «La Russie», обращаясь к западному читателю, он уже подробно излагает свою теорию «русского» социализма (там же, т. VI, стр. 200—205). Эти мысли затем развивались в «Письме русского к Маццини» (1850), «О развитии революционных идей в России» (1850), «Русский народ и социализм» (письмо к И. Мишле, 1851), «В редакцию «Польского демократа» (1853), «Старый мир и Россия» (1854) и др. статьях 1850—1860-х годов. Утопичность теоретических построений Герцена сразу почувствовал К. Маркс. Он писал Ф. Энгельсу 13 февраля 1855 г.: «<...> я с Герценом не хочу никогда и нигде фигурировать вместе, т. к. не держусь того мнения, будто «Old Europe» может быть обновлена русской кровью» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Изд. 1. Соч. т. XXII, стр. 86).

справедливости в Западной Европе в ближайшее время. Он пишет: «Стоит взглянуть, с одной стороны, на сорвавшееся с дороги, болезненное, одностороннее развитие промышленности, на сосредоточение всех богатств, нравственных и вещественных, в руках среднего состояния, на то, что оно захватило в руки церковь и правительство, машины и школы; что ему повинуются войска, что в его пользу судят судьи; и, с другой стороны, глядя на неразвитость масс, на незрелость и шаткость революционной партии, я не предвижу без страшнейшей кровавой борьбы близкого падения мещанства и обновления старого государственного строя»¹. Герцена страшило развитие капитализма в Западной Европе, которое несло с собою обогащение буржуазии, нищету пролетариата и обезземеление крестьянства. Из всех достижений западной цивилизации он признает ценными только «европейские идеи», под которыми понимает учения утопического социализма. В качестве противовеса к господству «мещанства» в Европе Герцен выдвигает свою мысль о крестьянской поземельной общине как ячейке и зародыше социализма в России.

Герценовская оценка буржуазного запада была очень близка к позиции Н. Г. Чернышевского по этому вопросу.

В «Заметках о журналах» четвертого номера «Современника» за 1857 год он выступил против «фантастической уверенности будто бы Западная Европа земной рай»², считая «главным источником нищеты и бедствий» в ней «недостаточность средств <...>, а дурное и несправедливое распределение этих средств или недоброжелательство к улучшению народного быта со стороны людей, держащих в руках эти средства»³. По его мнению, основной причиной появления пролетариата был «переход всей почти земли в собственность частных лиц». В «Заметках о журналах» из 5 номера «Современника» за 1857 год, в рецензии на книгу Гакстгаузена «*Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands*» («Современник» 1857, № 7), в статье «О поземельной собственности» («Современник», 1857, № 9, 11) Чернышевский доказывает преимущество общинного владения землею. Он полагает, что существующий в России общинный принцип избавит страну от «язвы пролетариатства», видит в нем предпосылку и необходимое условие будущего социалистического общества. Чернышевский пишет: «Мы защищаем факт, у нас существующий,—государственную собственность с общинным владением, именно потому, что она всего ближе всех других форм

¹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XII, стр. 426.

² Н. Г. Чернышевский. ПСС, т. IV, М., 1948, стр. 727.

³ Там же, стр. 726.

собственности подходит к идеалу поземельной собственности»¹. Он уверен, что «благоденствие земледельческих классов Западной Европы» также зависит от перехода к общинному землепользованию, необходимость в котором уже назрела, поскольку оно является наиболее экономически выгодным для трудящихся.

Солидаризируясь с Герценом в оценке буржуазного порядка, Чернышевский, однако, не разделяет его убеждения в гибели революционной инициативы на Западе. Выступая в подцензурной печати, Чернышевский не мог открыто говорить о социалистическом движении на Западе и вынужден был использовать иносказания и завуалированные формулировки. Он писал о возникновении в Европе «идеи о союзе и братстве между людьми», о том, что «люди должны соединиться в общества, имеющие общий интерес», что «земля должна перейти в общинное пользование, а фабрики и заводские предприятия—в общее достояние всех работающих на фабрике»². В противовес Герцену, Чернышевский верил в революционную активность «массы населения» в Западной Европе, которая до сих пор питалась «крохами, падающими со стола цивилизации», а теперь хочет «занять место за ним <...>, хочет, чтобы кушанье подавалось в гораздо большем количестве, чтоб достало его для всех»³.

Таким образом, расходясь во взглядах на социальное будущее европейских государств, Герцен и Чернышевский были единомышленны в своем отношении к крестьянской поземельной общине, обнаруживая в ней «неистощимый запас национального благосостояния и государственного процветания»⁴, то есть зачатки и предпосылки будущего социалистического общества.

Статья «Еще вариация на старую тему», продолжающая пропаганду идей «русского социализма», интересна в том отношении, что открыто заявляет о существенных разногласиях Герцена со всем кругом его бывших московских друзей-западников, с которыми, однако, он пока еще сохраняет приятельские отношения⁵ и, особенно, с Тургеневым. Становится совершенно ясно, что резкое отталкивание Тургенева вызвали

¹ Н. Г. Чернышевский. ПСС, т. IV, стр. 436.

² Там же, стр. 729.

³ Там же, стр. 411.

⁴ Там же, т. IV, стр. 347.

⁵ Окончательный идейный разрыв Герцена с либеральным западничеством был оформлен в статье «Русские немцы и немецкие русские» (октябрь—декабрь 1859), после которой его прежние отношения с Б. Н. Чичериным, В. Ф. Коршем, Н. Х. Кетчером и другими «западными доктринерами» были прекращены. Подробнее об этом см.: Т. И. Усакина, Комментарии к статье «Русские немцы и немецкие русские». В кн. А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XIV, стр. 511—515.

два момента в политической программе Герцена: идея «русского» социализма через поземельную крестьянскую общину и неверие в творческие силы западной цивилизации. Кроме этого, Тургенев не мог принять мысль Герцена о допустимости революционного пути освобождения крестьян, если будут исчерпаны все мирные средства¹.

Однако наличие столь серьезных разногласий между писателями в этот момент не мешало их доброжелательным отношениям и деятельному участию Тургенева в изданиях Герцена.

Ненависть к крепостному праву и всем его проявлениям, понимание необходимости проведения демократических реформ, искреннее желание улучшения положения народа объединяли писателей и представлялись более значительными и важными, чем расхождения по тем или иным политическим вопросам.

2

Второй раз Тургенев приехал в Лондон 24 мая 1857 г. и провел там 15 или 20 дней. Очевидно, что план издания «Колокола», первый номер которого вышел 1 июля 1857 г., к этому времени уже был в основном продуман и обсуждался с Тургеневым². В письме Герцену от 5(17) июля Тургенев сообщал о распространении «Колокола», обещал «собрать кое-какие сведения», о которых, видимо, была договоренность при встрече. Затем он совершил еще две поездки к Герцену, в 1858 и 1859 годах.

Тургеневские письма этого периода содержат различные сведения для «Колокола», советы и замечания по поводу тех или иных публикуемых в газете материалов³.

В 1860 г. Тургенев пробыл в Англии с 8 августа по 5 сентября. В это время в г. Вентноре (о. Уайт) собрался целый

¹ Герцен писал в прокламации «Юрьев день! Юрьев день!—Русскому дворянству»: «Страшна и пугачевщина, но скажем откровенно: если освобождение крестьян не может быть куплено иначе, то и тогда оно не дорого куплено» (Собр. соч. в 30 томах, т. XII, стр. 84).

² См. С. А. Рейсер. Тургенев—сотрудник «Колокола». Сб. «И. С. Тургенев». Орел, 1940, стр. 140.

³ В письме от 22 июля 1857 г. Тургенев просит Герцена «не печатать ничего в «Колоколе» с той же точки зрения, с которой я отговаривал тебя говорить о К. Н. <Констанине Николаевиче>» («Письма», стр. 110); вместе с письмом из Рима от 22 декабря 1857 г. посылает «дело Кочубея» «для скорейшего помещения его в «Колоколе» (стр. 113). Оно было затем напечатано в газете 1 января 1858, л. 7. В письме от 7 января 1858 г. Тургенев высказывается против тона л. 6 «Колокола», который «немного сбивается на Chagivagi» (стр. 115), тут же выражает удовольствие, что его «статейка вам обоим понравилась» (стр. 116), предупреждает: «Не брани, пожалуйста, Александра Николаевича...» (стр. 117). См. также «Письма», стр. 120, 124, 125, 126, 128, 132; 136; 137 и др.

кружок представителей русской либерально-дворянской интеллигенции — П. В. Анненков, А. К. Толстой, сыновья Я. Ростовцева, В. П. Боткин, Н. Ф. Крузе. Они обсуждали вопросы, связанные с организацией «Общества для распространения грамотности и первоначального образования», проект программы которого был тогда же составлен Тургеневым при участии Анненкова¹.

Этот проект имел в виду создание широкой сети школ для «лиц обоего пола и всех сословий»² и организацию издания соответствующих книг и учебных пособий. Идея распространения грамотности и первоначального образования в народной среде была очень близка Тургеневу³ и в то же время совпадала с потребностями и запросами предреформенного времени, когда в обеих столицах и в крупных городах провинции благодаря инициативе демократической интеллигенции появилась широкая сеть воскресных школ. Осуществление планов Тургенева должно было объединить все разрозненные усилия общественности в деле народного просвещения и представлялись поэтому «весьма опасным» официальным кругам⁴.

Разрешение на организацию общества так и не было получено⁵.

Герцен, по-видимому, благожелательно относился к проекту программы «Общества для распространения грамотности и первоначального образования», считая его заслуживающим внимания и ставя в один ряд по значительности со статьей Н. Огарева в 89 л. «Колокола» — «На новый год»⁶. Впо-

¹ Тургенев писал А. Фету 2 сентября 1860 г. из Куртавнеля: «Мы с Анненковым во время пребывания нашего на острове Уайте придумали проект «Общества для распространения грамотности и первоначального обучения» [...] Дело, кажется, хорошее и практически задумано. Я пускаю теперь эту мысль только в оборот и очень был бы счастлив, если б она могла осуществиться хотя к будущей зиме». (А. Фет. Мои воспоминания. М., 1890, ч. I, стр. 348; см. об этом также у П. В. Анненкова, Литературные воспоминания, 1909, стр. 529—530 и в «Трудах Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. III, стр. 98—99).

² И. С. Тургенев, Собр. соч. т. XI, ГИХЛ, М., 1956, стр. 446.

³ Он писал в 1862 г.: «Роль образованного класса в России быть преподавателем цивилизации народу» («Письма», стр. 160).

⁴ Подробнее об организации общества и отношении к его проекту со стороны демократических, либеральных и правительственных кругов см. Ю. Г. Оксман, Комментарии к XI т. Собрания сочинений И. С. Тургенева. М., 1956, стр. 555—558.

⁵ Аналогичная судьба постигла и другое предреформенное начинание Тургенева — проект организации журнала «Хозяйственный указатель» (январь 1858 г.), «посвященного разработке крестьянского вопроса». См. там же, стр. 434—443 и комментарии Ю. Г. Оксмана, стр. 553—554.

⁶ Герцен писал Тургеневу 15 апреля 1861 г.: «Я не мог добиться у тебя ответа на вопрос о статье Огарева («На новый год». — И. В.), которая стоила внимания, без сомнения, наравне с проектом школ». (Полн. собр. соч. и писем, т. XI, стр. 75).

следствии он отмечал несомненный политический характер этого неосуществленного тургеневского начинания¹.

Тургенев первый сообщил Герцену о принятии основных пунктов «Положения» об освобождении крестьян и дал его общую оценку. На материале этого письма было построено сообщение в «Колоколе», л. 94, от 15 марта 1861 г. «Последние новости»².

Именно в оценке «Положения» и всего характера проводимой реформы четко проявились различия в политических позициях Тургенева и Герцена, которые затем привели к разрыву. Писателей прежде всего объединяла борьба с общим врагом — крепостным правом, — но когда последнее было отменено сверху и выяснился подлинный грабительский характер реформы, стала ясна вся разница конечных целей, к которым они стремились.

Герцен восторженно приветствовал манифест и Александра II, наградив его именем освободителя³.

Однако вооруженная расправа царских войск с мирными манифестациями в Варшаве в апреле 1861 г. и жестокое подавление восстания крестьян в селе Бездна резко меняют отношение Герцена к Александру II. В свете этих событий царь теряет ореол «освободителя крестьян» и становится «простым убийцей, убийцей из-за угла»⁴. На страницах «Колокола» появляется уничтожающая характеристика «правительства прогресса, либеральных идей», которое поддерживается «штыками и статьями Погодина»⁵, а крестьянская реформа теперь называется «всесекаемым освобождением»⁶.

15 августа 1861 г., обращаясь в 105 л. «Колокола» к народу, «обманутому освобождением», Герцен говорит: «Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подъячего <...>, но веришь еще в царя и архиерея..., не верь им! Царь с ними и они его»⁷. Вся эта статья направлена против веры народа в царя, который велел убивать крестьян, «как собак», против «обмана», заключенного в «облыжном освобождении»⁸.

¹ См. письмо Герцена к Тургеневу от 1 ноября 1862 г. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, стр. 539 и черновик письма Герцена Тургеневу от 10 апреля 1864 г. «Письма», стр. 188.

² А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XV, стр. 50—51.

³ А. И. Герцен. Там же, т. XV, стр. 52. Однако Герцен уже в это время рассматривал реформу только как робкое начало дальнейшего освобождения крестьян с землей. См. «Литературное наследство», т. 63, стр. 60—70.

⁴ Там же, т. XV, стр. 82.

⁵ Там же, стр. 107.

⁶ Там же, стр. 129.

⁷ Там же, стр. 135.

⁸ Там же, стр. 137. Ср. письмо к И. С. Тургеневу от 28 октября 1861 г.: «Я начинаю верить, что Александр II полетит к черту». (Полн. собр. соч. и писем, т. XI, стр. 257).

Итак, Герцен скоро понял, что освобождение крестьян с урезанным наделом земли и обязательный выкуп за землю на деле противоречат тем надеждам, которые он связывал с отменой крепостного права.

Тургенев же сразу и безоговорочно принял «Положение», считая, что «дело это устроено, по мере возможности, порядочно»¹.

С этих позиций он и оценивал проект адреса Александру II, составленный Огаревым. Автор адреса высказывал недовольство «Положением», так как оно «не распутав окончательно старого узла, навязало к нему так много новых петлей»². В качестве выхода из создавшегося кризиса хозяйственной жизни страны предлагался созыв земского собора, «который один в состоянии найти из совокупности местных экономических средств способ спасти разоренное государство и безденежное правительство»³.

Редакторы «Колокола», недовольные половинчатым характером крестьянской реформы, требовали проведения последовательной демократизации русской государственной и общественной жизни. Они предлагали провести в стране всеобщие и равные выборы в земский собор, вне зависимости от сословий и званий избирателей. Этот собор должен был представлять основную законодательную власть, которую на местах следовало осуществлять соответствующим органам местного самоуправления.

Проект адреса исходил из мысли о недостаточности и неполноте «Положения». Тургенев это понял сразу. Он не пожелал присоединиться к адресу, считая, что «это — род обвинительного акта против Положения, а с Положения начинается новая эра России»⁴. В письме к В. Ф. Лугинину от 8 октября 1862 г. он высказывал свое убеждение в полезности и выгодности реформы для народа: «...какие бы ни были последствия от Положения для дворян — крестьянин разбогател и, как они выражаются, раздобрел от него и знает, что он этим царю обязан»⁵. Основная демократическая мысль адреса — о необходимости самого широкого участия народа в управлении государством через выбранных им представителей в земский собор — оказалась совершенно чужда и враждебна Тургеневу, который был убежден, что носителем

¹ И. С. Тургенев. Письмо Герцену [март] 1861 г. «Письма», стр. 139.

² А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, стр. 482. Переговоры с Тургеневым относительно адреса вел по поручению Герцена и Огарева В. Ф. Лугинин в сентябре 1862 г. в Париже. См. «Литературное наследство», т. 63, стр. 110. См. также письмо А. И. Герцена И. С. Тургеневу от 22 сентября [1862]. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, стр. 480.

³ Там же, стр. 483.

⁴ «Письма», стр. 152.

⁵ Там же, стр. 154.

общественного прогресса в России является дворянская интеллигенция. Он писал: «Главное наше несогласие с О<гаревым> и Г<ерценом>, а также с Бакуниным, состоит именно в том, что они, презирая и чуть не топча в грязь образованный класс в России, предполагают революционные или реформистские начала в народе, на деле это—совсем наоборот. Революция в истинном и живом значении этого слова — я бы мог прибавить: в самом широком значении этого слова — существует только в меньшинстве образованного класса, — и это достаточно для ее торжества»¹.

Тургенев в данном случае, говоря о «революции», имеет в виду общественный прогресс. Он отрицает возможность революционного переустройства в России при участии широких народных масс и возлагает все свои политические надежды на дворянскую интеллигенцию, которая к этому времени перестала играть в России роль передовой и тем более революционной части общества.

3

Незадолго перед последней поездкой Тургенева к Герцену в Лондон они обменялись письмами по поводу только что вышедшего в свет романа «Отцы и дети». Герцен считал его тенденциозным, направленным против революционных демократов: «Если б, писавши, сверх того, ты забыл о всех Чернышевских в мире, было бы для Базарова лучше»². В романе он увидел несправедливое отношение к «серьезному, реалистическому, опытному воззрению», под которым подразумевал материалистическое миросозерцание.

Тургенев в письме от 28 апреля 1862 г. уверял в своем положительном отношении к Базарову: «...при сочинении Базарова я не только не сердился на него, но чувствовал к нему «влечение, род недуга», так что Катков на первых порах ужаснулся и увидел в нем апофеозу «Современника»³.

По мнению Я. Е. Эльсберга, значение переписки вокруг романа Тургенева не исчерпывается выяснением отношения корреспондентов к образу Базарова. Он полагает, что «спор вокруг «Отцов и детей» можно считать исходным пунктом» полемики, которая получила свое развитие в «Концах и началах»⁴.

Однако в этих статьях Герцена прежде всего по-прежнему интересуют те общие историко-философские и политиче-

¹ «Письма», стр. 153.

² А. И. Герцен. Письмо к И. С. Тургеневу от 21 апреля 1862 г. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, стр. 109.

³ «Письма», стр. 147.

⁴ Я. Эльсберг. Герцен. Жизнь и творчество, изд. 3-е, М., 1956, стр. 539.

ские проблемы дальнейшего развития России и Европы, которые проходят красной нитью через всю его публицистику 50—60 гг. По содержанию, общей направленности и своеобразной форме открытых писем Тургеневу (хотя имя адресата и оставалось неназванным), «Концы и начала» должны быть соотнесены со статьей «Еще вариация на старую тему», основные мысли которой здесь получают дальнейшее развитие и обоснование.

Что же касается вопросов, связанных с «Отцами и детьми» (отношение к революционно-демократическому движению 60-х годов и оценка образа Базарова), то они не получили освещения в «Концах и началах».

Толчком к появлению серии писем Тургеневу «Концы и начала» послужили личные беседы писателей во время их свидания в Лондоне с 17 по 19 мая 1862 г.¹ Вскоре после отъезда Тургенева, 21 мая, Герцен сообщал ему: «Я собираюсь писать тебе авангардное письмо о нашем споре»², а 1 июля в 138 л. «Колокола» уже появилась первая статья-письмо «Концов и начал», помеченная 10 июня 1862 г.

«Концы и начала» имеют по преимуществу характер негативный: возражая своему адресату, Герцен проводит мысль о внутренней гибели буржуазного Запада. Он оперирует фактами новейшей истории, прежде всего, осмысливая опыт революции 1848 г., привлекает исторические и естественнонаучные параллели, а также широко развивает свои положения во множестве отступлений, попутных ассоциаций, литературных и житейских примеров и воспоминаний.

Все это относится к «концам», т. е. тому историческому и социальному этапу, который осуществлен на Западе и уже принадлежит, по мнению Герцена, не столько настоящему, сколько прошедшему. Что же касается «начал», то есть теории «русского» социализма, то она рассматривалась в этих публицистических письмах только попутно и в самых общих чертах.

В «Концах и началах» Герцен прежде всего возражает против убеждения своего адресата в том, что западная цивилизация представляет лучшие формы социального устройства, а также высшие достижения культуры, науки и искусства, и должна поэтому рассматриваться как своего рода пример и образец для России в ее дальнейшем историческом движе-

¹ М. Драгоманов указывал в примечаниях к письму Тургенева Герцену от 27 августа 1862 г.: «По всей вероятности, там (т. е. в Лондоне.— И. В.) в устных беседах положено было начало и тому спору, который Герцен продолжал печатно в статьях «Концы и начала». («Письма», стр. 149). Подробнее историю создания статьи см. А. И. Герцен Собр. соч. в 30 томах, т. XVI, стр. 403—407.

² А. И. Герцен. Письмо И. С. Тургеневу от 21 мая [1862], Полн. собр. соч. и писем, т. XV, стр. 137.

нии. Анализируя жизнь Европы во всех ее важнейших аспектах, Герцен доказывает, что западная цивилизация представляет собою безраздельное господство буржуазии, или «мещанства», которое накладывает печать узкого практицизма, безвкусыя и пошлости на все явления жизни.

Судя по возражениям Герцена, одним из важнейших аргументов его адресата была мысль о том, что «исторически выработанный быт европейских бельэтажей один соответствует эстетическим потребностям развития человека <...>, что искусство на Западе родилось, выросло, ему принадлежит и что, наконец, другого искусства нет совсем»¹. Герцен убежден в несостоятельности этого положения, так как он считает, что искусство творческое принадлежит прошлому Европы, а в настоящем оно либо целиком подавлено господством антиэстетичной по своему существу буржуазии, либо сведено до уровня кафе-шантана, как нельзя более соответствующего вкусам «мещанства».

Выступая с отрицанием основных форм европейской буржуазной жизни, Герцен, однако, сразу выделяет из объектов своего отрицания «идеи Запада», науку, имея в виду, прежде всего, достижения социальных наук и идеи утопического социализма². Их он считает достоянием передовых людей всего мира вне зависимости от национальной и государственной принадлежности: «Наука совершенно свободна от меридиана, от экватора, она, как гетевский «Диван», *западно-восточная*»³.

Герцена возмущает буржуазная толпа, лишенная ярких индивидуальностей, высоких умственных интересов, внешнего и внутреннего изящества. Она представляется писателю в образе «стотысячеголовой гидры, готовой без разбора все слушать, все смотреть, всячески одеться, всем наестся; это — та самодержавная толпа сплоченной посредственности <...>, которая все покупает и потому всем владеет, толпа без невежества, но и без образования, для нее искусство кричит, машет руками, лжет, экзальцирует или с отчаяния отворачивается от людей <...>»⁴.

Следовательно, выступая против засилия буржуазии в Западной Европе, Герцен выдвигает прежде всего обвинение в ее антиэстетизме и аморализме, сужая таким образом рамки и значение своей критики⁵.

¹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XVI, стр. 134.

² Мысль о том, что наука должна сохраниться при возможности гибели буржуазной цивилизации проводится в статье 1862 г. «Mortuos Plango», см. т. XVI, стр. 10.

³ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XVI, стр. 134: Курсив Герцена.

⁴ Там же, т. XVI, стр. 141.

⁵ В «Письмах из Avenue Maignan» Герцен не ограничивался подобной критикой, хотя она и занимала значительное место (см. Герцен, Собр. соч. в.

В выяснении причин возникновения и упрочения буржуазного порядка Герцен проявляет большую историческую прозорливость: «Господство мещанства—ответ на освобождение без земли, на открепление людей и прикрепление почвы малому числу избранных»¹. Протестуя против буржуазного уклада жизни с позиций демократа, Герцен впадает в известное преувеличение, подводя под рубрику «мещанства» все классы современного ему общества на Западе, в том числе и трудящихся: «Снизу все тянется в мещанство, сверху все замо падает в него <...>. Немецкий крестьянин—*мещанин* хлебопашества, работник всех стран—будущий мещанин»². Крах революции 1848 г. привел автора «Концов и начал» к убеждению в невозможности осуществления социалистических идеалов на Западе, к неверию в революционность пролетариата, который, якобы, неизбежно должен внутренне переродиться и слиться с «мещанством», средней посредственностью, то есть—с буржуазией.

Исторический оптимизм Герцена был основан на убеждении, что Россия может избежать буржуазного пути развития и прийти к социализму, ячейкой и предпосылкой которого он считал поземельную крестьянскую общину. Именно в этом вопросе прежде всего и проявилась «остановка» Герцена перед историческим материализмом³, утопизм его социалистической теории, в которой не было, по выражению В. И. Ленина, «ни грана социализма».

Доказывая возможность для России особого исторического пути, Герцен выводит общий философский закон о том, что «развитие в природе, в истории не то, что *не может* отклониться, но *должно* беспрестанно отклоняться, следуя всякому влиянию и в силу своей беспечной страдательности, происходящей от отсутствия определенных целей»⁴. Натурфилософское положение о многообразии органического мира Герцен переносит на явления исторические, объясняя их не из совокупности экономических, политических и социальных условий, а по аналогии с жизнью природы. Здесь опять-таки сказались недостаточность материализма Герцена в объяснении явлений истории человеческого общества. Кроме того, в качестве доказательства своей мысли о внутренней гибели

30 томах, т. V, стр. 35—37 и др). Он подробно говорит о политической реакционности буржуазии, о ее предательском отношении к народу во время и после июльской революции: «Эксплуатация пролетария была приведена в систему, окружена всею правительственной силой, нажива сделалась страстью, религией, — жизнь сведена на средство чеканить монету, государство, суд, войско — на средство беречь собственность» (т. V, стр. 63).

¹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XVI, стр. 138.

² Там же, стр. 137—138. Курсив Герцена.

³ См. В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. XVIII, стр. 10.

⁴ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XVI, стр. 146. Курсив Герцена.

западной цивилизации Герцен часто использовал исторические аналогии из времен гибели императорского Рима, находя в них подтверждение и обоснование своей теории и не учитывая всей разницы этих двух эпох¹.

Таково, в основном², решение проблем, которые занимали Герцена после отмены крепостного права. Становится ясным, что его интересовали прежде всего вопросы социального порядка. Еще раз подвергнув суровой критике основы буржуазной цивилизации и ее важнейшие проявления, Герцен возлагает все свои политические упования на те основы новой жизни, которые должны развиваться в России. В этом—идейное зерно «Концов и начал»³.

4

Познакомившись с первыми двумя письмами «Концов и начал», Тургенев сразу отметил их несомненное литературное своеобразие, хотя и не мог согласиться с основными положениями автора и всем ходом его рассуждений⁴. Свои возражения Тургенев впервые подробно излагает в письме от 8 октября 1862 г.⁵ Он в какой-то степени принимает критику европейской жизни в первых статьях «Концов и начал», отмечая «метко-верные черты» в изображении «западной буржуазии»⁶. Более того, герценовские оценки Парижа периода Второй империи оказываются настолько близки Тургеневу, что он почти целиком солидаризируется с ними в XIX гл. «Призраков», работа над которыми велась во время полемики с Герценом⁷.

¹ В какой-то степени в этой части «Концов и начал» Герцен отвечает на статью Н. Г. Чернышевского «О причинах падения Рима» (см. ПСС т. VII, стр. 643—669), который полемизировал с ним по этому вопросу. Прямым ответом на статью Чернышевского была заметка Герцена «*Repetitio est mater studiorum*» (Собр. соч. в 30 томах, т. XV, стр. 143—149): См. также «Литературное наследство», т. 61, стр. 122 и сл.

² В настоящей статье не рассматриваются оценка деятелей революции 1848 г. и рассуждения Герцена о судьбах буржуазно-демократического движения в Западной Европе. См. А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XVI, стр. 404—406.

³ Нам представляется необоснованной позиция Я. Е. Эльсберга, который в «Концах и началах» видит прежде всего размышления Герцена о «путях русской культуры». См. Я. Эльсберг. Герцен. Жизнь и творчество. Изд. 3-е, ГИХЛ, М., стр. 534.

⁴ И. С. Тургенев. Письмо к А. И. Герцену от 27 августа 1862 г. «Письма», стр. 149.

⁵ К этому времени вышли в свет 4 письма «Концов и начал».

⁶ «Письма», стр. 161.

⁷ Работа над «Призраками» была возобновлена весной 1862 г. и в основном закончена летом 1863 г. См. письмо Тургенева Ф. М. Достоевскому от 18/30 марта 1862 г. («Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев. Переписка», «Academia», 1928, стр. 36), а также письмо Тургенева Е. Ламберт от 6/18 июля 1863 г. («Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт», М., 1915, стр. 165).

Тургенев, вслед за Герценом, вводит образ Фигаро как символ буржуазной предприимчивости и жажды денег; видит «парижское невежество» и решительно отвергает поверхностную «цивилизацию», приспособленную к грубым, животным вкусам преуспевающего буржуа. Обращаясь к Эллис, герой-рассказчик «Призраков» говорит: «Неси меня прочь от этих мабилей и мезон-доре, от ганденов и бишей, от жокей-клуба и Фигаро, от выбритых солдатских лбов и выложенных казарм, от сержандевилей с эспаньолками и стаканов мутного абсенту, от игроков в домино по кофейным и игроков на бирже, от красных ленточек в петлице сюртука и в петлице пальто, от господина де Фуа, изобретателя «специальности браков» и даровых консультаций д-ра Шарля Альбера, от либеральных лекций и правительственных брошюр, от парижских комедий и парижских опер, от парижских острот и парижского невежества... Прочь! прочь! прочь!»¹.

Подобно Герцену, Тургенев не мог принять современную ему европейскую буржуазную действительность. Отстаивая «европейские идеалы», он никогда не идеализировал буржуазный уклад жизни и не призывал переносить на русскую почву все его особенности. Именно поэтому фигуры степняка-помещика, «бегущего дрянной припрыжкой за продажной куклой», князя Кульмаметова и Сержа Вараксина, которые счастливы, пригласив на ужин «самое Ригольбош», — вызывают у автора «Призраков» «чувство омерзения». Образ лоретки с «каменным, скулистым, жадным, плоским парижским лицом и ростовщичьими глазами» представляется Тургеневу наиболее типичным для буржуазного города.

Присоединяясь к Герцену в критическом отношении к европейской современности, Тургенев, однако, не может принять положительной программы своего оппонента. Тургенев выступает против теории «русского» социализма, имея в виду не столько содержание первых четырех статей «Концов и начал», сколько всю систему взглядов Герцена на взаимоотношения России и Европы и пути их дальнейшего развития. Он уверен, что Россия не минует капиталистическую стадию, так как «народ, перед которым вы преклоняетесь, консерватор par excellence и даже носит в себе зародыш <...> буржуазии в дубленом тулупе, теплой и грязной избе, с вечно набитым до изжоги брюхом и отвращением ко всякой гражданской ответственности и самодеятельности...»². В силу этого обстоятельства Тургенев считает триаду Герцена «земство, артель и община» голой абстракцией, далекой от действительной народной жизни и совершенно чуждой и непонятной простому

¹ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. VII, ГИХЛ, М., 1955, стр. 29—30.

² «Письма», стр. 151.

крестьянину. Он полагает, что в России нет реальных оснований для социалистических выводов.

Постоянно встречающаяся у Герцена антитеза буржуазного Запада и России, несущей в себе зачатки социалистического уклада, представляется Тургеневу ложной, не подкрепленной конкретным знанием пореформенной русской действительности. Он считает, что в путях исторического развития Европы и России нет принципиальной разницы и быть не должно, о чем свидетельствуют данные «истории, филологии и статистики»¹.

В данном случае Тургенев был прав по существу, говоря о чертах капиталистического уклада в жизни России и отрицая значение поземельной крестьянской общины как ячейки социализма². Однако система его аргументации оказалась настолько неубедительной и произвольной, что Герцен легко доказал ее несостоятельность в последней статье «Концов и начал», где цитаты из письма Тургенева от 8 ноября 1862 г. вкладываются в уста «поправленного господина».

Ссылки Тургенева на «физиологию» и явления из жизни природы побиваются тем же оружием. «Общее происхождение несколько не обуславливает одинаковость биографий»³— эту мысль Герцен доказывает на примере кельтов, некоторых национальностей Испании и Южной Италии, которые до сих пор сохранили свой патриархальный уклад, избегнув «полного развития мещанства». Именно в силу многообразия форм развития в природе (а, следовательно, и в обществе) Герцен указывает на возможность существования народа, «для которого мещанство будет переходным, неудовлетворительным состоянием, как жабры для утки»⁴. Таким народом он считает русский народ.

¹ «Письма», стр. 171. Интересно, однако, что в письме Тургенева к П. Виардо от 20 июня 1849 г. встречается деление наций на «старые» и «молодые»: «<...> молодые нации, как например, мои дорогие соотечественники, еще варвары, или же, если поднимаются на ноги и хотят идти, то их давят, как венгерцев; а старые нации умирают сами и заражают других, потому что они уже сгнили и сами заражены». («Письма И. С. Тургенева к г-же Полине Виардо...», М., 1900, стр. 68—69). Это размышление находится в несомненной зависимости от противопоставления России и Запада как молодой нации и наций отживающих, выдвинутого Герценом.

² Тургеневу была не менее чужда и славянофильская идеализация общины. Он писал С. Т. Аксакову 25 мая 1856 г.: «<...>, а с Константином Сергеевичем, я боюсь, мы никогда не сойдемся. Он в «мире» видит какое-то всеобщее лекарство, панацею, альфу и омегу русской жизни; а я, признавая его особенности и свойственность — если так можно выразиться — России, все-таки вижу в нем одну лишь первоначальную, основную почву, но не более как почву форму, на которой строится, а не в которую выливается государство». (И. С. Тургенев. Собр. соч., т. XI, Изд. «Правда», М., 1949, стр. 139).

³ А. И. Герцен, Собр. соч. в 30 томах, т. XVI, стр. 196.

⁴ Там же.

Основная ошибка Герцена в его возражениях Тургеневу заключается не в общефилософской постановке вопроса о возможности разных путей развития для народов Европы, а в том невольном игнорировании реальных исторических условий пореформенной России, которое было следствием его утопической теории «русского» социализма.

Знаменательно, что, споря о будущем Западной Европы, каждый из писателей вкладывал в это понятие свое собственное содержание. Герцен имел в виду революционные возможности Запада, которые он считал исчерпанными после разгрома революции 1848 года. Пережив в это время «крах буржуазных иллюзий в социализме»¹, он разуверился в возможности осуществления социальной справедливости на европейской почве, перенеся все свои надежды на крестьянскую общину в России.

Говоря о том, «что каждому европейцу, а потому и нам, должно быть дорого», отстаивая «цивилизацию», «революцию», «европейские идеалы», Тургенев защищал принципы общественного прогресса, а также буржуазно-демократические свободы, осуществленные в странах Западной Европы. Он считал необходимым для России следовать по пути Западной Европы, постепенно перенося в жизнь «европейские идеалы». Что касается теории «русского» социализма, то Тургенев всегда был ее противником не только потому, что видел утопичность этой теории, но и потому, что был в принципе «не согласен» со «старинными социалистическими теориями об общей собственности»².

5

Полемика Тургенева с Герценом в 1862—1863 годах затрагивала столь значительные вопросы того времени, что позволила Тургеневу сформулировать основные положения своей социально-политической программы. Некоторые из них в еще более полемически-заостренной форме и прозвучали затем на страницах романа «Дым» (1867) в речах Потугина. В его разговорах с Литвиновым можно проследить прямую перекличку с письмами Тургенева по поводу «Концов и начал». Так, обращенное к Герцену замечание о преклонении перед «русским тулупом», в котором он видит «великую благодать и новизну и оригинальность будущих общественных форм — *das Absolute*»³, несомненно, является источником саркастических рассуждений Потугина об армяке: «Видите этот армяк?

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 10. Курсив в оригинале.

² «Письма», стр. 175—176. Ироническое отношение Тургенева к разговорам о «будущности России и значении общины» проскальзывает в XXI главе «Призраков». См. И. С. Тургенев. Собр. соч., т. VII, ГИХЛ, М., 1955, стр. 35.

³ «Письма», стр. 171.

Вот откуда все пойдет. Все другие идолы разрушены; будемте же верить в армяк»¹.

Этому же герою романа доверены мысли Тургенева о европейской образованности, о цивилизации, о необходимости «попризнять у старших братьев, что они придумали — лучше нас и прежде нас»². Устами Потугина высказывается и положительная оценка освобождения крестьян, бедность которых расценивается как фактор временный и скоропреходящий.

Но глубокая внутренняя связь идейной концепции романа «Дым» с позицией его автора в полемических выступлениях против «Концов и начал» не ограничивается совпадениями проповеди Потугина с суждениями писем Тургенева.

Литвинов, сюжетно объединяющий любовную фабулу романа с его памфлетно-сатирическими сторонами и общим идейным пафосом, должен был, по замыслу автора, явиться образом положительного героя пореформенного времени. Этот представитель дворянской интеллигенции, считающий, что «нам, русским, еще рано иметь политические убеждения»³, осуществляет в своей жизненной практике те принципы, которые так горячо защищает Потугин. Он приезжает за границу «учиться агрономии и технологии», приобретает там солидные положительные познания и уверен в той «пользе, которую он принесет своим землям, пожалуй, даже всему краю»⁴.

Через восприятие Литвинова Тургенев подает в романе кружок Губарева и компанию баденских генералов, представителей реакционных околоправительственных кругов. Невнятное бормотание Губарева об общине, о событиях в Польше, о слиянии с народом, постоянно перебиваемое мелкими сплетнями Суханчиковой и Бамбаева, вызывают резкое отталкивание Литвинова. Еще более отрицательно он относится к позиции аристократов-генералов, которые хотели бы «переделать все сделанное <...>. И девятнадцатое февраля... насколько это возможно»⁵. Их призывы «воротитесь, воротитесь назад», «уж лучше по-старому, по-прежнему», «не позволяйте умничать черни» и, особенно, основной тактический принцип «вежливо, но в зубы» — возмущают «честную плебейскую гордость» Литвинова. «Он любил все, что они ненавидели, он ненавидел все то, что они любили; он слишком ясно это сознавал, он всем существом своим это чувствовал»⁶, — заключает Тургенев.

Пережив крушение надежд на личное счастье, полный

¹ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. IV, ГИХЛ, М., 1954, стр. 33:

² Там же.

³ Там же, стр. 23.

⁴ Там же, стр. 12.

⁵ Там же, стр. 66.

⁶ Там же, стр. 66, 68, 69.

пессимистических размышлений о ничтожности политических устремлений различных общественных группировок, Литвинов возвращается в Россию. И здесь, в терпеливом, деятельном, настойчивом труде «дух его окреп; он снова стал походить на прежнего Литвинова»¹.

Убежденный в благоприятных последствиях крестьянской реформы 1861 г., Тургенев говорит о ее претворении в жизнь: «Великая мысль, осуществляясь понемногу, переходила в кровь и плоть; выступил росток из брошенного семени, и уже не растоптать его врагам—ни явным, ни тайным»².

Логическим завершением полемики 1862—1863 годов была та оценка романа «Дым», которую дал ему А. И. Герцен на страницах «Колокола» и в своих частных письмах. Отказывая центральным фигурам произведения, Потугину и Литвинову, в жизненной правдивости, свой главный удар Герцен направляет на идейную концепцию романа³. Сразу почувствовав внутреннюю связь Потугина с позицией его создателя, Герцен писал Тургеневу 19 мая 1867 г.: «Я искренне признаюсь, что твой Потугин мне надоел. Зачем ты не забыл половину его болтанья»⁴.

Тургенев воспринял статью Герцена о «Дыме» как продолжение «старого спора»⁵, возобновлять который в новых общественно-политических условиях было бы бесплодно. Обменявшись письмами по поводу романа и убедившись, что их основные идейные позиции не изменились, Герцен и Тургенев прекратили обсуждение этих вопросов.

Полемика И. С. Тургенева с А. И. Герценом о путях дальнейшего исторического развития России и Европы, постепенно вобравшая в себя обсуждение всех важнейших политических проблем времени, является одним из интереснейших моментов идейной борьбы 60-х годов XIX в.

Политические прогнозы Тургенева оказались более соответствующими историческому развитию России, чем утопические построения «русского социализма» с его надеждами на общину, артель и земство. Однако здесь проявилась и вся ограниченность либеральных устремлений Тургенева, политическая наивность его веры в дворянскую интеллигенцию как основную прогрессивную общественную силу, его неверие в революционные возможности народа, а также либеральная идеализация результатов реформы 1861 г., в которых он усматривал коренное улучшение жизни русского крестьянина.

¹ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. IV, ГИХЛ, М., 1954, стр. 179.

² Там же, стр. 178.

³ См. А. И. Герцен. Отцы сделали дедами. Полн. собр. соч. и писем, т. XIX, стр. 314.

⁴ Там же, стр. 321. См. также письмо Герцена Г. Н. Вырубову от 17 мая 1867, т. XIX, стр. 361; письма дочери Тате от 17 января 1868 и 19 января 1868, «Литературное наследство», т. 64, М., 1958, стр. 622.

⁵ См. «Письма», стр. 196, 197—198.

В. П. БАРЦЕВИЧ

РЕАЛИЗМ ПРАВДЫ БЕЗ ВСЯКИХ ПРИКРАС

(«Очерки бурсы» Помяловского)

В представлении Н. Г. Чернышевского Помяловский был «поэтом-прозаиком <...> человеком гоголевской и лермонтовской силы»¹.

Некрасов, имея в виду «Очерки бурсы», писал в черновом варианте поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

Как было сыро, холодно,
Как было грязно, голодно,
Нет нужды говорить.
Есть книга Помяловского,
Крестьянин, если хочешь ты
Узнать...
Добудь ее, прочти.

Впоследствии эти строки приобрели иной вид:

Эх! Эх! придет ли времечко,
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого—
Белинского и Гоголя
С базара понесет?

Значит, и в сознании великого поэта революционной демократии имя Помяловского ассоциировалось с самыми influential именами русской литературы.

Писарев, с не так уж часто встречающейся у него интонацией глубокой симпатии и несомненного уважения, отзывается о Помяловском в специальных статьях о нем и ставит его произведения рядом с шедеврами русской литературы, в том числе и с романом «Что делать?».

¹ Н. Г. Чернышевский. ПСС., т. XII, стр. 683.

Взятые порознь, эти оценки расходятся с обычным представлением о Помяловском как писателе хотя и талантливом, но не первостепенном.

Так, Н. Ждановский, например, пишет: «В лице Помяловского Н. Г. Чернышевский видел писателя, вдохновленного передовыми идеями эпохи 60-годов, и в связи с этим склонен был даже преувеличивать художественное значение его произведений»¹.

Взятые вместе, эти оценки заставляют задуматься: неужели такие люди, как Чернышевский, Некрасов, Писарев ошибались, причем так согласованно, в оценке одного и того же писателя?

Весьма небезынтересно отметить, что цитированные выше отзывы о Помяловском его современников получили едва ли не полное подтверждение в многочисленных высказываниях о нем А. М. Горького. Основоположник литературы социалистического реализма, гигант мирового искусства называл Помяловского «ярким и огромным»² и заявлял, что, возможно, именно Помяловский «влият» на него сильнее других писателей³.

А не требуются ли здесь уточнения, без которых остается непроясненным облик Помяловского и ставится под сомнение объективность оценок Чернышевского в тех случаях, когда речь шла о его идейных союзниках и «воспитанниках». «Я вас уважаю, мало того, я ваш воспитанник,—я, читая «Современник», установил свое мирозерцание»,—писал Помяловский Н. Г. Чернышевскому⁴.

Чернышевский никогда не был констататором фактов. Он смотрел на вещи широко, схватывая их существо и масштабы, предугадывая перспективу. Молодого Толстого он назвал прекрасной надеждой нашей литературы, а все сделанное им до 1857 года—только залогами. «Губернские очерки» Щедрина были восприняты Чернышевским не как собрание анекдотов на провинциальные темы, а как сатира в широком смысле этого слова, сатира политическая, нацеленная в основы существующего порядка. Через оценку отдельного произведения отчетливо просматривались контуры творчества Щедрина в последующие десятилетия. В очерках-фрагментах, очерках-«лоскутках» Н. Успенского он верно предугадал «начало перемены» в изображении народной жизни русскими писателями, начало поворота к правде «без всяких прикрас».

Видимо, таков же аспект и отзыва Чернышевского о Помя-

¹ Н. П. Ждановский. Реализм Помяловского. (Вопросы стиля). Изд. АН СССР. М., 1960. стр. 176.

² М. Горький. Собр. соч. в 30 т., М., 1953, т. XXIII, стр. 356.

³ Там же, т. XXV, стр. 349.

⁴ Н. Г. Помяловский. ПСС в 2-х тт., Academia, М.—Л., 1935. т. II, стр. 272. Произведения и письма Помяловского везде цитируются по этому изданию.

ловском—в нем весь Помяловский, с его произведениями, его задатками, с учетом погубленных, но понятых великим критиком возможностей, с предчувствием того значения, которое могло приобрести творчество Помяловского в будущем.

Наконец, именно Помяловский, автор повестей «Мещанское счастье» и «Молотов», был ближе всех других писателей к Чернышевскому, автору романа «Что делать?». Эти повести на листах, вырванных из книжек «Современника», где они были опубликованы, а также очерк «Зимний вечер в бурсе» находились у Чернышевского в каземате Петропавловской крепости в то время, когда он писал свой роман¹. И это не случайно: начало «Что делать?»—атмосферой, ситуацией, соотношением образов—явственно перекликается с повестью Помяловского «Молотов». Но если в повести Помяловского трагически звучал вопрос—«что делать?», то роман Чернышевского был ответом на этот вопрос, ответом, данным и применительно к той среде, которую изображал Помяловский, и применительно ко всей русской жизни.

Чернышевский, конечно же, великолепно знал произведения Помяловского, имел возможность и потребность тщательно их проанализировать. Ему не пришлось написать критической статьи на эту тему, но отзыв о Помяловском явился итогом этих раздумий. Он не случаен.

Нельзя, однако, представлять дело и так, будто смысловой акцент отзыва Чернышевского обусловлен прежде всего гипотезой, а не реальными фактами. В основе отзыва—произведения Помяловского.

При изучении Помяловского нужно постоянно иметь в виду слова Чернышевского, опасаясь только одного—их догматизации. Мнение Чернышевского о Помяловском, помимо всего прочего, обозначает перспективу и для его исследователей.

О Помяловском написано около двухсот статей и несколько книг. Определена его общественно-политическая позиция, его место в русской литературе, некоторые важнейшие особенности его творческого почерка. Очень много сделано в этом плане советскими исследователями и прежде всего И. Г. Ямпольским, книга которого в течение двух десятилетий служит основой и во многих отношениях образцом для позднейших разысканий².

¹ См. Н. М. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, ГИХЛ, М., 1953, стр. 273.

² И. Ямпольский. Н. Г. Помяловский. Критико-биографический очерк, ГИХЛ, М., 1941.

Изучение Помяловского осуществляется со все большей опорой на эстетическое наследие Чернышевского¹.

В этом одна из причин плодотворности в изучении Помяловского.

Но все-таки до последнего времени творческие принципы Помяловского, его мастерство художника не были предметом специального исследования, о них, как правило, говорилось попутно и эпизодически, что свидетельствовало о той недооценке этого большого писателя, о которой не раз писал А. М. Горький.

И только недавно — в 1960 году — традиция умолчания и эпизодичности была, наконец, нарушена появлением книги Н. П. Ждановского «Реализм Помяловского»². Его книга — содержательное, серьезное, интересное исследование, во многом по-новому освещающее истоки и принципы реализма Помяловского, их закономерность для той поры, связи с эстетической теорией Чернышевского, общность с творческими установками других художников-современников, прежде всего Щедрина и писателей-демократов. При этом повести Помяловского рассмотрены гораздо обстоятельнее, чем его «Очерки бursы», что, впрочем, свойственно критической литературе о Помяловском в целом.

Книга Н. Ждановского освещает идейно-эстетические основы творчества Помяловского и, в силу такой направленности, слабо доносит живое дыхание художественных текстов, их поэтическую прелесть. Непосредственный анализ мастерства Помяловского, техники и специфики этого мастерства, может, вероятно, в большей степени выполнить эту задачу. Такую цель — на материале «Очерков бursы», в аспекте некоторых сторон композиции, типизации и художественной детали — и стремится осуществить автор данной статьи.

Характерное свойство Помяловского-художника — использование в разных произведениях одних и тех же или сходных во многом мотивов, образов, мыслей, деталей. Эта особенность творческой манеры писателя может играть весьма существенную роль при изучении его мастерства.

А. Измайлов когда-то писал о Помяловском: «Пожалуй, невозможно указать другого писателя, от личности, от биографии, от неиспользованного портфеля которого осталось бы

¹ См. диссертации А. А. Татуйко «Творчество Н. Г. Помяловского», М., 1955 и Н. Д. Друян «Проблема «нового человека» в творчестве Н. Г. Помяловского», Л., 1952. Хранятся в библиотеке имени В. И. Ленина (Москва).

² Н. П. Ждановский. Реализм Помяловского (Вопросы стиля). Изд. АН СССР, М., 1960.

столь немногое»¹. Рукописей Помяловского, по существу, не сохранилось, дневников он не вел, его письма известны в крайне ограниченном количестве. Дошедшая до нас беловая рукопись очерка «Бегуны и спасенные бурсы» позволяет говорить не столько о работе самого писателя, сколько о действиях цензуры, безжалостно искромсавшей этот наиболее острый по проблематике очерк Помяловского. Отсутствие черновиков, записных книжек и т. д. делает почти невозможным изучение творческого процесса. И здесь на помощь должны придти ранние очерки Помяловского, явившиеся своего рода заготовками, эскизами для «Очерков бурсы» и отчасти повестей. Недостаточно констатации того, что писатель перенес такой-то эпизод, скажем, из «Долбни», в «Зимний вечер», нужно проследить, как он это сделал. Тогда прояснится эволюция образа или приема; вопросы мастерства, получив сравнительную опору, предстанут с большей определенностью, так как Помяловский почти всегда тщательно отработывал текст, переносимый из одного произведения в другое. Естественно, сопоставление такого рода может дать лишь относительную картину работы Помяловского, ибо промежуточные звенья остаются неизвестными. И все-таки это значительно больше, чем ориентация на печатный текст или беловую рукопись. Между тем, в работах о Помяловском подобные сопоставления имеют почти исключительно характер констатации, а не исследования.

Уже в одном из первых критических откликов на только что начатые «Очерки бурсы» категорически утверждалось: «Они занимают такое же место в литературе, как фотографические снимки в живописи. Цель их с фотографической верностью изображать голую действительность, как она есть, не заботясь, передается ли этим сущность описываемого, и не выйдет ли фотография слишком одностороннею»². С тех пор это стало едва ли не традицией для критиков либерально-реакционного толка. Даже Боборыкин, весьма и весьма склонный к мелочной натурализации, называл Помяловского «бытовым реалистом»³.

Противоположное мнение о Помяловском, как писателе-реалисте, которому свойственно широкое художественное обобщение, не было подтверждено анализом мастерства его «Очерков бурсы».

В «Очерках бурсы» Помяловского немало страниц, реалистическое существо которых постигается далеко не сразу, даже если не смотреть на них с отвлеченно-теоретической или

¹ А. Измайлов. Воинствующее плебейство (Жизнь и книги Н. Г. Помяловского). Приложение к «Ниве», 1911, № 12, стр. 582.

² «Отечественные записки», 1862, № 11, стр. 69.

³ Б. Д. П. Мотивы и приемы русской беллетристики. «Слово», 1878, № 6, стр. 55.

предвзято-эстетической точек зрения. Вот начало первого очерка «Зимний вечер в бурсе».

«Огромная комната, вмещающая в себе второуездный класс училища, носит характер казенщины, выражающей полное отсутствие домовитости и приюта. Стены с промерзшими насквозь углами грязны,—в черно-бурых полосах и пятнах, в плесени и ржавчине; потолок подперт деревянными столбами, потому что он давно погнулся и без подпорок грозил падением; пол в зимнее время посыпался песком либо опилками: иначе на нем была бы постоянная грязь и слякоть от снега, приносимого учениками на сапогах с улицы. От задней стены идут парты <...>, у передней стены, между окнами, стол и стул для учителя; вправо от него черная учебная доска; влево, в углу у дверей на табуретке,—ведро воды для жаждущих; в противоположном углу — печка» (2,9).

Как легко (вслед за Боборыкиным) оценить эту зарисовку словами: фотография, натурализм, бытописание... В самом деле: здесь как будто всего лишь протокольно точная и протокольно сухая фиксация предметов училищного класса.

Чтобы понять реалистическое существо этой точной, конкретной зарисовки, нужно всмотреться в жизненный подтекст начала «Зимнего вечера». Среди этих грязных стен, на этом еще более грязном полу, возле парт и вешалок день за днем и год за годом проходила жизнь сотен и тысяч людей ряда поколений. Чего-нибудь другого, лучшего, не было. Каждый убогий предмет этой «обстановки» навсегда врезался в память учащихся, накладывал определенный отпечаток на их эстетические представления и привычки. Деталь обстановки превращалась в деталь биографии тех, кто жил здесь. Помяловский, например, пишет: «...в углу у дверей на табурете — ведро воды для жаждущих, в противоположном углу — печка...». Печка—и все: ни подробностей, ни комментариев. Может показаться, будто печка попала в описание «для порядка», что автор, взявшись за перечисление предметов, находящихся в классе, действительно «зафотографировал» все подробности, «не заботясь, передается ли этим сущность описываемого». Но «печка» Помяловского подобна знаменитому чеховскому ружью, которое, появившись однажды, обязано выстрелить. Позднее выясняется, что эта печка—глубоко памятное для бурсаков место. Ей педагоги заставляли кланяться провинившихся, возле нее секли их, ее, наконец, почти никогда не топили... В качестве иллюстрации может служить один из обычных для педагогической практики бурсы эпизодов (из очерка «Бурсацкие типы»). Ученик Копыта ошибся при переводе с латинского.

«— Не так! — сказал Долбежин.

Тот перевел иначе.

— Не так!

Копыта на новый манер.

— К печке!

Копыте дали всего десять ударов. Он обрадовался, что так легко отделался, и уже отправился за парту, но услышал голос Долбежина:

— Переводи снова.

Тот перевел ему на новый манер.

— Еще раз к печке!» (2, 68—69).

За командой педагога «к печке!» следовало наказание розгами. Понятия «печка» и «розги» оказывались неотделимыми в сознании бурсаков, память же о многократной училищной порке была неискоренима. Поэтому «печка» Помяловского—это совершенно особая деталь, характеризующая не только быт, но и варварскую основу «педагогтики» бурсы. Конечно, в лаконизме писателя ощутима и психология бывшего бурсака, которого «выпороли в бурсе, по его собственному счету, четыреста раз» (1, XIX)¹.

Любопытно, что в аналогичном отрывке очерка «Долбня», который И. Ямпольский справедливо считает «первым наброском» «Зимнего вечера в бурсе», печка не была упомянута (2,283). Значит, Помяловский вполне сознательно ввел этот элемент училищной обстановки при переработке материала.

Каждый убогий предмет, упомянутый или кратко охарактеризованный писателем, накрепко связан с бесконечно повторявшимися эпизодами бурсацкого бытия.

Пушкин впервые в русской литературе установил реалистическую связь между героем и вещным миром, его окружающим («Евгений Онегин»). Но у Пушкина все-таки еще слаба печать характера на этих предметах. У Гоголя они ерастаются с образами героев («Мертвые души»), превращаются в своеобразное предметное зеркало их.

У Помяловского, продолжающего эту традицию, как будто ослабленную воздействием «физиологического» очерка 40-х годов, скорее наоборот: его герои сами несут на себе печать обстановки. Удивительно простое описание Помяловского наполнено огромным смыслом. Здесь мы имеем дело не только с гоголевской традицией, но и с подлинным мастерством, осознающимся, если учесть характер темы и специфику жанра очерка, который едва ли не всегда «точнее» романа или поэмы, так как создается с большей опорой на конкретные факты.

«Зимний вечер»—прекрасный образец композиционного мастерства Помяловского.

¹ Биографический очерк Н. А. Благовещенского «Николай Герасимович Помяловский» цитируется по I т. Полн. собр. соч. Помяловского. М.—Л., 1935. Впервые опубликован в «Современнике» № 3 за 1864 г.

Но критические авторитеты прошлого не замечали этого. Произведения писателей-демократов—Левитова, Помяловского, Решетникова, Слепцова—выдавались за какие-то композиционные недоделки. Исключений не предполагалось. «Вместо тщательно отработанных, художественно стройных и законченных произведений, какими мы так избалованы всей предыдущей литературой,—писал Скабичевский,—они подарили нас рядом неоконченных отрывков и бесформенных клочков, нестройных, отягощенных местами длинными и скучными рассуждениями»¹. А крупнейший народнический критик Н. К. Михайловский повторил это мнение как несомненную истину: «... эта молодежь наносила оскорбление действием всем традиционным, привычным формам беллетристики: недосказанные рассказы, незавершенные сценки, начала без конца и концы без начала, беглые отметки, еле очерченные лица...»².

Мнение Михайловского, Скабичевского и других критиков, как может показаться, развивает по отношению ко всем писателям-демократам мысль Чернышевского о форме очерков Н. Успенского: «...взял человек два-три листа бумаги, —писал Чернышевский,—набросал на них какой-нибудь разговорец или какое-нибудь описание и отдает вам лоскутки этих листов без начала и конца»³. Однако то, что было справедливо для Н. Успенского, не может служить характеристикой композиционных качеств произведений Помяловского или, например, В. Слепцова.

В «Зимнем вечере» Помяловский использует один из своих излюбленных композиционных приемов—обрамление. Начинаясь описанием училищного класса, очерк заканчивается картиной спальни бурсаков.

«От припасов отделялись особого рода запахи и наполняли собой воздух; с этими запахами мешались нецензурные миазмы; от стен, промерзавших зимой в сильные морозы насквозь, несла сырость, сальные свечи в шандалах делали атмосферу горькою и едкою, и ко всему этому надо прибавить, что в углу у дверей стоял огромный ушат, наполненный до половины какою-то жидкостью и заменявший место нечистот» (2, 44). Спальня стоит класса! С класса начинается знакомство читателя с бурсой, в спальне воспитанники бурсы появляются перед его глазами в последний раз. Но кроме этого узко сюжетного плана обрамление имеет другой—обширный, почти символический. Здесь, в этом тупике, в этом заколдованном кругу — между убогим классом и отвратительной

¹ А. М. Скабичевский. Александр Иванович Левитов. Его жизнь и сочинения. «Отечественные записки», 1877, № 6, стр. 138.

² Н. К. Михайловский. Литературно-критические статьи, ГИХЛ, М., 1957, стр. 319.

³ Н. Г. Чернышевский. ПСС, т. VII, стр. 856.

спальной,—проходит почти вся жизнь учащихся бурсы. Эта мысль оттенена исключительно композиционными средствами.

Фрагменты, обрамляющие «Зимний вечер», пожалуй, особенно статичны по своему характеру, бедны по своему колориту, и нужно было незаурядное мастерство, чтобы сделать их поэтически активными и насыщенными глубоким внутренним смыслом.

«Очерки» Помяловского были художественным открытием бурсы, хотя тема бурсы и раньше привлекала некоторых писателей¹.

Очерк «Зимний вечер в бурсе» (1862) был задуман Помяловским как вполне самостоятельное отдельное произведение. На основе многолетних впечатлений писатель собирался воспроизвести важнейшие стороны бурсы на небольшой творческой площадке, в рамках такого малогабаритного жанра, как очерк. Кроме того, этот очерк должен был стать первым полноценным опытом реалистического показа бурсы. Отсюда—вводная функция «Зимнего вечера»: нужно было постепенное, тактичное, обстоятельное и вместе с тем сжатое введение читателя в неведомый ему бурсацкий мир. Материал настойчиво требовал обильных авторских комментариев, которые грозили заслонить непосредственное изображение бурсы, публицистически осложнить и художественно обескровить ее образ. Отсутствие реалистических произведений о бурсе, отсутствие традиции определило одну из существенных композиционных особенностей «Зимнего вечера», представляющего искусную мозаику фактов и комментариев к ним,— в соответствии с жанровыми возможностями очерка, талантом автора и потребностями самого материала.

Помяловский сумел найти для своего очерка динамичную сюжетную основу.

Как известно, очерк «Долбня» был использован Помяловским при создании «Зимнего вечера».

Любопытно проследить изменения, которые внес Помяловский в центральный в композиционном отношении образ каждого очерка. В «Долбне» эта роль принадлежит Даниле Иванову—Данилушке. В «Зимнем вечере» вместо Данилушки появляется фискал Семенов. Глазами этих героев, не отождествляя своих взглядов с их взглядами, рассматривает Помяловский многие явления бурсы—соответственно в каждом из очерков. Это выглядит примерно так.

В «Долбне». «Спит Краснояров. Данила наблюдает усилившуюся деятельность в классе. Вот его толкает сосед под бок и шепчет: «следующему» и т. д. (2,287).

¹ Подробней см. И. Ямпольский. Н. Г. Помяловский, М., 1941, стр. 118—121.

В «Зимнем вечере». «Посмотрел он (Семенов — В. Б.), как играют в чехарду... В другом месте два парня ломали пряники, то есть встав спинами один к другому и сцепившись руками около локтей, поочередно взваливали себе на спину друг друга...» и т. д. (2, 21).

Может показаться, что существенной разницы в функциях этих двух персонажей нет, что Семенов просто подменил Данилушку. Почему же Помяловский отказался от прекрасно ему известного и основательно разработанного до этого автобиографического образа Данилы Иванова? Главная причина заключается в том, что Данилушка — рядовой бурсак. Он вместе с другими то кричит «холодно!», то передает соседу толчок или записку. Это фигура нейтральная. Другое дело Семенов. Он один среди бурсаков. Как фискал, он подвергнут остракизму, «...первой мерой против наушника, — пишет по поводу Семенова Помяловский, — было молчание: целый класс, а иногда и все училище соглашалось не говорить ни слова, исключая брани, с фискалом. Положение ужасное: жить целые недели среди живых людей и не услышать ни одного приветливого звука, видеть на всех лицах отталкивающее презрение и отвращение, вполне быть уверена, что никто ни в чем не поможет, а напротив — с радостью сделает зло...» (2, 19). Семенов, в противоположность Данилушке, находится в конфликте со всеми окружающими его людьми. Скрыто или явно, конфликт существует все время, сопровождая каждый шаг Семенова. Этот образ в такой композиционной функции — великолепная находка Помяловского, способствующая созданию драматической напряженности действия и позволяющая раскрыть характерные черты представителей бурсацкой массы.

«Семенов было скучно. Он не знал, что делать...»

— Леденцов, пряников! Пряников, леденчиков!

Это был голос Элпахы, который обыкновенно торговал пряниками и леденцами, от чего получал немалую выгоду, потому что покупал фунтами, а продавал по мелочи.

Семенов очутился около него.

— На сколько? — спросил его Элпаха, оглядываясь вокруг и около, потому что товарищество запрещало говорить с Семеновым, но купецкая корысть Элпахы взяла свое.

— На пять копеек.

— Деньги?

— Вот!

— Держись.

— Что ж ты обсосанных даешь?

— Лучший сорт.

— Перемени, Элпаха.

— Леденчиков, пряников! — закричал Элпаха, отворачиваясь в сторону» (2, 23).

Благодаря тому, что в качестве покупателя оказывается Семенов, торговец Элпах предстает не только как явление бурсы, но и как характер. Этот будущий священник обнаруживает удивительные оборотистость, цепкость, нахальство, извлекая выгоду даже из положения фискала, которому некому пожаловаться. Элпах — барышник по призванию, торговый сын духовной школы.

История с Семеновым — основное сюжетное звено очерка — развивается по восходящей линии, становясь все более драматичной. Сначала Семенов отторгнут бурсой, заговор молчания приносит ему нравственные страдания, но вскоре к этому добавляются и физические средства воздействия: товарищи высекли фискала в темноте. «Измученный, избитый, иссеченный, несколько раз в продолжение вечера оскорбленный и обиженный, он теперь совершенно одурел от горя, жаль и страшно было слышать, как он шептал:

— Сбегу..., сбегу..., зарежусь..., жить нельзя!

Надобно честь отдать товарищам: большая часть, особенно первокурсные, в эту минуту сочувствовали горю Семенова» (2, 35).

Человеческое чувство, пусть неглубоко и ненадолго, пришло в души «дикого племени» бурсаков. Единственный из всех писателей, обращавшихся к изображению бурсы, Помяловский показал переживания фискала, выразил сочувствие в его адрес. Но сочувствие и оправдание — вещи в данном случае несовместимые.

Кажется, что страшная сцена экзекуции, происходившей в темноте и в тишине, — кульминация истории с Семеновым. Но когда стало известно, что Семенов отправился жаловаться, «расположение товарищей мгновенно переменилось». Конфликт обострился, напряженность действия возросла, в воздухе запахло событиями еще более крупного масштаба. В группе силачей-бурсаков произнесено таинственное слово «пфимфа», слово-приговор. А ночью bursa жестоко карает фискала: «на другой день его замертво стащили в больницу». В училище же началось великое сечение.

Так, благодаря умелому выбору конфликта, очерк приобретает драматизм, теряет статичность, которая была свойственна «Долбнеж». Кроме того, в связи с Семеновым ярко освещаются характеры ряда бурсаков, обозначаются обычаи и обряды бурсы, ее жестокость и дикость.

Но было бы грубым заблуждением рассматривать парию и отверженца бурсы в качестве главного героя произведения о ней. Помяловской не делает Семенова каким-то универсальным средством для изображения бурсы. Он легко и естественно оставляет его, как только этого требуют обстоятельства; целый ряд сведений, необходимых для понимания жизни бурсаков, нанизывается на другой сюжетный стержень —

динамичную сценку игры в камешки между Гороблагодатским и Тавлей. С них, собственно, и начинается галерея бурсацких типов, что имеет глубокий композиционный смысл. К ним стягиваются важные нити бытия бурсы. И Тавля и Гороблагодатский — второкурсные, причем в бурсе это слово имело особое значение и не могло быть понято без характеристики «бурсацко-бюрократической системы». Аннотируя ее существо, писатель разъясняет, кто такие цензоры, аудиторы, секундатеры... Характеристика низовой администрации слита с характеристикой ее представителей, какими являются оба антипода—Тавля и Гороблагодатский. По тому же принципу ведется рассказ о ростовщике Тавле и ростовщичестве в бурсе, об отпете Гороблагодатском и о категориях отпетых, отчвалых, благих, о фискале Семенове и о роли фискалов среди бурсаков. Изображение частного факта сейчас же покрывается обобщением. При этом комментарии автора как бы вырастают из самого события, они почти неощутимы и, в смысле непосредственного впечатления, едва ли можно говорить, что они приостанавливают или разрывают это первое сюжетное звено «Зимнего вечера».

В начале очерка на первом плане конкретные представители бурсы—Тавля, Гороблагодатский, Семенов. Но уже и здесь в качестве резонирующего человеческого фона дана бурсацкая масса, толпа. Она безлико, но шумно откликается на все перипетии своеобразного поединка на камешках: «Взъерепень, взъерепень его!.. Толпа захохотала». И так далее в этом же роде. Но чем дальше вглубь очерка, тем больше места отводится этой толпе, тем самостоятельнее начинает она выглядеть, и в ряде моментов ее голос заглушает все отдельные голоса. И в этом опять-таки проявляется композиционная стройность очерка.

Название первого очерка — «Долбня» — не охватывает всех сторон жизни бурсы, затронутых Помяловским. Кроме описания долбни, здесь содержится рассказ о бурсацких играх, о переживаниях основного героя, о его детстве. Название, не охватывая всего содержания очерка, указывало на такое явление бурсы, которое Помяловский считал наиболее значимым. Описание долбни составляет центр, фокус очерка, но это описание рассредоточено, и фокус расплывается, уравновешивается с другим материалом.

Название второго очерка—«Зимний вечер в бурсе» — покрывает, по существу, все его фрагменты. «Фокус» остался прежним (описание долбни), но он приобрел резкость и занял особое положение по отношению ко всему материалу очерка. Описание долбни сосредоточено в одном месте и сдвинуто к концу очерка, что имеет вполне определенный смысл. Сцена долбни и авторский комментарий к ней приобретают несравненно большую композиционную нагрузку, объясняют

то, о чем говорилось прежде. Например, Помяловский живописует «занятые часы» бурсы. Выберем из этой великолепной картины несколько характерных штрихов. «Многие корчат гримасы, ловят нос языком, косят глаза, плят рот пальцами. Плюнь умеет корчить рожи на номера: он высунул язык в левую сторону, нос подпер пальцем к правой щеке, глаза выпучил, щеки отдул — это номер пятый. Всех номеров двенадцать. Аудитор, по прозванию Богиня, жует резинку, третий день не выпуская ее изо рта... Один великовозрастный камчадал оттачивает перочинный нож и потом бреет верхнюю губу и щеки... Под последними партами улеглись на посланные на пол шубы человек пять и рассказывают сказки и побывальщины... Изобретают самые пустые и, кажется, неинтересные занятия, например, <...> сбивают во рту слюну и потом выплевывают на пол, читают страницу с заду на перед и притом снизу вверх» (2, 36—38). «Картина» таких занятий выглядит и странно и дико. Невольно возникает желание узнать причины такого поведения учащихся, и автор прекрасно понимает это. «Но что это значит? — спросит читатель: неужели занимательнее читать страничку снизу вверх, как это делают некоторые для развлечения, нежели сверху вниз?.. Да пожалуй, что и занимательнее» (2, 38). И затем, в качестве ответа на вопрос, Помяловский дает сцену долбни. «Главное свойство педагогической системы в бурсе — это долбня, долбня ужасающая и мертвящая. Она проникала в кости и кровь ученика. Пропустить букву, переставить слово считалось преступлением» (2, 39). На этом корне, как считает писатель, произрастают все нелепицы и ужасы бурсы. Достигнуто новое композиционное качество. В очерке «Долбня» цитировавшийся выше отрывок выглядел «чуть-чуть» иначе: «Главное свойство в педагогической системе Красноярова (преподавателя, который в «Бурсацких типах» будет назван Лобовым.—Курсив мой. В. Б.)—это долбня, долбня ужасающая, мертвящая» (2, 284).

Как видно из сравнения цитат, очерки резко отделены друг от друга мерой авторского обобщения. То, что в одном случае представлялось писателю частностью, элементом «педагогической системы» только одного преподавателя, позже приобрело значение первопричины, расширило свои границы до «главного свойства педагогической системы в бурсе». Явление долбни как бы приподнялось над другими явлениями, получило обобщающий и разъясняющий смысл. Так углубление авторского понимания определило композиционные сдвиги на этом участке очерка.

Благовещенский сообщает, что «Зимним вечером» Помяловский «думал было и покончить с бурсой, но впоследствии, заметив впечатление и толки, какие произвела статья в публике, решился продолжать работу» (1, XL).

Тот факт, что Помяловский предполагал сначала ограничиться одним очерком о бурсе, не может служить основанием для обвинения в нецельности замысла, неслаженности всего цикла, в снижении мастерства. А разве Тургенев, создавая «Хоря и Калиныча», думал о «Записках охотника»? Разве Герцен, рисуя трагические эпизоды из своей семейной жизни, имел в виду «Былое и думы»?

Действительное содержание «Зимнего вечера» было верно понято современниками, о чем свидетельствует хотя бы рецензия, опубликованная во «Времени». Автор ее не относится к числу ниспровергателей столпов и устоев. Ему хотелось бы видеть духовную школу в ином, лучшем качестве, но он знает, что Помяловский показал только правду, и подкрепляет достоверность «Зимнего вечера» обильным материалом из жизни нескольких бурс. Фактография приходит на помощь искусству. «Это какой-то отчужденный дом, — пишет рецензент о бурсе.— И в этом-то доме живут люди, из которых со временем должны выйти пастыри народа, руководители и наставники его по пути истины и нравственности!»¹.

Не педагогическое, а идеологическое, политическое звучание очерка Помяловского прежде всего задевает и беспокоит рецензента. Он не отождествляет бурсу со школой другого типа, а видит в ней *духовную* школу. И в этом, собственно, важнейшая причина критических баталий из-за «Очерков бурсы», бывших не столько по школе, сколько по церкви. Поэтому-то и нашлись люди, которые называли Помяловского «лжецом, Иудой-предателем, призывали на его голову проклятие неба и страшные кары начальства за его клевету и злонамеренность»². В этих неофициальных кулуарных откликах явственно звучат официальные интонации, которые, даже в косвенной речи, не утратили церковнославянского колорита. Очерк Помяловского дошел по адресу, а затем— от очерка к очерку—резче и откровенной обнаруживалась основная, антицерковная направленность всего цикла.

Второй очерк был опубликован в сентябрьском номере журнала «Время» за 1862 год. Названием «Бурсацкие типы» Помяловский определил свое намерение дать ряд портретов представителей бурсы. Повествование ведется гораздо свободнее, чем в «Зимнем вечере», так как основная масса необходимых сведений уже была дана читателю. В очерке три составных части: поход бурсаков в баню, легенды и суеверия бурсы, преподаватели бурсы.

Говоря об «Очерках бурсы», редкий исследователь удерживался от хотя бы мимолетного сопоставления их с «Запис-

¹ Два слова о двух статьях. «Время», 1862, № 9, стр. 28.

² Там же, стр. 29.

ками из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского. Сам Помяловский чувствовал это сходство и отметил его в третьем очерке. Д. И. Писарев положил в основу своей знаменитой статьи «Погибшие и погибающие» параллель: русская школа—русский острог, как они представлены в «Очерках» Помяловского и «Записках» Достоевского.

Сходство бурсаков и арестантов особенно наглядно обнаруживается в близких или тождественных ситуациях. Помяловский, не боясь упреков в подражательстве, отправил своих героев в баню. Нужна была творческая смелость и независимость, чтобы повторить в ряде моментов знаменитую сцену бани-ада, нарисованную Достоевским. Помяловский сумел сделать это, совершенно по-иному включив в текст очерка «банный поход». У Достоевского обитатели каторги изображаются в обстановке бани. О передвижении из острога в баню Достоевский не говорит почти ничего, так как оно осуществлялось под конвоем. У Помяловского же как раз передвижение по маршруту бурса—баня и обратно оказывается в центре внимания. Эта часть, раскрывая общую тему (бурсацкие типы), в то же время имеет свою внутреннюю тему: бурса и мир, тот мир, куда питомцы бурсы войдут как пастыри, как «отцы духовные»: «Шествие их, — пишет Помяловский о будущих служителях церкви, — знаменуется порчей разных предметов, без всякого смысла и пользы для себя, а просто из эстетического наслаждения разрушать и пакостить. Вон Махалка раскачал тумбу, выдернул ее из земли и бросил на середину улицы <...>. Старушка плетется куда-то и, повстречавшись с бурсой, крестится, спешит на другую сторону улицы и шепчет:

— Господи! да никак это бурса тронулась!

Хорошо, что она догадалась перейти на другую сторону, а то бы нашлись охотники сделать ей смазь, и верховую, и боковую, и всеобщую» (2, 48).

Помяловский в данном случае художественно констатирует факты, не сопровождая их публицистическим комментарием. Один из исследователей высказал верное замечание о причинах такого поведения бурсаков: «Чувствительность детского сердца притуплялась вместе с чувствительностью тела и, наконец, совершенно исчезала... Наряду с этим происходило совершенное одичание и глубокое ожесточение, озверение детской души. Разрушать, уничтожать, бить все и всех, к чему только может прикоснуться человеческая рука, делается потребностью этой ожесточенной, искалеченной в ужасной атмосфере души. Сначала эта потребность объясняется естественным желанием выместить на ком-нибудь или на чем-нибудь всю горечь накопившейся обиды и злобы, а потом — потом эта потребность превращается в органическую,

до тех пор, пока получит характер автоматически выполняемых движений рук и ног»¹.

За грубыми и, как может показаться, мелкими фактами поведения бурсаков стоит вся система их воспитания и образования. И каждый факт находится на линии самого широкого обобщения, отражая одно из коренных качеств бурсачества. Недаром Чернышевский, вспоминая саратовскую семинарию, где учился он сам, и нижегородскую, где учился Добролюбов, ссылался на аналогичные факты².

В. И. Ленину, с детства знавшему произведения Помяловского³, прочно запомнился, казалось бы, незначительный эпизодик из «Бурсацких типов»: «училищный тать» Аксютка, поживившись за счет лавочника, «наплевал в кадушку с капустой», принадлежавшую тому же лавочнику. Наплевал едва ли не автоматически—из привычки вредить, где удастся, а кому—не суть важно. Ленин не раз вспоминает об этом бурсаке в своих работах⁴. Думается, что случайная, пустяковая деталь не привлекла бы внимания Ленина. Наоборот, в бурсаке, бессмысленно плюющем в кадушку с капустой, Ленин видит одно из знамений бурсы. И не только бурсы. В «Государстве и революции» рядом с этим бурсаком Ленин ставит неорганизованного, дикого российского обывателя, «способного «зря» — вроде как бурсаки у Помяловского. — портить склады общественного богатства...»⁵.

Переход ко второй части очерка имеет психологическое обоснование. «После бани бурсаки, поев всего краденого, были в добром расположении духа», — с легкой иронией замечает Помяловский. Это доброе настроение и обуславливает переход к новой странице бурсы—ее преданиям, легендам, суевериям. Фантазия бурсы отражает ее действительность. В легендах вновь встречаются и страшная порка «под колокол», и ненависть к начальству, и мордобой...

Ни одного «радного момента не содержат предания, ни одного луча света не бросают они в мрачный мир. Более того: этот мир приобретает все более «рембрандтовские» тона, погружается в атмосферу густейшего идеологического и нравственного мрака. «В бурсе предрассудки и суеверия были так же сильны, как и в простом народе: верили в леших, домовых, водяных, русалок, ведьм, колдунов, заговоры и приметы. Словом, эта сторона бурсацкой личности выражала глубокое невежество, которое начальство и не думало иско-

¹ Ф. Матушевский. Жертвы переходной эпохи. «Киевская старина», 1902, № 7—8, стр. 212.

² Н. Г. Чернышевский. ПСС., т. X, стр. 17, 18.

³ См. «Огонек», 1959, № 4, стр. 26.

⁴ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. XX, стр. 418, т. XXVII, стр. 319.

⁵ Там же, т. XXV, стр. 441.

рента, потому что и само не всегда было свободно от суеверия.

В бурсе была даже доморощенная кабалистика» (2, 62).

Таков еще один яркий и важный штрих характеристики будущих идеологов самодержавно-крепостнической России.

Три колоритнейших фигуры преподавателей бursы завершают очерк. Первым в поле зрения читателя попадает Лобов. Аксютка обозлил этого «великого педагога», и «раздалось его грозное—на воздухах!»

Тотчас же выскочили четверо парней, схватили его, раздели, взяли за руки и ноги, так что он повис в горизонтальном положении, а справа и слева начался свист лоз.

Взвыл Аксютка, а все-таки кричит:

— Не могу учиться! ей богу не могу!

— Положите ему под нос книгу.

Положили.

— Учи!

— Не могу, хоть образ со стены снять, не могу.

— Сейчас же и учи!

На этот раз Аксютка правду кричал, что не может учиться, потому что лежал под розгами, и учитель это сознавал, но все-таки продержал его висящим над книгой достаточно.

— Бросьте эту тварь!

Лобов прихлебывал из оловянной кружки квас, просматривал нотату и назначал по фамильям, кому к печке— для сеченья, кому к доске на колени, кому коленьями на ребро парты, кому без обеда, кому в город не ходить» (2, 66).

Далеко не случайно то обстоятельство, что именно Лобовым открывается галерея бурсацких типов, находящихся в должности педагогов. За Лобовым следует описание двух других преподавателей—Долбежина и Батьки. Первый преподавал латинский язык, второй—«Устав», то есть науку, как править церковные службы» (2, 71). Но остается неизвестным, какой предмет вел Лобов. И только в четвертом очерке, «Бегуны и спасенные бursы», становятся понятным умолчание Помяловского. Лобов, оказывается, преподавал закон божий, о чем недвусмысленно свидетельствует как бы мимоходом брошенный штрих: «Лобов велит вознести ученика на воздухах, положить под самый нос его «Закон божий» и в то же время кричит дико: «учи, сейчас же и учи урок!» (2, 142).

Попытки как-то обойти цензуру, провести «крамольную» мысль с помощью литературной тайнописи очень редки в творческой практике Помяловского. В данном случае имела место именно такая попытка с помощью переноса элемента одного очерка в другой, отрыва подписи от картины. «Картина» показывает, как преподает Лобов; подпись сообщает, что

он преподает, выдвигая на первый план не педагогический, а идеологический смысл происходящего.

Становится понятным, почему на правом фланге в шеренге педагогов стоит именно Лобов. Он, если использовать современный термин, был ведущим педагогом бursы, так как его специальность — закон божий, основа бурсацких наук, а не какая-нибудь арифметика, которую в бурсе никто не принимал всерьез, как предмет сугубо «внешний». Начатая с этой центральной для тех условий фигуры, характеристика педагогов бursы выглядит и естественно, и последовательно. Изображение педагогического процесса в духовной школе начинается с урока богословия.

Профессор Савваитов, автор богословского учебника конца 50-х годов прошлого века, так определял значение «слова Божия»: «Священное писание, как слово Божие, есть нетленное семя, от которого человек возрождается из естественной в благодатную жизнь; есть хлеб, которым он духовно живет, и вода, которою утоляет духовную жажду; есть светильник, сияющий в темноте, пока придет рассвет и заря взойдет в сердце, и есть самый дневной свет, то есть живое и блаженное познание Бога и чудес его во времени и в вечности... Без слова Божия человек мрачен, гладен, жаждущ и мертв духовно»¹.

Представим себе, что Аксютка, раздетый, вознесенный на воздушных, под розгами, на глазах у товарищей, должен был «почерпать из источника божественных писаний воды спасения», чтобы потом «напоить им души верующих». При всем желании нельзя придумать средств обучения, более отгаликивающих от предмета, чем те, о которых пишет Помяловский. Только бюрократическое тупоумие, граничащее с идиотизмом, могло рассчитывать на положительные результаты при таком воспитании будущих идеологов. Лобовские методы не являлись исключением. Долбежин и Батяка расширяют и закрепляют понятие о типичности Лобова, в самом существенном повторяют его. Стремясь закрепить эту мысль в сознании читателя, Помяловский дает рассказ о «бурсацких типах» из педагогов друг за другом, без сколько-нибудь распространенного комментария. В латинисте Долбежине было не меньше «лобовщины», чем в самом Лобове. «У него было положено за священнейшую обязанность,—пишет о Долбежине Помяловский,—в продолжение курса непременно пересечь всех—и прилежных и скромных, так чтобы ни один не ушел от лозы» (2, 67). И эта установка у Долбежина была отнюдь не догмой, а неукоснительно выполняемым руководством к действию. Или вот еще «лобовские» качества Батяки: «Чего,

¹ П. Савваитов. Библиейская герменевтика. СПб., 1859, стр. 4.

чего он ни придумывал: заставлял кланяться печке, целовать розги, сек и солил сеченого...» (2, 73).

Здесь, как и в других произведениях, повторение указывает на существенный признак явления. Порой этот прием почти незаметен, хотя и несет важную нагрузку. Деяния Лобова предваряются молитвой «Царю небесный» (2, 65). Занятие Долбежина завершается пением молитвы «Достойно есть» (2, 70). В обоих случаях молитва как бы освящает все происходящее—все вопиющие безобразия бурсы.

В своеобразном виде повторение вошло даже в названия всех очерков цикла: «Зимний вечер в бурсе», «Бурсацкие типы», «Женихи бурсы», «Бегуны и спасенные бурсы», «Переходное время бурсы». В бурсе, бурсацкие, бурсы... Это создает впечатление некоторого однообразия. В чем здесь дело? Есть ли у Помяловского серьезная причина для этого однообразия?

Дело в том, что писатель поднимает общепедагогические проблемы прежде всего постольку, поскольку они воплощены в формы бурсацкой жизни. Он повествует о бурсе не отвлекаясь в стороны и, видимо, считая изображение этого участка русской жизни, русской школы особенно важным.

По сравнению с «Зимним вечером», второй очерк Помяловского имеет по крайней мере два существенных отличия: в нем сокращен удельный вес авторских комментариев и ослаблены сюжетные скрепы. Образ Аксютки по своей композиционной функции напоминает Семенова, но его значение в этом плане гораздо меньше. Материал организуется прежде всего намерением автора показать разные типы бурсы в разных обстоятельствах. Такова композиционная основа второго очерка.

Примерно по тому же принципу построен и третий очерк «Женихи бурсы», где отсутствует сквозное сюжетное действие и материал организуется темой брака, а брак для бурсака—это прежде всего обязательство «взять *такую-то*, по назначению от начальства, казенную, закрепленную девицу» (2, 78; курсив Помяловского). В среде сельского «духовного пролетариата», который имеет в виду Помяловский, брак лишен всякой человечности и поэтичности: это не союз двух любящих сердец, а союз голодных желудков («жених кричит: «есть нечего»; невеста кричит: «с голоду умираю!» (2, 79).

Тема брака неотделима от будущего героев Помяловского, но это будущее не просветляет облик бурсы, не несет с собой каких-либо радостных надежд. Оно так же бесцветно, дико, грубо, как и настоящее.

Четвертый очерк «Бегуны и спасенные бурсы» резко отличается от всех предыдущих. Помяловский вводит в него центральный и притом автобиографический образ Карася.

не заслоняя им, однако, бурсацкую массу. Выдвижение на первый план автобиографического героя во многом обусловило максимальную критическую заостренность очерка в пределах всего цикла. Лейтмотив «проклятой бурсы», всплывающий во втором очерке и продолжающий звучать в третьем, получает совсем новое качество в «Бегунах и спасенных бурсы». Он приобретает сильнейший эмоциональный накал и сопровождает едва ли не каждое явление бурсацкой жизни, затрагиваемое писателем. Проклятая бурса (2, 112), ненавистная бурса (2, 113), проклятое училище (2, 130), гадкий бурсацкий праздник (2, 146), гнусная больница (2, 153), гнусные классы, противные книги (2, 113)—такими и подобными выражениями буквально пестрят «Бегуны и спасенные». Нельзя не видеть в этом своеобразных эмоциональных показателей критической напряженности очерка в целом. В то же время отчетливо ощущается рост масштабов авторского обобщения в сочетании с постановкой важнейших вопросов жизни бурсы.

Особое место занимает вопрос о религиозности учащихся духовной школы. «Молящиеся толкались, смеялись, плевались... Отрепыши в первых рядах только стояли прилично, а в середине, где ученики были заслонены окружающими их товарищами, играли в карты и костяшки... Смази, щипки, плевки, подзатыльники рассыпались только несколько реже и скромнее сравнительно с обыкновенными занятыми часами» (2, 141) — такова картина богослужения в бурсацкой церкви. Картину богослужения сопровождает четырехстраничный комментарий автора. Помяловский констатирует, что со временем *большинство* бурсаков «делается вполне равнодушно к той вере, за которую так долго и жестоко секли их» (2, 143). А меньшинство—самые умные люди из семинаристов, цвет бурсацкого юношества — делится на три типа. Одни—убежденные атеисты, «бурсаки материалистической натуры». Другие, «ставши атеистами, прикрывают свое неверие священнической рясой <...>, бывают существами отвратительными—они до глубины проникаются смрадной ложью, которая убивает в них всякий стыд и честь» (2, 144). И только один тип бурсаков, очистив «веру, всеченную в их душу, от всевозможных ее ужасов, потом создают новую веру, свою, человеческую, которую, надев впоследствии рясы и сделавшись попами, и проповедуют в своих приходах под именем православной веры» (2, 143). Здесь, как и в двух предыдущих очерках, снова осуществляется выход за пределы бурсы, но выход не в семейную жизнь духовенства, а в сферу официальной идеологии. Ее носителей и проповедников составляла духовная школа, и через отношение бурсаков к религии раскрывалась фальшь и несостоятельность церкви, этой важнейшей опоры самодержавия.

Здесь — критическая кульминация «Очерков бурсы», их идейный фокус.

Тенденция критического заострения последовательно осуществляется Помяловским: от изображения более или менее внешних признаков бурсы он движется к ее сердцевине, к постановке все более глубоких проблем. Сама бурса ассоциируется с все более широким кругом явлений русской жизни. В третьем очерке писатель сравнивал бурсу то с «мертвым домом» Достоевского, то с солдатчиной. В четвертом он пишет о том, что и «в других учебных заведениях, а не только в бурсе, царила дремучая ерунда и свинство» (2, 127). В пятом же, только начатом очерке «Переходное время бурсы», обобщение приобретает еще больший размах: Помяловский говорит о «нелепых порядках, существующих почти везде на Руси» (2, 159). Так, от очерка к очерку, крепнет убеждение Помяловского, что бурса — типичное явление русской жизни и, наоборот, что «в жизни та же бурса». Если посмотреть внимательно на «Очерки бурсы» с этой точки зрения, они приобретают неожиданно широкий смысл, предстают как миниатюра николаевской России — самодержавной, крепостнической, церковной и отчасти буржуазной.

В бурсе есть свой, по существу, ничем не ограниченный деспот — инспектор, свои феодалы — педагоги, свои жандармы — служители, свои палачи, фискалы, ростовщики, торговцы, нищие, блаженные, уголовные, беглые... Есть в ней и своя оппозиция возглавляемая Гороблагодатским. Бурса в ее, так сказать, живом виде — пародия на николаевскую Россию, а «Очерки бурсы» — великолепное, глубоко реалистическое и притом несколько не шаржированное воспроизведение этого участка русской жизни. Сам Помяловский дает некоторую почву для параллелей такого рода. Он пишет: «Цензор был чем-то вроде царька в своем царстве, аудитора составляли придворный штат, а второкурсные — аристократию» (2, 13). Эта мысль, прозвучавшая в «Зимнем вечере», в последующих очерках дополнялась и углублялась, пока в «Переходном времени бурсы» не отлилась в обобщающую формулу: «В жизни та же бурса».

Помяловский допускает известную концентрацию фактов и типов. Это несомненно. Однако сами факты и типы даны без гиперболизации. Даже в сфере комического Помяловский не прибегает к гиперболе, которая характерна не только для Гоголя, но и для Герцена или Тургенева. В этом одна из важнейших особенностей мастерства Помяловского — автора «Очерков бурсы».

Десятки несомненно типических образов населяют «Очерки бурсы». Однако среди этих образов ни один не стал нарицательным и не занял центрального места во всем цикле. В «Очерках» нет героя — персонажа, который последователь-

но сгруппировал бы вокруг себя события и проблемы. Но герой в «Очерках бурсы», конечно, есть—это сама бурса. Произведение с групповым героем не было новостью для литературы 60-х годов. Над решением этой сложнейшей художественной проблемы успешно работали и Лев Толстой в «Севастопольских рассказах», и Н. Успенский в очерках, и Ф. Достоевский в «Записках из Мертвого дома».

К «Очеркам бурсы» ближе всего «Записки из Мертвого дома», что обусловлено прежде всего удивительным сходством жизненного материала, на основе которого создавались оба произведения. Критики, однако, склонны забывать это обстоятельство и ограничиваться рассмотрением вопроса о влиянии Достоевского на Помяловского. При сравнении недостаточно иметь в виду только один аспект—литературный, недостаточно ориентации только на родственные моменты «Записок» и «Очерков». Различия между этими произведениями не менее важны.

Факт чрезвычайного сходства острога и бурсы, преступников, отверженцев общества и будущих идеологов этого общества, хотя и парадоксален, но сомнений не вызывает. В то же время очевидно, что между бурсой и острогом нет тождества. Это прекрасно видел Д. И. Писарев. Характеризуя обитателей острога, критик писал «о большом разнообразии уже сформированных характеров и умов»¹. В бурсу же, по его словам, «поступали дети, выросшие при очень сходных условиях, воспитанные в одинаковых понятиях, учившиеся писать по одним и тем же книгам, игравшие дома в одни и те же игры, слышавшие от взрослых одни и те же нравоучения, словом, в бурсу поступали цветки одной и той же почвы...»².

Герои «Записок из Мертвого дома» — люди разных социальных положений: крестьяне, дворяне, чиновники, офицеры, солдаты; разных национальностей: русские, поляки, татары, евреи, кавказские горцы; разных религий, профессий и т. д. В остроге все находились примерно в равных условиях, но над каждым тяготело его собственное прошлое. То же можно сказать и о будущем. Обитатели острога представляли из себя сумму разрозненных единиц или, в лучшем случае, группок. Там не было товарищества ни в бурсацком, ни в каком-нибудь другом смысле слова.

Каторжане дифференцированы и индивидуальны в своих проявлениях.

В бурсе дело обстояло иначе. Бурса сильнее и систематичней действовала на своих воспитанников, чем острог на заключенных. Бурса безжалостно стандартизировала, нивелли-

¹ Д. И. Писарев. Соч., т. IV, стр. 109, ГИХЛ, М. 1956, стр. 109.

² Там же, стр. 110.

ровала своих питомцев, вколачивая их индивидуальность в рамки издавна существующих категорий—отпетых, отчвалых, благих, нищих... Она предписывала им этические, эстетические, языковые и все другие нормы поведения. В этом смысле и волевой богатырь Гороблагодатский, и хилый трусишка Семенов—едва ли не в равной мере жертвы бурсы. Когда дело касалось противодействия начальству, бурса была массой, каким-то подобием коллектива.

Различия между арестантами и бурсаками должны были иметь *художественные следствия*. Главное из них, обусловленное спецификой жизненного материала, — разная степень индивидуализации действующих лиц в «Записках из Мертвого дома» и «Очерках бурсы». Достоевский дает многогранные типы, очерчивая их социальные, национальные, профессиональные, возрастные и многие другие признаки.

Бурсаки представляют гораздо более однородную массу. Это—резко очерченные характеры в пределах одного социального слоя, одной национальности.

Специфические качества арестантов и бурсаков зафиксированы в их языке.

У героев Достоевского великолепные, детально разработанные речевые характеристики. Индивидуумы бурсы даны верно и ярко с точки зрения логики их характеров — в описании и действии. Но их язык, если так можно сказать, однообразно-ярок. Это не столько язык того или иного бурсака, сколько язык бурсы, жаргон бурсы, не лишенный, правда, индивидуальных оттенков. Но именно оттенков — не больше. Бурсаки постоянно и в огромном количестве используют устоявшиеся речевые формулы и отдельные слова, что, однако, не смазывает бурсацкого колорита, не омертвляет характеров. В остроге подобные моменты имеют гораздо меньшее распространение. Кроме того, в речи обитателей «мертвого дома» нет церковнославянской фразеологии или пародии на нее.

Разница в языке героев Достоевского и Помяловского соответствует разнице отношений «между обществом и отдельной личностью» (Писарев) в остроге и в бурсе и в этом смысле указывает на один из существенных моментов композиционного своеобразия обоих произведений.

Помяловский, глубоко понимающий эстетические возможности жизненного материала, умело использовал достижения своих предшественников, оставаясь в то же время вполне самостоятельным художником.

Теперь—немного истории вопроса.

Современники ощутили и, в зависимости от своих политических симпатий, определили самую резкую черту таланта Помяловского.

П. В. Анненков утверждал, что ничего страшнее очер-

ков Помяловского русская литература еще не произвела¹.

Другой, более демократически настроенный современник, В. П. Острогорский, для которого Помяловский был любимым писателем², писал (1863), что сила Помяловского «заключается в страшном, беспощадном реализме, в жизненной неприкрашенной правде»³.

В редакционной статье «Современника» читаем: реализм Помяловского «состоит в изображении действительности ее истинно-характеристическими, жизненными чертами и красками, без всяких затей натянутого фантазерства, с той степенью поэтической окраски, какая дается содержанием, с той простотой, какую можно найти только у талантливейших из наших беллетристов»⁴.

Несомненна перекличка этих оценок Помяловского с отзывом Чернышевского о Н. Успенском («правда без всяких прикрас»). Но очевидно и другое: включение «Современником» Помяловского в число «талантливейших наших беллетристов» аналогично словам Чернышевского о Помяловском, как человеку «гоголевской и лермонтовской силы».

Ни для «Мещанского счастья», ни для «Молотова» не характерны черты «беспощадного реализма», которые отчетливо обнаружили в «Очерках бурсы». Обе повести были опубликованы в 1861 году, то есть в том же году, что и статья Чернышевского «Не начало ли перемены?». Еще в 1859 г. Помяловский сообщал Благовещенскому: «... я отдумал писать и о бурсе, потому что не могу быть беспристрастным в этом деле» (2, 269). Но в 1862 году, то есть после статьи Чернышевского, появился «Зимний вечер в бурсе», где доминирующим началом реализма была «правда без всяких прикрас». Не будет преувеличением утверждать, что именно Чернышевский своей оценкой Н. Успенского помог Помяловскому возвратиться к теме бурсы. «Статьи Чернышевского и Добролюбова <...> он перечитывал <...> по нескольку раз, вдумывался в каждую фразу», — свидетельствует друг и первый биограф Помяловского Н. Благовещенский (I, XXXI). Но, конечно, он сделал это не «по рецепту Добролюбова»⁵ (или Чернышевского), а в силу громадной внутренней потребности. Тема бурсы мучила Помяловского, требовала своего воплощения,

¹ П. Анненков. Современная беллетристика. Г. Помяловский. «С.-Петербургские ведомости», 1863, 5, 6 января.

² Виктор Острогорский. Из истории моего учительства, СПб., 1895, стр. 259.

³ Виктор Острогорский. Этюды о русских писателях. Н. Г. Помяловский. М., 1903, изд. 2-е, стр. 30.

⁴ Сочинения Помяловского. «Современник», 1864, № 11—12, стр. 83.

⁵ Принципы и ощущения. «Отечественные записки», 1862, № 3, стр. 101.

рвалась из души писателя. И естественно, что человек, прошедший суровую школу бурсы, написал о ней с «суровым реализмом» (Горький).

Впоследствии в духовной школе произошли некоторые изменения. Была отменена розга, кулак перестал играть роль педагогического средства, преподаватели бурсы должны были обращаться к своим воспитанникам на «вы». Улучшились внешние условия жизни бурсаков. Этого было бы вполне достаточно для того, чтобы устареть произведению о бурсе, где главный интерес составляли подробности быта. Но «Очерки бурсы» продолжали оставаться самой верной художественной характеристикой духовной школы на всех этапах ее последующего развития. И это несмотря на то, что они вызвали «целую массу подобных произведений»¹. Многие писатели—и в их числе Ф. Решетников, А. Левитов, Д. Мамин-Сибиряк — обращались к теме бурсы, но никому не удалось создать что-нибудь равноценное «Очеркам» Помяловского. И это лучшее свидетельство того, что Помяловский, этот большой художник-мастер, схватил не быт, не детали, а типаж бурсы, ее атмосферу, ее существо.

¹ Сочинения Помяловского. «Современник», 1864, № 11—12, стр. 83.

Е. И. ПОКУСАЕВ

ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ (Салтыков-Щедрин и наследство шестидесятников)

I

Первыми произведениями, с которыми Салтыков выступил на страницах «Отечественных Записок» после почти трехлетнего молчания (1864—1867) были «Признаки времени» и «Письма о провинции». Отдельной книгой они вышли в январе 1869 г.

Автор обратился к острейшим проблемам русской жизни. Реформы, их исторический смысл и результаты, их влияние на дальнейшее развитие России, природа современного общественного строя, источники социального зла, социалистический идеал, пути и средства его осуществления, проблема революции и народа—вот главные вопросы раздумий сатирика, идейная сердцевина его новых творческих замыслов.

Салтыков обрушился на «самодовольную современность», которая демонстративно отказалась от широких жизненных стремлений, объявила поход на «утопии». «Я счастлив, потому что на мне отлично сидят панталоны», «Крестецкий уезд счастлив, потому что в нем существует банк»—эти формулы-издевки высмеяли скопческую ограниченность идеалов, поощряемую всей обстановкой общественной реакции второй половины шестидесятых годов.

Повальное распространение узко личных стремлений и желаний, беззастенчивое вторжение их в сферу высших человеческих интересов сатирик ставил в прямую зависимость от неудач осуществления революционных планов.

«Всякой реакции,—писал Салтыков,—всегда предшествуют особенно энергичные усилия общества, направленные к пересозданию самых существенных его основ...» (VII, 167)¹.

¹ Тексты Салтыкова-Щедрина цитируются по изданию: Н. Щедрин (М. Е. Салтыков.) Полн. собр. соч., т. I—XX, Гослитиздат, 1933—1941. Том обозначен римской цифрой, страница — арабской.

Едва ли не самый тяжелый и самый вредный признак пореформенной реакции в области идейной, духовной—господство самодовольной ограниченности, выдававшей себя за «житейскую мудрость», воинствующая проповедь «азбучных истин», гонения на смелую мысль, на широкую общественную инициативу, на большие жизненные идеалы.

Важно отметить, с какой глубиной и пронизательностью Салтыков разоблачал теорию и практику компромиссов. В этом отношении чрезвычайно интересна незавершенная статья о Грановском (1869 г.), в которой слышны отголоски своеобразной теоретической самокритики. Салтыков в свое время отвел упрек Чернышевского в том, что в «Каплунах» (как и в проекте программы неосуществленного журнала «Русская правда») проскальзывает идея уступок в сфере убеждений. Сатирик и тогда, конечно, понимал, какой вред «цивилизующей» мысли, устремленной к социалистическому идеалу, может нанести политика соглашений, политика уступок, политика компромисса ради достижения ближайших практических результатов. Он полагал, однако, что достаточно человеку социалистических убеждений проявить известную твердость, соблюсти внутреннюю дисциплину, как опасность измельчания, принижения общественного идеала будет устранена¹.

В статье о Грановском Салтыков открыто пишет о несостоятельности такого рода представлений. Тут как бы молчаливо признавалась правда Чернышевского. «Нет почвы более опасной и скользкой,—восклидал сатирик,—как почва соглашений» (VIII, 199). «Обыкновенно человек начинает проповедь терпимости, а кончает тем, что один по одному обрывает лепестки того пышного цветка, который носит имя нравственного убеждения» (VIII, 200). Сатирик подробно анализирует обстоятельства, приводящие к такому печальному концу. Потребность уступок чаще всего вызывается суровыми преследованиями, которым подвергается «дело либеральной мысли». Но есть и другие мотивы, куда более серьезные, чем страх перед неизбежными репрессиями властей. На почву соглашений и компромиссов вступают революционеры, люди идейно непреклонные, стойкие, беззаветно преданные своим идеалам.

«Люди выработавшие себе вполне ясные идеалы,—заявляет Салтыков,—не могут уступать их ради одного страха перед внешнею обязанностью уже по тому одному, что самая выработка этих идеалов сопровождается опасностями на-

¹ См. подробнее в нашей книге: «Салтыков-Шедрин в шестидесятые годы», Саратов, 1957, стр. 159—269.

столько значительными, что человек, испытавший их, имеет полное право без недоверия относиться к своей нравственной силе. Тот решительный шаг, который дает окраску всей жизни человека, никогда не делается без тяжких жертв. Для многих он стоит радикальной перемены в самом образе существования, для многих — разрыва с той коренной средой, к которой они принадлежали и которая привязывает к себе не только силою воспоминаний и привычки (а кто не испытал на себе, как велика эта сила?), но и силою действительно оказанных услуг. Можно ли допустить, что человек, решившийся однажды на подобный шаг, есть человек робкий и легкомысленный; что он не сумеет поддержать свои убеждения с тою же твердостью, с какою к ним первоначально приступал? Нет, подобная мысль может быть допущена много-много, как один из второстепенных мотивов, обуславливающих человеческие действия, а отнюдь не как единственное или даже характеристическое объяснение их. Этого последнего, очевидно, следует искать совсем в другом месте, а именно в тех целях, которые предполагается достигнуть путем соглашения» (VIII, 201).

В этих отвлеченных рассуждениях обнаруживается личная, интимная подкладка. Изложенная здесь внутренняя динамика усвоения передового мирозерцания покоилась на автобиографическом материале, обнимавшем и вятскую ссылку, и разрыв сатирика с дворянско-помещичьей средой, и личную служебную практику, отмеченную тенденциями компромисса, и общественно-литературную деятельность совсем недавнего времени. Конечно, не только не исключается, но и предполагается момент более широкого обобщения.

Под щедринскую характеристику вполне подпадают некоторые черты и факты идейно-политического становления Петрашевского, Герцена, Огарева, Некрасова и других русских общественных деятелей. Тем серьезнее, тем убедительнее становилась критическая мысль сатирика. Дальнейший ход его рассуждений таков. Перед угрозой полного поглощения передовых идей их мужественный поборник и защитник прибегает к уступкам, к соглашению. Начинает казаться, замечает Салтыков, что соглашения могут нечто спасти; является надежда с их помощью отстоять хотя бы «наружное бытие» тех дорогих принципов, которые в противном случае рискуют быть совершенно затоптанными.

«Пусть мысль захиреет на время, думают ее поборники, пусть она живет жизнью неполною и далеко не нормальною, но, по крайней мере, она не навсегда будет вычеркнута из числа умственных ценностей, обращающихся в человечестве, и со временем, конечно, возвратит себе утраченную силу и достоинство» (VIII, 202).

Такая политика уступок и оговорок действует на мысль

«самым растлевающим образом», превращает ее в малосильную и достигающую своих результатов «медленным и мучительным путем» (VIII, 203). Салтыков протестовал против урезывания идеалов, против уступок в сфере убеждений. Он расходился с теми из видных публицистов демократического лагеря, которые усматривали в факте понижения идейных запросов чуть ли не закономерное явление пореформенной деятельности. Н. Шелгунов, например, заявлял, что 1857—1862 годы были периодом теоретического уяснения великих вопросов и постановки широких задач, а теперь новое поколение идеалов не ищет, оно занялось лишь практической проверкой идеалов¹.

Салтыков выступил против какого бы то ни было оправдания «времени уныния и упадка» общественной энергии. Он с горечью писал, что Добролюбовых и Чернышевских, «убежденных, самоотверженных и страстных людей» заменили в роли руководителей общественного мнения проповедники азбучных истин, приправленных молчалинской аккуратностью (VII, 169).

Салтыков характеризовал переживаемую Россией полосу реакции, как время повсеместной «одичалости», скуки, общественного бессилия и испуга. Его презрение вызывали катковцы—вдохновители реакции, пропагандисты аксиом полицейского пошиба. Защитники либеральных программ высокомерно отзывались об эпохе Чернышевского, как о времени бесплодных упований, бесполезного теоретизма, зато в благонамеренно-трезвом раже восхваляли принцип мелкой практической пользы. Позже эту постоянную до назойливости ноту либеральной печати очень выпукло выразила газета «Новости». «Наши теоретики,—говорилось здесь,—начали прежде всего с решения мировых капитальных вопросов, и, в теплых заботах об улучшении быта русского мужика, сразу, на трансцендентальных началах, проектировали для него мужика, великолепный план алюминиевых дворцов, куда он имел в кратчайшее время переселиться непосредственно из курной избы... Словом, начали не с начала, а с конца... Однако же мужик и по сие время живет в курной избе... В том-то и горе наших теоретиков, что они до тонкости знали весь процесс постройки алюминиевых дворцов, и не сумели и не смогли научить мужика строить себе избы так, чтоб в ней сносно было жить»².

Сатирик яростно восставал против таких и подобных им нападок на «утопии», против этой проповеди малых дел, против этого самодовольного утилитаризма. Не без сарказма он

¹ Н. Шелгунов. Вопросы русской жизни. «Дело», 1869, № 3, стр. 53—63.

² Коломенский Кандид (А. О. Михневич). Характеристика наших журналов и газет. «Новости», 1877, № 211, 13 августа.

писал, о том, как жалки и глупы либеральные претензии в ущерб общим идеалам выдвигать идеалы личные, отождествлять идеалы крестецкие или раненбургские с идеалами общечеловеческими. Он отстаивал идею необходимости для жизни «прочных и широких оснований».

В незаконченном цикле «Итоги» (1871) читаем: «Ежели существует способ проверить степень развития общества, или, по крайней мере, его способность к развитию, то, конечно, этот способ заключается в уяснении тех идеалов, которыми общество руководится в данный исторический момент» (VII, 438).

Сатирик смело относил себя к сторонникам «крайних утопий». Искусно развертывая ироническую аналогию между фаланстером «крепостным» и фаланстером «гармоническим», он писал: «Нас страшат именами Кабе и Фурье», фаланстер выставляют каким-то пугалом. Но надо понять, что «к фаланстеру Фурье надо пройти через множество разнообразных общественных комбинаций» (VII, 445). Для писателя ясно, что страна, которая деятельно стремится к историческому прогрессу, неминуемо должна принять основные положения социалистической «утопии».

В насмешливом тоне он упоминал о «политической мудрости», убеждающей, что «цели ближайшие и непосредственные суть, в то же время, и наиболее желанные». Сатирику по душе другая мудрость, призывающая к «неполезному забеганию вперед» (VII, 199).

Важнейшую задачу литературы Салтыков видел в том, что она должна быть воспитательницею и руководительницею общества в его исканиях идеалов будущего. «Содействовать обретению этого искомого и, не успокаиваясь на тех формах, которые уже выработала история, провидеть иные, которые хотя еще не составляют наличного достояния человека, но тем не менее не противоречат его природе и следовательно рано или поздно могут сделаться его достоянием,—в этом заключается высшая задача литературы, сознающей свою деятельность плодотворною... Литература провидит законы будущего, воспроизводит образ будущего человека. Утопизм не пугает ее...» (VII, 455).

Салтыков глубоко верил в неистощимость, в поступательный характер исторического творчества человечества. Он отвергал идеалистические фатальные прогнозы будущего. «Если б источник творчества иссяк,—писал он в IV главе «Итогов»,—то человеку оставалось бы сложить руки и с покорностью ожидать ударов судьбы» (VII, 454).

Обращаясь к широко известному понятию «золотого века», сатирик утверждал: «...Человек так уж устроен, что ему непременно хочется золотого века, и во всяком признаке прогресса он видит приближение его» (VII, 471).

Салтыков усвоил диалектическую идею развития. В свете этой идеи им обосновывалась неизбежность движения человечества к социализму, к наилучшей «общественной форме».

2

В реакционной печати было модно все беды и тяготы преформенного положения в деревне сваливать на крестьянство, на то, что оно, почувствовав свободу и оставшись без погечительного руководства помещиков, ударилось в повальное пьянство, отбилась от рук, погрязло в «грубых нравах», лени и т. п. Эти реакционные измышления настойчиво распространяла в 1868—1869 гг. газета «Весть». «Искра» высмеивала клеветнические толки крепостников и тут же, между прочим, сообщала, что на одних железнодорожных работах в России было занято 150000 «ленивых мужиков»¹.

В 1867 году вышла в свет брошюра некоего П. Л. с обращением на себя внимание заглавием: «Земля и воля»². Автор брошюры—махровый крепостник—в один голос с редактором «Вести» твердил о том, что крестьянам под властью помещиков жилось лучше и что спасение России—в скорейшем сближении мужика и крупного землевладельца.

В одном из писем о провинции Салтыков рисовал острую сатирическую сценку, которая как бы вобрала в себя и обобщила эти барские сетования и советы, разоблачила их крепостническую подоплеку.

«Если верить рассказам историографов, в губерниях наших происходят чудеса. Опиваются целые деревни; целые села замерзают в бессознательном положении <...>, стыд забыт, понятие о выкупных платежах упразднилось; мужик бросил семью, перетаскал из дома все до последней бечевки и орет в кабаке дурацкие песни» (VII, 252).

После каждой выпитой рюмки мадеры щедринские помещики выдвигают одно за другим эти обвинения в адрес бывших крепостных, попутно разглагольствуя о том, что поля лишаются плодородия, армии грозит упадок, государству погибель. «Сколько рюмок, столько вопросов», — иронически резюмировал автор. Эпизод завершается тем, что дворянские обвинители сами свински напиваются и даже перестают понимать друг друга. Сатирик изобличал помещичьи обвинения как в высшей степени лживые и бонвиванские, которыми лицемерно прикрывалась тоска по упраздненному крепостному праву.

¹ Евг. Раскатов. Опыт приучения ленивых мужиков к труду. «Искра», 1870, №3, стр. 83—88.

² «Уж если прибирать подходящее название,—писал публицист «Дела» об этой книжонке,—то скорее бы следовало остановиться на кличке «безземельная воля», чем «Земля и воля». («Дело», 1868, № 5, стр. 85).

Думается, что именно в этой связи, как своеобразную реакцию на идеи крепостнического реванша, надо расценить встречающиеся в тексте «Писем о провинции» положительные высказывания писателя о 19 февраля 1861 г.

Герои «мадерорастлевающей среды», «пенегиристы доброго старого времени» прилагали, писал сатирик, «жалкие усилия во что бы то ни стало подорвать те плодотворные последствия, которые заключают в себе намерения 19-го февраля...» (VII, 220). Могут заметить, что сатирик пишет о *намерениях*, а не о действительном содержании крестьянской реформы. Это не совсем так.

В другом месте Салтыков сочувственно упоминал о том, что реформа 1861 года провела яркую черту под старым (VII, 219), положила безвозвратный конец крепостническому злодейству. «Как бы ни были обширны наши притязания к жизни, мы не можем не удивляться великости этого подвига. Разом освободить из плена египетского целые массы людей, разом заставить умолкнуть те скорбные стоны, которые раздавались из края в край по всему лицу России — такое дело способно вдохнуть энтузиазм беспредельный!» (VII, 246).

Наконец, мы встретим у писателя и такое заявление: «Пускай историографы буйствуют и преднамеренно или по глупости извращают смысл того, что составляет драгоценнейшее достояние современной жизни — мы верим горячо и искренно, что истинный смысл реформы 19-го февраля не потеряется никогда» (VII, 275).

Не цензурными ли соображениями, не опасениями ли за печатную судьбу сатирического произведения вызывались эти щедринские оценки? В этом предположении, бесспорно, есть доля истины. Цензурное давление заставляло Салтыкова быть осторожным и не скупиться на одно-другое лишнее сочувственное упоминание о реформе 19 февраля, чтобы оградить свои произведения от урезываний, а то и от запрещения¹.

Но все же мы должны констатировать, что сатирик не только прикрывался сочувственными оценками, но и в определенном смысле их разделял.

Акт освобождения крестьян от крепостной зависимости он считал прогрессивным моментом, не впадая при этом в противоречие с другими своими утверждениями и оценками, с резкими отрицательными отзывами о пореформенных порядках, когда «жизнь оголилась», открылось ее несомненное «оскудение» (VII, 272). На возможные упреки в противоречивости автор цитированных строк отвечал: «Не потому оголилась и оголяется жизнь, что крепостничество уничтожено, а потому, что оно еще дышит, буйствует и живет между нами» (274).

Щедринская оценка 19 февраля, по существу, ничего ли-

¹ В. Е. Евгеньев-Максимов. В тисках реакции, М.—Л., 1926, стр. 30—32.

берального в себе не заключала. Ее подлинное содержание, истоки, характер и перспективы совсем иные, чем высокопарные панегирики присяжных либеральных прогрессистов. Самый акт личного освобождения крестьян Салтыков расценивал как создание необходимых условий, при которых ускорится процесс пробуждения самосознания масс. «Мы думаем, — отмечал писатель, — что правоспособность крестьян составляет одно из лучших приобретений, данных реформой 19-го февраля» (VII, 291).

Все это, однако, нисколько не помешало сатирику увидеть реальное пореформенное положение народных масс. Он писал о том, какие величайшие бедствия, разорение, какую нищету переживал народ. В ответ на обычные рассуждения, что в России нет пролетариата, что рабочий человек в России имеет землю и, следовательно, живет лучше, чем тот, кого называют «пролетарием», сатирик заявлял: «Да, пролетариата нет, но загляните в наши деревни, даже подстоличные, и вы увидите сплошные массы людей, для которых, например, вопрос о лишней полукопейке на фунт соли составляет предмет мучительных дум и для которых даже не существует вовсе вопроса о материальных удобствах...» (VII, 256)¹.

Крестьянин поставлен в положение человека, осужденного не думать ни о чем ином, как о средствах «не умереть с голода, не замерзнуть, не утонуть в болоте и вообще не пропасть как собака» (VII, 257). Человек массы безмерно страдает и относится к этому равнодушно, как некоему предопределению. В такой же мере он равнодушен к горю соседа, потому что «опыт и история» доказали, что люди массы равны перед несчастием, что каждый из них имеет одинаковые шансы на всякого рода невзгоды. Материальная бедность влечет за собою бедность духовную, невежество. Человек массы, пока он так угнетен материально, и не предпринимает никаких мер, чтобы «обеспечить свободу мысли». Салтыков приходил к горькому выводу: «...несмотря на вековечное существование, масса успела воспитать в себе только рабское тяготение к силе, да еще бессознательно-равнодушное отношение не только к общим интересам, но даже и к тем, которые ближайшим образом затрагивают ее собственную жизнь» (VII, 261). Такой вывод художник мог сделать только после того, как он лично пережил поражение революционной ситуации 1859—1861 гг., только после того, как исторически выяснилась безуспешность попыток революционной демократии в 1862—1864 гг. поднять народ к активной политической борьбе.

¹ В девятом письме о провинции в этом же духе характеризуется жизнь мещан в уездном городке. В журнальном тексте была даже такая фраза: «Так можно только жить, то есть покоряться жизни, но вообразить себе что-нибудь подобное, а тем менее изобразить — нельзя ни под каким видом». («Отечественные записки», 1869, № 11, стр. 161).

Революционная ситуация питала веру сатирика в то, что Иванушка будет способен «судить и рядить», отстаивать свои экономические и политические интересы.

Опыт освободительного движения шестидесятих годов рассеял эти иллюзии. Крестьянские массы оказались способны лишь на разрозненные, неорганизованные, не освещенные революционным сознанием волнения и бунты. Характерно, что в финале восьмого письма о провинции сатирик специально описывает, как зарождается такой неудачный крестьянский бунт, как он протекает от момента выбора ходоков до водворения последних в «кутузку», представляя затем самому читателю предугадать все «дальнейшие перипетии бунтовской драмы» (VII, 293).

3

Но в чем же Салтыков видел причины того, что за целые века масса только и успела, что воспитать в себе «психологию раба», бессознательно равнодушное отношение и к общим интересам страны, и к своим собственным интересам?

Он утверждал, что история русского народа не знает «каких-либо образовательных элементов, участие которых было бы способно подвинуть толпу на пути самосознания <...>, если они когда-нибудь и существовали (как силятся доказать некоторые), то, очевидно, корни их были слишком слабы...» (VII, 259).

Известно, что Салтыков резко выступал против славянофильской идеализации народа, никогда не разделял «почвеннических» идей. Но под «некоторыми», кто «силится» доказать существование в русской истории «образовательных элементов», двигавших вперед народное самосознание, имеются в виду не славянофилы и почвенники, а сторонники «народнических» учений, теоретики общинного социализма. Возможно, сатирик имел в виду и Герцена. В 1867—1868 гг. Герцен, ссылаясь на «общинные», выработанные веками привычки и инстинкты крестьянства, пропагандировал идею «русского социализма»¹.

Салтыков в принципе разделял точку зрения Чернышевского на исторические судьбы русской общины. На это обстоятельство не обращалось внимания. В статье «Критика философских предубеждений против общинного владения» Чернышевский доказывал, что «общинное владение есть первобытная форма поземельных отношений, а частная собственность вторая, последующая форма». Но по закону диалектического развития общинное владение должно быть и третьей, «высшей формой» поземельных отношений. Чернышевский указывал на экономические причины и предпосылки, побуждающие

¹ А. И. Герцен. ПСС., т. XX, стр. 82. См. также Я. Е. Эльсберг. Герцен, Жизнь и творчество. Изд. 3-е, М., 1956.

признать, что «общинное владение» становится «единственным способом», «единственным разумным и полным средством» соединить выгоду земледельца с улучшением земли, методов ее обработки и т. д.¹ Чернышевский полагал, что при известных условиях русская община даст возможность стране сразу перейти к социализму. Россия воспользуется опытом Европы, ее культурно-техническими достижениями, не повторяя всех этапов ее истории и даже минуя буржуазную стадию².

В журнальном тексте восьмого письма о провинции Салтыков в принципе *солидаризировался с социалистическими выводами из общинной концепции Чернышевского.*

«Когда-то было совершенно справедливо сказано,—писал Салтыков,—что в развитии государственного быта замечается три периода: первый—в котором удобнее общее пользование землею; второй—в котором такое пользование признается неудобным, и третий—в котором оно вновь становится необходимостью. Но дело в том, что наши крестьяне именно находятся в том переходном положении, которое характеризует *второй* период; они вышли из периода общины бессознательной, и не вступили в период общины сознательной. В настоящее время община не только связывает крестьянское сословие, не только служит препятствием какому бы то ни было прогрессу, но положительно представляется лишь удобнейшим поприщем для всевозможных воздействий. Ограждает (в ограждении ее существенная цель) она очень мало, так мало, что не было даже примеров, чтобы община когда-нибудь устояла в своих домогательствах, а связывает, напротив того, очень много»³.

Замечательно в этих рассуждениях то, что Салтыков, опираясь на Чернышевского, отвергал народнические взгляды на современную общину как на возможную ячейку новых социалистических отношений. Салтыков видит в общине вредный пережиток старины и патриархальщины, серьезное препятствие на пути прогресса, стеснительную для крестьян и удобную для властей форму социально-экономических отношений в деревне. Он предсказывает неизбежный распад общины, внутреннее ее разложение. Что же касается периода «общины сознательной» (социализма), то путь к ней проходит, говорил сатирик, через целый ряд переходных форм жизни. Мы не находим у Салтыкова четкого ответа на вопрос: что это за «переходные формы», каково их экономическое и социально-политическое содержание? Совершенствование форм жизни он обычно ставит в зависимость от развития науки, широко-

¹ Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. V, стр. 377—379.

² Там же, стр. 388—390.

³ «Отечественные записки», 1869, № 8, стр. 439

го материального использования ее открытий и повышения уровня самосознания народных масс.

Салтыков скептически относился к теориям и учениям, полагавшим, что к пониманию социализма как общественного идеала русское крестьянство подготовлено уже исторически. У сатирика не было такого убеждения. Более того, он впадал в просветительские крайности, когда, например, утверждал, что исторический путь русского народа нечто вроде «безграничной голой степи», на которой история не бросила ни одного этапа, ни одного освещающего путь маяка.

«Чем больше представляет известное положение однообразия, — писал Салтыков, — чем меньше видится в нем посредствующих исторических построений, которые бы свидетельствовали о постепенном изменении и расширении форм жизни, тем больше рискуем мы встретить в нем всякого рода трудностей. Если нам даны два крайние полюса, между которыми брошена безграничная гладкая степь, то очевидно, что утомительность пути по этой степи будет совершенно пропорциональна ее нагоде. Как ни мало удовлетворяют чувству справедливости некоторые явления и результаты исторической борьбы, но они важны тем, что облегчают работу последующих поколений и вырабатывают известные средние идеалы, доступ к которым несравненно менее труден, нежели изнурительный бег по необозримому пространству пустыни. Тут всякий шаг вперед приобретает силу аксиомы, в проверке которой, для грядущих поколений, не предстоит уже никакой нужды. В голой степи нет места для подобных аксиом: тут все ново, все подлежит проверке, утомительной работе сызнова. Конечно, мы вовсе не хотим этим сказать, что масса, находящаяся в подобном положении, обязана создавать свою историю с начала; но мы будем совершенно правы, утверждая, что для этих масс путь к достижению самосознания представляет бесчисленное множество таких затруднений, которые, при других исторических условиях, были бы даже немыслимы.

Да, русский мужик беден; но это еще не столько важно, как то, что он не сознает своей бедности. Приди он к этому сознанию, его дело было бы уже наполовину выиграно, и главные причины нашего экономического неурядства, то есть случайность, неожиданность, произвол и т. д., устранились бы сами собою. Но что могло привести его к этому сознанию? Где те средние, доступные его пониманию, идеалы, оперевшись на которые, он мог бы помочь себе в трудном странствовании по житейскому морю? Ничто и нигде» (VII, 259—260).

Комментирование этого блестящего отрывка представляет известную трудность. Одно из глубоких и поистине выстраданных своих убеждений и обобщений автор не то что нелов-

ко, словно шифром, выразил, а слишком уж отвлеченно-теоретически формулировал.

О чем идет речь? Салтыков считает, что материальные и политические результаты прошедших на Западе революций не могут быть признаны удовлетворительными. Однако народные массы здесь приобрели более или менее сносные условия для развития общественного самосознания. Им стали доступны «средние идеалы». Иначе говоря, народные массы на Западе исторически подготовлены к тому, чтобы сознательно воспринять призыв к борьбе за осуществление передового общественного идеала современности. Что касается России, русского народа, то сатирик не видит здесь в истории такой борьбы, таких «посредствующих исторических построений», которые бы социально воспитали массы, поставили бы народ на путь активной борьбы за свои интересы, за интересы страны.

В годы революционной ситуации у сатирика были несколько иные взгляды на этот счет. Тогда он напоминал об активном участии народа в национально-патриотическом движении 1612 и 1812 годов. Он напоминал о Пугачеве, о крестьянской борьбе в период Крымской войны, возлагал надежды на историческую самодеятельность народных масс в эпоху реформ.

Теперь, на рубеже семидесятых годов, в обобщениях и прогнозах сатирика, как это мы видим на примере анализируемого отрывка, звучат скептические ноты. Они вызваны горечью поражения, горечью недавних тяжких неудач демократической борьбы. Показательно, что Салтыков только в одном шестом письме о провинции несколько раз варьирует свою мысль о том, что русский крестьянин «беден всеми видами бедности, какие только возможно себе представить, и — что всего хуже — беден сознанием этой бедности» (VII, 255).

Было бы ошибочно в этом постоянном тезисе писателя усматривать лишь отражение типичной просветительской тенденции — тенденции преувеличивать роль сознания в историческом процессе. В идейных концепциях сатирика просветительский взгляд часто пропагандируется. В написанных одновременно с «Письмами о провинции» очерках «Итоги» он, например, писал: «История развития человеческих обществ есть не что иное, как история разложения масс под влиянием сознательной мысли» (VII, 467). Печать просветительских представлений лежит и на формуле Салтыкова: крестьянин беден сознанием своей бедности. Но гораздо важнее подчеркнуть другую сторону ее содержания, которая свидетельствует об углублении революционно-демократических принципов мировоззрения сатирика.

Ведь щедринские формулировки имели в виду не просто констатировать факт неразвитости сознания масс, критически отметить утопизм некоторых концепций, преувеличиваю-

щих «социалистические», «артельные» инстинкты, привычки и понятия крестьянина-общинника. Всей логикой своего анализа сатирик влекся к уяснению новых задач освободительного движения. Никогда еще Салтыков не формулировал так отчетливо, как он это делает теперь, мысль о том, что прогресс страны целиком и полностью зависит от уровня жизни народа и от его деятельного, сознательного участия в историческом жизнестроительстве. Никогда еще сатирик не указывал с такой исчерпывающей определенностью, как он это делает сейчас, на решающее значение народного мнения и поддержки масс в думах и делах передовой интеллигенции.

«...Не в другом чем-нибудь, — писал он, — а именно в ней, в этой бессознательной толпе, заключается единственное основание нашей собственной силы (или, лучше сказать, возможность его), что без нее (без толпы), без ее участия и внимания мы хуже, чем слабы—до нас никому нет и не может быть никакого дела» (VII, 262). И дальше писатель вновь напоминал: «История показывает, что те люди, которых мы, не без основания, называем лучшими, всегда с особенною любовью обращались к толпе, и что только те политические и общественные акты получали действительное значение, которые имели в виду толпу» (VII, 262)¹.

Никогда еще, что касается произведений шестидесятых годов, сатирик не говорил с большей ясностью о том, как важно вырвать массы из состояния бессознательности.

В очерке «Кто не едал с слезами хлеба», содержание которого в основном идентично с материалами шестого письма о провинции, сатирик в таких словах разъяснял главную задачу эпохи, как он эту задачу понимал. «Представляю я себе человека, которому как следует разъясняется, что не наедаться досыта, зябнуть и не в меру напрягать свои мышцы — вовсе не есть необходимый его удел, что тут вовсе нет никакого предопределения... Представляю я себе этого человека, и отсюда вижу изумление, даже почти негодование, изображающееся на его лице от подобного разъяснения. Но разъяснение продолжается; за общими положениями следуют указания примеров, сравнения и т. д... Черты лица собеседника мало-помалу утрачивают испуганное выражение и принимают выражение разумное... И до тех пор продолжается разъясне-

В том же году, когда публиковались письма о провинции, Д. Писарев поместил в «Отечественных записках» статью «Французский крестьянин в 1789 году», в которой высказывались сходные с щедринскими взгляды на народную массу. «Настоящим фундаментом, — писал критик-демократ, — самых великолепных и замысловатых политических зданий всегда и везде является масса». Писарев, как и сатирик, проникновенно говорит о «безгласной и покорной массе, которая почти всегда и почти везде молчит и терпит». В пробуждении самосознания масс критик видит источник могучего воздействия их на исторические события. «Отечественные записки», 1868, № 6, стр. 221—225.

ние, покуда собеседник не поймет. Представляю я себе человека этого, когда он уже понял... Пусть только он убедится, что право голодать, право не пользоваться ни благами, ни радостями жизни не заключает в себе ничего неприступного, он сразу его устранил сам, даже без посторонней помощи, и затем пойдет уже отыскивать себе иное право» (VII, 495).

Перед нами, конечно, своеобразный план проведения демократической пропаганды среди масс и предвидение ее грядущих положительных результатов.

Характерно, что Салтыков специальной оговоркой отводил возможные упреки в том, что его «разъяснительная» концепция может привести к постепеновщине.

К человеку массы, говорит Салтыков, бесполезно приступать с отвлеченной идеей социализма; исходный пункт пропаганды, «разъяснения» должен соответствовать «насушным нуждам толпы». А затем нужно идти далее. И «можно выйти,—заявил он,—к какой угодно высшей цели...» (VII, 494). Без всякого сомнения, последняя фраза есть эзоповская формула для социалистического идеала.

Салтыков отказывается говорить о конкретных формах и средствах пропаганды. Он просто выдвигает идею «сближения с народом» (VII, 263). В связи с этим в очерках иронически упоминалось о смешных попытках «банкетного», «тарелочного» сближения, которым предавались либеральные круги до реформы, о попытках «земского» слияния, которым те же круги предаются после реформы. Сатирик иронизировал над славянофильским любованием мужчицкой патриархальностью, бессознательностью, он против ласкательства народным предрассудкам, против барско-снисходительного заигрывания с «меньшей братией» и филантропического ее опекаания. Он мыслит сближение с народом иначе. Необходимо поставить себя, говорил писатель, не кокетничая и не нагибаясь, на точку зрения народа, необходимо всестороннее «изучение народных нужд и предвладений», необходимо помочь народу уяснить его тяжелое положение и указать выход из него (VII, 265). Сложность этой исторической задачи сатирик прекрасно осознавал.

4

Специальной темой двенадцатого, заключительного, письма о провинции автор избрал именно этот вопрос, вопрос о сближении передовой интеллигенции с народом.

Герой этого письма напоминал Веригина из «Тихого пристанища». Ставится и сходная проблема: проблема общественного поведения и деятельности демократа, революционера в его связях с массой.

Об этих жгучих вопросах времени Салтыков писал кровью сердца. Он захвачен ими как писатель-боец, публицист, глу-

боко заинтересованный в правильном теоретическом и практическом их решении.

В идейном замысле двенадцатого письма не последняя роль принадлежала и некоторым личным мотивам.

Дело в том, что в 1868 году исполнилось 20 лет со времени вятской ссылки. По этому поводу Салтыков опубликовал два очерка «Годовщина» и «Добрая душа» («Отечественные записки», 1868, № 2 и 3).

В этом же году власти увольняют Салтыкова в отставку. На последнюю свою службу в провинции (с января 1865 по июнь 1868 года) сам писатель смотрел как на добровольную ссылку. Вот выдержки из его писем этого периода. «О Пензе могу сказать одно—не похваляю. Это до того пошлый отвратительный городишко, что мне делается тошно от одной мысли, что придется пробыть в нем долго» (XVIII, 195). «Нахожусь в большом унынии», — сообщал сатирик из Рязани в 1867 г. (XVIII, 198); «Мне очень трудно и тяжело»... (XVIII, 204); «...Мною овладела страшная тоска» (XVIII, 203). «Во всей Рязани едва ли два-три человека найдется, которые смотрят на меня не враждебно. Поэтому жить очень скучно, и живем совершенно одни» (XVIII, 205). Буквально в таких же самых выражениях Салтыков характеризовал когда-то свою жизнь в ссылке, в Вятке.

Конечно, не следует думать, что только вышеуказанные личные обстоятельства побудили Салтыкова сделать центральным персонажем двенадцатого письма ссыльного. В политической жизни страны, после разгрома революционного движения шестидесятников, ссыльный—очень заметная фигура. На каторге и в ссылке были Чернышевский, Ткачев, П. А. Кропоткин, Н. Шелгунов, П. Лавров, Н. В. Соколов, В. В. Берви-Флеровский, сотни и сотни рядовых участников движения.

Стихотворение «Еще тройка» (впервые напечатано в сборнике стихов 1869 года) Некрасов начинал строками, которые рисовали типичный для эпохи эпизод:

Ямщик лихой, лихая тройка
И колокольчик под дугой,
И дождь, и грязь, но кони бойко
Телегу мчат. В телеге той
Сидит с осанкою победной
Жандарм с усищами в аршин,
И рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин.

Таким же примерно эпизодом открывал свой рассказ «Годовщина» (1869) и Салтыков.

Преследования и репрессии были явлением массовым. И почти уже бытовым типом сделался революционный пропагандист, подвергшийся преследованиям властей.

Ссылный—герой двенадцатого письма о провинции — образно обобщал и некоторые моменты автобиографии сатирика и характерное явление общественной жизни пореформенной эпохи.

В очерке «Годовщина» автор страстно отстаивал ту мысль, что передовой человек, в каком бы тяжелом положении он ни очутился, должен побороть в себе «потребность примирения», которая, как вор, прокрадывается в существование гонимого. Борьба эта нелегкая. Идея примирения находит даже философское объяснение и оправдание, на первый взгляд очень убедительное. Указывается на исторически сложившийся порядок жизни, который захватывает и правых и виноватых, и преследующих и преследуемых. Сломить этот строй жизни невозможно, с ним только и остается, что примириться. Такой взгляд именуется разумным и трезвым. Писатель же называет такой взгляд неразумным, продиктованным слабостью. Только дряблостью душевной, говорит он, объясняются стремления к «всеоправданию». Жизнь, лишенная энтузиазма, жизнь, не допускающая ни увлечений, ни преувеличений — есть жизнь постылая, она способна сводить итоги прошлого и совершенно бессильна, бесплодна в смысле творческом. «Нам необходим подвиг,—писал автор,—нам нужен почин» (VII, 350).

Сатирик славил революционный подвиг, революционный почин, славил революционную самоотверженность. «Не примерами, в роде синицы, собирающейся зажечь море, следует встречать *политическую и общественную самоотверженность*¹ а сознанием, что без этой самоотверженности история, быть может, остановила бы свое движение» («Сила событий», 1870 г., VII, 178).

Опубликованное в конце 1870 г. заключительное письмо о провинции посвящено людям революционного почина, людям политической и общественной самоотверженности, людям, которые стремятся войти в контакт с массой, воспитать ее, поднять ее общественное самосознание. При этом Салтыков словно преднамеренно уклонился от того, чтобы изобразить ссылного, человека героического подвига, в картинном, бьющем на чисто внешний эффект виде. Напротив, художник сосредоточивался на тяжелых, даже трагических моментах жизни ссылного. Именно с этих сторон обращает на себя внимание тонкий и глубокий анализ психологии «акклиматизируемого» (эзоповское наименование ссылного). Такой аспект изображения имел у писателя свои очень серьезные зоны, о чем ниже.

Герой двенадцатого письма изображался человеком, который помимо собственной воли и желания, из столицы, где он

¹ Выделено нами.—*Ф. П.*

жил полной духовной жизнью, «строил планы, поднимал завесу будущего», вдруг переносится в уездный городок Нена-сыть. Автор прослеживал мучительный процесс «водворения» подневольного на новом месте. Подробно разбиралась переживаемая ссыльным стадия недоумения, исполненная тоскливого чувства утраты светлого прошедшего, загадочности, наготы и бесприютности настоящего; потом,—стадия одиночества и заброшенности. Акклиматизируемый не находил в провинциальном захолустье людей, которых бы сближала с ним «общность стремлений», «общность идеалов». Чувство одиночества не смягчалось тем, что аборигены относятся к ссыльному сочувственно, жалеют его, понимают его тягостное положение. «Нет того доброжелательства, — восклицал автор, — нет тех сочувственных слов, которые могли бы помочь этому высшему горю из всех горестей когда-либо испытываемых человеком...» (VII, 335).

С особенным вниманием Салтыков останавливался на той стадии, когда «акклиматизируемый», будучи человеком революционного почина, стремится сблизиться с массой, отдаться «делу воспитания» (VII, 336). Это процесс—сложный, трагически противоречивый. «Покорение сердец» происходит в формах весьма уклончивых. Масса встречает действия пропагандиста подозрительно. Каждое слово его перетолковывается в духе «смутьянства». «Популяризатор» вынуждается к сугубой осторожности, взвешивает каждое свое слово и порой придает ему двойной смысл. Это порождает неясность. Но главная беда еще не в этом. Пропагандист разъясняет идеалы, которые массе совершенно неизвестны. Мало того, масса не усвоила и самые бесспорные подготовительные положения, без знания которых идеал и не может быть понят. Время уходит на дробный, утомительный труд объяснения «бесконечно-малых крупниц», а основная задача пропаганды и воспитания массы остается нерешенной.

«Ничтожество этого результата действует тем поразительнее, — пишет автор, — что всякий акклиматизируемый человек непременно до мозга костей проникнут любовью и сочувствием к массе. Работа, которая велась им еще там, в своем месте, никогда не имела в виду ничего, кроме массы и ее кровных интересов. Но вот является случай сделать массу участницею этой работы, и с первого же шага возникает бесчисленное множество преткновений. Масса не только не обладает ни одною из элементарных истин, составляющих необходимый отправной пункт для дальнейших обобщений, — она не знает даже, от кого и как получить эти истины, где ее друзья, где ее враги» (VII, 337—338).

Эти пессимистические раздумья автор иллюстрировал тонкими психологическими наблюдениями над чувствами и настроениями массы. Он указывал, например, как малейшее ко-

лебание в ответе на какое-либо невежественное, нелепое выражение людей массы подрывало репутацию пропагандиста. Сатирик правдиво, очень убедительно рисовал картину возникновения недоверия к «нетутошному», к человеку, который, по понятиям толпы, спокойно мог и не страдать страданиями бедных. Писатель ссылаясь на исторический опыт народной массы.

«Никогда она не видала подобных примеров; никогда не было у нее ни ревнителей, ни печальников, а ежели таковые и были, то она, конечно, ничего не знала о них. Все ревнительство ограничивалось случайно брошенным словом, которое тут же и замирало, а вслед за ним и сами ревнители исчезали в пучине. Масса ни разу не испытывала на себе ни одного отголоска этого ревнительства и продолжала протестовать против своих страданий единственным оружием, которое было у нее в руках: страданиями же, или—много-много—частными нарушениями некоторых обязательных для нее правил» (VII, 338).

Можно лишь гадательно указать, какие именно исторические факты и имена подразумевались Салтыковым в этой изумительной по глубине мысли тираде, каких «ревнителей» народа он имел в виду. Есть тут намек на Радищева и его книгу¹, намек на Петрашевского, Чернышевского. Автор рассчитывал на то, что читатели, прошедшие школу эзоповской речи, вспомнят эти имена. Вспомнят они также и недавние события, связанные с неудачной попыткой революционеров-шестидесятников поднять крестьянские массы на восстание. Обо всем этом писатель вынужден говорить глухо. С чувством горечи он отмечает трагический разрыв между «ревнителями» народной свободы, революционерами и массой, до которой не дошли их лозунги и призывы. Читателю-другу нетрудно было разгадать подлинный смысл рассуждений сатирика. Враги демократии злорадно и открыто писали о том, о чем автор «Писем о провинции» поведал с глубокой печалью и с вынужденными недомолвками. В реакционной «Заре» утверждалось, например, следующее. Русские революционеры «не без недомыслия увидели, что единственный агитатор из народа Антон Петров вышел против посланного взять его отряда с... положением 19 февраля на голове! Им пришлось дорого заплатить за свое увлечение, да кроме того унести еще в ссылку горькое разочарование в состоятельности своих теорий»². Сообщая о таких фактах и, конечно, искажая их подлинные причины и смысл, реакционеры ликующе трубили о жизненной

¹ См. рецензию на издание «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева в разделе «Новые книги», «Отечественные записки», 1868, № 10, стр. 196—200.

² Из современной хроники. «Заря», 1871, № 6, стр. 44.

непригодности революционно-демократических теорий, о том, что русский народ никогда их не поймет и не примет, о том, что сами пропагандисты революционных идей окончательно в них разочаровываются. Автор «Писем о провинции», напротив, убеждал своих читателей в исторической правомерности революционных теорий, в их жизненной содержательности, силе и значении. Его волновало другое: каким образом, какими путями и средствами донести до народной массы революционное слово, как и что сделать, чтобы оно было ею понято, чтобы оно подняло ее на сознательную борьбу с самодержавием. Весь анализ психологии ссыльного в двенадцатом письме о провинции ведется под этим углом зрения. Писатель не скрывает громадных трудностей, с которыми сталкивается всякий, кто посвятил себя делу революционного воспитания народа. Герой Салтыкова видит, как масса, загнанная в мир чудес, ждет избавления от бедствий своих «из земли египетской». Живущая ближайшими нуждами, народная толпа еще не способна понять ни причин, ни характера, ни размеров гнетущего ее зла. Она еще не понимает тех, кто зовет открыто обличить и сокрушить зло.

Все это в конце концов приводит к тому, говорит Салтыков, что обе стороны разочаровываются. Акклиматизируемый замечает тщетность своих стремлений разбудить сознание «аборигенов»; он зажигается желанием разом покончить с тягостной историей «покорения сердец» и «запереться»; потом он начинает жить особняком, испытывая мучительные чувства тоски, унижения, безвыходности. Между тем, у «аборигенов», в виду происшедших неудач, начинается «странный» процесс превращения жаления в ненависть к ссыльному, стремление «приручить» его, сделать его тише воды, ниже травы. Ссылный угасает. Умственный запас, накопленный прежде, без освежения и обновления, без книг и духовного общения, гложет и на долю ссыльного остается один выход: переваривать и припоминать прошлое.

Салтыков взвешивал и еще одно соображение, еще одну возможную форму сближения представителей передовой интеллигенции и массы. Эта форма — революционный взрыв, когда до сознания народной массы не может не дойти призывное слово ее ревнителей. «Против этого поверья, — заявлял сатирик, — возражать нельзя. *Минуты прозрения не только возможны, но составляют неизбежную страницу в истории каждого народа.* Однако для человека, взятого изолированно, дело заключается не в одной возможности подобных минут, но и в его личном отношении к ним. *Когда наступят эти минуты? Для кого расступится мрак, окутывающий лицо масс, и даст увидеть это лицо просветленным, носящим печать сознания и решимости? Слова нет, что даже отдаленная возможность чего-либо подобного может поддержать в человеке*

героизм, но ведь герои не растут на свете, как грибы в лесу, а сколько же есть людей не героев, а просто честных, полезных и наклонных к добру, для которых эти вопросы суть вопросы утешения или отчаяния? Во всяком случае, *разрешения этих вопросов покамест еще не предвидится*. В громаде убиенных, которую представляет собой масса и для которой, по-видимому, нет в настоящем никакого просвета, существует какое-то неисповедимое тяготение к обседающему ее со всех сторон злу, какой-то непреодолимый страх ко всему, что не разум, не по манию волшебства устраняет его» (VII, 339)¹.

Трудно переоценить значение этих суждений не только в идейной концепции пореформенных произведений, но и вообще в революционно-демократическом мировоззрении сатирика, как оно определилось после краха революционного выступления шестидесятников. В принципе Салтыков верит в возможность народной революции в России. Революция — неизбежная страница в книге истории *каждого народа*. Необычайно характерно и то, что сатирик именно с революцией связывал момент наивысшей *сознательности* масс. Для понятия «народная революция» избирается эзоповский эквивалент «минута прозрения». Идея неизбежности народной революции, пусть и в отдаленном будущем, вдохновляет передовых людей, революционеров, на героические действия и поступки. Но революционеры—это исключительные натуры. А вот простые, честные, рядовые люди из среды интеллигенции—они не обладают выдержкой, энтузиазмом и верой революционера, они спрашивают: когда может наступить революция, что она с собой принесет? На эти вопросы история еще не дает ответа. Народные массы к революции не готовы, в ближайшем будущем ее ожидать нельзя.

Салтыков знал, что такая осторожная и даже скептическая трактовка острых проблем освободительного движения, непременно вызовет со стороны читателей встречный вопрос: что же, значит, почин не нужен, значит жертвы, которые он потребует, бесполезны? Писатель отвечает: «Я не говорю: жертвы бесполезны; я говорю только, что дозволительно изумление. Люди и даже дела их исчезают на наших глазах поистине беспримерно. Точно в яму, наполненную жидкой грязью, нырнут, и сейчас же над ними все затянет и заплывет. Вчера еще был человек, а сегодня его уже нет. Не только из жизни, но даже из хрестоматий и курсов словесности исчезают люди. И за каждым исчезновением—молчок» (VII, 342).

В этих словах содержится прозрачный намек на судьбу и Радищева, и Шевченко, и Чернышевского, на судьбу писателей-революционеров, жестокая расправа над которыми сходит

¹ Выделено нами.—Е. П.

с рук царизму, а так называемое «общество», либеральные круги его трусливо, молчаливо проходят мимо этих возмутительных, варварских актов¹.

Салтыковский анализ пореформенной обстановки, положения народа, задач, форм, сил и средств освободительной борьбы пронизан пессимистическими мотивами.

Глубокий и сильный ум Салтыкова заметил трагические коллизии в жизни и деятельности активных участников освободительной борьбы. Художник не скрыл противоречия, не обошел молодущею колючие, острые вопросы движения. Он мужественно поведал о величайших трудностях, о скрытых, не бросающихся в глаза, но реальных, цепких препятствиях, которые стоят на пути демократов, передовых людей, стремящихся сблизиться с народной массой, просветить ее сознание, поднять ее к историческому творчеству, к борьбе за свои интересы и за общие интересы страны, нации.

Не для того, чтобы идейно и психологически обезоружить пропагандистов, рисовал сатирик печальные перспективы, ожидающие «акклиматизируемого», трагические финалы, изнурительные конфликты, с которыми он сталкивается, которые грозят его делу, его жизни в процессе сближения с массами и в процессе просветительно-агитационной деятельности среди них. Трезвый и суровый реализм Салтыкова и субъективно и объективно направлялся против риторизма и фразерства, против революционной маниловщины. Сатирик обращался к соратникам, к идейным единомышленникам со словом предостережения и совета. Ничего убаюкивающего, сладкоголосого и утешительного в его речах не было. В его словах были правда жизни, бесстрашное обнажение реальных трудностей борьбы, возможных провалов и утрат.

В своем пытливом и мужественном анализе современного положения сатирик доходил до скептицизма. Но этот скептицизм не был выражением лишь индивидуальных качеств его сознания. В скептицизме Салтыкова пробивались некоторые черты и тенденции объективных закономерностей освободительного движения, вступающего в новый исторический период. В конце шестидесятих годов не могло уже быть претендующих на всеобщее внимание и тем более на успех призывов к немедленной народной революции, как это имело место в эпоху активной общественной деятельности Чернышевского.

¹ В 1881 г. Салтыков в письме к Н. А. Белоголовому вновь вернулся к этой теме. Сообщая о возможных репрессиях против него лично, он писал: «Выслать, я полагаю, не вышлют, но **посоветовать** выехать, например, в Тверь (либерально, потому что не очень далеко) и там помолчать— право, это можно. И заметьте, что никто не охнет. Первое время, конечно, пошепчутся, а месяца через 2—3 заплывет. Чернышевский в этом отношении отличный пример — кто об нем помнит?» (XIX, 219).

Вспомним, что и Чернышевский в «Прологе» выдвинул проблему революционного просвещения народа как центральную проблему освободительного движения в России. Драматично звучали слова Волгина: «русский народ не способен поддержать вступающих за него». Герою «Пролога» вспоминалась поразившая его в детстве сценка, когда удалая вагата бурлаков—«Стеньки Разина работничков» — притихла от одного окрика немощного будочника. «Жалкая нация, жалкая нация!—Нация рабов,—снизу доверху, все сплошь рабы...» Откликаясь на это признание вождя революционной демократии, Ленин писал: «Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было»¹.

Опыт бунтарских выступлений крестьянства в годы реформы должен был порождать и действительно порождал мысли о неподготовленности народа к революции, мысли о том, что воспитать революционную сознательность народных масс, без чего невозможны коренные изменения в жизни страны,—это настоятельная, но и вместе с тем сложная, чреватая колоссальными трудностями историческая задача эпохи. Вот где истоки щедринского скептицизма.

5.

«У Герцена скептицизм,—писал Ленин,—был формой перехода от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата. Доказательство: «Письма к старому товарищу» Бакунину, написанные за год до смерти Герцена, в 1869 году <...> Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс...»².

Определившийся в те же, примерно, годы скептицизм Салтыкова—иною характера и содержания. На это были свои причины. Вращающийся в гуще революционных событий и классовой борьбы на Западе Герцен уже увидел собирающиеся полки пролетариата. Салтыков в России, только что покинувший глухую провинцию с темной, забитой, бедной сознанием своей бедности крестьянской массой, не мог увидеть пролетариата. Из среды крестьянства две столицы и многочисленные промышленные центры тогдашней России

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 85.

² В. И. Ленин Соч., т. XVIII, стр. 11.

вербовали мастеровой люд, который только еще вступал в стачечную борьбу и не заявил себя как самостоятельную историческую силу.

Для того, чтобы лучше уяснить позиции Салтыкова, приведем материалы, почерпнутые из современных сатирических источников и характеризующие уровень представлений русского общества по затронутому вопросу.

В реакционных органах ходячими рассуждениями были, например, такие: «Социализм, как политическое учение, основан на крайнем развитии страшной язвы рабочего пролетариата. Он явился как бы последним словом протеста против повседневной на Западе Европы эксплуатации труда капиталом, эксплуатации, мыслимой только при существовании в огромных размерах рабочего пролетариата. У нас этой основной почвы для социалистических учений никогда не существовало...», не существует сейчас, ибо русский крестьянин — собственник, он имеет землю и т. д.¹

В либеральном «Вестнике Европы» в отзыве на перевод книги Э. Бехера «Рабочий вопрос в его современном значении...» указывалось уже нечто другое. При всей самобытности развития России, в ней растет промышленность, усиливается капитал и рабочий вопрос всплывает на поверхность общественной жизни. «Изредка мы слышим о стачках на наших фабриках, о неудовлетворительности положения на них рабочих, об учреждении артелей...»². Однако рецензент, хотя и призывает изучать эти новые явления, но не придает им еще сколько-нибудь серьезного значения. Больше того. Существование рабочего движения как такового в России категорически отрицается. В одной из книжек журнала за 1871 год либеральный публицист писал: если присмотреться к жизни русских рабочих, то «придется убедиться в том, что в настоящее время вся масса нашего рабочего населения, наделенного, в большинстве, земельным наделом, настолько по своему развитию, понятиям, условиям жизни, домашней и общественной, отличается от европейского безземельного пролетариата, что смешно даже подозревать у нас какие-либо признаки так называемого рабочего движения»³. Что же касается Запада, то положение рабочего, низведенного капиталистами до степени орудия, столь тяжело, что здесь встает проблема социальной революции. Вопреки отстаивавшему революционную точку зрения П. Ткачеву, под редакцией которого осуществлен был перевод книги Бехера, рецензент расхваливал либеральный план последнего «примирить»

¹ Из современной хроники. «Заря», 1871, № 6, стр. 43.

² «Вестник Европы», 1869, № 3, стр. 513.

³ В. И. Из жизни и судебной практики. «Вестник Европы», 1871, № 7, стр. 214.

интересы труда и капитала в духе оппортунистического лассальянства¹.

В таком же духе освещали «рабочий вопрос» и другие либеральные органы. «Конец прошлого столетия,—писала газета «Новое время»,—ознаменован великим событием, произведшим перелом во всех сферах общественной жизни европейских народов. Буря, поднятая французской революцией, унесла с собою последние остатки средневековых отношений. Экономическая жизнь, если не более, то и не менее политической, подверглась ее преобразующему влиянию. Капитал и труд были, в принципе, признаны свободными. Но на практике оказалось, что этою свободою мог воспользоваться только капитал, и он воспользовался ею в такой сильной степени, что совершенно подчинил себе труд, к которому он стал в такое же отношение, в каком стоял высший аристократический класс общества к третьему сословию в дореволюционный период». Автор статьи пишет о развернувшемся в огромных размерах в Англии, Франции и Германии рабочем движении. Как и публицисты «Вестника Европы», он считает, что весь источник зла на Западе заключен в распространении принципа *Laisser faire, laisser passer*. Выход же из положения видит во вмешательстве в экономическую деятельность страны, в объединении государственной помощи рабочим с их собственной самопомощью в виде ассоциаций, коопераций, ссудных обществ и т. п.².

В демократическом журнале «Дело» в ряде корреспонденций упоминалось о том, что и в России назревает «бой капитала и труда», что России «не миновать того трудного пути, на котором стоит теперь Европа», не миновать «экономического индивидуализма»³. Слова эти принадлежат Н. Шелгунову. Но и он предпочитает еще говорить не о «земледельческом пролетариате», от которого может, якобы, спасти Россию община, не о фабричном пролетариате, который как общественная сила в расчет еще не принимается. Шелгунов имеет в виду «образованный пролетариат» (мелкий чиновник, литературный работник и т. д.), крайне бедствующий и превращающийся в язву социального строя⁴. На Западе, отмечают публицисты «Дела», революция рабочих встала в порядок дня всей общественной жизни⁵. В России этого нет.

¹ «Вестник Европы», 1869, № 3, стр. 514—516. См. Б. Козьмин. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М., 1922, стр. 99—107.

² Рабочее движение в Западной Европе. «Новое время», 1870, № 26, 27. января.

³ Внутреннее обозрение. «Дело», 1868, № 5, стр. 130—139.

⁴ Н. Шелгунов. Сила нужды и бессилие филантропии. «Дело», 1869, № 2, стр. 1—38.

⁵ Н. Шелгунов. Парижские рабочие. «Дело», 1871, № 9, стр. 260—277.

Публицисты «Отечественных записок» проявляли интерес к быту русских рабочих¹. Иной раз давалась интересная характеристика жизни сравнительно развитого городского рабочего с окаменевшими нравами и обычаями народной жизни древнего времени². Но, собственно, из этих сопоставлений не делалось каких-либо особых выводов по части развития русского рабочего движения.

В отзыве на упоминавшуюся книгу Бехера «Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению» публицисты «Отечественных записок» отметили остроту проблемы пролетариата на Западе и назревание там условий для массового пролетарского движения. Но эти суждения не вводили авторов от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма. Всемирно-историческая роль классовой борьбы пролетариата оставалась по-прежнему совершенно непонятой³.

Так освещала рабочий вопрос русская печать разных направлений. При большем или меньшем понимании того, что и Россия втягивается в процесс капитализации, общим для всех оттенков политической мысли было мнение, что проблема пролетариата в стране еще не выдвинулась, еще не определена как актуальная историческая проблема.

Салтыков глубже, основательнее, чем кто-либо из его современников в семидесятые годы, разобрался в том, что Россия вступила в период «чумазого торжества», капиталистического развития. Никто острее сатирика не почувствовал и резче не обнажил социально-классовую антагонистичность русского общества. Столь же фундаментально раскритиковал он основы буржуазного строя на Западе. Именно Салтыкова отличает трезвый «социологический реализм», далекий от «узко интеллигентного самомнения», от «бюрократического мышления» и «всевозможного социального прожектерства» правоверных народников, от их реакционных и сентиментальных ламентаций⁴. Ни о ком другом из писателей и публицистов семидесятых годов нельзя с большим правом сказать, чем о Салтыкове, что мировоззрение его утвердилось на почве исторического реализма.

«По мере расширения и углубления исторического творчества людей,—писал Ленин,—должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем. Народник же всегда рассуждал о населении вообще и о трудящемся населении в частности, как об объекте тех или других более или менее разумных мероприя-

¹ Из быта рабочих винокуренных заводов. «Отечественные записки», 1868, № 6.

² «Отечественные записки», 1869, № 1.

³ Там же, 1869, № 2.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. II, стр. 490—492.

тий, как о материале, подлежащем направлению на тот или иной путь, и никогда не смотрел на различные классы населения, как на самостоятельных исторических деятелей при данном пути, никогда не ставил вопроса о тех условиях данного пути, которые могут развивать (или, наоборот, парализовать) самостоятельную и сознательную деятельность этих творцов истории»¹.

Это ленинское определение подлинного демократизма, подлинного содержания «наследства» первых русских социалистов, как Ленин называл Чернышевского и Добролюбова, полностью может быть отнесено к сатирику, который и был хранителем и продолжателем «наследства» в семидесятые и восьмидесятые годы.

Салтыкову осталась неясна историческая роль рабочего класса, хотя автор «За рубежом» не прошел мимо революционной борьбы западно-европейского пролетариата. Еще раньше, в 1871 г., в рецензии на роман Оммулевского «Шаг за шагом» Салтыков писал, что рабочий вопрос «каждую минуту жизнь выдвигает вперед. Он цитировал те строки романа, где сочувственно говорится об «упорном труженике»—пролетарии, ведущем борьбу за свои человеческие права. Салтыков знал, что с борьбой рабочих связываются новые революционные планы (VIII, 441). И все же историческое значение борьбы рабочего класса Салтыкову не было видно. Он не откликнулся на марксистское учение, основные положения которого во времена сатирика уже освещались в русской печати.

И тем не менее всей логикой и содержанием своей сатиры, основными принципами своего мировоззрения Салтыков, вслед за Герценом, дальше всех других пошел по пути изживания иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма. В потенции, логикой своего внутреннего идейного развития Салтыков влекся в ту сторону, где уже набирал высоту и силу марксизм.

На рубеже семидесятых годов скептицизм Салтыкова-Щедрина и скептицизм Герцена были далеко не одинаковыми, но сходными формами напряженных, исполненных глубокого драматизма исканий той реальной социальной силы, которая двинет вперед человечество на пути к его социалистическому будущему. Герцен уже обратил свои взоры к Интернационалу, которым руководил К. Маркс, к непобедимой классовой борьбе пролетариата. У Салтыкова еще не было такой ориентации. Сатирик обратил свои взоры к народным массам, к трудящимся массам (еще без должной классовой дифференциации, без выделения рабочего класса), видя в них не материал для более или менее разумных мероприятий и

¹ В. И. Ленин. Соч., т. II, стр. 491.

социологических экспериментов, а самостоятельных исторических деятелей. С повышением сознательности народных масс он связывал активность их как творцов истории и возлагал надежды на осуществление планов революционного изменения обветшалых основ жизни помещичье-буржуазного общества.

Ленин указывал, что Герцен и в пору разрыва с Бакуниным еще не переставал повторять старые фразы о том, что социализм должен выступать с проповедью, равно обращенной к работнику и хозяину, земледельцу и мещанину¹.

Были такие просветительские иллюзии и у Салтыкова. Но, подобно тому, как позиция Герцена 1869 года стала отличаться от позиции народнических теоретиков, и у Салтыкова наметились с ними радикальные идейные разногласия. Мы уже рассмотрели выше отрицательное отношение писателя к общине. Его взгляды противостояли взглядам публицистов-общинников «Дела», взглядам Елисеева. Последний в статье «Крестьянский вопрос» взял под защиту общинный принцип².

Но особенно важно отметить то, что автор «Писем о провинции» во многом разошелся во взглядах с автором нашумевших «Исторических писем».

«Исторические письма» П. Л. Миртова (Лаврова) печатались в «Неделе», а затем вышли отдельным изданием в сентябре 1870 года³. Народник Лавров все свое внимание сосредоточивал на героях, на «критически-мыслящих личностях». Народная масса расценивается лишь как пассивный материал для применения благодеяний образованного меньшинства. Лавров подробно развивал идею нравственной ответственности развитого человека перед миллионами, ценою крови, страданий и труда которых приобретены культура и знания.

«Я сниму с себя ответственность,—рассуждал автор «Исторических писем»,—за кровавую цену своего развития, если употребляю это самое развитие на то, чтобы уменьшить зло в настоящем и будущем. Если я развитой человек, то я обязан это сделать, и эта обязанность для меня весьма легка, так как совпадает с тем, что составляет для меня наслаждение,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 11.

² Г. З. Елисеев. Крестьянский вопрос. Статья 1-я. «Отечественные записки», 1868, № 3. Мы не говорим уже о том, в какой разрез с «Признаками времени» и «Письмами о провинции» шли либеральные фразы Елисеева, что в делах отмены крепостного права «со стороны русского дворянства была... свободная, благородная патриотическая жертва». (На странице 153 этого номера журнала, экземпляр которого хранится в библиотеке Саратовского государственного университета, некий современный Елисееву читатель так прокомментировал его слова: «скорей трусость,— не потерять бы больше!»).

³ Весьма положительный отзыв о них помещен в «Отечественных записках», 1870, № 8, стр. 216.

отыскивая и распространяя более истин; уясняя себе справедливейший строй общества и стремясь воплотить его, я увеличиваю собственное наслаждение, и в то же время делаю все, что могу, для страждущего большинства в настоящем и будущем».

Романтическим призывам Лаврова, отмеченным морально-психологическими ламентациями, автор двенадцатого письма о провинции противопоставил трезвый анализ психологии массы, зараженной тьмой предрассудков, показал реальные трудности и препятствия на пути сближения передовой интеллигенции и народа.

П. Лавров и Н. Михайловский изощрялись в разработке «формул» прогресса в духе «субъективного метода»¹.

В трудах народнических теоретиков указывалось, что общество должно дать наибольшую массу наслаждений, наиболее правильно разделенных между особями, и наименьшее количество страданий. Предлагались такие формулы: «Прогресс... есть процесс развития в человечестве сознания и воплощения истины и справедливости путем работы критической мысли личностей над современной им культурой»².

Салтыков игнорировал эти умозрительные построения, это теоретическое доктринерство. Самой главной исторической задачей эпохи он считал задачу пробуждения общественного сознания масс — решающей материальной и духовной силы человеческого прогресса.

«...Нужны энергические, фанатические люди, — восклицал автор «Исторических писем», — рискующие всем и готовые жертвовать всем, нужны мученики, легенда о коих переросла бы далеко их истинное достоинство, их действительную заслугу. Им припишут энергию, которой у них не было. В их уста вложат лучшую мысль, лучшее чувство, до которых дорабатываются их последователи»³. Конечно, эти слова продиктованы были искренней заботой о воспитании в России самоотверженных общественных деятелей, революционеров. Неслучайно именно так расшифровал их реакционер П. Щербальский, заявивший, что Миртов призывает к «преступной борьбе»⁴.

Автор писем о провинции предпочел упор сделать не на революционном энтузиазме, а на трезвом учете обстановки, на учете реальных сил и возможностей, которые открываются передовому человеку, пропагандисту, в процессе общения с массами.

В кратких чертах мы охарактеризовали итоги идейных

¹ Формула прогресса г. Михайловского. «Отечественные записки», 1870, № 2, стр. 232.

² «Отечественные записки», 1870, № 4, стр. 248.

³ П. Л. Миртов. Исторические письма. СПб., 1870, стр. 108.

⁴ «Русский вестник», 1871, № 2, стр. 819—839.

исканий сатирика, содержание его революционно-демократического мировоззрения, как оно определилось к началу семидесятых годов, перед новым этапом творчества. Салтыков говорил другу — доктору Белоголовому, что «многим обязан в своем развитии Чернышевскому»¹. И это, несомненно, так.

Автору «Каплунов», публицистических хроник, «Тихого пристанища» приходилось не раз возвращаться к проблемам народной революции и социализма, к вопросам революционной тактики и «перерабатывать» свои взгляды. «Последовательная и убежденная логика Чернышевского, — писал Белоголовый со слов Салтыкова, — не оставалась для него без влияния, что иногда и выражалось на духе некоторых и гораздо позднейших его произведений»².

Бесплодно было бы искать следы влияния в разработке отдельных критических тем, отдельных образов и картин и подкреплять эти наблюдения частными примерами. Влияние Чернышевского отразилось, как очень верно заметил сам Салтыков, на духе его сатиры, на развитии его мировоззрения.

Главный вывод, какой должен быть сделан, заключается в том, что революционно-демократическое мировоззрение сатирика значительно углубилось, идейно обогатилось и окрепло. Опыт общественно-политической жизни и борьбы в пореформенный период убедил Салтыкова в утопичности его прежних планов достичь «единодушия» различных оттенков «партии прогресса». Теперь он сам обрушивается на компромиссные программы, преследующие осуществление скромных практических целей. С позиций защиты интересов угнетенного крестьянства Салтыков решительно отрицает все наличные институты и учреждения самодержавия и дворянско-буржуазного общества в целом. В пробуждении общественного самосознания народных масс, в активизации их исторической самодеятельности и борьбы он видит решающее условие прогресса страны и нации.

В идейных прогнозах Салтыкова демократическая революция не исключается. Ее возможную будущую победу он связывает с повышением сознательности народных масс, с их действиями как активного и самостоятельного творца истории. Но на данном этапе пореформенного развития страны Салтыков не видит такого сложения исторических, социально-политических обстоятельств и такой мобилизации общественных сил, которые бы благоприятствовали возникновению массового революционного взрыва и успешному его исходу.

¹ «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников». Предисловие, подг. текста и примеч. С. А. Макашина. М., 1957, стр. 624.

² Н. А. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. М., 1898, изд. 3, стр. 222.

Это убеждение и было почвой, питавшей скептицизм сатирика, его пессимизм, его демократическую самокритику в смысле бесстрашного обнажения слабостей и недостатков освободительного движения, главной силы его—крестьянства, народных масс. Капитализация России в пореформенные десятилетия и складывающиеся в стране предпосылки для возникновения массового пролетарского движения—эти исторические закономерности не были поняты Салтыковым во всей их сложности и противоречивости. Марксистская концепция общественного развития была ему недоступна¹. Скептицизм Салтыкова не принял герценовскую форму. Но щедринский скептицизм был достаточно глубок и плодотворен, чтобы не уклоняться в сторону либерализма. Напротив, окрепшее и углубившееся осознание все прогрессирующей антагонистичности пореформенных, социально-экономических, общественных отношений вело сатирика к освобождению от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма. Объективно этому способствовала убежденность в неминуемом грядущем торжестве социалистического идеала, хотя, опять-таки, правильного классового, социологического обоснования его осуществления у сатирика не было, и этот идеал не утрачивал утопических черт и наслоений. Понимание непримиримой антагонистичности пореформенного русского общества, хотя и без марксистских выводов, ни с чем не сравнимая сила сатирического разоблачения этой антагонистичности позволяют сделать вывод о том, что Салтыков поднимал революционное «наследство» Чернышевского на новую ступень. Ведь и сознательным намерением Салтыкова, сознательной целью его творчества, было исследование источников и конкретных проявлений классовых антагонизмов русского общества, была борьба против самой организации общества, породившей антагонизмы.

Сатира Салтыкова глубже, полнее, всестороннее, чем литературное наследство какого-либо другого писателя или публициста, после Чернышевского, раскрыла тенденции пореформенного развития России и этим самым решительнее приблизила идейное наследие шестидесятников к тому историческому рубежу, где знамя освободительной борьбы подхватили «ученики», русские марксисты, соединившие социализм с рабочим движением.

¹ См. содержательное освещение этого вопроса в монографии А. С. Бушмина «Сатира Салтыкова-Щедрина», Изд-во АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 303—326.

II. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. М. ЧЕРНЫШЕВСКАЯ

МЛАДШИЙ СЫН Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

В 1958 году исполнилось 100 лет со дня рождения основателя Дома-музея Н. Г. Чернышевского — младшего сына писателя Михаила Николаевича. К этому времени было собрано его обширное рукописное наследство, посвященное многолетнему и всестороннему служению памяти Николая Гавриловича Чернышевского. М. Н. Чернышевский оставил большой след в истории изучения личной и творческой биографии своего отца, будучи его историком, библиографом, издателем его сочинений и, наконец, основателем его мемориального музея.

С. Я. Штрайх, на глазах у которого протекала эта деятельность, писал: «Младший сын Чернышевского, Михаил Николаевич, с беспримерной в истории русской литературы любовью, с большими материальными затратами из своих личных скромных средств, с невероятной энергией собирал, приводил в порядок, снабжал справками на основании рассказов современников все рукописи из архива его великого отца. Во время первой революции М. Н. Чернышевский добился доступа в жандармские архивы и там списал или привел в известность многое из взятого у его отца при аресте и в тюрьмах. Тогда же он издал полное собрание сочинений Н. Г. Чернышевского, выпускал библиографические справочники и т. п. После революции 1917 года он посвятил весь остаток своей жизни на собиране в разных архивах и восстановление всех бумаг, имеющих отношение к литературной и революционной деятельности Н. Г. Чернышевского. Всеи этой своей издательской и исследовательской работой М. Н. Чернышевский очень много сделал для выявления литературного наследства Добролюбова. Ему, не меньше, чем его великому отцу, советская общественность обязана всем наличным составом рукописей Добролюбова»¹.

¹ «Красная новь», 1936, кн. 2, стр. 259.

Многое из рукописного наследства М. Н. Чернышевского, из его личных записок, дневников, переписки до сих пор не появлялось в печати. Автором этих строк составлен обширный очерк «Младший сын Н. Г. Чернышевского» в двух частях. Публикуемая статья является извлечением из первой части этого очерка и по своему содержанию обнимает дореволюционный период жизни М. Н. Чернышевского. Во 2-й части рассказывается о деятельности М. Н. Чернышевского за первое семилетие после Октябрьской революции по созданию музея в саратовском доме, где родился его отец. Эту часть автор надеется опубликовать в следующем сборнике.

В основу очерка положены забытые печатные материалы и неизданные документы личного архива М. Н. Чернышевского, хранящегося в ЦГАЛИ (Москва) и в саратовском Доме-музее.

**
*

У Н. Г. и О. С. Чернышевских было трое детей. Старший, Александр (1854—1915), второй, Виктор (1857—1861), младший, Михаил (1858—1924).

В предчувствии близкого ареста Николай Гаврилович отправил в Саратов Ольгу Сократовну с восьмилетним Сашей и трехлетним Мишей. Это было в июле 1862 года. Туда, в Саратов, и пришло известие о заключении Н. Г. Чернышевского в Петропавловскую крепость. Ольга Сократовна стала постоянно ездить в Петербург и брала с собой детей на свидание с отцом. Впоследствии Михаил Николаевич рассказывал, что, увидев отца, он не узнал его. «Это не мой папаша, мой папаша без бороды!» — закричал он и со страху спрятался под трюмо, стоявшее в комнате, где происходили свидания с заключенными¹.

После отъезда Н. Г. Чернышевского в Сибирь Сашу сейчас же взяли к себе на воспитание П. И. и М. А. Боковы, а Миша остался при матери. Она жила то в Саратове, то в Москве, то в Петербурге, то в Нижнем Новгороде. В своих записках товарищ по ссылке Н. Г. Чернышевского И. Г. Жуков, со слов участников польского восстания 1863 г., приговоренных к отправке в Сибирь, упоминает, что жена Чернышевского вместе со своими детьми посетила их казармы в Нижнем, и там была с почетом встречена (они «устроили ей серенаду»)². Нам довелось услышать, что Ольга Сократовна недолго оставалась в Нижнем Новгороде, так как полиция

¹ Эта беседа с М. Н. Чернышевским использована А. А. Измайловым в его статье «Около великой тени», «Русское слово», 1909, 17 октября.

² Из воспоминаний шестидесятника. Архив Дома-музея Н. Г. Чернышевского, осн. ф. № 862, л. 31 об.

потребовала ее отъезда. Вероятно, это было перед поездкой Ольги Сократовны в Сибирь на свидание к мужу в 1866 г. Жуков даты не указывает.

Семилетний Миша сопровождал мать в Кадаю, где находился на каторге его отец. Нужно было проехать 14 тысяч верст туда и обратно. Поездка отняла полгода, а свидание продолжалось всего четыре дня. Вначале ехали с врачом Е. М. Павлиновым, проявлявшим заботу о матери и ребенке. Павлинов был связан с революционным движением 60-х годов. Мысль об освобождении Чернышевского и перевозе его за границу по-своему волновала и революционные круги, и царское правительство. Возможно, что под прикрытием семейной поездки Павлинов имел поручение от революционных друзей «нащупать почву» — передать Н. Г. Чернышевскому о возможности устроить его побег и подготовить к нему. Но если и было такое намерение, оно рассыпалось прахом. Когда путники приехали в Иркутск, Павлинова увели от Ольги Сократовны, заменив его жандармом. Всю дорогу мальчик был свидетелем, как грубо обращался этот жандарм с его матерью. При свидании с отцом ребенку пришлось услышать непонятное, но тягостное объяснение родителей: отец упрашивал Ольгу Сократовну отречься от него и выйти замуж за другого. Она плакала и отвечала категорическим отказом.

Во все время обратного пути Миша не расставался с маленькой коробочкой, которую получил в подарок от отца на прощанье. На крышке коробочки красовался павлин среди разноцветных цветочков с позолотой. По приезде в Петербург мальчик вложил в нее записочку с надписью «От папаши». Эту коробочку впоследствии Михаил Николаевич называл «ячейкой музея», когда показывал его экспонаты первым посетителям.

В 1870 г. кончался срок каторжных работ Н. Г. Чернышевского по приговору царя. Однако правительство было настолько напугано возможностью освобождения писателя революционными организациями и его побега за границу, что вместо отправки на поселение, например в Иркутск, как надеялся Н. Г. Чернышевский, его отправили далеко на север, в Вилюйск. Здесь ему суждено было провести двенадцать лет заключения в остроге с правом выхода из него только в присутствии двух жандармов.

Семья, ожидавшая возвращения отца, распалась на долгие годы. Ольга Сократовна влачила жалкую жизнь бедной родственницы, не имея возможности работать для содержания себя и детей, так как носимая ею фамилия закрывала ей все двери, даже если она пыталась поступить бонной в какую-нибудь семью или продавщицей в магазин.

На что же существовала семья Н. Г. Чернышевского за

время его ссылки? Этот вопрос часто приходится слышать от посетителей города и дома писателя.

Детей воспитал двоюродный брат Н. Г. Чернышевского Александр Николаевич Пыпин. Во время студенческих волнений 1861 г. он демонстративно вышел из состава профессоров петербургского университета, выразив этим солидарность с молодежью, протестовавшей против правительственных гонений. Всю жизнь А. Н. Пыпин посвятил научной деятельности как историк русской литературы и общественности, этнограф и славяновед.

Сначала старший сын Н. Г. Чернышевского Александр жил у Боковых, а младший Михаил — вместе с матерью, но с наступлением учебной поры оба брата зажили под одной кровлей в Петербурге у своего дяди.

Еще когда Н. Г. Чернышевский находился в Петропавловской крепости, за несколько месяцев до его отъезда в ссылку, стал известен приговор по его делу. Это заставило А. Н. Пыпина призадуматься над участью семьи писателя, которой грозила нужда. Саратовский дом оказался под угрозой конфискации. А. Н. Пыпин своевременно оформил официальным путем приобретение этого дома у Ольги Сократовны на основании доверенности, выданной ей мужем, в 1863 году. Когда же сыновья Н. Г. Чернышевского достигли совершеннолетия, т. е. старшему Александру исполнилось 25 лет, а младшему — 21 год (он тогда еще именовался «малолетним»), А. Н. Пыпин передал им отцовский дом «по дарственной».

В то же время Александр Николаевич еще в период заключения Н. Г. Чернышевского в крепости был сильно озабочен мыслью о необходимости выпустить в свет его произведения, хотя бы переводные, хотя бы в том урезанном виде (т. е. без примечаний переводчика), какой был возможен в эпоху торжества реакции. Эта работа Пыпина началась еще до ссылки Чернышевского. Он стал готовить издание перевода «Оснований политической экономии» Милля. Для этого требовалось сличение текста по новому 5-му изданию, вышедшему в Нью-Йорке в 1864 г. Переписывать рукопись для печати помогала Александру Николаевичу его сестра Евгения Николаевна. «...переписываю всю эту историю: в рукописи прежней отдать в цензуру нельзя. Они имеют обычай не отдавать тех вещей, какие не рассудят пропустить. Конечно, не интересно потерять рукопись», — пишет она родным 5 мая 1864 г.¹

Вскоре после отправки Н. Г. Чернышевского на каторгу А. Н. Пыпину удалось выпустить этот двухтомник. 8 февраля и 2 августа 1865 г. были даны цензурные разрешения.

¹ См. сб.: «Николай Гаврилович Чернышевский», Саратов, 1928, стр. 315.

Однако книга в дальнейшем была запрещена и изъята из библиотек¹.

В ноябре 1865 г. А. Н. Пыпин получил разрешение Цензурного комитета на второе издание диссертации Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». Это было крупное достижение. К тому времени первое издание настолько разошлось, что стало библиографической редкостью, и спрос на книгу среди передовой общественности после царской расправы с автором был велик. Издание А. Н. Пыпина было анонимным. Имени автора не разрешено было проставлять на книге. Скоро она была запрещена и изъята из библиотек. Заслуга А. Н. Пыпина, как издателя диссертации Н. Г. Чернышевского, тем не менее, не потеряла своего исторического значения прежде всего потому, что впоследствии сам Чернышевский именно по этой книге готовил к печати третье издание своего труда и предисловие к нему, за которое В. И. Ленин дал свою высокую оценку автору как единственному действительно цельному философу-материалисту из великих русских писателей².

За время с 1868 по 1871 гг. А. Н. Пыпин много сил и времени отдал подготовке к печати и выпуску в свет 2-го издания многотомного переводного труда Н. Г. Чернышевского «История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи» Ф. К. Шлоссера в восьми томах. Приходилось всяческими способами обходить дремлющее цензурное око в этот период, когда царизм был напуган вестями из-за границы о возможных попытках освобождения Н. Г. Чернышевского из ссылки и усиливал репрессии по отношению к нему, запрещая даже переписку с семьей. Поэтому в предисловии к переводу Шлоссера, изданному А. Н. Пыпиным и служившему источником существования опальной семьи, опять указывалось, что труд пересмотрен, что в него внесены изменения, и имя главного переводчика не называлось.

В это время положение самого А. Н. Пыпина было нелегким. В III отделении была составлена справка о неблагонадежности его, как бывшего постоянного сотрудника «Современника» и его редактора в 1866 г. Пыпину вменялись в вину самые тесные отношения с Н. Г. Чернышевским, Н. А. Серно-Соловьевичем и М. Л. Михайловым, присутствие на обрядах их гражданской казни, выражение им сочувствия. В справке было указано, что при содействии А. Н. Пыпина были открыты книжный магазин и читальня Серно-Соловьевича, где «распространялись запрещенные книги и устраивались

¹ См. Алфавитные списки запрещенных книг 1884, 1894 и 1903 гг. в кн: Н. М. Чернышевская. Летопись жизни Н. Г. Чернышевского, 1953 и Чернышевский Н. Г. ПСС, т. XVI, стр. 802.

² В. И. Ленин, Соч., т. XIV, стр. 346.

встречи всех нигилистов и революционеров»¹. На этом основании А. Н. Пыпину было запрещено чтение публичных лекций.

В судьбе семьи сосланного Н. Г. Чернышевского принимал большое участие Н. А. Некрасов. Когда в 1914 г. В. Е. Евгеньев-Максимов беседовал в Саратове с престарелой Ольгой Сократовной и спросил ее о Некрасове, она отвечала, что поэт очень часто бывал у них в доме, а во время заключения и ссылки помогал его семье. «Если бы не его, Некрасова, помощь, то я и дети умерли бы с голоду»².

«Я лично лишь смутно помню Некрасова, — пишет М. Н. Чернышевский в своих неизданных воспоминаниях, — в мои сознательные годы он был уже настолько болен, что почти никуда не выезжал и сидел дома или был за границей, так что я всего лишь раз-другой видел его мельком в семидесятых годах. Он приезжал к А. Н. Пыпину, моему дяде, у которого я жил и воспитывался в детстве. У меня остался в памяти лишь его сиплый, сдавленный голос, о котором вспоминал иногда и А. Н. Пыпин, передавая, как Некрасов декламировал свои стихи —

В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой
Медленно проходит городом
Дядя Влас, старик седой... и т. д.

По рассказам матери я знаю, что Некрасов довольно часто бывал в нашем доме как самый близкий человек. И он, и Авдотья Яковлевна Панаева, которая даже была моею крестною матерью. Отношения были самые дружественные, как это видно и из воспоминаний моего отца»³.

В конце ноября 1873 г. был закончен печатанием двухтомник нового русского издания «Оснований политической экономии» Милля без имени переводчика и его примечаний. Из неизданного письма А. Н. Пыпина видно, что это удалось сделать при непосредственном участии Н. А. Некрасова. Приводим целиком текст этого письма:

«Многоуважаемый Николай Алексеевич! Обращаюсь к Вам с очень серьезной для меня просьбой, не сомневаясь, что

¹ Справка датирована 13 ноября 1869 г. Приводится по копии ЦГИАМ, хранящейся в Доме-музее Н. Г. Чернышевского.

² Известно, что Некрасов снял с семьи Н. Г. Чернышевского долг по «Современнику», оставшийся за ним после ареста, что крупную сумму он выплатил жене Николая Гавриловича за роман «Что делать?». Все это ушло, кроме содержания семьи, на поездки из Саратова и обратно, на питание самого Чернышевского, заболевшего в крепости цингой, на снабжение его в крепости обширной личной библиотекой и снаряжение в далекий путь на каторгу.

³ М. Н. Чернышевский. Тексты докладов и речей... ЦГАЛИ, ф. № 1, оп. 2, ед. хр. 208, л. 1. Микрофильмы Дома-музея.

не ошибусь в надежде на Ваше содействие. Дело идет о новом издании Полит<ической> экономии Милля,—издание это было *нужно* для доставления средств известному Вам семейству. Вам объяснят, в каком положении дело, и я просил бы Вас—сделать, что для Вас возможно, чтобы выручить книгу из цензуры. Издание — совершенно скромно. Оно есть просто повторение прежнего издания 1865 г., изданного *под предварительной цензурой*; что прибавлено вновь по последнему изданию англ<ийского> оригинала, не представляет *равно ничего* противу-цензурного. Не считаю нужным много говорить о том, какую *денежную* важность имеет это издание для упомянутого семейства: это теперь — единственный источник *своих* денег. Вы оказали бы большую помощь делу своим участием, и тем глубоко обязали бы

Вам преданного
А. Пыпина».

Окт<ябрь 1874 г.>.

Письмо не имеет годовой даты, оно датировано только «Окт.». Но из содержания письма А. Н. Пыпина от 1 декабря 1874 г. явствует, что речь идет об одном и том же двухтомнике, и что просьба А. Н. Пыпина была выполнена Н. А. Некрасовым: он дал возможность изданию выйти в самых неблагоприятных условиях¹.

Таким образом, за девять лет (1865—1874) А. Н. Пыпину удалось, ценою больших усилий, переиздать диссертацию Н. Г. Чернышевского и его многотомные переводные работы. Распространялись они через книжный магазин А. А. Черкесова (Невский, 54)².

1873—1874 годы были периодом особенно строгого надзора за сосланным Н. Г. Чернышевским: в связи с попыткой его освобождения из ссылки Г. А. Лопатиным и четвертым побегом последнего из иркутского острога якутский губернатор предписывает неослабное и осторожное наблюдение за

¹ См. А. Н. Пыпин. Из переписки с Н. А. Некрасовым. Сообщил и комментировал Н. Пыпин. «Звенья» № 5, М., 1935, стр. 507—508.

² Черкесов А. А. (1839—1908) привлекался в 1862 г. по делу о сношениях с лондонскими пропагандистами, в 1865 г. был арестован, после освобождения получил разрешение в 1867 г. открыть библиотеку и книжный магазин. В «Каталоге книг и периодических изданий библиотеки и кабинета для чтения Черкесова» (СПб., 1874) значатся «Эстетические отношения искусства к действительности» (1865) и переводы Милля и Шлоссера (1865—1874), т. е. издания А. Н. Пыпина, доход от которых шел на содержание семьи Н. Г. Чернышевского. В письмах О. С. Чернышевской 1874 г. к детям постоянно встречаются материнские наказания—сходить к Черкесову за деньгами и организовать более регулярное их получение. В 1879 г. в этом деле помог Л. Ф. Пантелеев, взявший Милля на 100 рублей для распространения при содействии М. А. Антоновича и уплативший вперед О. С. Чернышевской всю сумму (см. письмо ее к сыну Александру от 8 февраля. Копия, архив Дома-музея Н. Г. Чернышевского).

Чернышевским. В то же время генерал-губернатором Восточной Сибири было получено анонимное и лишенное всяких оснований письмо с разоблачением «плана» освобождения Чернышевского Утиным и Бакуниным. В Вилюйск секретно командировается полковник Купенков для обыска у Чернышевского и изъятия у него бумаг и рукописей. Страже Чернышевского предписывается «неусыпный, ежечасный надзор» за вилюйским узником.

В сентябре 1874 г. ген. Потапов требует от генерал-губернатора Восточной Сибири новых мер строгости по отношению к Чернышевскому «в связи с предполагаемыми попытками заграничной партии лиц, сочувствующих Чернышевскому, освободить его».

Конечно, в детском возрасте Миша Чернышевский не мог оценить неумолимого, часто ночного труда своего дяди за письменным столом. Мальчик жил до окончания гимназии среди юного поколения Пыпиных. Всем им давалось эстетическое и трудовое воспитание. Девочки Вера и Наташа учились живописи и лепке, мальчики — Коля и Митя оказались хорошими музыкантами¹. Миша и Саша Чернышевские обучались столярному мастерству, готовили и вырезали из дерева рамки, полочки, шкатулки. В отличие от Пыпиных, они любили спорт. Оба были отличными пловцами, участвовали в гонках по Волге, когда приезжали в Саратов. Оба занимались со штангами. «Саша развил себе такие мускулы, что на них неприятно было смотреть», — рассказывала Екатерина Николаевна Пыпина. Миша не отставал от брата. По воспоминаниям родных, он завязывал узлом железную кочергу и ладонью ломал серебряную монету в 10 или 20 копеек.

Здоровые развлечения, занятия спортом и трудовые навыки благоприятно отразились на формировании молодого организма и характера. Еще более ценным из традиций пыпинского воспитания был тот дух, который царил в этой трудолюбивой и крепко спаянной семье по отношению к памяти и судьбе Николая Гавриловича Чернышевского. В семье Пыпиных, например, установился обычай переписывать письма Н. Г. Чернышевского, его рукописи, его воспоминания, — с целью сохранения их подлинников и с целью подготовки к печати. Как бы ни было запрещено имя Чернышевского, его переписывали все: сначала Александр Николаевич и его жена Юлия Петровна, сестра А. Н. Пыпина Евгения Николаевна. Впоследствии огромную дань этому занятию отдал и Михаил Николаевич, переписав не только письма отца, но и в

¹ Впоследствии Н. А. Пыпин был научным сотрудником Пушкинского дома, В. А. Пыпина — внештатным сотрудником саратовского Дома-музея Н. Г. Чернышевского; резцу Н. А. Пыпиной принадлежит барельеф М. А. Балакирева на его могиле в Ленинграде.

отрывках—многолетнюю семейную переписку о Н. Г. Чернышевском со своими пояснениями. В течение всей своей жизни сын Чернышевского боролся за сбережение его печатного и рукописного слова: расшифровал его дневники, начиная со студенческих лет, переписал написанную в Вилюйске повесть «Отблески сияния», сделал доступной для чтения и изучения эту удивительную по своей конструкции рукопись, напоминавшую «Отче наш в наперстке», как выражались в давнее время. Неутомимое перо Михаила Николаевича так же бегало по бумаге в каждую свободную и несвободную минуту, как у его дяди А. Н. Пыпина, когда дело касалось Чернышевского. Таковы были семейные традиции, крепко передававшиеся из поколения в поколение.

Учебные годы Миши Чернышевского—семидесятые годы — совпали с тяжелым моментом в личной биографии А. Н. Пыпина. За свои научные труды он был представлен к званию академика. Но родство с Н. Г. Чернышевским послужило препятствием к осуществлению этого. Против Пыпина повели двойную игру и поставили дело так, что он был вынужден сам отказаться от академического кресла. Лучше всего выразился по этому поводу цензор А. В. Никитенко: «И сено цело, и козы сыты»¹.

Это произошло в 1871 году. Личная невзгода не помешала А. Н. Пыпину еще больше сделать для Н. Г. Чернышевского. Здесь были и неудачные хлопоты о переиздании сочинений Николая Гавриловича через Литературный фонд, и упомянутая выше передача дома в дар детям Чернышевского, и переписка с самим вилюйским узником, и многое другое. До самого конца своей жизни А. Н. Пыпин любил, помнил и заботился о своем друге и брате.

Сразу же после смерти Н. Г. Чернышевского А. Н. Пыпным были бережно собраны и проверены его бумаги, особенно «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова». Они не были закончены Н. Г. Чернышевским, но уже печатались. Пыпин помог закончить это ценное издание. Одновременно он опять занялся подготовкой к печати отдельных сборников статей покойного писателя и теперь делал это совместно с его сыном Михаилом Николаевичем. Будучи крупным библиографом, А. Н. Пыпин привлек к библиографическим занятиям и М. Н. Чернышевского. показывал ему отцовские рукописи, составлял заявления в цензурный комитет, с которыми Михаил Николаевич ездил к цензорам в начале 90-х годов.

А. Н. Пыпина беспокоило перед смертью то, что он не успел написать биографии Н. Г. Чернышевского. «Нам рас-

¹ А. В. Никитенко. Дневник, т. 3. Гослитиздат, Л., 1956, стр. 219. Запись от 20 ноября 1871 г.

сказывали, — пишет В. И. Семевский, — что в разговорах с людьми близкими он нередко возвращался к этому предмету и дал необходимые указания относительно печатания имеющихся у него материалов о Н. Г. Чернышевском»¹.

* * *

В 1870 г. Миша Чернышевский поступил во второй класс петербургской Ларинской гимназии. Перед этим он два года учился в пансионе Паульсона, о котором сведений в семейном архиве не сохранилось.

В Ларинской гимназии юноша воспитывался под сильным влиянием Виктора Петровича Острогорского. Ученик и продолжатель В. Я. Стоюнина, Виктор Петрович был выдающимся педагогом своего времени. Расцвет его деятельности относится к 70—80-м годам прошлого века, к периоду злейшей политической реакции, наступившей после 60-х годов. В Ларинской гимназии он начал работать с 1871 года. Острогорский был почитателем Н. Г. Чернышевского, преклонялся перед «Очерками гоголевского периода русской литературы». Патриотизм понимался им по Чернышевскому, «как страстное, беспредельное желание блага родине». С 1876 г. В. П. Острогорский организовал в гимназии внеклассные литературные чтения. Подобно тому, как в студенческие годы В. П. Острогорского в Петербурге процветал кружок П. В. Макалинского, куда входили братья А. Н. и Н. Н. Страннолюбские, сестры Е. и П. Пыпины, подполковник А. А. Красовский и др., так теперь В. П. Острогорский, продолжая традиции 60-х годов, организовал кружок для своих учеников. Только время было другое, требовало еще большей осторожности, поэтому в целях маскировки девизом кружка было поставлено изречение германского гегельянца-педагога Эккардта о разностороннем познании человека.

Младший сын Н. Г. Чернышевского встретил в стенах Ларинской гимназии такого учителя словесности в лице В. П. Острогорского, который воспитался на «Современнике» и претворял в жизнь его заветы служения народу. Живой и восприимчивый мальчик проходил курс гимназических наук в следующее десятилетие, когда имя его отца было под жестоким запретом и когда нечего было и думать о создании для гимназистов казенной гимназии такой организации, в которой прозвучали бы слова Чернышевского. И тем не менее и кружок был создан В. П. Острогорским для учеников, и слова Чернышевского в нем прозвучали. С большой теплотой отзывается Михаил Николаевич об этом кружке в своих записках и прямо упоминает о том, что сам он читал вслух

¹ Памяти А. Н. Пыпина. «Русская мысль», 1904, № 12, стр. 171.

письма своего отца из Сибири 27 октября 1879 г. на дому у ученика Корево¹.

М. Н. Чернышевский не указывает, какие именно письма отца он читал в кружке. О. С. Чернышевская пишет 9 сентября 1879 г. сыну Александру о том, что последнее письмо от Николая Гавриловича было в январе. Из записной книжки А. Н. Пыпина видно, что 29 января 1879 г. было получено короткое письмо к О. С. Чернышевской, оно вряд ли подходило для чтения в литературном кружке. Думается, что Михаил Николаевич читал письма от 25 июля 1878 г., адресованные жене и сыновьям. (См. собр. соч., т. XV, 291—296). Они были получены 7 декабря 1878 г. Все три письма представляют большой литературный интерес, так как в них речь идет о значении самообразования, особенно изучения иностранных языков, одобряется увлечение театром и актером России, упоминаются имена актеров, которых пришлось видеть на сцене Н. Г. Чернышевскому (Мартынов, Ристори, Айра Олдридж и др.). В одном из этих писем опять проводится мысль о вреде казенных школ: «Школьные годы—трата времени; необходимая, но пустая трата. Знаем мы лишь то, что узнаем помимо школ, из жизни, из дружеских разговоров, из порядочных книг, в числе которых школьных книг нет». Эти слова звучали как привет кружку Острогорского из далекой Сибири.

В своих письмах к сыновьям из ссылки Николай Гаврилович руководил их чтением, высказываясь о классиках русской и мировой литературы. Мы встретим здесь имена Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Грибоедова, Гёте, Шиллера, Шекспира и других.

Как же это отозвалось на практике сыновнего чтения? Были ли сыновья Чернышевского начитанными, образованными людьми? Да, безусловно, они стали ими. Александр Чернышевский знал языки французский, немецкий, английский, латынь, греческий, итальянский. Михаил Николаевич хорошо знал латынь и постоянно цитировал латинские изречения, знал греческий, французский и немецкий языки, изучал самостоятельно английский и испанский. Александр оставил после себя большое рукописное наследие, как ученый и поэт. Михаил не стал цеховым ученым, его высшее образование оборвалось на втором курсе филологического факультета. Но про него можно сказать, что он жил, не выпуская из рук книги. В кружке Острогорского за пять лет гимназического учения он прошел такую подготовку по изучению мировой и отечественной литературы, которая была прямым ответом на письма Н. Г. Чернышевского о том, что «наука не в школах...

¹ М. Н. Чернышевский. Воспоминания. «Литературный кружок 1876—1881». ЦГАЛИ, ф. № 1, оп. 2, ед. хр. 214, лл. 2 и 11. В дальнейшем даются ссылки на этот же документ.

Наука в книгах и в личном самостоятельном труде над приобретением знаний из книг и из жизни».

В самом деле, если просмотреть программу чтений и отчеты о деятельности кружка Острогорского за 1876—1879 гг., мы встретим там такие имена, как Гете, Данте, Шекспир, Шиллер, Мольер и другие классики мировой литературы. Из русской литературы сюда входят такие темы, как Некрасов — «Кому на Руси жить хорошо», «Сатира Щедрина и ее значение», Островский — «Доходное место», Никитин — «Кулак», Тургенев — «Параллель между Рудиным и некоторыми героями Шпильгагена». В речи на выпускном ужине ларинцев цитировались строки Некрасова «Сейте разумное, доброе, вечное» и А. Н. Плещеева — «Вперед без страха и сомненья». Все, что было в эту мрачную реакционную эпоху передового, прогрессивного в литературе, сближало членов кружка под руководством В. П. Острогорского. Н. Г. Чернышевский в это время был заживо похоронен в Вилюйске, но шестидесятые годы жили в сознании следующего поколения. «Я пью за хранение в нас тех идеалов, осуществление которых видится нам в недалеком будущем, как появление их было в недалеком прошлом» — воскликнул выпускник В. А. Икорников, талантливый юноша, вскоре погибший от туберкулеза. В своей речи он выражал надежду на «зарницу» революции. И в выступлении Острогорского в кружке на тему «Судьба Белинского после его смерти» (1879) совершенно ясно сквозят любимые им «Очерки гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского.

М. Н. Чернышевский читал в кружке, кроме пьес своего отца, реферат о «Юлии Цезаре» Шекспира, о Савонаролле, о Карамзине и др., а его близкий друг В. А. Икорников — «По поводу брошюры Цитовича о «Что делать?». По-видимому, М. Н. Чернышевский выделялся искусством выразительного чтения, потому что при распределении ролей в любительских спектаклях кружка для него были выделены первые роли: Хлестакова и Фамусова. По всей вероятности, сказался наследственный юмор и живость Ольги Сократовны. Спектакли были поставлены в 1876, 1877 и 1878 гг., когда Михаилу Николаевичу было 18, 19 и 20 лет. Один из них был организован публично в зале Общества дешевых квартир в Петербурге. Н. Г. Чернышевский откликнулся из Вилюйска на письмо сына с сообщением об этом: «Лучше «Ревизора» нет ничего в русском репертуаре <...> мало в нем вещей лучше комедии Грибоедова» (письмо от 25 апреля 1877 г.).

Кружок Острогорского 70-х годов был источником и общего, и политического развития для его участников, выполняя эту функцию в то время, когда имя Н. Г. Чернышевского было запрещено в русской печати. Семидесятые годы были периодом, когда «Отечественные записки» в лице своих сот-

рудников и редакторов «пользовались каждым удобным случаем, чтобы напомнить России о Чернышевском, о его великом значении в истории общественной мысли и литературы»¹.

Не случайно В. П. Острогорский ввел в тематику докладов имени Некрасова и Щедрина. Живым отголоском эпохи Чернышевского-студента оставался в это время бывший петрашевец А. Н. Плещеев, автор «марсельезы 40-х годов»². Он присутствовал на выпускном вечере ларинцев как его украшение. Этот вечер закончился вторжением пристава, городовых и дворников, и все участники были переписаны.

Впоследствии М. Н. Чернышевский не терял связи с бывшими товарищами. Посещал его А. А. Саккетти, ставший профессором петербургской консерватории. Профессор петербургского университета И. М. Гревс в 1917 году прислал к М. Н. Чернышевскому одну из своих способнейших учениц А. Хоментовскую с сочинением о революционном движении 60-х годов для консультации. Сын В. А. Икорникова, талантливый профессор математики, погибший в 1942 г. от дистрофии, находился с семьей Михаила Николаевича в близких родственных отношениях.

В. П. Острогорский воспитал сына Чернышевского, разъяснив ему значение деятельности отца³.

Осенью 1883 г. Николай Гаврилович был возвращен из ссылки. Его перевели в Астрахань, где состоялась встреча с сыновьями. До сих пор он знал о них только по переписке с ними, по письмам о них Ольги Сократовны и А. Н. Пыпина, а они об отце — по рассказам матери и родных. В то же время большую роль в их воспитании сыграли письма отца по научным вопросам и по вопросам морали. Встреча была и радостная, и волнующая. Несколько раз после этого оба сына приезжали в Астрахань и жили вместе с родителями. Особенно близким отцу и матери был Михаил Николаевич. Его горячая сыновья любовь нашла выражение не в словах, а в делах. Он старался всячески помочь отцу в устройстве быта, яв-

¹ Е. И. Покусаяев. Николай Гаврилович Чернышевский. Учпедгиз. М., 1960, стр. 194.

² А. Н. Плещеев был преданным почитателем Н. Г. Чернышевского. В «Отечественных записках» (октябрь 1868) было помещено его стихотворение «Жаль мне тех, чья гибнет сила», навеянное размышлениями об участии Н. Г. Чернышевского и о предательской роли Вс. Костомарова в его деле.

³ К памяти В. П. Острогорского М. Н. Чернышевский всегда относился с благоговением: в день 20-летия со дня основания кружка написал ему трогательное благодарственное письмо, хранил в своей обширной библиотеке все его труды, выписки и газетные вырезки о нем. После смерти любимого учителя Михаил Николаевич состоял членом Общества попечения о школе его имени в Валдае Новгородской губ. и поддерживал ее посильными взносами. Жена Острогорского Л. Я. Судакова и ее сестра до самой смерти были связаны с семьями Чернышевских и Икорниковых.

лялся посредником между ним и А. Н. Пыпиным в Петербурге, выполняя литературные поручения, лично привез отцу из Петербурга от А. Н. Пыпина и М. А. Антоновича хранившиеся за время его ссылки дневник и другие бумаги Н. А. Добролюбова.

Н. Г. Чернышевский помог сыну устроиться через Н. Я. Николадзе в Правление Закавказской железной дороги. «Он оказался дельным человеком, — писал Чернышевский о Михаиле Николаевиче Ольге Сократовне, — я стал доволен им, и кроме приятного, он не услышит от меня ничего»¹. Радовался отец и переходу М. Н. Чернышевского на службу в департамент железнодорожных дел, где протекла впоследствии основная его работа в дореволюционный период.

С внешней стороны отношения отца и сына обычно сопровождались тоном шутливости, но были и большие, серьезные, душевные беседы.

Письма Н. Г. Чернышевского из Сибири оказали большое благотворное воздействие на обоих сыновей. Михаил Николаевич был человек долга и в семейной, и в трудовой своей жизни. «Мать — существо священное», — писал детям из Сибири Н. Г. Чернышевский². Ольга Сократовна действительно стала таким священным существом для младшего сына. Он прощал ей все проявления неуравновешенного характера, все болезненные вспышки и истерические припадки, не всегда даже справедливые. Он никогда не мог забыть, как в молодости она плакала по ночам, а он тоже не спал, молча слушая эти рыдания. И до самой старости он был для нее покорным и заботливым сыном.

«Семейная любовь, — завещал Н. Г. Чернышевский из Сибири, — наиболее распространенное между людьми и наиболее прочное, потому, в смысле влияния на жизнь людей, самое важное и самое благотворное из всех добрых чувств человека»³.

Михаил Николаевич с детских лет понял правду этих слов: если бы не крепкая связь между семьями Чернышевских и Пыпиных, то судьба больной женщины и ее малолетних сыновей оказалась бы трагичной.

Есть у Н. Г. Чернышевского еще завет детям, когда он говорит о любви к отцу (в данном случае — лично к нему, вождю народной революции): «...часть разумных мыслей, внушенных вам любовью к вашему отцу, неизбежно расширяется и на множество, множество других людей»⁴.

¹ Н. Г. Чернышевский. Письмо от 26 июля 1888 г. ПСС, т. XV, М., 1950, стр. 715.

² Там же, стр. 281.

³ Там же, стр. 165.

⁴ Там же, стр. 173.

И этот завет выполнил младший сын Чернышевского, сохранивший для народа литературное наследие отца и организовавший при поддержке Коммунистической партии музей его имени.

Собирательская и научная работа М. Н. Чернышевского

Собирательская деятельность М. Н. Чернышевского была обширна и многообразна. По примеру А. Н. Пыпина, сохранявшего литературное наследие Н. Г. Чернышевского, сын писателя с раннего детства привык беречь все, что напоминало об отце. Большую роль здесь сыграло и воспитание, данное Ольгой Сократовной.

Выше уже было упомянуто о «ячейке музея»—коробочке с павлином, которую семилетний мальчик привез от отца из Сибири. Именно отсюда и началось собирание им материалов об отце, вошедших в основной музейный фонд. Будучи гимназистом, Миша сохранял по поручению матери в ее свадебной шкатулке письма, приходившие от Николая Гавриловича из Сибири.

В гимназические же годы сын Н. Г. Чернышевского приезжал на летние каникулы из Петербурга в Саратов к старикам Пыпиным. В их незатейливой и небогатой событиями жизни пожар 1866 года, последствием которого были большие разрушения в обоих домах—и Пыпиных, и Чернышевских,—служил темой долгих бесед в продолжение нескольких десятков лет. Тогда сгорела и богатая библиотека отца Н. Г. Чернышевского, и старинная мебель, и чудесная живописная роспись потолка в любимой всеми «синей гостиной». Но Пыпины сделали все возможное, чтобы вытащить из кабинета Гаврилы Ивановича Чернышевского то, что всем было особенно дорого: архив сына. Куда же это все девалось за прошедшие после пожара годы? Бумаги были просто сложены в беспорядке в чулан, а после все провалилось из чулана в кухню нижнего этажа и там представляло бесформенную груду. Туда и отправился Миша, рылся в этой груде и все тетради, на которых была надпись «Николай Чернышевский», извлекал и складывал в пачки. Эти ученические тетради отца содержали в себе его упражнения на русском, латинском, греческом, французском, немецком, татарском, арабском, древнееврейском и персидском языках, блестящие латинские сочинения с высокими оценками семинарских профессоров, детские рисунки и часть переписки. Там же находились семейные документы: аттестаты, метрические свидетельства о рождениях, браках и кончинах, завещания и т. д. Все это было увезено Мишей Чернышевским в Петербург к А. Н. Пыпину и там приводилось в порядок. Всего сыну Чернышевского удалось спасти, в числе этого архива, свыше 225 ученических тетрадей отца.

Ольга Сократовна со своей стороны хранила вещицы, привезенные Н. Г. Чернышевским из Сибири: китайские чашечки, головоломки, фарфоровый бокал и многое другое. Бережно сохранялся у нее еще от дней молодости фиолетовый бархатный альбом, подаренный мужем вскоре после свадьбы и заполненный впоследствии автографами Некрасова, Михайлова, Шевченко, художника Якоби и других. На вещах Н. Г. Чернышевского Ольга Сократовна оставила надписи о принадлежности их ему.

После кончины Н. Г. Чернышевского в 1889 г. О. С. Чернышевская передала сыну на сохранение его рукописи, переписку, разные предметы домашнего обихода и мебель, в том числе его письменный стол. Для хранения венков, присланных и возложенных на могилу мужа, Ольга Сократовна наняла специально двухкомнатную квартиру в Саратове на Малой Сергиевской улице. Михаил Николаевич передал личную библиотеку отца на хранение в Саратовскую областную библиотеку.

Следующим этапом в пополнении рукописного собрания Н. Г. Чернышевского было получение через год после смерти А. Н. Пыпина, согласно завещанию, от его дочери Веры Александровны студенческих дневников и сибирских рукописей Н. Г. Чернышевского. Архив А. Н. Пыпина по своей обширности требовал много времени для разборки, она продолжалась не один год, и даже после смерти М. Н. Чернышевского Вера Александровна находила и передавала Дому-музею новые документы из собрания, хранившегося в рукописном отделении библиотеки Академии наук.

Собирательская работа Михаила Николаевича соединялась с деятельностью хранителя и исследователя наследия своего отца. Подобно тому, как Н. Г. Чернышевский тщательно подбирал, исследовал и комментировал каждый листок из архива Добролюбова, подготавливая к печати материалы для его биографии, так его сын не пропускал ни одного упоминания имени своего отца в печати, неутомимо разыскивая, например, после газетных публикаций о смерти знавших его лиц, переписку с Чернышевским (так были предприняты поиски писем Николая Гавриловича к издателю «Русской мысли» В. М. Лаврову, к издателю К. Т. Солдатенкову и к его помощнику писателю И. И. Барышеву). Собрав богатые коллекции газетных вырезок о Н. Г. Чернышевском, начиная с 1903 г., М. Н. Чернышевский не просто наклеивал их на чистые листы, но подписывал свои и чужие анонимные заметки и снабжал их своими пояснениями или замечаниями на полях критического характера. То же делал он и с журнальными статьями, например, к публикации собранных Духовниковым воспоминаний саратовских старожилов и к воспоминаниям А. А. Токарского. Член саратовской архивной

комиссии А. А. Лебедев «по мере сил» обработал воспоминания саратовцев, по его выражению, в предисловии. «Жаль только, что этих сил-то уж больно мало», — отзывается М. Н. Чернышевский на полях «Русской старины»¹.

Что касается воспоминаний Токарского, то они вызвали у М. Н. Чернышевского на полях его личного экземпляра оттиска из «Русской мысли» помету, которая предвосхищает мнение современных исследователей Чернышевского о том, что после ссылки Чернышевский сохранил и свои умственные силы и неукротимый революционный дух. «...ссылка,—пишет А. А. Токарский о Чернышевском,—исковеркав его физическое здоровье, не тронула ни его мощного ума, ни нравственного склада. Создавая и умственную, и нравственную свою личность в глубоком одиночестве, вдали от людей, он и через полное одиночество ссылки провел ее чистою и неприкосновенною. Таким одиноким, замкнутым в себя людям—не нужно общества людей для самих себя; оно им нужно, как объект для воздействия, для приложения своих сил. Вот эту возможность приложения своих сил—ссылка отняла у Чернышевского»².

Внизу на полях мы читаем рукописную помету М. Н. Чернышевского «Вполне правильные выводы, подтверждаемые и письмами. Мих. Чернышевский»³.

Двадцатилетие со дня смерти Н. Г. Чернышевского, исполнившееся в 1909 году, вызвало живые отклики и в революционных кругах, и в прогрессивной части русского общества. Страстная отповедь реакционным «Вехам», обливавшим грязью идейные традиции революционной демократии 60-х годов, прозвучала в публичном реферате В. И. Ленина, прочитанном 16 (29) октября в Льеже и 13 (26) ноября в Париже. В виде статьи этот реферат был опубликован в газете «Новый день» 13 декабря. Революционный патриотизм Чернышевского В. И. Ленин вспомнил и в 1910 году, когда писал статью «За что бороться?», определяя значение декабрьского восстания 1905 года⁴.

Именно в 1910 г., т. е. в прямой связи с памятной датой, началось оживление и среди петербуржцев, так или иначе связанных с революционным движением 60-х годов.

10 декабря 1910 г. М. Н. Чернышевского посетила М. Н. Слепцова. Об этом гласит запись в его календарной книжке⁵.

Больше никаких записей о М. Н. Слепцовой в архиве М. Н. Чернышевского мы не встречаем. В свете новых доку-

¹ Библиотека Дома-музея, инв. № 2256/11. «Русская старина», 1912, № 1, стр. 88.

² «Русская мысль», 1909, № 2, стр. 62.

³ Библиотека Дома-музея, инв. № 2267/10.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. XVI, стр. 149.

⁵ Записные книжки Чернышевского Михаила Николаевича 1902—1910 гг. ЦГАЛИ, ф. № 1, оп. 2, ед. хр. 227, л. 76.

ментов, недавно опубликованных В. Э. Боградом, можно, однако, заключить, что посещение М. Н. Слепцовой находилось в прямой связи с теми документами о тайном обществе «Земля и воля» и с теми портретами шестидесятников-«чернышевцев», которые у нее хранились. По-видимому, ей хотелось разобраться в имеющихся у нее мемуарах А. А. Слепцова, а может быть беседа с М. Н. Чернышевским касалась и замысла ее личных воспоминаний. В дальнейшем обнаружались следы участия М. Н. Чернышевского в этой работе.

До появления статьи В. Э. Богграда «О мемуарах А. А. Слепцова» многие исследователи сомневались в существовании этих записей о деятельности тайного революционного общества 60-годов «Земля и воля»¹. «Важным источником, подтверждающим существование мемуарных записей Слепцова, являются публикуемые ниже копии трех отрывков из воспоминаний Слепцова, снятых с его автобиографической рукописи в 1913 г. М. Н. Чернышевским,—пишет В. Э. Боград.—Копии найдены нами в бумагах А. Н. Пыпина, хранящихся в Отделе рукописей Пушкинского Дома»². В. Э. Боград убедительно доказывает, что копии с автографов Слепцова были сделаны и М. К. Лемке, и М. Н. Чернышевским, причем последний с большей точностью передает их содержание³.

В настоящее время, после опубликования сообщения В. Э. Богграда, можно сделать вывод, что Михаил Николаевич произвел значительную работу над записью воспоминаний Слепцова, сделанной по просьбе М. К. Лемке неизвестным лицом⁴. В. Э. Боград датирует эту работу 1913 годом, следуя записи М. Н. Чернышевского. Заметка же в записной книжке Михаила Николаевича показывает, что личное знакомство с М. Н. Слепцовой продолжалось у него несколько лет, задолго до появления воспоминаний Слепцова в десятом томе сочинений Герцена под редакцией М. К. Лемке.

К 20-летию со дня смерти отца Михаил Николаевич выпустил первое издание своего «Библиографического указателя статей о Н. Г. Чернышевском и его сочинениях за время 1854—1909 гг.». Оно было отпечатано в типографии Стасюлевича в Петербурге. Через год это издание было повторено в более расширенном виде, а к концу жизни Михаилом Нико-

¹ Б. П. Козьмин писал: «Дело в том, что <...> ни автографа воспоминаний Слепцова, ни вообще каких-либо записей, сделанных последним, никто, кроме Лемке, не видал, и где находятся они,—если только они в действительности существовали,—никому не известно» («Литературное наследство», т. 25/26, 1936, стр. 578).

² «Литературное наследство», т. 67, 1959, стр. 676. По-видимому, эти листы, написанные М. Н. Чернышевским в 1913 г., случайно попали в собрание бумаг А. Н. Пыпина, умершего в 1904 г.

³ Там же, стр. 678.

⁴ Там же, стр. 676—682.

лаевичем был подготовлен новый выпуск своего труда, значительно пополненного и доведенного до 1923 года. Этой рукописи не суждено было увидеть света, она долго считалась затерянной в Москве и сравнительно недавно оказалась в ЦГАЛИ.

Михаил Николаевич много лет занимался библиографией, используя книжные собрания библиотеки Академии наук. Его записные книжки пестрят пометками об этих занятиях. Вместе с тем им были использованы обширные коллекции журнальных статей и газетных вырезок в библиографической картотеке проф. С. А. Венгерова. Занятия М. Н. Чернышевского продолжались в этой картотеке и тогда, когда она выросла в Литературно-библиографический институт (1916) и когда получила название Российской Книжной палаты в Ленинграде (1917—1920)¹. До конца жизни М. Н. Чернышевский поддерживал связь с С. А. Венгеровым и его ближайшими сотрудниками: А. А. Шиловым, П. Е. Щеголевым, академиком С. Ф. Ольденбургем, Б. Л. Модзалевским и другими. Секретарь совета Книжной палаты А. Г. Фомин был непосредственным помощником и преемником С. А. Венгерова. В беседе с автором этих строк незадолго до смерти он, будучи директором Института книговедения в Ленинграде, с признательностью вспоминал не только о частых посещениях Михаилом Николаевичем Книжной палаты, но и о том, с какой щедростью сын Чернышевского подарил ему, никому не известному юному студенту, экземпляр полного собрания сочинений своего отца, когда А. Г. Фомин пришел к нему на дом с просьбой помочь ему написать обширный историко-библиографический очерк о Н. Г. Чернышевском для «Исторического вестника».

В 1911 г. было предпринято издание трехтомника «Чернышевский в Сибири (переписка с родными)». Е. А. Ляцкий взял на себя составление вступительной статьи, растянувшейся на все три тома, а Михаил Николаевич занялся кропотливой подготовкой самого материала, систематизацией писем, сличением текстов, составлением комментария и подбором приложений, использовав находившуюся под спудом семейную переписку периода ссылки Н. Г. Чернышевского, т. е. ценнейший документальный материал, а также написав свои воспоминания о поездке с матерью в Сибирь в 1866 г. для свидания с отцом. Сладкоязычный либерал Ляцкий, в то время пользовавшийся доверием Горького и сотрудничавший в журналах, где выступали марксисты, нашел комментарии Михаила Николаевича ненужными и решил обойтись без них. 12 октября 1911 года в книжке Михаила Николаевича записано: «Ляцкий прислал корректуру—оказывается, вы-

¹ В год смерти С. А. Венгерова (1920) была учреждена Всесоюзная Книжная палата в Москве, а ленинградская—преобразована в Институт книговедения.

бросил из моих примечаний все то, что я считаю наиболее интересным. Возмутило это меня до невозможности». На другой день состоялось их свидание. Оно носило бурный характер. Михаил Николаевич «настоял на восстановлении» всех своих примечаний.

Дружеские отношения поддерживал М. Н. Чернышевский с историком В. И. Семевским, о чем свидетельствует их сохранившаяся переписка. Через В. И. Семевского Михаил Николаевич передал одиннадцатитомное собрание сочинений своего отца в библиотеку якутских политических ссыльных.

С большой любовью относился М. Н. Чернышевский к Павлу Аполлоновичу Ровинскому, бывшему члену тайного общества «Земля и Воля» шестидесятых годов. Сначала они встречались у Пыпиных, где П. А. Ровинский рассказывал о своих поездках в Черногорию, в качестве исследователя славянских земель (когда-то он был гимназическим товарищем А. Н. Пыпина, потом их сроднили славяноведческие интересы). С М. Н. Чернышевским Павел Аполлонович сблизился в 1912—1915 гг. Они беседовали о Н. Г. Чернышевском, и П. А. Ровинский рассказал о своей неудачной попытке увидеться с Николаем Гавриловичем в Александровском заводе в 1870 г. М. Н. Чернышевский тогда же записал эту беседу и вклеил свою запись в экземпляр подаренной ему книги П. А. Ровинского о путешествии с караваном в Китай через Нерчинск¹.

Из писателей, занимавшихся изучением эпохи 60-х годов, М. Н. Чернышевский познакомился в 1911 г. с Василием Еврафовичем Чехихиным-Ветринским, который в 1908 г. помещал свои очерки о Н. Г. Чернышевском в петербургской и саратовской печати². Эти очерки, в настоящее время устаревшие, в то время были прогрессивным явлением, потому что Чехихин-Ветринский с большой любовью старался собрать у старожилов личные воспоминания, относившиеся к саратовскому периоду жизни писателя. В то же время он собирал материалы о Некрасове, об Ольге Сократовне, о петербургском окружении Николая Гавриловича, обращался с запросами к его товарищам по ссылке³. Чехихин-Ветринский часто приезжал к М. Н. Чернышевскому на Большую Зеленину улицу и с благоговением беседовал о Чернышевском. Благожелательные их отношения сохранились до конца жизни Вет-

¹ Запись эта воспроизведена в статье Н. М. Чернышевской-Быстровой «Одна из попыток освобождения Н. Г. Чернышевского» («Каторга и ссылка», 1931, № 5(78), стр. 126—127).

² См. «Вестник Европы», 1908, № 7—9 и «Саратовский листок» 1909, №№ 105, 120 и 136.

³ 19 августа 1906 г. М. Н. Чернышевский послал Чехихину-Ветринскому на просмотр рукопись воспоминаний В. Н. Шаганова. ЦГАЛИ, ф. № 1, оп. 2, ед. хр. 227, л. 11.

ринского, когда уже после Октябрьской революции Михаил Николаевич навещал его в дни предсмертной болезни в Москве. К этому времени вышла монография Чешихина-Ветринского «Н. Г. Чернышевский» (1923), которая долгое время служила одним из основных пособий для изучения биографии Н. Г. Чернышевского в вузах.

Михаил Николаевич пользовался каждой свободной минутой, чтобы вести розыски людей, у которых можно было бы найти новый материал о Н. Г. Чернышевском. В 1911 г. он отправился во 2-й кадетский корпус, где когда-то Н. Г. Чернышевский служил преподавателем, и получил возможность выписать из его аттестата данные для хронологической канвы о педагогической деятельности Н. Г. Чернышевского вообще. М. Н. Чернышевский навещал с такой же целью родственников Добролюбова и других лиц. Он покупал за большие суммы, не считаясь с вычетами из жалованья за долги по изданию, рукописи отца, например чемодан с рукописями 80-х годов у квартирной хозяйки К. М. Федорова. Все это присоединялось к архивным коллекциям, составившим в дальнейшем основной фонд Дома-музея Н. Г. Чернышевского.

С 1892 г. М. Н. Чернышевский начал заниматься фотографией и затем вступил в члены императорского русского фотографического общества в Петербурге, которое с неукоснительной точностью и аккуратностью посещал по четвергам в течение более 20 лет. Он стал выдающимся специалистом этого дела, к нему обращались из Русского музея и Эрмитажа, когда нужно было исполнить фото-репродукции с картин известных мастеров, сфотографировать мастерскую скульптора И. Я. Гинцбурга¹ или памятники Глинке и Балакиреву. Но и как фотограф весь жар своей души М. Н. Чернышевский отдал делу увековечения памяти своего отца. В течение многих лет он выполнял высококачественные репродукции его портретов, предпринимал поездки в Саратов и Астрахань для фотосъемки памятных мест усадьбы Чернышевских и Пылиных, домов, где проживал отец после ссылки, натюрмортов из его личных вещей и т. п. В фотографическом обществе М. Н. Чернышевский познакомился с Дмитрием Ильичем Лещенко, активным революционером 1905 года, ставшим помощником А. В. Луначарского после Октябрьской революции. Д. И. Лещенко относился к Михаилу Николаевичу с большим уважением и оказывал всяческую поддержку в деле устройства в

¹ Интересно отметить, что в мастерской И. Я. Гинцбурга большевики прятали внутри бюстов и статуй нелегальную литературу и свои листовки. См. Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. М., 1960, стр. 31.

В благодарность за фотосъемку мастерской Гинцбург подарил М. Н. Чернышевскому небольшую скульптуру своей работы, изображающую Льва Толстого за письменным столом.

Саратове Дома-музея Н. Г. Чернышевского. До революции они постоянно встречались.

Свой незаурядный опыт и творческий интерес к фотографическому делу М. Н. Чернышевский применил и в борьбе против мракобесов, пытавшихся оправдать расправу над его отцом. В 1912 г. некто М. Ключков выступил в Неофилологическом обществе при петербургском университете с докладом, в котором пытался утверждать, что письмо, по которому судили Н. Г. Чернышевского, вовсе не является фальшивкой, сфабрикованной Вс. Костомаровым, а представляет собой подлинный документ, принадлежавший перу самого Н. Г. Чернышевского.

Присутствовавшие на собрании писатели-журналисты «вдребезги разбили Ключкова» по выражению М. Н. Чернышевского в записной книжке¹.

Михаил Николаевич был заинтересован ходом этого совершенно неожиданного «литературного события» не только как сын Чернышевского, с юных лет знавший о подлоге в деле своего отца со слов А. Н. Пыпина, которому Николай Гаврилович рассказывал еще в крепости о предательской роли Всеволода Костомарова. Михаил Николаевич принял сам активное участие в выяснении этого подлога, проделав с помощью фотографии работу криминалиста над подложным письмом, которое впервые было обнаружено М. К. Лемке и приведено в виде факсимиле в его обширной статье о деле Чернышевского в журнале «Былое» за 1906 г. «Я фотографировал его,—рассказывал М. Н. Чернышевский об этом документе,—я сличал букву за буквой и штрих за штрихом. Позднейшие исследователи, утверждающие его подложность, совершенно правы. Они совершенно правы и в определении гнусной роли Всеволода Костомарова в деле моего отца»².

После Октябрьской революции Центрархив провел научную экспертизу над подложными документами в деле Чернышевского (записка и письмо, составленные Костомаровым) и данные этой экспертизы были не только опубликованы³, но и послужили экспонатами для выставки, открытой в здании Центрархива в Москве к 100-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского. Тогда же подлог был доказан самым наглядным образом путем сличения почерков, увеличенных в двадцатикратном размере. Тут же были представлены доказательства подлога и из обширной записки Чернышевского

¹ Доклад М. Ключкова был напечатан в 9 и 10 книжках «Исторического вестника», 1912 г. О выступлениях на этом собрании см. «Русская молва», 1912, 11 дек.; «День», 1912, 14 дек.; «Одесские новости», 1912, 18 дек.

² Эта беседа с М. Н. Чернышевским была опубликована А. Измайловым в «Русском слове», 1909, 17 октября («Около великой тени»).

³ См. «Красный архив», 1927, т. 25, стр. 152—159.

1863 г. Позднее не раз приходилось рассказывать музейным посетителям об этой научной экспертизе при показе подложных документов в витрине музея.

Работа Михаила Николаевича была первым шагом в этом направлении и не может быть предана забвению вместе с «Русским словом» и критиком Измайловым.

**

На основе рукописных коллекций и личных вещей Н. Г. Чернышевского, собранных его сыном, был создан уголок Н. Г. Чернышевского в Академии наук. Они были переданы туда вследствие запрещения хранить в частных руках наследие борцов с царизмом. О том, что «от М. Н. Чернышевского поступило собрание бумаг и реликвий его отца Н. Г. Чернышевского» глухо упоминала газета «Россия»¹.

Реакционная печать отнеслась к этому уголку, как к источнику революционной «заразы».

«Революционные уголки тщательно устраивает императорская Академия наук, собирая все предметы, касающиеся выдающихся революционеров,—вопила столичная газета.— Так, профессор Чернышевский, виновник несчастий нескольких тысяч соблазненных им романом «Что делать?» молодежи, удостоился особого внимания Академии наук, хранящей даже его старые перчатки. Собрал для академии эти вещи сын Чернышевского, прославившийся в 1905 году потворством революционному движению на новозыбковском подъездном пути, членом правления коего он состоял»².

Если сопоставить дату появления этой заметки (16 сентября) и дату повестки от мирового судьи о назначении описи имущества М. Н. Чернышевского на 28 сентября за долги по изданию сочинений отца, то комментарии, как говорится, излишни.

Научная и издательская деятельность

24 декабря 1904 г., после запрета имени Н. Г. Чернышевского в печати, длившегося около 50 лет, его сыну, наконец, было разрешено издание полного собрания сочинений великого революционного демократа с указанием имени автора и «с соблюдением общих цензурных правил»³.

Еще раньше М. Н. Чернышевскому и А. Н. Пыпину уда-

¹ Академия наук в 1909 г. «Россия», 1910, 1 янв.

² «Гроза», 1911, 16 сентября, № 211.

³ Чернышевский М. Н. Повесть о том, как М. Н. Чернышевский издавал Н. Г. Чернышевского... ЦГАЛИ, ф. № 1, оп. 2, ед. хр. 212, 130 л. В дальнейшем история издания излагается по этому документу.

валось добиться издания частичных разрозненных анонимных однотомников. Теперь А. Н. Пыпина не было в живых. Михаил Николаевич взял на себя труд подготовки к печати сочинений отца, руководствуясь списками, сохранившимися в архиве А. Н. Пыпина. Под руками М. Н. Чернышевского находилось богатое собрание рукописей и корректур 60-х годов, сохранявшихся в кабинете А. Н. Пыпина после ареста Н. Г. Чернышевского. По-видимому, они были переданы ему Некрасовым из редакции или типографии «Современника» после закрытия журнала. Теперь М. Н. Чернышевскому было разрешено опубликовать литературное наследие его отца только по текстам «Современника». Удалось присоединить дневник 1853 г. и произведения, написанные в Сибири.

Ближайшими сотрудниками, помощниками и консультантами М. Н. Чернышевского в этом деле были: В. А. Пыпина, проф. С. А. Венгеров, М. К. Лемке и другие. Особенно действительную помощь оказывал М. К. Лемке, заведовавший тогда книжным складом Стасюлевича. Это был человек железной воли и непоколебимой революционной стойкости. В 1905 году, добившись доступа к сенатскому архиву, он приступил к работе над материалами по изучению процессов М. Л. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского. В этот период у М. К. Лемке было тесное общение с Михаилом Николаевичем и постоянные встречи и беседы, связанные с шестидесятью годами. В лице Лемке к наследию Чернышевского подошел представитель социал-демократической партии большевиков. Был вскрыт огромный архив, лежавший под спудом, сделаны достоянием гласности те документы, которые до тех пор только в небольшой своей части были известны по нелегальным заграничным публикациям: о подлоге в деле Чернышевского, о предательской роли Всеволода Костомарова, о привлечении подкупленных свидетелей, о гражданской казни Н. Г. Чернышевского.

Таким образом, подготовка издания полного собрания сочинений великого революционного демократа его сыном шла параллельно с опубликованием материалов из его революционной биографии в статьях и книгах М. К. Лемке. Первая русская революция дала возможность после долгого молчания заново ознакомиться с жизнью и деятельностью вождя революционной демократии и его судьбой. В бурной обстановке 1905 года эти два факта явились крупным событием в истории русской революционной культуры.

К началу 1905 года у М. Н. Чернышевского был подготовлен почти весь материал для полного собрания сочинений. «Но все-таки, — пишет он, — я не мог тотчас приступить к нему: надо было произвести окончательную систематизацию и разбórку <...> на все это пошло несколько месяцев, а пока я решил выпустить отдельными томами «Статьи по крестьянскому

вопросу» и «Что делать?». Успех «Что делать?» был поразительный: в две недели разошлось все издание в 10.000 экз., т. е. летом того же года я выпустил 2-е издание также в количестве 10 тысяч экз., которое было распродано в течение года». Как видно из документов Михаила Николаевича, хранящихся ныне в Москве, работа над печатанием «Что делать?» проходила между 19 января и 27 мая 1905 года. Сюда относятся счета, квитанции, расписки по расчету с обществом писчебумажных фабрик Паллизена и с типографией Тиханова.

Мария Моисеевна Эссен в своих воспоминаниях под названием «Встречи с В. И. Лениным накануне и в дни первой русской революции» рассказывает о том, что в этот период Владимир Ильич на прогулке или за вечерним чаем «любил поговорить о литературе, о своих любимых писателях: Щедрине, Некрасове, Чернышевском, особенно о последнем». «Чернышевского,—пишет Эссен,—Ленин считал не только великим ученым, передовым мыслителем, но и крупным художником, создавшим замечательные образы настоящих революционеров, мужественных, бесстрашных борцов типа Рахметова... «Я роман «Что делать?» перечитал за одно лето раз пять, находя каждый раз в этом произведении все новые волнующие мысли», — передает М. Эссен отзыв В. И. Ленина¹.

После выхода в свет «Что делать?» Михаил Николаевич Чернышевский стал готовить по «Современнику» полное собрание сочинений своего отца. Из записок М. Н. Чернышевского видно, какую энергию пришлось развить ему для осуществления такой грандиозной задачи. «При громадном объеме издания ясно было уже с самого начала, что одна типография не могла бы справиться и должна была бы печатать его в течение нескольких лет», — пишет Михаил Николаевич. Поэтому он обратился к четырем типографиям. 26 июля 1905 года был сдан в печать материал для первой книжки— VII тома полного собрания.

Работа шла с большим напряжением, в вихре событий разворачивавшегося революционного движения. В связи с забастовками на железной дороге нельзя было правильно спланировать ее. Портрет Н. Г. Чернышевского, заказанный в Праге, для первой книжки не дошел вовремя вследствие забастовки на австрийских железных дорогах. «О правильном ходе работ в типографиях и думать было нечего. Мне предстояло или бросить всю мою работу, или употребить все силы к скорейшему ее окончанию. Я выбрал последнее», — пишет Михаил Николаевич. Задача его осложнялась тем, что как раз в это время шла разборка архива недавно скончавшегося А. Н. Пыпина, который хранил у себя сибирские ру-

¹ «Вопросы истории», 1955, № 1, стр. 28.

кописи Чернышевского. Их пришлось на ходу включить в издание. Получился целый том; в то время, как шла подписка на 10 томов, их оказалось 11. Пришлось сделать два десятых тома, выпустить их двумя частями. На подмогу была привлечена пятая типография.

«Я хотел во что бы то ни стало кончить все издание к 17 октября (годовщине смерти моего отца), поэтому последнюю книжку разделил между четырьмя типографиями. Этот том вышел 17 октября 1906 года, а 19 октября вышла и последняя книжка (том II), и все издание было закончено. Оно заключало в себе 470 печатных листов. При работе шести типографий оказалось возможным кончить все в один год», — читаем мы в записках Михаила Николаевича.

«Для желающих иметь более наглядное представление о том, какой объем и вообще какие размеры имеет это издание, могу сказать, что в 10 000 экземпляров нахбдится 110 000 книг весом 5500 пудов. Если все книги положить рядом, корешок в корешок, то получится сплошная линия в 2½ версты, а если положить книги плашмя, одну за другую, то получится сплошная линия в 27½ верст», — говорится в записках издателя.

О значении этого издания не приходится говорить. Во все-российском масштабе на него отозвалась русская печать. До 1905 года с сочинениями Чернышевского можно было знакомиться только по старому, затерянному и запрещенному «Современнику», по ставшим библиографической редкостью нелегальным заграничным изданиям Элпидина и Лаврова, да по анонимным книжкам, изданным в 90-х годах сыном Чернышевского, где отсутствовали экономические работы, политические обозрения и сибирские произведения (в частности роман «Пролог», не говоря уже о романе «Что делать?», который был подпольным, запрещенным и в то же время любимым чтением борцов с самодержавием).

«Вы не можете себе представить, — писал через 20 лет старый большевик проф. Н. А. Алексеев, — с какой радостью я встречал каждый том сочинений Н. Г., когда после революции 1905 г. Ваш отец предпринял первое издание его произведений»¹.

Реакция, наступившая вслед за подъемом революционного движения 1905 г., сказалась на судьбе полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского. В 1907 году Михаил Николаевич пишет отчаянное письмо Н. Я. Николадзе, в котором подробно рассказывает о безвыходном положении с изданием. «Стоило оно громадных денег, делалось, конечно, в кредит, и когда наступили сроки платежей, то оказалось, что ожидаемые доходы далеко не оправдали надежд и платить почти

¹ Письмо к Н. М. Чернышевской от 1 ноября 1925 г.

нечем. Впрочем, нельзя сказать, что нечем, но не в таком количестве, какое нужно для покрытия расходов. Приходится переписывать векселя, но не знаю, как долго это может продолжиться... Со времени выхода первой книги прошло теперь 1½ года. За это время я выплатил 25 000 р., но еще долгу остается больше 40 000 р., с которыми я не знаю теперь, что делать, так как продажа затихает, а платежи должны производиться безостановочно. Хлопочу о продаже всего издания, но пока безуспешно. Быть может, Вы не посоветуете ли, к кому обратиться? Был бы очень признателен Вам за добрые указания, которые помогли бы спасти издание от продажи с аукционного торга. Просто даже подумать страшно! И не с материальной только стороны, а с нравственной, принципиальной, идейной: Чернышевский — и вдруг продается за бесценок, как какой-нибудь хлам!»¹.

18 ноября 1909 г. в «Ведомостях С.-Петербургского градоначальства» появилось объявление следующего содержания:

«Судебный пристав С.-Петербургского Окружного суда Гладкий жит<ельствующий> Петербургской части, 2 участка, по Ораниенбаумской ул., д. № 3, на основании 1030 ст. Уст. Гражд. Судопр. объявляет, что двадцать шестого ноября 1909 г., с 10 часов утра, Ал<ексandro>-Невской части, 3 участка, по Забалканскому пр., в доме под № 75-б, в складах Безопасность будет продаваться движимое имущество Михаила Николаевича Чернышевского, состоящее из 1000 экземпляров полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского и оцененное для торгов в 1000 руб.».

Таким способом кредиторы хотели рассчитаться с сыном Чернышевского как с безнадежным должником. Только ценой отчаянных хлопот Михаилу Николаевичу удалось спасти издание и избавиться от тюрьмы. На помощь пришли друзья, собравшие для уплаты мировому судье требуемому сумму.

Торги не состоялись.

Первым помог в этом А. А. Захарьин. В день аукциона он предъявил ко взысканию свой вексель. Это не устраивало мирового судью Хрынова и его друга судебного пристава, т. к. сумма аукциона теперь должна была быть значительно уменьшена: ведь комплект был оценен в 2 рубля вместо 18-ти, ожидалось 2 тысячи на двоих. Такая ситуация облегчила переговоры о замене аукциона взяткой.

¹ «Письма русских литературно-общественных деятелей к Н. Я. Николадзе». Изд. «Заря Востока», Тбилиси, 1949, стр. 48—49.

В примечаниях к этому письму указывается, что Н. Я. Николадзе «накануне торгов помог Михаилу Николаевичу выкупить все издание» (стр. 80). На самом деле было не так: торги все-таки должны были состояться через два года.

Большую роль в драме, разыгравшейся с изданием, сыграла прежде всего историческая обстановка. В условиях политической реакции сыну Чернышевского трудно было рассчитывать на успех распродажи сочинений отца. Но нельзя также сказать, что за Чернышевского не боролись прогрессивные силы русского общества. При чтении записок М. Н. Чернышевского, в которых он рассказывает о беде с изданием, обрушившейся на его голову в 1907—1908 гг., перед читателем встает ясная картина борьбы двух начал: реакционного и революционного. С одной стороны—мы видим типичную фигуру прожженного спекулянта книгопродавца Карбасникова, действующего совместно с мировым судьей Хрыновым и судебным приставом Гладким; мы видим, как отражается на служебном положении сына Чернышевского его издательская деятельность, как начальство позволяет себе по отношению к нему грубые окрики и угрожает увольнением со службы; арест на жалованье налагается несколько раз. Грозит опись имущества и тюрьма за неплатеж долгов. Карбасников запутывает М. Н. Чернышевского в свои сети, беря на себя преобладающее количество векселей и переписывая их на мирового судью Хрынова, а последний ставит вопрос о судебном вмешательстве и о продаже книг с аукциона. И суды, и третейское разбирательство,—все нашло себе место вокруг сочинений писателя-революционера. Карбасников, которого М. Н. Чернышевский называет в своих записках «волком в овечьей шкуре», распродал собрание сочинений Н. Г. Чернышевского разрозненными томами, что обесценивало весь одиннадцатитомный комплект и вводило М. Н. Чернышевского в новую нищету.

Карбасников с нарочитой небрежностью вел денежные дела по продаже издания: взял его к себе на склад, не выдав комиссионных квитанций, а на просьбы М. Н. Чернышевского об отчете в суммах за проданные книги ограничивался просто выдачей ему все уменьшающихся подачек.

Союзниками М. Н. Чернышевского в борьбе против манипуляций Карбасникова были М. К. Лемке, М. Ф. Волькенштейн, Н. Я. Николадзе и, наконец,—В. Д. Бонч-Бруевич. Пусть в условиях царского режима им не удалось полностью облегчить Михаилу Николаевичу его трудное положение, но они сделали все, что могли, и для моральной его поддержки, и для спасения его семьи от грозившей нищеты, от описи имущества. Семья жила в постоянных материальных лишениях. Особенно тяжела была моральная угнетенность, наложившая свой отпечаток на семейные взаимоотношения. И все же видели мы детьми и просветление на лице отца, особенно после заключения договоренности с В. Д. Бонч-Бруевичем. Окончательное же спасение принесла с собою только Великая Октябрьская революция.

Вернемся к 1907 — 1908 годам.

М. Н. Чернышевский приехал к М. К. Лемке и рассказал ему, что запутался в долгах по изданию. Лемке, «по-видимому, горячо принял к сердцу мое положение и хотел переговорить с Вольфом и Нивою и написать Сытину», — пишет М. Н. Чернышевский.

Лемке действительно вел переговоры о продаже всего издания, но они остались безрезультатными. Так, например, Вольф был уже предупрежден Карбасниковым, который уверил его в полной безнадежности издания для того, чтобы самому скупить издание по 2 рубля за экземпляр в 11 томов вместо 18 рублей.

В 1907 г. в делах Михаила Николаевича принял участие передовой присяжный поверенный Михаил Филиппович Волькенштейн. Он взял на себя переговоры с кредиторами и мужественно боролся за то, чтобы спасти сына Чернышевского от тюрьмы, от описи имущества. Достаточно упомянуть, что за время с 1910 по 1914 г. пришлось выдержать более десяти собраний тринадцати кредиторов, от которых зависела судьба издания Н. Г. Чернышевского и его сына. Постоянные повестки — вызовы к мировому судье, постоянные угрозы описи имущества и связанные с этим хождения Михаила Николаевича по отдельным истцам с упрашиванием о переписке векселей с новыми процентами — вот что было уделом сына, дерзнувшего издать наследие своего отца. Дела по службе также находились в неважном состоянии. Из правления Бугульминской железной дороги Михаила Николаевича «выставили», по его выражению; не разрешили замещать умершего сослуживца в Правлении Рязанско-Уральской дороги, когда он попросил об этом. К просьбам о прибавке жалованья, о пособии для лечения начальник департамента Гиацинтов отнесся не только сухо, но с издевкой. «Крах, капут, отчаянное состояние духа». Эти короткие слова встречаются в деловых записных книжках и календарях М. Н. Чернышевского, бившегося, как рыба об лед.

Облегчение наступило тогда, когда на помощь пришла партия большевиков. В 1914 году М. Н. Чернышевский заключил с В. Д. Бонч-Бруевичем, организовавшим издательство «Жизнь и знание», соглашение на продажу сочинений Н. Г. Чернышевского в этом складе. Совместное сотрудничество по продаже книг продолжалось до самой Октябрьской революции. Издательство «Жизнь и знание», организованное по совету В. И. Ленина, было тесно связано с подпольной деятельностью большевиков и в то же время выпускало легальную литературу в целях конспирации.

В. Д. Бонч-Бруевич перевез комплекты полного собрания сочинений Чернышевского в склад и активно их распростра-

нял¹. Это было в период, когда после ленинских событий по всей стране начался быстрый подъем революционных настроений; когда «Правда» приветствовала появление в свет впервые опубликованной сибирской переписки Н. Г. Чернышевского. Она писала: «Рабочая демократия должна вновь поставить Чернышевского на принадлежащее ему по праву место. Нужно сделать изучение произведений его доступным для широких масс, нужно, чтобы каждый знал о его светлых мыслях, горячем сердце и тяжелой доле. Нужно, чтобы молодая российская демократия знала и навсегда запомнила, за что погиб Чернышевский в холодных тундрах далекой Сибири»².

После передачи книг из склада Карбасникова в склад Бонч-Бруевича распространение сочинений Н. Г. Чернышевского приняло оживленный характер, прекратились повестки от мировых судей, затихли телефонные звонки кредиторов.

О деловых сношениях с В. Д. Бонч-Бруевичем упоминается много раз в записных книжках и календарях М. Н. Чернышевского с 1 февраля 1914 по 1916 г.

В. Д. Бонч-Бруевич говорит в своей переписке о М. Н. Чернышевском. Он причисляет Михаила Николаевича к прогрессивным издателям царского времени, которые «вкладывали не только свои средства, но и свою душу» в это дело и обогащали наши библиотеки ценными материалами, не отвлекая для себя никакой прибыли³. В. Д. Бонч-Бруевич отзывался о М. Н. Чернышевском с большим уважением: «Он так много сделал для собрания сочинений Николая Гавриловича, что наша литература, полная великого почитания к мученикам русской литературы и общественности, не может не относиться самым почтительным образом не только к самому Н. Г. Чернышевскому, но и к его сыну...»⁴.

¹ В 1902 г. два ящика с «Современником» и на них четыре с книжкой о Пушкине лежали в чулане на квартире у М. Н. Чернышевского. До 1915 г. комплекты полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского также находились в этом чулане после изъятия их из склада Карбасникова. Перевозка в склад В. Д. Бонч-Бруевича происходила с 24 февраля до 2 марта 1915 г. Всего для этого потребовалось пятьдесят два воза. Возили по 11, 12, 13 лошадей в день. (Записные книжки М. Н. Чернышевского. ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 230, л. 113—114).

² «Рабочая правда», 1913, 1 августа, № 17.

³ Письмо от 14 октября 1946 г. (архив Н. М. Чернышевской).

⁴ Письмо от 25 апреля 1928 г. (архив Н. М. Чернышевской).

Л. В. ДОМАНОВСКИЙ

К САРАТОВСКИМ ВЗАИМООТНОШЕНИЯМ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И Н. И. КОСТОМАРОВА

(Из истории «саратовского кружка»)

Из саратовского периода жизни Н. Г. Чернышевского наиболее изучена его педагогическая деятельность в гимназии в 1851—1853 годах. Эта работа имела для Чернышевского важное значение. Он на практике осуществил и развил дальше педагогические взгляды В. Г. Белинского, подчинил дело преподавания воспитанию гражданина, борца с крепостным строем. Его преподавание неразрывно связано с последующей журнальной деятельностью в «Современнике». У бывших учеников Чернышевского, по словам одного биографа, «создалось впечатление будто он и тогда, прежде, в беседах с ними, определенно высказывался по поводу современных тогдашних политических и социальных вопросов»¹. В дневнике 21 февраля 1853 года Чернышевский отмечал: «Я делаю здесь такие вещи, которые пахнут каторгою—я такие вещи говорю в классе»².

Революционная направленность преподавания молодого учителя не укрылась от глаз школьного начальства, вызывала к себе настороженность, а затем открытую вражду. Ученики Чернышевского в дальнейшем во многом способствовали распространению его идей в студенческой среде. Традиции Чернышевского продолжали жить и в самой саратовской гимназии. В 1862 году они проявились в форме гимназических беспорядков, несколько позднее—в организации рево-

¹ Евг. Ляцкий. Чернышевский—учитель. (Из биографических очерков и по семейному архиву). «Современник», 1912, № 6, стр. 362—363.

² Н. Г. Чернышевский. ПСС., т. I, М., 1939, стр. 418.

(В дальнейшем—ссылки в тексте, указывается том и страница).

люционных кружков, в которых принимали участие местные гимназисты и учителя¹.

Жизнь Н. Г. Чернышевского в Саратове не ограничивалась одними только педагогическими интересами и взаимоотношениями с учениками. Помимо преподавания, он вел большую научную работу, готовясь к защите магистерской диссертации, а также принимал деятельное участие в духовной жизни саратовской интеллигенции. В результате этого общения вокруг Чернышевского сложился более или менее постоянный и определенный по составу участников кружок. В него входили такие лица, как сосланный в Саратов по делу Кирилло-Мефодиевского общества историк Н. И. Костомаров, вдова сенатского чиновника А. Н. Пасхалова, учитель гимназии Е. А. Белов, ссыльный поляк И. Мелантович и другие. Сложившийся при Чернышевском кружок продолжал существовать и после его отъезда в Петербург, объединяя передовую саратовскую интеллигенцию.

Характер «саратовского кружка», его интересы, взгляды участников, их взаимоотношения с Чернышевским до сих пор мало изучены. Кружок никогда не был оформлен организационно, не имел программы, встречи участников в большинстве носили случайный, «приятельский» характер. По-видимому, эта особенность кружка и является причиной его неизученности. Не способствуют изучению «саратовского кружка» и отдельные, весьма немногочисленные воспоминания его участников—Н. И. Костомарова, Е. А. Белова и других. Они были написаны в годы резкого размежевания со взглядами Чернышевского, иногда с целью оправдания своих связей с ним. Поэтому в них часто сознательно искажается подлинная картина многообразных интересов Чернышевского в этот период, замалчивается влияние его взглядов на участников кружка, не говорится о выдвинутых перед ними новых темах историко-литературных исследований.

Последнее обстоятельство недостаточно учитывается многими советскими исследователями жизни и творчества Н. Г. Чернышевского. Так, зная о последующей эволюции Н. И. Костомарова, о его либеральных взглядах, Н. Ф. Бельчиков («Н. Г. Чернышевский», 1946) и Н. Н. Разумовский («Педагогические идеи Н. Г. Чернышевского», 1948) вообще избегают разговора о саратовских взаимоотношениях Чернышевского и Костомарова. Они лишь бегло замечают, что между ними «дружбы не было». Такой же точки зрения в данном вопросе придерживается Е. И. Покусаев. «... Следует заметить, — говорит он, — что ни с кем из саратовских знако-

¹ См., И. Ракитникова. Памяти Ф. А. Борисова. «Каторга и ссылка», 1929, № 4 (53); В. Сушицкий. Из истории революционной деятельности А. Х. Христофорова в Саратове. «Каторга и ссылка», 1924, № 6 (13).

мых Чернышевский близко не сошелся. Даже опальный историк Костомаров вследствие своей религиозности и чисто либеральных взглядов в политике, был идейно чужд Чернышевскому»¹

Среди саратовской интеллигенции, конечно, не было прямых единомышленников Чернышевского, таких же, как и он, последовательных и стойких революционеров. Но среди них были люди, к которым Чернышевский, несмотря на различие взглядов, относился дружески, глубоко ценил и уважал их. Чернышевский не жалел труда и времени, чтобы помочь развернуться их силам, сделать их деятельность полезной для общества. Близкое участие Чернышевский принял в судьбе А. Н. Пасхаловой. Он привлек ее к словарной работе такого же типа, какой был сам занят в это время. Определенную и весьма значительную роль сыграл Чернышевский в деле собирания Пасхаловой и Костомаровым саратовских народных песен². Положительное воздействие оказал Чернышевский на формирование научных интересов и демократических устремлений Е. А. Белова³. По его инициативе Белов принял участие в переводе «Истории восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения французской империи» Ф. К. Шлоссера. Близость Белова к Чернышевскому не укрылась от попечителя Казанского учебного округа Шестакова, обследовавшего саратовскую гимназию в 1866 году. В своем донесении он писал: «Вместе и в одном направлении с Чернышевским, имевшим по общему отзыву особенно сильное и вредное влияние на учеников и даже на многих своих сослуживцев, действовал гораздо менее даровитый, но столько же либеральный учитель географии Белов...»⁴. Как и многие участники «саратовского кружка», Белов никогда полностью не разделял революционно-демократических воззрений Чернышевского.

Н. Г. Чернышевский явился инициатором не только перевода «Истории» Шлоссера, но и целого ряда оригинальных исторических исследований. Не случайно их авторами часто были или участники «саратовского кружка» (Е. А. Белов, Н. И. Костомаров) или лица, близко связанные с Чернышевским (напр., А. Н. Пыпин, Д. Л. Мордовцев и др.). Некоторые работы принадлежат ученикам Чернышевского. Так, А. Г. Тихменев (окончил гимназию в 1852 году) опубликовал

¹ Е. И. Покусаев. Николай Гаврилович Чернышевский. Очерк жизни и деятельности. Учпедгиз, М., 1960, стр. 35.

² Подробнее в нашей статье: «А. Н. Пасхалова и ее «Сборник саратовских народных песен» (1852—1853). «Русский фольклор», т. VII (в печати).

³ Г. Н. Антонова. Е. А. Белов. В кн.: «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников», т. I, Саратовское кн. изд-во, 1958, стр. 161.

⁴ «Н. Г. Чернышевский. Труды научной сессии к пятидесятилетию со дня смерти». Л., 1941, стр. 138—140.

летом 1853 года в «Саратовских губернских ведомостях» статью под характерным названием «О важности изучения народности вообще и в Саратовской губернии в особенности». Эта статья, несомненно, отражает определенный круг интересов и взглядов самого Чернышевского в саратовский период.

Вопрос о взаимоотношениях Чернышевского с участниками «саратовского кружка» должен изучаться в строго исторической последовательности, в связи с развитием взглядов как самого Чернышевского, так и с ходом общественного движения 50—60-х годов XIX века. В такой же последовательности необходимо исследовать деятельность, тематику и направление научных работ участников «саратовского» кружка». Особенно важно, привлекая дополнительные материалы, выяснить характер взаимоотношений Чернышевского в Саратове с талантливым русским историком Н. И. Костомаровым, труды которого он высоко ценил до конца своей жизни.

В настоящей статье рассматривается лишь небольшой круг вопросов, связанных с ролью Н. Г. Чернышевского в замысле и создании Н. И. Костомаровым «Бунта Стеньки Разина». Это наиболее яркое и значительное произведение историка. Оно привлекло внимание К. Маркса, составившего подробный конспект книги¹.

Для изучения взглядов Н. Г. Чернышевского в саратовский период, наряду с дневниками, свидетельствами мемуаристов, большое значение имеют статьи и рецензии, написанные им вскоре после возвращения из Саратова в Петербург в мае 1853 года. По ним видно, что его особенно занимали исторические события, отмеченные повышенной активностью народных масс, попытками народа освободить себя от феодально-крепостнического гнета.

Еще в Петербурге, в год окончания университета, Чернышевский, анализируя современное положение крестьянства, пришел к выводу о необходимости революционной борьбы против угнетателей. Такая борьба, думает он, если она и не сразу увенчается успехом,—хорошая школа, она учит и просвещает сознание масс. Только в ней, записывает он в дневнике 20 января 1850 года, «угнетаемые сознают, что они угнетаемы при настоящем порядке вещей, но что может быть другой порядок вещей, при котором они не будут угнетаемы; поймут, что их угнетает не бог, а люди; что нет им надежды ни на правосудие, ни на что, и между угнетателями их нет людей, стоящих за них; а теперь они самого главного из

¹ См. К. Маркс, Стенька Разин. Под ред. и с предисловием Д. Рязанова. «Молодая гвардия», 1926, № 1, стр. 104—125.

этих угнетателей считают своим защитником, считают святым» (I, 356). Ссылаясь на опыт крестьянских революций, Чернышевский далее замечает: «Человек..., умеющий судить о будущем по прошлому и благословляющий известные эпохи прошедшего, несмотря на все зло, какое сначала принесли они, не может утрашиться этого; он знает, что иного и нельзя ожидать от людей, что мирное, тихое развитие невозможно... Без конвульсий нет никогда ни одного шага вперед в истории» (I, 357).

Изучение положения саратовского крестьянства давало Чернышевскому новый конкретный материал для подтверждения его взглядов. «Неудовольствие народа против правительства, налогов, чиновников, помещиков все растет,—отмечает он в разговоре с невестой Ольгой Сократовной 19 февраля 1853 года.—Нужно только одну искру, чтобы поджечь все это. Вместе с тем растет и число людей из образованного кружка, враждебных против настоящего порядка вещей. Вот готова и искра, которая должна зажечь этот пожар. Сомнение одно—когда это вспыхнет? Может быть, лет через десять, но я думаю, скорее» (I, 418).

В этих условиях подготовки и назревания революции Чернышевский считает особенно важным изучение внутренней стороны жизни народа, освещение опыта его прошлой борьбы. Эти требования он выдвигает уже в первых своих статьях. В 1854 году в рецензии на книгу П. Медовикова «Историческое значение царствования Алексея Михайловича» он отмечает: «Разработка русской истории, точно так же, как и разработка истории русской литературы, только что начинается <...> очень многие из важнейших вопросов остаются еще нетронутыми, особенно должно сказать это о вопросах внутренней истории жизни русского народа» (II, 410). «Нравы народа,—объясняет он в другой статье,—образ его жизни, житейских понятий и привычек, с одной стороны, с другой — статистические данные представляют лучшее мерило для оценки достоинств и недостатков разных направлений цивилизации» (II, 615—616). Особенно ценными Чернышевский считает разыскания о периоде Московского царства, о петровской эпохе, освещение событий 1812 года, знание которых необходимо «для понимания новейшей нашей истории» (II, 380). Он указывает, что истинная цель истории — «служить истолковательницею настоящего» (там же). Чернышевский требует от науки, в том числе и от филологии, разработки злободневных проблем. Он выступает с критикой преувеличенных заслуг исторической филологии, занятой исключительно проблемами доисторического прошлого. «Для филологических исследователей, во главе которых стоит Grimm,—пишет он в 1854 году, имея в виду прежде всего Буслаева,—старина важна потому, что она старина. А наука должна

быть служительницей человека. Чем более может она иметь влияния на жизнь, тем она важнее. Неприложимая к жизни наука достойна занимать собою только схоластиков» (II, 373—374).

То, о чем Чернышевский вынужден был писать полунамеками, он совершенно открыто обсуждал в нескончаемых учебных беседах с сосланным в Саратов историком Н. И. Костомаровым, а также и с другими участниками «саратовского кружка». «Само собою понятно,—писал Чернышевский в заметках о Некрасове,—что в разговорах я имел возможность высказывать мое мнение полнее, нежели в печати» (I, 747). В написанном летом 1853 года письме Н. И. Костомарову Чернышевский, рассказывая об изменениях в столице, с грустью замечает: «Часто приходится вспоминать с сожалением о тех одушевленных разговорах, которые, бывало, вел я в беседе с вами. С сожалением вспоминаю о них, толкуя о городских новостях, о департаментских и корпусных дрязгах с петербургскими своими друзьями. Апатия в Петербурге достигла черзвычайно высокой степени развития; нельзя узнать тех людей, которых я знал два года назад. Прежнего осталось в них одни только имена. Петербург решительно отстал от провинции» (XV, 905).

Это письмо убедительно свидетельствует о том, что в ряде вопросов научного и общественного характера Чернышевский и Костомаров придерживались единых точек зрения. Можно считать, что в это время у них был общий взгляд на направление современной литературной критики, на задачи науки, оба стояли за тесную ее связь с действительностью. В качестве примера «перемены, происшедшей во всех областях умственной жизни», Чернышевский в письме указывает как раз на изменения в области литературной критики: «Она обратилась в чистую библиографию. Место Белинского занимают теперь Геннади и Тихонравов, знающие наизусть Сопикова и смирдинский каталог с тремя прибавлениями... Эти господа с презрением смотрят на прежние стремления людей, занимавшихся критикой, как средством распространения человеческого взгляда на вещи» (там же).

В своих воспоминаниях о Костомарове Чернышевский рассказывает: «Мы виделись очень часто, временами по целым месяцам каждый день, и почти каждый день просиживали вместе... Мой образ мыслей был в начале моего знакомства с ним уж довольно давно установившимся. И его образ мыслей я нашел тоже уж твердым» (I, 776). Касаясь взглядов Костомарова, Чернышевский далее говорит: «Обо многом судил он, по моему мнению, или совершенно правильно, или несравненно правильнее, чем большинство тогдашних русских ученых» (I, 777).

Особенно привлекал Чернышевского провозглашенный

Костомаровым новый принцип подхода к истории, как истории народа, массы, прежде всего, а не деятельности отдельных выдающихся личностей и учреждений. В своих исторических работах Костомаров стремился проникнуть в думы и характер народных масс, хотя часто истолковывал их с романтической и либеральной точки зрения. В магистерской диссертации «Об историческом значении русской народной поэзии» (1843) он показал, каким богатым источником для историка служит народная поэзия для познания духовной, исторической и общественной жизни народа. «Народная поэзия,— писал он в ней,—имеет преимущество перед всеми сочинениями: песня выражает чувства не выученные, движения души не притворные, понятия не занятые. Народ в ней является таким, каков есть: песня—истина»¹. В диссертации, при всем ее положительном значении, имелись и ошибочные тенденции, характерные для украинского романтизма, встретившие резкую критику Белинского—любование средневековьем, провозглашение религиозности как самой характерной черты народа (учение о «символике»), отсутствие дифференцированного подхода к народу (учение о «народном характере»), идеалистическое представление о творчестве как бессознательном акте, об историческом процессе как повторении прошедшего в настоящем и т. д.

Свои романтические и либеральные установки Костомаров никогда полностью не смог преодолеть. Они влекли его в ряды украинских националистов и русских славянофилов². Нечто родственное славянофилам было уже в его излюбленной идее о федерации всех славянских племен, вызывавшей решительный отпор у Чернышевского. «Эта федерация была бы, как мне казалось тогда (и кажется теперь),—писал Чернышевский в 1885 году,—вредна для всей Европы и в частности гибельна для каждого из славянских племен» (I, 776). Политический смысл своих споров с Костомаровым по славянскому вопросу, а также отношение к этой проблеме революционной демократии Чернышевский раскрыл позднее в целом ряде статей, опубликованных в «Современнике»: «Народная бестолковость», «Самозванные старейшины», в обзоре в «Политика» за июль 1859 г. (VI, 295—323) и декабрь 1860 г. (VIII, 373—379).

Ежедневно общаясь, Чернышевский скоро понял, что Костомаров по своему характеру и своим взглядам не способен принять непосредственное участие в революционном перевороте. «Он слишком благороден, поэтичен; его испугает грязь,

¹ Николай Костомаров. Об историческом значении русской народной поэзии. Харьков, 1843, стр. 10.

² См. Н. Костомаров. О значении в обработке русской истории трудов Константина Аксакова. «Русское слово», 1861, № 2.

резня...»—передавал Чернышевский о Костомарове свои наблюдения невесте, раскрывая перед ней взгляды и надежды на скорую революцию в России (I, 419). Однако это не мешало ему ценить ссыльного историка за многие положительные стороны его научных воззрений — «честный образ мыслей» и быть к нему расположенным.

Живой обмен мнениями, споры, обсуждение важнейших вопросов современности нельзя рассматривать как обычное препровождение времени двух образованных людей. Беседы не прошли бесследно ни для Костомарова, ни для Чернышевского. Их ценность отмечал сам Чернышевский. В письме к И. И. Срезневскому от 16 ноября 1851 года, рассказывая о причинах замедления работы над словарем к Ипатьевской летописи, он писал: «Есть одно обстоятельство..., Измаил Иванович,—это знакомство с Николаем Ивановичем, оно отнимает у меня довольно много времени, которого я, однако, не назову ни в коем случае потерянным... Я тотчас же по приезде своем в Саратов поспешил быть у него; я нашел в нем человека, к которому не мог не привязаться; он, естественно, в Саратове очень тоскует...» (XIV, 220).

Из этого же письма видно, что Чернышевский был в курсе научных занятий и планов Костомарова. Он подробно обсуждал с ним его работы по истории Малороссии, поддерживал стремление заняться историей Ивана Грозного и убедительно просил Срезневского высказать необходимые для этого книги Костомарову. В числе этих книг он просил: Арндта «Lifländische Chronik», Кельха «Historie des Lieflands» и «особенно Флетчера». «Подлинник Флетчера,—писал он,—очень, кажется, редок; но перевод Бодянского, я думаю, есть в Петербурге» (XIV, 221). Книга Флетчера «On the Russian Common Wealth», изданная в конце XVI века в Лондоне, долгое время была запретной в России. В 1848 году О. Бодянский напечатал в редактируемых им «Чтениях общества истории и древностей российских» перевод работы Флетчера. Однако книга «Чтений», в которой был помещен этот перевод, была конфискована, а сам Бодянский подвергся преследованиям и был временно отстранен от редактирования этого издания.

Возможности научной работы Костомарова в условиях Саратова были крайне ограниченными. Он как ссыльный не мог издавать свои труды. Его прежние работы находились под запретом. В связи с этим Костомаров до приезда Чернышевского в Саратов переживал тяжелый душевный кризис. Бесперывно тоскуя, он занимался мистикой, магнетизмом, астрономией, медициной,—предметами, далекими от его специальности. Чернышевский очень чутко отнесся к нравственному состоянию Костомарова, понял, что лишь «одно занятие может несколько рассеять его тоску и отвратить дурные для здоровья следствия душевного томления» (XIV, 221).

Он стремился не только скрасить его изгнание, но и направить деятельность Костомарова на разрешение наиболее актуальных вопросов исторической науки. При этом Чернышевский учитывал научные интересы Костомарова, а также возможности их осуществления в условиях саратовской ссылки. Совершенно естественно, что перед Костомаровым, как наиболее талантливым и прогрессивным с его точки зрения историком, Чернышевский прежде всего выдвигал развернутую им несколько позднее в «Современнике» программу исторических исследований. В своих беседах и спорах с ним он ориентировал его внимание на изучение новейшей истории, внутреннего быта народа, на исследование истории крестьянских движений в России.

Разработка этих вопросов для Чернышевского тесно была связана с современностью. «При затруднительных или просто спорных случаях,—указывал он в статье 1855 г.,—исторические соображения многим людям помогают утвердиться в уверенности о необходимости и основательности решения, требуемого настоящим» (II, 617).

К советам и мнению молодого учителя гимназии Костомаров не мог не прислушаться. Замечательную характеристику Чернышевского этих лет оставил саратовец, известный переводчик Диккенса — И. И. Введенский. «Он, — говорит И. И. Введенский, — несмотря на свои какие-нибудь 23—24 года, успел овладеть такой массой разносторонних знаний вообще, а по философии, истории, литературе и филологии в особенности, какую на редкость встретишь в другом патентованном ученом... Беседуя с ним <...> право, не знаешь, чему дивиться, — начитанности ли, массе ли сведений, в которых он успел солиднейшим образом разобраться, или широте, пронизательности и живости его ума... Замечательно организованная голова»¹.

Однако дело заключалось не только в самой личности Чернышевского, хотя это также немаловажный вопрос. Основательность доводов Чернышевского подтверждалась для Костомарова самой жизнью, усиливающимся брожением крестьян, ростом оппозиционных настроений в либеральных слоях. В этой атмосфере уже в конце 40- и начале 50-х годов XIX века наблюдается повышенный интерес к истории, в которой представители различных общественных группировок настойчиво ищут ответа на вопросы, ставшие перед Россией, о путях ее дальнейшего развития. История становится все более действенным орудием политической борьбы. В эту борьбу должен был включиться и Костомаров, определяя в ней свое место и свою позицию. Общение с Чернышевским значительно ускорило этот процесс, наложило определенный от-

¹ Е в г. Ляцкйй. Н. Г. Чернышевский и И. И. Введенский. «Современный мир», 1910, № 6, стр. 162.

печаток на его занятия и на работы, созданные в Саратове.

Изучение материалов показывает, что темы наиболее выдающихся исторических работ Костомарова—«Бунт Стеньки Разина» (1858), «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях (1860)—были подсказаны Чернышевским. Их замысел, а также частичное выполнение относятся ко времени пребывания Чернышевского в Саратове. С общением Костомарова с Чернышевским тесно связаны его этнографические и статистические занятия, запись и публикация саратовских народных песен, преданий о Ст. Разине.

Об этих фактах, о влиянии Чернышевского на выбор и тематику своих научных работ, Костомаров позднее старательно умалчивал. Более того, в своей «Автобиографии» («Русская мысль», 1885, № 5 и 6) он обошел все острые вопросы современности, обсуждавшиеся с Чернышевским, представил свои отношения с ним в Саратове, как приятное времяпрепровождение, игру в шахматы, разговоры на личные темы, извратил его политические взгляды, представил сочувствие Чернышевского к «славянскому вопросу» в виде основного и т. д. Неудивительно, что, когда Чернышевский познакомился с его «Автобиографией», то остался крайне недоволен таким произволом, извращением своих взаимоотношений, взглядов. В обстоятельном отзыве на «Автобиографию», он показал многие примеры неискренности Костомарова (см.: I, 757—777). В письме к А. Н. Пыпину 7 ноября 1885 года из Астрахани Чернышевский, касаясь воспоминаний Костомарова, писал: «С твоим мнением о Костомарове я совершенно согласен. Ты говоришь: «в последние десятки лет у него образовалось весьма пессимистическое отношение к прошедшему и при этом склонность собственные неудачи сваливать на кого-нибудь другого»;—да, его «Автобиография» свидетельствует о верности твоего отзыва. Из этих свойств, говоришь ты, «выходит иногда простая неправда»;—да, выходит, и очень часто выходит в его «Автобиографии» (XV, 555). Чернышевский подтверждал мнение Пыпина о том, что Костомаров «рассказывал выдумки незнающим фактов» и при своем болезненном упрямстве иногда сам не мог разобрать, «в чем правда, в чем выдумка» (там же).

Если мы обратимся от «Автобиографии» Костомарова к «Саратовским губернским ведомостям», то увидим, что в своей датировке замысла «Бунта Стеньки Разина» (апрель 1858 года)¹ Костомаров неточен. Первый вариант этой работы был им написан и опубликован еще при жизни Чернышевского в Саратове. Он печатался в нескольких номерах газеты без

¹ Н. И. Костомаров. Литературное наследие. Спб., 1890, стр. 101.

подписи автора, начиная с 4 апреля по 2 мая 1853 года, под названием «Стенька Разин и удалые молодцы XVII века»¹. Другая работа «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа...» начата Костомаровым сразу же после отъезда Чернышевского (в начале мая 1853 года) в Петербург. В «Автобиографии» Костомаров сообщает: «Весною 1853 года Анна Никаноровна (Пасхалова; об отъезде Чернышевского он «забывает»,—Л. Д.) уехала в Петербург, а я с тех пор принялся за иную работу: я перебрал все, что мог найти печатного из актов и документов, касающихся внутреннего быта прошедших времен, и делал выписки и заметки...»².

Все это свидетельствует о том, что обе работы родились в «кружке» Чернышевского, являются воплощением выдвинутых им новых требований к исторической науке и задач изучения народного быта. Вновь поднятые Чернышевским вопросы находили отражение не только в его собственных произведениях, но и в произведениях лиц, соприкасавшихся с ним. Для изучения «саратовского кружка», при малочисленности других документов, такие произведения, как и различные начинания, отразившие в какой-то мере точку зрения Чернышевского, созданные по его указаниям, советам, являются весьма важным источником. Они помогают раскрыть совокупность тем, выдвинутых революционной демократией в области общественных наук.

Касаясь внутреннего состояния Московского государства, Костомаров уже в очерке «Стенька Разин и удалые молодцы XVII века», как затем и в книге, использует работу Флетчера. Вероятно, она была выслана И. И. Срезневским в ответ на просьбу Н. Г. Чернышевского. В очерке широко используются местные саратовские песни и предания о Разине. В оценке разинского движения Костомаров резко расходится со взглядами представителей современной дворянской историографии. В ее основу положена народная точка зрения. Костомаров с первых же страниц очерка отмечает, что народ не признает названия участников разинского движения разбойниками: «Мы не воры, не разбойнички, мы удалые добрые молодцы, — говорит старая песня»³.

Песня, на авторитет которой ссылается Костомаров, «Ах туманы вы, туманушки» была им вскоре опубликована в «Саратовских губернских ведомостях» в разделе «Песни о Стеньке Разине»⁴. Затем она полностью была включена в состав книги «Бунт Стеньки Разина» (СПб., 1859, 2 изд.). Запись Костомарова несколько подправлена или сделана по

¹ См. «Саратовские губ. ведомости», 1853, № 14—18. (В списке трудов Н. И. Костомарова отсутствует.—Л. Д.).

² Н. И. Костомаров, указ. соч., стр. 73.

³ «Саратовские губ. ведомости», 1853, 4 апр., № 14, стр. 58.

⁴ «Саратовские губ. ведомости», 1854, 7 апр., № 16, стр. 76.

памяти. Встречающееся в ней выражение: «сокрушили молодцов до крайности» не свойственно народному языку. Но конец песни:

Мы не воры, мы не разбойнички,
Добры молодцы — все охотнички,
Стеньки Разина все работнички и т. д.

не изменен, встречается в таком виде и в записях других собирателей¹.

Интересно отметить, что эту же песню вспоминает Волгин—герой романа Чернышевского «Пролог», размышляя о революционных возможностях народа (XIII, 196, ср.: I, 662—663).

Едва ли не впервые Костомаров сформулировал в этом очерке свой взгляд на развитие русского исторического процесса. В основе его он видел не гармоническое единство царя с народом, а постоянное столкновение вечевого и единодержавного начал. Образование центрального государства, говорит он, шло за счет поражения уделизма—вечевого начала: «Старинная удельно вечевая вольница улеглась под спасительным скипетром порядка и власти...». «Но единодержавие,—пишет далее Костомаров,—поражая уделизм, поражало вместе с ним неразлучное начало вольницы, а новое никогда не утверждается без сопротивления со стороны старого»².

Конечно, такое понимание далеко от материалистического понимания истории. Но оно говорило о борьбе, как основе движения, несло какой-то отголосок споров с Чернышевским и было близко последнему. Неудивительно, что и в дальнейшем Чернышевский вместе с Добролюбовым в 1860 году поддерживал Костомарова за развитие этой точки зрения в споре с историком Погодиным по вопросу происхождения Руси. Реакционеры от науки для борьбы против угрозы революции использовали «норманскую теорию», доказывая, что в русской истории отсутствует борьба «земли» и «власти» как черта, якобы, чуждая народу, приписывали ему аполитичность, смирение и покорность.

Новизна очерка Костомарова, видимо, не раз подвергнутого обсуждению с Чернышевским, состояла в том, что он встал в нем на народную точку зрения, сумел в духе революционной демократии охарактеризовать разинское движение, его участников, вскрыть исторические предпосылки движения, показать живучесть революционных традиций в крестьянстве Поволжья. «Это было,—говорит историк о движении,—состояние брожения, с виду бессмысленное, но дея-

¹ См. варианты: А. Н. Лозанова. Народные песни о Степане Разине. Саратов, 1928, стр. 221, 245 и 246.

² «Саратовские губ. ведомости», 1853, № 14, стр. 59.

тельное и кипучее, разрушительное, но со стремлением к воссозданию. Народ имел сочувствие к удалым молодцам; самые поэтические песни русских есть те, в которых воспеваются подвиги удалых; удалый молодец в воображении народном остался идеалом доблести и мужской красоты, как герой Греции, рыцарь Запада, юнак Сербии. Удалство русское, проявившееся в поволжском разбойничестве, имело источник в недрах русской жизни и в исторической необходимости¹.

Костомаров подробно и полно обрисовывает социальный состав разинского ополчения. «Удалые молодцы,—пишет он,—были составлены обыкновенно из низшего сословия, всегда почти из беглых помещичьих крестьян... Злоупотребления воевод и приказных людей заставляли многих русских вырываться из круга семейного и общественной жизни и вступать в вольные шайки².

Образ Разина, народного вождя, здесь еще не нашел своего полного развития: в условиях Саратова Костомаров не мог владеть многими историческими материалами. Но и из беглых штрихов вырастает уже яркий образ «заклятого врага бояр». Костомаров подчеркивает его предприимчивость, беглый ум, широту и силу характера, простоту в обращении с казаками, народом. «Стенька,—пишет он,—объявил себя покровителем голодных и нищих, собрал около себя толпу беглецов и начал возбуждать на убийство знатных и богатых³. Движение Разина нашло глубокий отклик среди угнетенных масс и приняло широкий размах. «Шествие удалой толпы,—повествует Костомаров,—везде было успешно, все жители городов и сел спешили им навстречу». Стрельцы, пушкарки, зачинщики, всякого чина военные люди убивали своих начальников и присоединялись к разинцам. Крепостные холопы уничтожали своих господ. «Убивали и младенцев, крича, что следует истребить весь род злодеев». «Саратов,—спешит добавить Костомаров,—сдался казакам без малейшего сопротивления⁴.

Чтобы оценить, насколько была необычна и нова эта работа Костомарова в официальной газете в условиях того времени, стоит сопоставить ее со статьей хотя бы местного историка А. Леопольдова «Несправедливый укор казакам». В ней автор, принимавший в молодости участие в распространении стихотворения А. С. Пушкина «Андрей Шенье», стремится доказать, что «казаки всегда верны были престолу и отечеству, и не любили ни крамолы, ни крамольников». Люди, предавшиеся буйству и своеволию, «рушители порядка и тишины

¹ «Саратовские губ. ведомости», 1853, № 14, стр. 58—59. (Курсив мой.—Л. Д.).

² «Саратовские губ. ведомости», стр. 60.

³ Там же, стр. 61.

⁴ Там же, № 18, стр. 81—82.

народной,—словом, изверги не могут быть укором казакам»,—заявляет он и добавляет: «Донской казак всякое оскорбление перенесет, но не перенесет нареkania, если назовут его отродьем Пугачева, — так позорно на Дону имя этого крамольника»¹. Верноподданническая статья Леопольдова представляет собой оплевывание революционных традиций крестьянства и казачества. Она неизмеримо далека от даваемого Костомаровым сравнения участников разинского движения с героями Греции, рыцарями Запада, юнаками Сербии.

Намеченная Костомаровым в саратовском очерке точка зрения получила дальнейшее развитие в его книге «Бунт Стеньки Разина», опубликованной в конце 1858 года в «Отечественных записках» (№ 11 и 12) и затем в 1859 году вышедшей отдельным изданием. Помимо глубокого и образного освещения истории крестьянской революции XVII века, эта работа особенно ценна монументально нарисованным образом народного вождя. В ней Ст. Разин предстает перед читателем во всем величии мужества и несокрушимости духа, служит ярким примером беззаветной преданности народу, неукротимой ненависти к его притеснителям, веры в правоту своего дела. Костомаров подчеркивает связь Разина с народом не только в самой борьбе, но и в обычном быту, во всем его поведении. «...Не отличался он от прочих братьев-казачков,—пишет историк,—ни пышностью, ни роскошью; жил он, как все другие, в земляной избе; одевался хотя богато, но не лучше других; все, что собрал в персидской земле, раздавал неимущим. Стенька будто жил для других, а не для себя»².

Огромной, впечатляющей силе образа Разина способствовала сама форма этого исторического труда. Книга Костомарова—не бесстрастное «академическое» исследование, а яркое, живое и взволнованное повествование, в котором строгая научность сочетается с простотой и доступностью изложения. Она понятна не только специалисту, но и неподготовленному читателю из народа. Вот как, например, Костомаров описывает встречу дружины Разина с флотилией князя С. И. Львова:

«Только-что Стенька появился в виду этого войска, на всех судах вспыхнул мятеж; все простые служилые в один голос закричали:

— Здравствуй, наш батюшка, смиритель всех наших лиходеев!

И начали они вязать своих начальников и, повязав, отдавали казакам.

¹ «Саратовские губ. ведомости», 1851, № 8, стр. 38—39.

² Николай Костомаров. Бунт Стеньки Разина. СПб., 1859, изд. 2-е, стр. 102.

Стенька кричал:

— Здравствуйте, братья! Мстите теперь над вашими мучителями, что хуже турок и татар держали вас в неволе; я пришел даровать вам льготы и свободу. Вы мне братья и дети, и будете вы так же богаты, как я, если останетесь мне верны и храбры.

— Здравствуй, наш батюшка, Степан Тимофеевич!—повторяла толпа.

И начали они бить стрелецких голов, побили всех сотников и дворян, оставив в живых одного князя Львова...»¹.

Огромное впечатление производило на читателей описание беспримерного мужества Ст. Разина перед лицом его палачей. Позднее с большой художественной силой передал это впечатление М. Горький в рассказе «Коновалов». Самые изощренные муки были применены к грозному руководителю крестьянского движения, но они не сломили его волю. При всякой новой пытке, раздражая палачей, Стенька молчал. «И при мучительной казни,—пишет Костомаров,—Стенька не издал ни одного стога, не показал знака, что чувствует боль. Он <...> как будто хотел показать народу, что мстит гордым молчанием за свои муки, за которые не в силах уже отомстить оружием»².

Только сознательным подчинением своего дарования делу назревающей крестьянской революции, ее предчувствием, связью с Чернышевским можно объяснить появление этой книги Костомарова, создание им столь величественного и исторически правдивого образа Разина. Без этих стремлений из Разина легко можно было сделать «злодея», «изверга», «крамольника», каким он и предстает под пером официальных историков. В церквях еще раздавалась анафема «вору и богоотступнику и обругателю святой церкви Стеньке Разину со всеми его единомышленниками». Образ предводителя гольтыбы, созданный Костомаровым, вызывает симпатию и сочувствие. И в годы появления книги, и позднее он имел большое воспитательное значение для революционной молодежи. Не случайна научно-беллетристическая форма самой книги, во многом способствовавшая ее популярности. Эта форма повествования отнюдь не составляет индивидуальную особенность Костомарова как историка, она отсутствует в целом ряде других его работ. Ее нужно рассматривать в связи с замыслом, содержанием и адресацией книги.

Несмотря на то, что книга повествует о прошлом, она дышит современностью. Эту связь в ней выполняют широко введенные в текст народные песни, предания и легенды о Разине, бытующие среди крестьян Поволжья. Заключитель-

¹ Николай Костомаров. Бунт Стеньки Разина. СПб., 1859, изд. 2, стр. 118—119.

² Там же, стр. 216—217.

ная глава книги «Бунт Стеньки Разина» целиком посвящена народным преданиям о Разине. Она содержит как бы окончательную оценку народом событий, которые описывает историк, и выражает его надежды и чаяния.

Для народа, указывает Костомаров, характерна уверенность, что Разин жив, что он еще вернется бушевать на просторах Волги, творить суд над угнетателями народа. «Имя Стеньки Разина,—говорит он,—известно и старому и малому в том краю, где совершались его похождения. Берега Волги усеяны урочищами с его именем»¹. Нужно заслужить большое доверие, чтобы узнать подлинные думы народа о своем вожде. «Многие боятся произносить его имя,—заключает Костомаров,—и почти никто не выскажет о нем всего, что знает и думает...»². На целом ряде примеров историк показывает, что для современного крестьянства Поволжья образ Разина стал знаменем борьбы, воплощением мирской муки, надеждой на избавление от крепостной кабалы. Старик, хорошо помнивший Пугачева, рассказывал: «Тогда <...> иные думали, что Пугачев-то и есть Стенька Разин». Однажды русским морякам, бежавшим из плена, повстречался на пути ветхий старец. Это был сам Разин. «Как пройдет сто лет, — говорил он им,—на Руси грехи умножатся <...> тогда я пойду опять по свету и стану бушевать пуще прежнего. Расскажите об этом всем на святой Руси!»³.

В книге Костомаров во многом сумел преодолеть свои романтические и либеральные установки. Однако, хотя и в приглушенном виде, они и здесь дают себя чувствовать. Так, Костомаров упорно стремится навязать русскому народу глубокую религиозность, приводит ряд легенд, созданных в чуждой народу среде сельского духовенства, деревенских богатеев, осуждавших безбожие Разина, его расправу над служителями церкви. Сквозь глубокое чувство исторической правды прорывается у Костомарова панический страх перед народной революцией. Показательны в этом заключительные строки исследования: «Не дай, господи, всякому доброму крещеному человеку дожить до той поры, как опять придет Стенька»⁴.

В напряженной политической обстановке 50—60-х годов XIX века, когда, по словам В. И. Ленина, «самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»⁵, историческое исследование Костомарова явилось чрезвычайно злободневным произведением.

¹ Николай Костомаров. Бунт Стеньки Разина. СПб., 1859, изд. 2, стр. 231.

² Там же, стр. 235.

³ Там же, стр. 237.

⁴ Там же, стр. 237.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. V, стр. 27.

Оно предупреждало крепостников о надвигающейся опасности повторения разинщины. При этом Костомаров, как либерал, сам испытывал страх перед новым крестьянским «бунтом» и стремился своим исследованием предотвратить его. Эта задача автора не имела ничего общего с целями революционной демократии. Она делала его сочинение лишь приемлемым для крепостников. Не случайно Александр II, считавший на основании доносов книгу «неблагонадежной», прочитав ее, отозвался о ней, по словам самого Костомарова, «очень одобрительно»¹.

Содержание и значение книги шире субъективных намерений автора. Она давала возможность представителям революционной демократии судить о многих практических сторонах современной крестьянской революции. Опираясь на «исторические соображения» (Чернышевский), она помогала им выяснить вопрос о причинах успеха движения, о методах ведения крестьянской войны, формах и способах пропагандистской и агитационной работы, учесть недостатки и слабые стороны прошлой народной борьбы с угнетателями. Все эти вопросы так или иначе разрешались в произведении Костомарова.

Особенно ценным в исследовании Костомарова, как мы уже отметили, явился правдиво и монументально нарисованный образ народного вождя С. Т. Разина. Его создание необходимо также поставить в связь с общественным движением 50—60-х годов XIX века. Передовых деятелей русского освободительного движения всегда отличал высокий патриотизм. В отличие от западноевропейских деятелей, например, французской буржуазной революции XVIII века, рядившихся в костюмы чужого прошлого, выступавших под лозунгами республиканского Рима, русские революционеры искали воодушевлявшие их примеры среди своего народа, в отечественной истории.

Образ вождя крестьянской революции, его качества как руководителя масс в современных условиях, его внутренний духовный облик глубоко интересовал Чернышевского с самого начала его сознательной революционной деятельности. Он должен был лично для себя, как руководитель масс, решить эту задачу. Этот интерес Чернышевского нашел свое художественное воплощение в создании им образа «особенного человека»—Рахметова.

Совершенно очевидно, что образ Рахметова — это итог длительных наблюдений. Он впитал в себя, говоря словами ранней статьи Чернышевского, «не случайные и ничтожные мелочи <...>, а то, что есть в жизни существенного и характери-

¹ Н. И. Костомаров. Литературное наследие. СПб., 1890, стр. 112.

стического» (II, 276). Поэтому он и явился высшим типом положительного героя русской литературы XIX века, воодушевлявшим на борьбу не одно поколение революционеров. Вместе с тем, Рахметов—глубоко национальный характер, наследник лучших качеств многовекового опыта борьбы русского народа.

В осмыслении образа Рахметова помогло Чернышевскому, с одной стороны, изучение прошлых крестьянских движений и личных качеств народных вождей — Разина и Пугачева, с другой—изучение особенностей русского освободительного движения, возглавленного дворянскими революционерами, опыта их борьбы, а также пристальное изучение современного положения крестьянства и выразителей его оппозиционных настроений. Значительная часть таких наблюдений, по-видимому, была сделана Чернышевским еще в саратовский период. Исследование Костомарова, подробное обсуждение с ним деталей этой работы уже тогда давало Чернышевскому историческую перспективу для осмысления образа Рахметова. В связи с этим большой и новый интерес приобретает свидетельство Е. Н. Пыпиной о найденных ею после отъезда Н. Г. Чернышевского в 1853 году в его комнате набросках беллетристического произведения, напоминающего роман «Что делать?»¹.

Объединяя в себе опыт, национальные черты и качества лучших представителей русского народа, возглавлявших в прошлом его стихийную борьбу против крепостничества, Рахметов дополняет их новыми чертами профессионального революционера. Он владеет огромной культурой и революционной теорией. Лишь поэтому он смог стать во главе современного русского освободительного движения, стать «двигателем двигателей», «солью соли земли», как говорит Чернышевский.

Чрезвычайно знаменательно, что деятельность Рахметова освещается именем волжского богатыря Никитушки Ломова—живого воплощения наиболее сильных моральных и физических качеств трудового народа. Образно говоря, Рахметов перенимает физическую силу волжского богатыря для того, чтобы освободить его от духовной немощи, просветить его сознание, двинуть на подвиг освобождения от ига крепостничества.

Чернышевский совершенно отчетливо понимал, что закрепощенный народ не в силах сам выработать революционную научную теорию. Она должна быть внесена извне. В. И. Ленин неоднократно обращал внимание на эту сторону мировоззрения революционных демократов. Говоря о необходимости внесения социалистического сознания в рабочее

¹ «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников», т. I, Саратов, 1958, стр. 99 и 104.

движение, Ленин указывал: «А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский...»¹.

*

История создания книги «Бунт Стеньки Разина», ее содержание, острота и глубокая актуальность данной темы в 50—60-е годы XIX века показывают, что дружба Чернышевского и Костомарова в Саратове носила более сложный характер и дала более значительные результаты, чем это принято представлять. Костомаров по своим взглядам, характеру не мог стать единомышленником и соратником Чернышевского. Однако Чернышевский сумел использовать его талант ученого для дела назревающей в России крестьянской революции. Он увлек Костомарова на разработку одной из важнейших для современности исторических тем. Не меньшее значение имела и другая работа Костомарова, касающаяся внутреннего русского быта. Возможно, эта работа также была намечена и предварительно обсуждалась с Чернышевским в Саратове. Не случайно она впервые появилась в 1860 году на страницах журнала «Современник»².

О творческом содружестве Чернышевского и Костомарова в Саратове сохранилось немного сведений. Костомаров в своей «Автобиографии» сделал все возможное, чтобы исказить свои взаимоотношения с Чернышевским, о целом ряде фактов он и вовсе умолчал.

Для истории их взаимоотношений большой интерес представляет письмо Н. И. Костомарова к Н. Г. Чернышевскому, относящееся к марту 1862 года. Встав окончательно на путь либерализма, разойдясь с Чернышевским в оценке известных событий с публичными лекциями 1862 года, Костомаров в ответ на обвинение в измене прежним убеждениям писал Чернышевскому: «...Мне глубоко запали в душу Ваши слова... Мы, действительно, были когда-то друзьями... Что развело нас? Не знаю, но знаю, что более никогда не будем! Наши дороги разные... Однако мне ужасно грустно, так грустно, что хоть в воду...»³.

То, чего не мог понять Костомаров, разъяснил Чернышев-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. V, стр. 342.

² См. Н. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. «Современник», 1860, кн. 3 стр. 3—63; кн. 4, стр. 293—350; кн. 9, стр. 67—102; кн. 10, стр. 503—564. В этом же году редакция «Современника» подготовила отдельное издание книги.

³ Н. Г. Чернышевский. Литературное наследство, т. II, М.—Л., 1928, стр. 402—403.

ский в статье «Полемиические красоты», характеризуя различный путь либеральной и революционно-демократической интеллигенции. «Было время,—писал он,—когда не замечали между собою разницы во взглядах люди, далеко разошедшиеся ныне.. Когда вопросов было не так много, вопросы были поставлены не так определенно, и ответы на них не могли быть так разнородны, как сделались при дальнейшем развитии общественной жизни... Эти разлуки бывали иногда тяжелы для сердца расстающихся,—по крайней мере для некоторых из них». О себе Чернышевский замечал, что «и ему пришлось уже испытать не одну такую потерю...» (VII, стр. 711—712).

В этих автобиографических словах Чернышевского можно видеть и характеристику его взаимоотношений с Костомаровым и с другими участниками «саратовского кружка», причины их расхождения и разных в дальнейшем судеб.

Они важны и со стороны требования строгого историзма в изучении вопросов общественной мысли 50—60-х годов XIX века. Лишь рассматривая эти вопросы в исторической последовательности, можно до конца выяснить роль саратовского периода в жизни великого критика. Этот период важен не только педагогической деятельностью Чернышевского, но и его контактом с саратовской интеллигенцией. Общась с нею, как это видно на примере Н. И. Костомарова, он впервые здесь наметил и поднял новые исторические темы, явился инициатором целого ряда других начинаний, имевших большое научное и общественное значение. Эта сторона деятельности Н. Г. Чернышевского нашла также свое прямое продолжение в журнале «Современник».

В. Э. БОГРАД

ДОЦЕНЗУРНАЯ РЕДАКЦИЯ СТАТЬИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ОТКУПНАЯ СИСТЕМА»

Статья Чернышевского «Откупная система» широко известна в экономической литературе. Автограф ее скорее всего утерян. Поэтому во всех изданиях сочинений Чернышевского текст «Откупной системы» воспроизводился по первой журнальной публикации («Современник», 1858, № 10). Отсутствие данных о ее цензурной истории, казалось, свидетельствовало о том, что эта работа не вызвала каких-либо серьезных замечаний со стороны цензуры и что напечатанный в «Современнике» текст должен быть весьма близок к автографу. Между тем это не так. Из обнаруженных нами цензурской и авторской корректур «Откупной системы» видно, сколь жестоким сокращением и искажениям подверглась эта статья¹. Достаточно сказать, что примерно одна пятая часть текста не появилась в печати.

Как цензурская, так и авторская корректуры состоят из трех форм (по четыре полосы каждая), на каждой из них указано: «2 кор<ректурa>». Окт 3». В конце каждой из форм цензурской корректуры имеется подпись цензора Д. И. Мацкевича, сделанная, очевидно, после разрешения Министерства финансов, куда «Откупная система» была послана для отзыва. На первой из форм читаем:

«К напечатанию сей статьи с указанными изменениями не представляется со стороны Министерства финансов препятствия.

9 октября 1858.

Действительный статский советник Юханцев».

Ознакомившись с цензурской корректурой, Чернышевский вынужден был не только исключить в авторской корректуре вымаранные цензором отдельные места и фразы, но и в ряде случаев внести измененный цензором текст. Так, например, в слова Чернышевского о том, что «система откупов неизбежно разоряет нацию» Юханцев внес замену: «расстраивает нацию»; вместо «ни один честный человек» вписал: «ни один благонамеренный человек» и т. д. Таким образом, известный по своей первоначальной журнальной публикации текст «Откупной системы» с одной стороны

¹ Корректуры «Откупной системы» найдены в архиве Академии наук СССР в Ленинграде в фонде А. Н. Пыпина вместе с корректурами ряда других статей, опубликованных в «Современнике» или подвергшихся запрету цензуры. В настоящее время все эти материалы переданы в Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом).

сильно сокращен цензурой, с другой—содержит ряд изменений, сделанных цензором.

Впечатления Чернышевского от цензорской корректуры до некоторой степени раскрываются его надписью на авторской корректуре:

«Остальные корректуры пришлю, когда прочту.

Сводку этой статьи прошу прислать ко мне, если где выйдет без смысла.

Чернышевский.

Это поместить после библиографии первую статью в «Современном обозрении», а Панаева фельетон не ждать, последует после».

Исключенные цензором места представляют значительный интерес, еще сильнее подчеркивая революционный смысл статьи и не нуждаются в специальном разъяснении. Остановимся лишь на той части исключенного Юханцевым текста, которая относится к «городу N». Под «городом N» Чернышевский, конечно, имел в виду родной Саратов. Чтобы убедиться в этом, следует остановиться на некоторых фактических данных, содержащихся в этом отрывке. Так, число жителей «города N» (70 000) соответствует количеству населения Саратова в это время. Обращают на себя внимание слова о том, что «по непредвиденному случаю изменилась граница губернии, центром которой служит город N, два или три уезда его отошли к соседней губернии». Действительно, в 1850 г. от Саратовской губернии отошли три уезда: «Николаевский и Новоузенский к Самарской губернии, Царевский уезд—к Астраханской»¹. Наконец, в отрывке дается положительная характеристика губернатора «города N», подчеркивается его честность и говорится о том, что он вынужден был подать в отставку. Здесь, несомненно, идет речь о саратовском губернаторе М. Л. Кожевникове, с которым Чернышевский был хорошо знаком и о котором год спустя в статье «Суеверие и правила логики» писал: «Мы жили в провинции, губернатором которой был человек честнейший, редкого ума и чрезвычайно хорошо знавший дело. Каждый житель того края скажет вам, что при нем делалось то же самое, что и до него. Должности продавались с формального торга. Суда и управы не было; грабительство было повсеместное: оно владычествовало в канцелярии губернатора, в губернском правлении, по всем ведомостям и инстанциям»².

В связи со значительным объемом «Откупной системы» текст ее сокращен за счет той его части, которая не подвергалась изменениям со стороны цензуры.

¹ Список населенных мест. Саратовская губерния, стр. XXXI.

² Н. Г. Чернышевский. ПСС, т. V, М., 1950, стр. 705.

ОТКУПНАЯ СИСТЕМА

К числу особенностей нашей литературы принадлежит какое-то особенное ее расположение к повальным припадкам накидываться вдруг, без всяких новых видимых причин, всеми силами на какой-нибудь предмет, который вчера был совершенно таков же, как ныне, и совершенно таким же останется завтра, а между тем ни вчера не занимал, ни завтра не будет занимать ни одной страницы печатной бумаги, а сегодня служит целью бесчисленных патетических рассуждений. Искони веков, от Рюрика до наших дней, богата была наша Русь взяточниками; в 1856 году взятки вовсе не были ни безнравственнее, ни вреднее, чем в 1852 или 1851, или 1850. Скажите же, с какой стати было так свирепо набрасываться на то, о чем можно было до той поры так удобно молчать? Что за странные люди! Лет пятьдесят очень хладнокровно носили в груди так называемую на высоком языке страшную язву, и хоть бы кто-нибудь когда-нибудь слыхивал от нас об ней, — и вдруг ни с того ни с сего начинаем с жаром бить себя по этой груди и кричать: «Ах, посмотрите, добрые люди, у нас тут глубокая язва!»¹

Что случилось со взятками года два тому назад, то же самое произошло на сих днях с откупами. Какой новый вред стали приносить с половины нынешнего лета откупа, мы не знаем, да и никто, кажется, не может сказать, чтобы ныне позволяли они себе какое-нибудь злоупотребление или налагали бы на страну какую-нибудь тяжесть, которой не налагали бы и два и три года, и двадцать и тридцать лет тому назад. На каком же основании вдруг так набросились мы на откупа, с которыми так мирно и молчаливо уживались прежде?

¹ Дальнейший текст опускается. Он соответствует стр. 318 (строки 19—30) V тома ПСС Н. Г. Чернышевского (в дальнейшем указываются только страницы без ссылки на том).

Зато какую же неопределенностью порицаем¹ и вознаграждаем мы себя за упущенное для порицания времени!²

Действительно откупа — вещь не очень прекрасная, вещь, защищать которую не решится ни один честный³ человек⁴.

И⁵ какие надежды на будущее могу я иметь, когда вижу, что общество, пользовавшееся услугами шулера, восстает против него только для того, чтобы иным способом еще усовершенствовать те удовольствия, какие прежде доставлял ему шулер? Если, например, я вижу, что какой-нибудь кум, державший прежде половину в игре шулера, мечтает теперь воспользоваться всею выгодой, какую прежде делил с ним, и только ради этой надежды вооружается против него, я тут не вижу ни благородства, ни пользы для страны. Я вижу только с одной стороны тоже своекорыстие, тоже намерение эксплуатировать народные слабости, с другой стороны, легковерное самообольщение добродушных идеалистов, обманываемых словами⁶.

Откупов защищать нельзя; действительно они вообще представляются самою⁷ несовершенною формою взимания государственных налогов или пошлин. Коренное несоответствие этой формы с истинными основаниями государственного хозяйства заключается в том, что⁸ при системе откупов государство передает часть своих прав нескольким частным лицам. Из этого уже ясно, что откупною системою неизбежно устанавливается в государстве порядок дел, противный и выгодам государственной власти и благу народа. Что касается до государственной власти, она⁹ лишается через откупа¹⁰ свободы своих действий, дозволяет¹¹ появляться административному могуществу, действующему независимо от нее. Каково бы ни было подчинение откупщика местным властям по формальным условиям откупного контракта, откупщик все-таки имеет

¹ Слова: неопределенностью порицаем заменены: безграничностью порицаний.

² Дальнейший текст опускается. Он соответствует стр. 319 (строки 8—23).

³ Слова: ни один честный исправлены: ни один благонамеренный.

⁴ Дальнейший текст опускается. Он соответствует стр. 319, строка 26, стр. 320, строка 13.

⁵ Весь этот абзац зачеркнут.

⁶ Дальнейший текст опускается. Он соответствует стр. 320 (строки 14—22).

⁷ Слово самую зачеркнуто.

⁸ Слова: Коренное несоответствие этой формы с истинными основаниями государственного хозяйства заключается в том, что зачеркнуты.

⁹ Слова: Из этого уже ясно, что откупною системою неизбежно устанавливается в государстве порядок дел, противный и выгодам государственной власти и благу народа. Что касается до государственной власти, она исправлены: и чрез то отчасти.

¹⁰ Слова: чрез откупа зачеркнуты.

¹¹ Отсюда и до конца фразы зачеркнуто.

свой круг действия, в котором распоряжается он, а¹ не государственная администрация. Таким образом в государстве является вместо одной две правительственные власти, — царство в царстве. Пока существуют откупа, государство еще не вышло из периода тарханских грамот и средневековой неурядицы. Еще значительнее этого прямого урона косвенный вред, наносимый правительству действием откупной системы на общество. Каково бы ни было правительство, его интересы² всегда связаны с выгодами общества; оно всегда до известной степени сознает эту связь и больше или меньше всегда³ заботится о национальном благе. Правительство не вчера начало, не завтра кончит свои сношения с обществом, оно считает себя вечным его спутником; потому собственная выгода заставляет⁴ щадить силы общества ныне, чтобы самому не остаться без средств, если истощить их. Совершенно не таково положение откупщика: до будущности общества ему нет никакого дела, он думает только о том, чтобы как можно больше собрать с общества ныне; завтра оно увидит себя разоренным и с этим обеднеет правительство — какая нужда в том ростовщику? Он уже кончил свои счета и знать ни о чем не хочет. Его девиз: «после меня хоть трава не расти». Поэтому система откупов неизбежно разоряет⁵ нацию, истощает те средства, которыми может располагать правительство — результатом⁶ бедственного состояния общества является беспомощность правительства. Правительство—это хозяин поместья; откупщик — это чеченец, на несколько часов вторгающийся в поместье; можно представить себе, каково будет состояние хозяина после того, как поместье испытает набег чеченца. Нет, наше сравнение еще не полно: разорительный набег уничтожает только жатву и уже готовое богатство жителей, он не портит самой почвы, он не портит нравственных сил ее населения. Откуп делает и это. Мало того, что он стремится как можно скорее истощить материальные средства населения, — вдобавок он разрушает моральный капитал, которым могли бы скоро быть восстановлены все потери. Каково бы ни было правительство, каковы бы ни были его стремления, все-таки⁷ деньги не составляют основного и единственного предмета его действий; они представляются ему только средством для достижения целей, например, для возвышения своего могуще-

¹ Отсюда и до слов: интересы всегда связаны с выгодами общества зачеркнуто.

² Исправлено: интересы правительства.

³ Слова: больше или меньше всегда зачеркнуты.

⁴ Вставлено: его.

⁵ Слова: неизбежно разоряет исправлены: расстраивает.

⁶ Отсюда и до конца фразы зачеркнуто.

⁷ Слова: Каково бы ни было правительство, каковы бы ни были его стремления все таки исправлены: Для правительства.

ства среди других держав, для приобретения славы, для упрочения известной политической системы, для развития известных общественных учреждений, для поддержания известной законодательной и административной системы. Денежные соображения правительства вытекают из этих желаний и подчиняются им. Таким образом правительство по самой своей сущности никогда не ограничивает своих отношений к нации одними финансовыми видами. В его деятельности всегда есть другая более нравственная сторона, всегда есть некоторая степень заботливости¹ о национальной чести, о нравственном благосостоянии нации, о справедливости и правосудии. Откуп совершенно чужд всех подобных отношений по самой своей натуре. Единственное основание его существования — чисто денежное, единственная цель и забота его — деньги и деньги. Самый дурной чиновник все-таки хотя сколько² помнит, что он представитель власти, поддерживающей благоустройство в обществе; как бы превратно ни понималось им это благоустройство, как бы бессовестно ни нарушались им эти обязанности, все-таки сознание о них дает ему в собственных глазах некоторое нравственное достоинство, и все-таки люди, подвергающиеся его решениям или распоряжениям, видят в нем представителя нравственной идеи,—он может быть неверен ей, но она все-таки дает некоторую возвышенность его³ характеру, его власти в их глазах: если будут падать упреки, они упадут на его личность, на личность тех, кто сделал дурной выбор, вручив власть недостойному⁴, но самым существованием той обязанности, которая лежит на нем, не возмущается общественная совесть; напротив, она признает нравственную сторону порученного ему дела. Совершенно не таково положение откупного агента: он сам знает, что он — только орудие частного прибытка, и общество не признает за ним другого значения; оно не может находить в нем других прав, кроме прав эгоистического корыстолюбия, а этому принципу никто не подумает давать в своей совести прав на власть над обществом. Таким⁵ образом вручение власти принципу, который не имеет никаких прав на власть, который напротив должен быть предметом обуздания, преследования со стороны власти, которым возмущаются все идеи общественного благоустройства, — такое вручение власти принципу, чуждому нравственности, прямо противоречит всякому нравственному чувству, и факт открытого присвоения власти этому принципу потрясает, разрушает все нравственные убеждения в обще-

¹ Слова: некоторая степень заботливости исправлены: заботливость.

² Слово: сколько исправлено: сколько-нибудь.

³ Слово: его зачеркнуто.

⁴ Слова: на личность тех, кто сделал дурной выбор, вручив власть недостойному зачеркнуты.

⁵ Отсюда и до конца фразы зачеркнуто.

стве. Мы говорим пока еще вовсе не о злоупотреблениях, которые слишком легко возникают из откупной системы, — хороша та вещь, в которой дурны только злоупотребления, — нет, мы говорим теперь о самом принципе откупа. Предположим, что он безукоризненно держится своих законных обязательств, что он ведет свои дела с добросовестностью честнейшего из всех европейских негоциантов; предположим, что агенты его по своему личному характеру и поведению относительно народа — образцовые примеры доброжелательности, мягкосердечия, прямоты и всевозможной правоты, — все-таки существование даже и такого откупа убийственно¹ для нравственных убеждений нации, все-таки роль даже и таких агентов откупа прямо губительна для общества, прямо возмутительна для общественного сознания, потому что все-таки откуп есть не что иное, по самой своей натуре, как олицетворение корыстолюбия, имеющего право властвовать² надо мною во имя собственное свое, во имя корыстного расчета.

Легко³ теперь понять, как должны отзываться неизбежные результаты такого отношения на нравственных силах народа, по самой своей натуре, мимо всяких своих злоупотреблений, откуп колеблет веру в господство правды и добра над общественной жизнью, внушает обществу мысль, что все — трин-трава перед властью эгоистического корыстолюбия, а в этой мысли моральный источник всех пороков, всех зол. Честный труд ничтожен, любовь или доверие к человеку вздорны, корыстный расчет правит человеческими делами «падши, поклонись ему, сын человеческий», он не только терпим, он узаконен обществом: что же мне совеститься в своих средствах к достижению наслаждений в таком обществе? Какие бы вещи я ни делал, я не сделаю ничего такого, что не происходило бы из принципа, признанного, узаконенного этим обществом. Гуляй, душа! Люди — пешки, нравственные принципы — предрассудок глупцов, не понимающих жизни. Таков вывод из самого существования откупа, то есть из обличения голого, открытого корыстолюбия нормальной властью над обществом.

Надобно ли говорить, какими следствиями в народном быте сопровождается падение нравственных принципов? Ослабление любви к труду, ослабление всякой честной энергии, развитие преступлений и пороков всякого рода — вот эти следствия, слишком известные каждому. При⁴ таком состоянии общества оскудевают все источники силы для самого прави-

1 Слово: убийственно заменено: тягостно

2 Слова: имеющего права властвовать исправлено: властвующего

3 Весь этот абзац зачеркнут.

4 Отсюда и до конца абзаца зачеркнуто.

тельства, и этот косвенный вред, приносимый ему откупом через расслабление и развращение народа, еще гораздо важнее того прямого вреда, который наносится раздроблением власти между правительством и откупом.

Каждое правительство знает это и при первой возможности освободиться от столь неудовлетворительной финансовой системы спешит освободиться от нее. Вред, наносимый откупною системою благосостоянию частных лиц, чувствуется ими еще живее и¹ во всех странах, где существовали откупа, они были предметами народной ненависти.

Первый источник ее тот самый, о котором шла речь выше:² самый простой, самый неразвитый человек понимает разницу между моральным значением правительства и откупа. Подчиняясь правительству, человек сознает, что эта власть основана на нравственном принципе, вытекает из потребностей общественной жизни, имеет своею коренною целью охранение национальных благ; это подчинение не противоречит совести, напротив, требуется ею; оно не уничтожает, а облагораживает человека, возвышает его в собственных глазах. Но требует ли, дозволяет³ ли совесть, чтобы я подчинялся частному корыстолюбию, вредному не для меня одного, а также и для всех моих сограждан? Нет, это противно совести⁴, унижительно для моего нравственного достоинства⁵. Человек платил презрительною ненавистью тому, кто, пользуясь обстоятельствами, захватывает право унижать его; он ненавидит такого человека, как притеснителя, презирает его, как существо, недостойное уважения по безнравственности поступка: потому у всех народов ненависть к откупам соединена была с презрением⁶.

Стеснение государственной власти, нарушение единства и правильности в управлении через появление администрации откупа независимо от администрации правительства⁷, истощение тех источников, на которых основываются доходы правительства и его могущества, взимание с народа суммы гораздо большей, нежели какая получается правительством, разрушение всех⁸ нравственных убеждений в народе, ослабление чест-

¹ Отсюда и до конца фразы зачеркнуто.

² Слова: Первый источник ее тот самый, о котором шла речь выше зачеркнуты.

³ Слова: ли, дозволяет зачеркнуты.

⁴ Слова: противно совести зачеркнуты.

⁵ Дальнейшая фраза зачеркнута.

⁶ Последующий текст опускается. Он соответствует стр. 322, строка 30, стр. 323, строка 5 сн.

⁷ Слова: Стеснение государственной власти, нарушение единства и правильности в управлении через появление администрации откупа независимо от администрации правительства зачеркнуты.

⁸ Слово: всех зачеркнуто.

ного труда, возбуждение недовольства¹ — вот неизбежные действия откупной системы вообще, каков бы ни был предмет откупа и как бы честны ни были его поступки в смысле формальной законности².

Притом что такое откуп? Постановление власти³; откуп сам есть власть, он сам⁴ дает постановления, он выше их, он чувствует себя хозяином над обществом⁵, и как хозяин считает себя вправе делать все, что хочет и может⁶. Нам⁷ нет нужды подробно говорить здесь о том, что самая администрация постоянно принуждена уступать желаниям откупа. Юридические рассказы, которых так много явилось в последнее время, довольно разъяснили этот факт. Не говоря уже о второстепенных лицах, даже губернатор, всемогущий в других случаях, не может отважиться на серьезную борьбу с откупом: при первой попытке такого рода он был бы низвергнут. Напрасно некоторые писатели слишком преувеличивают влияние подарков, имеющих вид почти правильного жалования, выдаваемого откупом чиновничеству; напрасно думать, что эти подарки—главная причина подчиненности, в которой находится областная администрация относительно откупа. Мы знали губернаторов, которые не брали суммы, назначавшейся им от откупа: в провинциях таких губернаторов откупные дела шли точно таким же образом, как и в других местах, и губернаторы точно так же, как и другие, не дерзали полагать преград ни одному из тех правил откупного управления, которые называются злоупотреблением его. В пример мы припомним один случай, бывший на наших глазах. Город N. имеет до 70 000 жителей и принадлежит к небольшому числу самых оживленных пунктов нашей внутренней торговли. В нем постоянно находятся тысячи людей, приезжающих туда на короткое время по торговым делам. Читатель поймет, как много гостиниц и трактиров должно существовать в этом обширном городе. По непредвиденному случаю изменилась граница губернии, центром которой служит город N: два или три уезда отошли к соседней губернии. Этим до некоторой степени расстроились расчеты откупщика, взявшего на содержание губернский город с его уездом. Число крестьян, приходящих в губернский город по тяжбы и административным делам, уменьшилось на пятую часть; на пятую часть умень-

¹ Слова: возбуждение недовольства зачеркнуты.

² Дальнейший текст опускается. Он соответствует стр. 324 (строки 4—17).

³ Слова: что такое откуп? Постановление власти; зачеркнуты.

⁴ Слова: есть власть, он сам зачеркнуты.

⁵ Слова: он выше их, он чувствует себя хозяином над обществом зачеркнуты.

⁶ Дальнейший текст опускается. Он соответствует стр. 324 (строки 19—40).

⁷ Отсюда и до абзаца, начинающегося словами: Медики говорят, что чем хуже зачеркнуто.

шилось также число народа, прибывающего в губернский город по случаю рекрутских наборов. Откуп вздумал вознаградить эту убыль несоразмерным возвышением в количестве и в цене вина, которое должны брать у него трактиры. Содержатели трактиров, разоряемые непомерным требованием, обратились к губернатору. Они говорили, что и прежде уже принуждены были брать, не помним, по 12 или 15 рублей за ведро, гораздо большее количество вина, нежели какое действительно распродавалось у них; что каждый месяц они приплачивали таким образом сотни и тысячи рублей откупу, возвращая ему по три рубля то самое вино, за которое платили ему по 12 или 15 рублей; что новые условия решительно невыносимы. Губернатор был тогда из таких, которые не берут откупного жалованья. Он видел справедливость жалобы трактирщиков; он старался убедить управляющего откупом оказать снисхождение содержателям трактиров. Управляющий не согласился. Губернатор сделал по принадлежности представление в защиту трактирщиков. Тем не менее, в ожидании решения, он должен был по требованию управляющего откупом закрыть трактиры, не соглашавшиеся на условия откупщика. Их содержатели, ободренные заступничеством губернатора, все, за исключением только двух, объявили, что будут ожидать решения, а до той поры не уступят. Что же? В огромном городе действительно все трактиры, кроме двух, были закрыты. Не умеем сказать год, или полтора года тянулось такое положение; но дело кончилось тем, что, разорившись, содержатели должны были исполнить требование откупа, а губернатор получил неприятность за свое ходатайство. Представляем экономистам сообразить, какое неудобство терпел город и насколько улучшилась нравственность людей, посещавших прежде трактиры, когда они принуждены были вместо трактиров посещать кабаки. Надобно притом заметить, что губернатор, человек безукоризненной честности, отличался страшною энергиею характера и имел в Петербурге чрезвычайно сильные связи. Читатель, не бывший в управляемой им провинции, не поверит примерам чрезвычайной отважности и силы его распоряжений. Он мог делать все, что хотел, но воспротивиться откупу, как видим, решительно не мог, хотя был совершенно прав в этом деле. После этого, скажите, действительно ли в содержании, какое платит откуп чиновничеству, заключается истинная причина постоянных побед откупа при столкновении со всеми другими интересами, истинная причина того послушного содействия, которое постоянно оказывается ему во всем областною администрациею? Нет, содержание, назначаемое чиновникам от откупа, дает им откуп не затем, чтобы подкупить их; он не нуждается в том, чтобы они были подкуплены; для него все равно, с охотою или без охоты вы будете исполнять его желания: во всяком случае вы будете

исполнять их. Это содержание от откупа не причисляется к взяткам по суду общественного мнения; и действительно, оно не взятка, даваемая для того, чтобы чиновник поступил против закона, когда может поступить по закону; нет, оно просто любезный подарок от богатого бедному, не от просителя правителю, а от господствующего подчиненному. Мы готовы объяснить это новым примером из истории того же губернатора, о котором сейчас рассказывали. Человек без состояния и притом человек одинокий, он проживал все свое жалованье без заботы о завтрашнем дне и, получив отставку, должен был занять у одного из своих знакомых несколько сот рублей на проезд в Петербург, где хотел жить, получая свою небольшую пенсию. Перед отъездом его к нему явился управляющий откупом и положил на стол 20 000 рублей, извиняясь, что не мог теперь же привезти других 20 000, которые будут высланы отставному губернатору в Петербург в самом непродолжительном времени. Отставной губернатор в совершенном изумлении смотрел на эти деньги и слушал эту речь. «Да, что такое это значит, объясните, наконец»,—сказал он.—«Ваше превосходительство не изволили брать следовавшего вам содержания от нас. Таким образом за время вашего управления губерниею мы остались вам должны 40 000. Я теперь привез вам половину, другую буду иметь удовольствие прислать вам в самом непродолжительном времени».—Это истинный факт. Отставной губернатор не взял и этих денег, но был чуть не до слез растроган таким, уже в полном смысле слова, бескорыстным исполнением обязанностей, принимаемых на себя откупом относительно областной администрации. В самом деле, зачем было бы теперь откупку давать взятку ему, отставному чиновнику, потерявшему решительно всякое влияние на дела, притом такому чиновнику, который во время своего управления никогда не имел склонности оказывать откупку услуг и старался сколько мог препятствовать его злоупотреблениям? В этом случае прозаические отношения откупа к чиновникам возвысились до поэзии; но в поэзии выражается чистейшая сущность, сублимированная квинтэссенция житейских дел. Не от каждого откупщика можно ожидать рыцарски-самоотверженной деликатности, правилам которой остался верен откуп города N относительно отставного губернатора. Но трогательный поступок этого откупа может служить выражением сущности положения, в котором стоит откуп к чиновникам по предмету содержания, которое дает он.

Эти взятки вовсе не имеют целью купить содействие администрации. Оно без всяких взяток уже приобретено откупом. Это содержание имеет тот самый смысл, какой имеет целковый рубль, даваемый вами рассыльному, посланному к вам из какой-нибудь канцелярии с документами и книгою для расписки в их получении. Рассыльный послан и обязан доставить

вам книгу и документы. Хотя бы он и не надеялся получить от вас вознаграждение за свой поход к вам, хотя бы и не хотел идти к вам, все-таки он пришел. Неужели вы купили эту услугу вашим рублем? Неужели этот рубль взятка? Нет, он действительно только благодарность за невольную услугу, полученную от человека недостаточного.

Мы говорим все это к тому, чтобы разъяснить истинную причину влияния откупа на администрацию. Она лежит не в каких-нибудь полузаконных денежных сделках между откупом и чиновниками. Нет, она дается самою сущностью дела. Суммы, доставляемые откупом, служат главною статьею бюджета, самым важным из всех его оснований. Интерес откупа по этому самому необходимо должен стоять в администрации выше всяких других интересов¹.

Медики говорят, что чем хуже качество водки, тем более располагает она организм к тому, чтобы человек сделался пьяницею. Известно, что в Западной Европе не существует болезнь, называемая у нас запоем. Конечно, могут быть для нее какие-нибудь моральные особенности нашего общества, но несомненно то, что важнейшею причиною ее надобно полагать именно дурное качество нашей водки. Это крайняя степень развития губительных действий разных примесей, которыми подправляет откуп вкус слишком рассыропленного вина, чтобы придать ему обманчивую жгучесть. Каковы² эти примеси для здоровья, можно судить по одной из них, для очень многих из наших провинций не составляющей секрета, — в водку, страшно разбавленную водою, льют купоросное масло, — и находятся люди, утверждающие, что эта примесь не вредна, — вероятно, не вредна по сравнению с сулемою или мышьяком. Как бы то ни было, люди, знакомые по опыту с употреблением водки, свидетельствуют, что похмелье от вина, разбавленного водою и приправленного для вкуса разными жгучими веществами, гораздо тяжелее, нежели от хорошей водки, и что позыв снова налить себя водкою для погашения тоскливого жара, оставляемого прежним приемом, тем непреодолимее, чем хуже водка.

Но все эти вредные последствия злоупотреблений откупа, как ни тяжелы они и вообще для народного хозяйства, и для здоровья³ отдельных лиц, мы считаем еще маловажными по сравнению с самым страшным из всех злоупотреблений откупа, — злоупотреблением, столь же неизбежно вытекающим из его сущности, как и все остальные, — и рассыропление водки, и вредные⁴ подмеси, и подавление земледелия и скотовод-

¹ Дальнейший текст опускается. Он соответствует стр. 324, строка 7 сл., стр. 326, строка 19.

² Отсюда и до слов: люди, знакомые по опыту зачеркнуто.

³ Слово: здоровья зачеркнуто.

⁴ Слово: вредные зачеркнуто.

ства, — все это ничтожно по сравнению с прямою заботою откупа о развращении народа. Каждому известно, что если село было зажиточно, пока не существовал в нем кабак, оно неминуемо беднеет вслед за основанием в нем кабака. Отчего это? Неужели в самом деле только оттого, что явилось под руками у мужиков место продажи вина? Неужели сам по себе наш мужик так падок на пьянство, что при первой возможности начнет пить до тех пор, пока весь пропьется? Если так, почему же в юго-западных губерниях при вольной продаже водки и вольном винокурении было меньше пьянства, нежели в восточных и северных, где был откуп? Нет, дело разрешается, если вы первого встречного мужика или мещанина спросите, что такое кабак. Кабак не просто лавка, в которой продается вино тому, кто приходит купить его, — нет, кабак употребляет всю изобретательность соблазна и плутовства, чтобы стать притоном всех возможных пороков и мошенничества¹. Он не ограничивается продажей вина желающим, он всеми средствами заманивает покупать его и тех, которые сами по себе вовсе не имели этого желания, — дело коммерческое, как же вы хотите иначе? Развитию² других подобных коммерций мешает администрация, но над кабаком она бессильна. Это блаженный азиль всего того, что не может быть терпимо ни в каком другом месте, это³ вольная республика среди русского царства, не подлежащая власти русских законов. Власть русского правительства легче арестует беглого вора в Бразилии, нежели в кабаке. За его полуразвалившимися стенами прекращается действие всяких законов, кроме законов, предписанных выгодами откупа. Он всеми средствами заманивает⁴ к пьянству каждого окольного жителя. Как усердно и любезно целовальник заманивает его к своей стойке посредством своих агентов! Ни наш незабвенный Излер, ни великий американец Барнум не превосходили любого целовальника изобретательностью в средствах заманивать⁵ к себе посетителей. Для посетителя кабака уже приготовил и общество обоего пола. Тут уже готовы ободрать новичка своим примером и просьбами несчастные инвалиды пьянства, — кабак даром содержит, кормит и поит их, чтобы они своею беседою и помощью вели по надлежащему пути мужика, попавшего в этот вертеп. Тут есть и раздражающие вкус к вину закуски. Тут есть и женщины, какие нужны для развития пьянства, они также состоят в штате кабака, содержатся на его счет. У посетителя нет денег, чтобы окончательно напиться пьяну? Это не помеха: кабак разменяет ему на вино любую вещь, какую угодно:

¹ Слово: и мошенничества зачеркнуто.

² Отсюда и до конца фразы зачеркнуто.

³ Отсюда и до слов: Он всеми средствами зачеркнуто.

⁴ Слово: заманивает исправлено: зазывает

⁵ Слово: заманивать исправлено: завлекать.

кафтан, полушубок, рубашку, сапоги, лошадь, телегу, хлеб, баклагу с дегтем, привешенную под телегой, и все, что угодно, что бы ни лежало на телеге. Это¹ строго воспрещено законом, но что за помеха кабаку закон русского правительства? Мы уже сказали, что кабак — независимая от русского царства республика, признающая из всех властей земных и небесных одну власть откупщика, из всех законов, божеских и человеческих, подчиняющаяся одному закону выгоды откупщика. Этими приятностями и удобствами, доставляемыми обществу, не ограничивается благодетельная роль кабака. К чему бы существовали азили, если бы они не давали приюта людям, преследуемым злобою человеческою? Кабак верен этому высокому призванию. Он служит притоном всех² воров и разбойников, которым заблагорассудится искать его гостеприимного крова. Он не выдаст никому своих доверчивых гостей: их невинность останется неприкосновенна под его бдительным охранением, под его мощным заступничеством³. И те, более счастливые артисты, которые имеют притоны свои вне кабака, процветают только благодаря его участию в их отважном промысле. Индустрия упадет, если не находит сбыта своим продуктам; верный рынок — важнейшее условие для ее преуспевания. Кабак подавляет земледелие — неужели он не поймет обязанности своей вознаградить общество за потерю в одной отрасли деятельности поддержкою другой отрасли? Это было бы тупою неблагодарностью, а мы уже убедились, что⁴ агенты откупа обязательны до великодушия. За вред, приносимый земледелию, кабак с лихвою вознаграждает нацию тою помощью, какую оказывает воровству. Краденая или приобретенная грабежом, убийством вещь всегда найдет верный сбыт в кабак: сюда, к нам, приятели, мы все у вас купим, за все заплатим наличными деньгами или водкою по вашему желанию. Этот род торговли развит до того, что берет во многих кабаках решительный перевес над официальным их промыслом, продажей водки. И они кабаки только по названию, а на деле — исключительно биржи воровского промысла. Утешительным примером того, что конкуренция вовсе не так убийственна для соперников более счастливого торговца, как уверяют некоторые, служит то, что это особенно живое сосредоточение воровских вещей в некоторых кабаках нимало не препятствует очень деятельному ходу того же занятия и во всех других.

Совершенно⁵ ошибаются те, которые говорят, что откуп

¹ Отсюда и до слов: Этими приятностями и удобствами зачеркнуто.

² Слово: всех зачеркнуто.

³ Слова: под его мощным заступничеством зачеркнуты.

⁴ Слова: мы уже убедились, что зачеркнуты.

⁵ Отсюда и до абзаца, начинающегося словами. Да и на солнце есть пятна зачеркнуто.

обкрадывает и грабит народ продажей по страшно дорогой цене страшно разбавленного водкою, испорченного вредными примесями вина. Мы торжественнейшим образом протестуем против этого неосновательного мнения. Не следует называть воровством или грабежом ничего иного, кроме прямого, настоящего воровства в строгом смысле слова. Обман в цене и качестве продаваемого предмета не есть еще грабеж — это только обман, плутовство. Потому мы думаем, что называть кабатчиков ворами за дурное качество и высокую цену водки значит клеветать на них. Клеветать — дело гнусное.

Нам очень прискорбно, что эту, столь жаркую роль в защите кабатчиков от клеветы мы должны заключить некоторую, впрочем, незначительную уступкою их противникам: кабатчики действительно могут быть названы ворами и грабителями, потому что занимаются воровством и грабежом в точном и подлинном смысле слова.

Да, и на солнце есть пятна, и в откупной системе есть не совершенно безукоризненные стороны, которых не может вполне одобрить строгий моралист.

Впрочем, мало ли чем бывает недоволен строгий моралист? Нам кажется, что¹ он не был бы доволен и тем, что русское общество нуждается в статьях против откупа. Ведь² не нуждается оно в статьях против людоедства, в доказательствах непохвальности грабежа на больших дорогах, в диссертациях, объясняющих преступность делания фальшивой монеты. Нам кажется, что рассуждать о вреде откупа значит оскорблять читателя, как оскорбляло бы рассуждение о том, что грязь действительно грязна и надобно смыть ее с своего лица, если оно осквернено ею.

Не по этой одной причине нам было тяжело приниматься говорить против откупа. Неприятность дела усиливалась теми мыслями, которые мы высказали в начале статьи. Странно, до обидности странно видеть людей, говорящих ныне то, чего не говорили они вчера, хотя нет ныне ни одной такой причины воспламениться этим предметом, которая не существовала бы в такой же сильной степени и вчера; обидно видеть и самого себя в таком нелепом положении. Но есть еще третье обстоятельство, едва ли не более неприятное, чем два первые.

Мы, кажется, не смягчали гибельных³ следствий откупа, — наше изложение не отличалось снисходительностью к нему. Мы доказывали, что все эти последствия необходимо вытекают из самой сущности откупа, не могут быть никакою силою отделены от нее; что пока будет существовать откуп, он будет

¹ Слово: что зачеркнуто.

² Отсюда и до конца абзаца зачеркнуто.

³ Слово: гибельных зачеркнуто.

обманывать и обессилить¹ правительство, обманывать, разорять и развращать, преднамеренно, систематически развращать нацию².

Мы не будем говорить о том, сколько выиграли бы земледелие и скотоводство от такой перемены. Этот выигрыш надобно было бы оценивать не десятками, а сотнями миллионов рублей.

К выгодам, о которых говорят все, могут быть присоединены еще и другие, не менее важные, указанные³ уже предыдущим очерком роли, какую играет откуп в государстве. С уничтожением откупа прекратится разновластие, отнимающее силу у правительственной администрации; областное управление избавится от соперника, над которым теперь оно бессильно, которому принуждено уступать во всех случаях столкновения⁴.

Но эта великолепная перспектива все-таки не ослепляет нас относительно главнейшей выгоды, которую многие считают удободостижимой посредством одного только уничтожения откупов; вся⁵ ненависть, с которой изображали мы сущность откупа и неизбежные его последствия, не должна помрачать нашего беспристрастия настолько, чтобы приписывать прямо и единственно откупам того бедствия, которые многие приписывают почти исключительно ему⁶.

¹ Слова: и обессилить зачеркнуты.

² Дальнейший текст опускается. Он соответствует стр. 328, строка 13 сн., стр. 330, строка 8.

³ Отсюда и до конца абзаца текст зачеркнут.

⁴ Дальнейший текст опускается. Он соответствует стр. 330 (строки 13—41).

⁵ Отсюда и до конца фразы зачеркнуто.

⁶ Окончание статьи опускается. Оно соответствует стр. 330, строка 4 сн., стр. 334.

С. А. РЕЙСЕР

ВОСПОМИНАНИЯ А. А. СЛЕПЦОВА *

Судьба мемуаров видного деятеля первой «Земли и воли» — Александра Александровича Слепцова (1835—1906) — очень непохожа на историю большей части существующих в нашей литературе воспоминаний. Первый вариант, написанный по следам событий, был вскоре сожжен; начатые вторично много лет спустя — одновременно в форме записей и в виде диктанта — не были завершены. После смерти их автора они на ряд лет исчезли из поля зрения и были опубликованы через 13—14 лет в виде беспорядочных цитат и отрывков, давших повод даже подозревать подделку или фальсификацию.¹

При скудности и противоречивости документальных данных по истории первой русской «революционной партии» приобретают важное значение и сохранившиеся фрагменты.

* В статье приняты следующие условные сокращения:

Боград—В. Э. Боград. О мемуарах Слепцова. ЛН., № 67, 1957, стр. 669—684.

Герцен — А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке. Пг.-Л., 1915—1925.

ИРЛИ — Институт русской литературы Академии наук СССР.

Л — М. К. Лемке.

ЛН — «Литературное наследство».

Н — Копия мемуаров Слепцова, сделанная неизвестной рукой.

Нечкина — М. В. Нечкина. Возникновение первой «Земли и воли». В сб.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1960, стр. 283—298.

Слепцова — М. Н. Слепцова. Штурманы грядущей бури (Из воспоминаний). «Звенья», вып. 2, 1933, стр. 386—464.

¹ Б. П. Козьмин. Был ли Н. Г. Чернышевский автором письма «Русского человека» к Герцену? ЛН, № 25—26, 1936, стр. 578. Добавим, что основания для таких подозрений были: М. К. Лемке ссылался, например, на сенатское дело о Чернышевском, содержавшее будто бы собственноручный список сочинений Добролюбова, на записку Герцена, якобы касавшуюся плана «Былого и дум»: эти документы, скорее всего — плод его полемического вымысла. Неясная и полутаинственная история с мифическим (?) рассказом Некрасова «Как я велик», очевидно, тоже связана с именем Лемке.

Первый вариант мемуаров Слепцов, судя по воспоминаниям его жены—Марии Николаевны Слепцовой¹, стал вести еще в начале 1860 годов. Скорее всего это были не мемуары, время для которых еще не настало, а нечто вроде дневника современника и непосредственного, активнейшего участника событий. Эти записи Слепцов вел совместно со своим другом, тоже землевольцем Александром Александровичем Мордвиновым. Он хранил их частично у него, частично у какого-то его высокопоставленного родственника, но в большей своей части у своего брата, занимавшего в провинции видный административный пост. У Слепцова было четыре брата: Алексей—в 1863 г. подпоручик, Дмитрий—поручик в отставке, Василий—чиновник департамента герольдии и Николай—председатель Рязанской палаты гражданского суда²—только о нем может идти речь.

Эти дневниковые записи были сожжены Н. А. Слепцовым в период эмиграции его брата, то есть в 1863—1868 гг. Об этом А. А. Слепцов в 1905 г. писал А. А. Черкесову: «брат мой, испугавшись обыска, сжег многие мои бумаги, записи»³.

Второй раз Слепцов начал вести мемуары спустя приблизительно сорок два года, выйдя в отставку, уже на склоне лет и незадолго до смерти.

Поводом для них были печатавшиеся в петербургской газете «Наша жизнь» в ноябре 1904—январе 1905 г. воспоминания другого землевольца—Лонгина Федоровича Пантелеева, посвященные «Земле и воле». В марте 1905 г.⁴ они вышли в свет в составе первого тома книги Пантелеева «Из воспоминаний прошлого».

Начиная с конца 1904 г. и до смерти, наступившей 22 июня 1906 г., то есть приблизительно в течение полутора лет, А. А. Слепцов (вероятно, по совету Лемке) и был занят своими мемуарами, возникшими из полемических побуждений. 18 декабря 1904 г. Слепцов писал Пантелееву: «с изумлением читаю я, Логин Федорович, те пошлости и гнусности, которые Вы печатаете в газете «Наша жизнь» под видом «воспоминаний о давно-минувшем». Жду окончания их, чтобы высказаться о них во всеуслышание...»⁵.

Примерно тогда же Слепцов просил А. А. Черкесова, тоже бывшего землевольца, вступить с ним «в переписку для восстановления нескольких фактов из дальнего прошлого». Прямо ссылаясь на искажение фактов в воспоминаниях Пантелеева, Слепцов писал: «я иду немногих еще оставшихся свидетелей того времени, чтобы пособить своей памяти»⁶.

Воспоминания Слепцова остались незавершенными. Они были задума-

¹ Слепцова, стр. 399.

² ЛН, № 63, 1956, стр. 153.

³ Слепцова, стр. 413, О том же М. Н. Слепцова писала М. К. Лемке 20 августа 1906 г. (Боград, стр. 675).

⁴ «Книги, поступившие в Главное управление по делам печати с 1-го по 31-е марта 1905 г.», № 2878.

⁵ Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. Вст. статья В. И. Невского, ред. и комментарии С. А. Рейсера. М.—Л., 1934, стр. 721. Попытки напечатать какое-то очень резкое возражение Пантелееву в «Былом» в 1906 г. не осуществились; об этом—письмо В. Л. Бурцева Слепцову от 19 февраля 1906 г., Боград, стр. 671.

⁶ Слепцова, стр. 413. Кроме Черкесова, Слепцов установил связи с С. П. Ганнефельд, С. Н. Южаковым и некоторыми другими лицами; см. Боград, стр. 674—675. Биографический очерк Слепцова, напечатанный в томе 22-м «Большой энциклопедии» (1909), написан скорее всего редактором издания—С. Н. Южаковым на основании данных, полученных от Слепцова, а возможно, и был просмотрен последним. В этом очерке заслуживает внимания указание на существование «лицейского кружка» «Земли и воли».

ны в трех частях; имеющиеся в нашем распоряжении отрывки — лишь меньшая часть того, что было написано из первой части. Часть вторая осталась ненаписанной: в ней Слепцов должен был дать, по словам Лемке, «точные сведения об этих организациях <о «Русском центральном народном комитете» «Земли и Воли» и о комитетах на местах> и их главнейших деятелях: поэтому писать ее, как и третью—наброски лиц, предполагалось в других условиях»¹.

Но первая часть, по-видимому, была написана: во всяком случае, Лемке в форме писал о «полном тексте его тетради» (Герцен, т. 16, стр. 71), который имел в виду опубликовать в специальной работе.

Из комментариев Лемке к полному собранию сочинений и писем Герцена (т. 16, стр. 70) мы узнаем, что кроме этой тетради—мемуаров, собственноручно писанных их автором, одновременно существовал и другой их своеобразный вариант—записи, сделанные Лемке под диктовку престарелого и больного Слепцова. Как следует из замечаний Лемке, эти записи представляли собою ответы на задававшиеся М. К. Лемке вопросы, то есть нечто вроде записей интервьюера. Этот диктант,—очевидно, автограф Лемке—и собственноручные мемуары А. А. Слепцова цитируются Лемке равноправно и недифференцированно. Не забудем, впрочем, что Слепцов предоставил Лемке в этом отношении полный *carte blanche*: «если признаете мои листы на что-нибудь годными,—писал он,—печатайте их в целом, по частям, в извлечениях,—как хотите» (см. ниже «Воспоминания», № 1).

После смерти Слепцова тетрадь, содержащая его мемуары, была М. Н. Слепцовой передана Лемке (т. 16, стр. 70—71), который собирался опубликовать все материалы «в особой специальной работе» (т. 16, стр. 71). Но некоторые бумаги остались у вдовы—об этом можно судить по частым ссылкам на них в ее мемуарах.

М. К. Лемке имевшиеся у него материалы давал на некоторое время М. Н. Чернышевскому. Копируя их, последний 16 октября 1913 г. на отдельном листке (обертке) написал: «Из слепцовской тетради» (ИРЛИ, ф. 250, оп. I, № 714).

В 1919 и 1920 гг. и автограф и диктант были в какой-то своей части (до сих пор неизвестно, в какой) опубликованы М. К. Лемке в разных местах и в составе комментариев к 10 и 16 томам названного издания Герцена². (В. Э. Боград, стр. 679) обратил внимание на то, что в отрывке № 4 есть слова: «Хотелось мне высказать свои, **уже описанные выше** впечатления из поездки в Лондон». Подчеркнутые слова свидетельствуют

¹ Герцен, т. XVI, стр. 84, ср. письмо М. Н. Слепцовой М. К. Лемке от 20 августа 1906 г., Боград, стр. 675.

² Т. X, стр. 224, 425—427; т. XIV, стр. 72—100, 338. У М. В. Нечкиной на стр. 276 неточно: т. X, стр. 423—427, т. XVI, стр. 69—102, 155—176. Тексты т. X и XVI в 1958 г. были перепечатаны И. В. Порохом в изд.: «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников», т. 1, стр. 283—296 под заглавием «Заметки из тетради»: см. мой отзыв об этой публикации—«Вопросы литературы», 1960, № 4, стр. 215.

Текст воспоминаний Л. Ф. Пантелеева цитируется М. В. Нечкиной по изданию, вышедшему под моей редакцией в 1934 г. Новое издание 1958 г., содержащее несколько десятков пополнений текста и уточнений комментариев, не учитывается. Только этим может быть объяснена обширная сноска на стр. 286 назв. статьи М. В. Нечкиной, посвященная полемике со мною относительно срока существования «Земли и воли». Достаточно взглянуть в комментарий на стр. 748 издания Пантелеева 1958 г., чтобы увидеть, что вызвавшая спор дата (на стр. 252 издания 1934 г.) уточнена. Статья М. В. Нечкиной напечатана в сборнике, изданном в 1960 г., то есть спустя два с половиной года после выхода нового издания воспоминаний Пантелеева.

о том, что еще какая-то (а скорее—еще какие-то) части были написаны. Автографы остаются до сих пор не найденными и вероятнее всего погибли¹.

К этим основным отрывкам необходимо присоединить еще один важный—впервые напечатанный М. К. Лемке в книге: «Политические процессы в России 1860 г.» (изд. 2, М.—Пг., 1923, стр. 318; в первом варианте этой работы, напечатанной в журнале «Былое» в 1906 г., этого отрывка не было).

Не лишены значения цитаты разной степени достоверности могут быть извлечены из воспоминаний М. Н. Слепцовой — «Штурманы грядущей бури», напечатанных в сильно сокращенном виде в сборнике «Звенья»².

Следует, впрочем, иметь в виду, что «мемуарность» напечатанного М. Н. Слепцовой весьма относительна. Ни современницей, ни очевидицей описываемых ею событий она не была и быть не могла. Дочь отставного подполковника Николая Степановича Лаврова—Мария Николаевна родилась в 1861 г. (сконч. в 1942? г.), а третьей женою Слепцова стала только в 1881 г., то есть, когда ее муж уже бесконечно далеко отошел от «увлечений молодости». Между тем, напечатанные в «Звеньях» воспоминания могут ввести в заблуждение—изложение создает впечатление, будто бы М. Н. Слепцова пишет о годах совместной со Слепцовым борьбы³. Ее воспоминания написаны со слов мужа, отчасти по памяти, отчасти с использованием оставшихся после него бумаг⁴.

Наконец, в 1957 г. в том 67-м «Литературного наследства» В. Э. Боградом были опубликованы разысканные им в архиве А. Н. Пыпина в Пушкинском Доме Академии наук СССР новые важные материалы. Наиболее интересен отрывок из воспоминаний Слепцова, скопированный в 1913 г. М. Н. Чернышевским. Этот отрывок сообщает и новые, неизвестные ранее тексты и позволяет определенным образом оценить качество опубликованных Лемке отрывков. Наконец, эта находка окончательно опровергает гипотезу о фальсификации изданных М. К. Лемке текстов — аутентичность их теперь вне сомнений.

Таким образом, мы располагаем:

- а) отрывками, написанными А. А. Слепцовым;
- б) отрывками, записанными М. К. Лемке под диктовку Слепцова;
- в) цитатой, опубликованной М. К. Лемке в книге: «Политические процессы в России...»;
- г) отрывками, обнаруженными В. Э. Боградом;
- д) цитатами в составе воспоминаний М. Н. Слепцовой.

2

Собирая воедино все наличные тексты, естественно их дифференцировать. Прежде всего, возникает проблема—отделить собственноручный текст Слепцова от диктанта. Совершенно очевидно, что одно дело —

¹ Ср. Слепцова, стр. 402, 434, 446.

² Вып. 2, М., 1933, стр. 386—464; см. предисловие от редакции на стр. 386; полный текст хранится в ЦГАЛИ, фонд № 462, оп. 1, № 47. В моем распоряжении был микрофильм.

³ ЦГАИЛ, фонд № 733, оп. 121, дело 1880—1902 г., № 429 (45/167344) департамента народного просвещения о причислении к министерству народного просвещения ст. сов. Слепцова, формулярный список, л. 2 и др.

М. Н. Слепцова была именно женою, а не приемной дочерью Слепцова, как об этом иногда сообщается в литературе (например, Я. И. Линков, «Вопросы истории», 1958, № 9, стр. 39, ср. Н. В. Шапошников, Heraldica, т. I, СПб., 1900, стр. 368).

⁴ Слепцова, стр. 403, 445, 449.

писать мемуары по заранее задуманному плану, другое—отвечать на самые разнообразные вопросы интервьюера: в этом случае, записывающий, естественно, вносит в текст, кроме диктуемого, еще, что-то и от себя. Аутентичность такого текста неполная.

М. В. Нечкина указывает, что отличить диктант от автографа А. А. Слепцова можно на основании ряда признаков (Нечкина, стр. 289). Из них в цитируемой работе приведены два: «ссылка на рассказ Слепцова» и особая структура этих записей (Разрядка М. В. Нечкиной, С. Р.) Приводимые М. В. Нечкиной приметы могут быть приняты с некоторыми оговорками.

Ссылку на рассказ, в буквальном смысле этого слова, мы не встретим ни разу, но в приводимых Лемке цитатах встречаются формулы: «пишет Слепцов» и «говорит Слепцов». Слова «говорит», собственно, недостаточно, чтобы заключать о рассказе — это может быть и обычная формула нашей устной и письменной речи. Вполне возможно сказать «говорит», относя это к письменной речи. Слепцов, например, конечно, имея в виду письменный текст, в отрывке № 5 заметил: «о чем я скажу во второй части».

Признать бесспорность приметы «рассказ» мешает еще и следующее обстоятельство. В середине отрывка № 8 после слова «помню» Лемке вставил «говорит Слепцов». Стало быть, перед нами диктант. Но дело в том, что этот самый отрывок мы находим и в несколько более распространенном варианте в воспоминаниях М. Н. Слепцовой: он приводится ею с недвусмысленным примечанием: «цитирую по запискам Слепцова». Сравнение обоих текстов убеждает нас в том, что источник один и тот же, и что цитата у М. Н. Слепцовой более полна и, насколько можно судить, и более точна. Возможно, впрочем, что М. К. Лемке цитировал отрывок по диктанту, а Слепцов позднее ввел те же мысли и в текст своих мемуаров: во всяком случае, обвинять М. Н. Слепцова в сочинении от имени ее покойного мужа этого отрывка едва ли приходится. Следует иметь в виду, что диктант никогда не оставался у Слепцова; записанное им Лемке уносил с собой. Значит, слова «цитирую по запискам Слепцова» именно и только их и имеют в виду.

Отрывков, предположительно восходящих к автографу, т. е. содержащих формулы: «пишет Слепцов», «пишет... о нем скажу во второй части», «вот что он записал», «свидетельствует в своих воспоминаниях» (другая формулировка того же отрывка: «копия с категорическим свидетельством»), «вот что он записал в имеющемся у меня своем мемуарном манускрипте» — семь (№ 5—7, 10, 12, 14 и 17). Отрывки № 11 и 13 присоединены к предшествующим им № 10 и 12 по непосредственной с ними связи. Отнесение к группе автографов отрывков № 1—4, 15 и 16 и выделение в особую группу (приложения—«Дивиа») не требует пояснений (см. соответствующие примечания).

Отрывков, содержащих формулы: «говорит Слепцов», «говорит... заметил Слепцов», «заметил Слепцов» насчитывается девять (№ 18—20, 22—25, 27 и 28). Отрывок № 21 присоединен по связи с предшествующим ему № 20.

Отрывок № 13 не содержит никаких признаков («говорит» или «пишет»), которые позволили бы отнести его к той или иной группе. Но, судя по тому, что текст заканчивается непосредственным обращением Лемке к Слепцову («на мой вопрос»),—перед нами диктант.

Менее ясен отрывок № 26. Судя по тому, что Лемке прерывает изложение второй фразы вставкой — «продолжает он» — перед нами связный и единый с первой фразой отрывок. Фрагмент № 27 непосредственно к нему примыкает и по содержанию и по той же вставке — «продолжает он». Слова же этого отрывка — «опять пришлось пойти на дипломатию» заставляют вспомнить об отрывке № 25, в котором рассказывается о поездке Пантелеева в Вологду якобы для организации отделения «Земли и воли», которое на самом деле там уже существовало. Но в отрывке № 25 есть ясное указание — «говорит Слепцов». Значит, все три отрывка следу-

ет ввести в диктант. Против этого — наличие в отрывке № 27 двух сносок. Сноски в диктанте явление необычное, по характеру речи им там не место. Возможно, что первая сноска (содержащая ссылку на источник) принадлежит Лемке, но вторая — «власть о нем ничего не знала» вполне может принадлежать диктовавшему текст Слепцову: таков ее стиль (разговорное «власть» в ед. числе) и общий характер: скорее всего, при диктанте Лемке отнес это вводное предложение в сноску.

Под «особой структурой» М. В. Нечкина понимает прежде всего, как видно из текста ее статьи, систематические интерполяции М. К. Лемке, который, как указывает М. В. Нечкина, «довольно бесцеремонно вырвался со своими «поправками» и «соображениями» (стр. 288). Пример такого рода интерполяции приводит, со значительной степенью вероятности, В. Э. Боград в названной выше работе: слова — «разных кружков» в отрывке № 4 введены скорее всего Лемке (стр. 678).

Замечание М. В. Нечкиной несомненно правильно, и задачей будущего исследователя остается выделение такого рода вставок. Работа эта должна быть произведена с большой осторожностью, но и без чрезмерной подозрительности.

Остановимся, в этой связи, на нескольких строках работы М. В. Нечкиной.

Отрывок № 18 занимает в издании Герцена страницы 72—73 тома 16-го: он состоит из девятнадцати строк, и как во всех других случаях заключен Лемке в кавычки. М. В. Нечкина полагает, что находящиеся в пределах кавычек слова: «Мысль, собственно, не вполне Огарева: пожалуй одновременно она складывалась у Николая Серно-Соловьевича» представляет собою вставку Лемке (стр. 289 статьи)¹.

Заметим, прежде всего, что цитата приведена М. В. Нечкиной не полностью: если начало фразы принадлежит Лемке, ему же, надо думать, принадлежит и ее продолжение — «как только ему стало ясно направление «Великорусса», которому он писал свой «Ответ», вызвавший «Ответ на ответ Огарева». Нельзя ведь допустить, что одна часть фразы — вставка Лемке, а ее непосредственное продолжение — снова Слепцов? В этом случае отрывок Слепцова представлял бы собою бессмысленный набор слов!² Но если признать всю фразу — вставкой Лемке, то очевидно, что и следующие строки до конца кавычек тоже принадлежат Лемке. Иначе весь отрывок становится совершенно бессвязным.

В самом деле, у нас нет никаких оснований оспаривать авторство Слепцова для всего этого отрывка: по тону, по характеру изложения, по содержанию — он полностью примыкает к другим текстам Слепцова.

Таким образом, кажется невозможным принять эту гипотезу М. В. Нечкиной и обеднить и без того немногие дошедшие до нас тексты Слепцова. Тем самым и последующие замечания М. В. Нечкиной по адресу М. К. Лемке являются, на самом деле, запоздалой полемикой со Слепцовым: соответствующие строки на стр. 289 представляются едва ли не недоумением, поучительным лишь в том смысле, что заподозривать интерполяции редактора следует с большой осторожностью.

М. В. Нечкина полагает, что приводимый М. К. Лемке текст Слепцова не всегда точно сепарирован от других текстов. По ее мнению, в некоторых из цитат «отражены, по-видимому, как можно судить по контексту, не только рассказы этого мемуариста, но также записи устных сообщений И. И. Шамшина и Г. П. Гофштетера. Полностью разобраться в этом можно будет лишь в том случае, если подлинные материалы бу-

¹ Цитата, впрочем, дана не вполне точно и здесь исправлена.

² Н. Н. Новикова справедливо рассматривает этот текст, как принадлежащий Слепцову. См. ее статью: «Комитет «Великорусса» и борьба за создание революционной организации в эпоху падения крепостного права», «Вопросы истории» 1957, № 5, стр. 139.

дут обнаружены»¹. В более поздней статье: «Возникновение первой «Земли и воли» исследовательница продолжает утверждать, что «вполне дифференцировать свидетельства Слепцова от свидетельств Шамшина пока не представляется возможным» (стр. 288).

Однако обращение к цитатам, приводимым в комментариях к изданию Герцена, показывает, что во всех случаях авторство той или иной цитаты у Лемке точно и раздельно оговорено. Сведения, полученные от Шамшина, отмечены словами: «по свидетельству И. И. Шамшина» (Герцен, т. 10, стр. 287), и «как назвал ее мне покойный сенатор И. И. Шамшин» (там же, т. 15, стр. 589).

Цитаты из Г. П. Гофштетера тоже точно оговорены: «со слов Гофштетера» (т. 16, стр. 84)², «как сказано в записке Гофштетера» (там же, стр. 97), «Гофштетер говорил мне» (там же, 101), «записал Гофштетер» (там же), «Гофштетер называл его мне» (там же, 165), «по записке, составленной для меня Гофштетером» (там же, 337), «Гофштетер свидетельствует» (т. 17, стр. 110) и только один раз слято (вне цитаты, в ссылке на источник утверждения)—«записки и указания А. А. Слепцова и Г. П. Гофштетера». (т. 22, стр. 136).

Таким образом, сомнение в раздельности цитируемых М. К. Лемке текстов представляется необоснованным. Опасность принять тексты И. И. Шамшина или Г. П. Гофштетера за тексты Слепцова или наоборот—исследователю не угрожает.

Другое дело — точность цитирования. Сравнение обнаруженной В. Э. Боградом копии с тем же отрывком в издании Лемке (№ 4) и две редакции фрагмента о «пятерках» — М. Н. Слепцовой и М. К. Лемке (№ 8 и 9) позволяют сделать выводы относительно текстологических методов М. К. Лемке. Далекий от современных строгих требований советской текстологии и не пройдя филологической школы в расшифровке и издании старинных текстов (в этой области сосредоточилась дореволюционная русская текстология)—Лемке обращался с текстами весьма вольно. Он признавал только связный и законченный текст, а это неизбежно приводило к тому, что текст «улучшался»—неразобранные слова пропускались без всякого их обозначения, либо же вместо неразобранного слова «с ходу» вставлялось первое подходящее по смыслу. Несогласованных мест Лемке не признавал, а приводил их в «упорядоченный вид»: таким образом, неоговоренные конъектуры, если только это можно назвать конъектурами, — были любимым его приемом. Не говорю уже о том, что записанный им самим диктант он считал себя вправе исправлять, рассматривая его, как отчасти свой текст.

Так, если Слепцов писал схематично—«а, б, в, г, д»,—то Лемке придавал изложению «живость», печатая: «Иванов, Сидоров, Петров, Николаев и Павлов». Если у Слепцова фраза была трудна для чтения, то непрочитанную часть Лемке отбрасывал—«Только не зная среду, к которой обращаешься, установить трудно... а вот»—далее следовали три непрочитанных слова. Лемке предпочел отбросить «а вот», придав фразе законченность. Еще один пример такого же рода: «Впоследствии при встрече в Ницце < 4 слова нрзб. > приходит к этому сознанию... как бы он не сразу согласился». Всю эту недоработанную в автографе фразу Лемке вовсе опустил!

В нашем распоряжении нет пока возможностей восстановить подлинный текст. Надо примириться с существующим—за неимением лучшего и более достоверного.

То же самое касается и сложного вопроса о последовательности ог-

¹ «Земля и воля» 1860-х годов. [По следственным материалам]. «История СССР», 1957, № 1, стр. 107.

² Особо обращаю внимание на это место: цитата из Гофштетера представляет собою сноску к тексту Пантелеева. Таким образом, Лемке явно старался не смешивать тексты разных авторов.

рывков. У нас нет никаких оснований думать, что Лемке цитировал их в порядке следования в автографах и диктантах: скорее всего, выбор цитат Лемке подчинил своему плану изложения истории «Земли и воли», вырывая их из самых разных мест рукописей.

Набросок № 3, представляющий собою нечто вроде начальной части мемуаров, вскоре сбивается на план всего труда, но и он не может быть основанием для того или иного расположения отрывков—реализация замысла очень далеко ушла от этого наброска.

По этим соображениям, расположение отрывков в той или иной последовательности становится делом редактора: естественно напрашивается расположение в порядке значительности сохранившихся фрагментов. Разумеется, здесь неизбежна определенная доля субъективности, и упреки в таком, а не ином расположении отрывков естественны.

К сожалению, оказалось невозможным все дошедшие до нас куски дать в «чистом» виде—только в виде цитат Слепцова. В таком случае, текст иногда оказался бы бессмысленным—ведь Лемке прямо указывает, что он берет лишь нужные ему отрывки. Пришлось в нескольких (немногих) случаях, для связи, начинать отрывок с текста М. К. Лемке—он воспроизводится жирным шрифтом.

В угловых скобках, жирным же шрифтом, приведены и принадлежащие редактору слова—там, где они необходимы для осмысления отрывка.

Все ссылки на воспоминания Пантелеева переведены на издание 1958 г.

Задача критической проверки и комментирования текста не стояла, в данном случае, перед редактором. В запоздавшей на сорок три года полемике Слепцова и Пантелеева разделяли часто не принципиальные разногласия, а столкновение двух самолюбий, может быть, даже позднее соперничество, желание каждого из мемуаристов выставить себя для истории в наиболее значительном и выигрышном виде («порисоваться», как пишет Слепцов о Пантелееве). Спор между ними может быть разрешен только при широком историческом анализе истории «Земли и воли» в целом.

Но даже и теперь, когда эта история еще не написана, ряд фактов и сообщений Слепцова может быть заподозрен или прямо опровергнут.

Вопреки утверждению Слепцова, М. А. Черняк не был членом Казанского комитета¹. Данные Слепцова об участии Н. Н. Обручева в комитете «Великорусса» едва ли заслуживают доверия, подвергнуто серьезному сомнению и указание о близости к «Великоруссу» В. Ф. Лугинина, едва ли верно сообщение об участии в «Великоруссе» кн. Н. П. Трубецкого². Н. Н. Новикова, вопреки утверждению Слепцова, довольно обоснованно сомневается в том, что «Ответ «Великоруссу» написан Н. А. Серно-Соловьевичем³. М. В. Нечкина уже давно обратила внимание на неправдоподобность сообщения Слепцова, будто бы Чернышевский читал ему перед отсылкой в Лондон письмо «Русского человека⁴. Перед нами—

¹ Б. П. Козьмин. Казанский заговор 1863 года. М., 1929, стр. 56—57.

² Н. Н. Новикова. «Великорус» и его место в демократическом движении периода революционной ситуации. М., 1951, стр. 639—646 и др. Рукопись кандидатской диссертации. Хранится в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве.

³ Назв. выше статья в журнале «Вопросы истории», 1957, № 5, стр. 139.

⁴ Юбилейная литература о Н. Г. Чернышевском. «Историк-марксист», 1928, № 10, стр. 220; В. А. Алексеев. К вопросу об авторе письма «Русского человека» к Герцену. «Ученые записки Ленинградского гос. университета. Серия филолог. наук», вып. 25, 1955, стр. 71. Первое сомнение в аутентичности утверждения Слепцова высказал Л. Ф. Пантелеев; см. его заметку: «К материалам о Н. Г. Чернышевском». «Речь», 1914, 1 февраля, № 31 (2700), стр. 4.

не то запись со слов Чернышевского, не то копия его письма с пометкою Слепцова, не то воспоминания Слепцова. Противоречиво указание Слепцова относительно Елисеева; в отрывке № 5 он сообщает, что Елисеев не был членом «Земли и воли», а в отрывке № 12 он называется уже в качестве кандидата в заместители члена Центрального комитета организации¹.

При всей субъективной искренности и безусловной честности А. А. Слепцов не был человеком, способным к борьбе и жертвенному подвигу—к тому, чего эпоха прежде всего требовала от революционера. Он быстро «остыл», и весь его последующий жизненный путь типичен для русского либерала-постепеновца. Его служебная деятельность была куда как далека от идеалов недавнего члена Центрального комитета подпольной революционной партии, готовившей свержение самодержавия и передачу власти народу.

Слепцов молчал о своей деятельности в «Земле и воле» без малого полвека, промолчал бы, вероятно, всю жизнь, но мемуары Пантелеева разбудили его уснувшее самолюбие и вынудили рассказать о многом таком, о чем он бы сам никогда по собственной нищепативе рассказывать не стал.

Такова же (и даже еще более типична) была и судьба его ближайшего соратника по «Земле и воле»—Н. И. Утина, который, впрочем, сразу же быстро и точно уловил колебания Слепцова. «Слепцов просто жалок...»,—писал Утин Огареву 11 (23) декабря 1863 г.²

Время быстро делало свое: 8 января 1868 г. (27 декабря 1867 г.) Герцен писал Огареву — «Слепцов боится ходить ко мне — хорош!»³.

Возвратившись в 1868 г. в Россию и начав снова государственную службу (в Ларинской гимназии, в ученом комитете министерства народного просвещения, чиновником особых поручений министерства финансов) Слепцов благополучно проходил путь служебной карьеры, исправно и своевременно получая звания (в 1881 г.—действительного статского советника), ордена (Анны 1 и 2 степени, Станислава 1, 2 и 3 степени), денежные пособия (в 1864 г.), «усиленную» пенсию (1886 г.) и т. д.⁴. Написанные им в качестве члена ученого комитета отзывы и замечания (ЦГИАЛ, фонд № 733) наглядно свидетельствуют о проделанной автором эволюции к либерализму.

Завершение жизненного пути в рядах партии кадетов трагично и поучительно характеризует путь определенной части русской интеллигенции. Примерно таков же был путь и Пантелеева.

Б. П. Козьмин назвал Слепцова «случайным человеком в революционном движении»⁵. Проницательный Чернышевский, как совершенно справедливо замечено М. В. Нечкиной, относился к нему «не с полным доверием»⁶.

Воспоминания А. А. Слепцова—важный, но требующий самой тщательной проверки и исторического анализа документ. А для этого—прежде всего надо собрать все сохранившиеся фрагменты его воспоминаний.

¹ На это обратил внимание И. В. Порох в примечаниях к названной выше публикации в издании: «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников», т. I, 1958, стр. 299.

² ЛН, № 63, 1955, стр. 639, ср. еще стр. 629—630.

³ Герцен, т. XX, стр. 131.

⁴ Данные цит. выше формулярного списка.

⁵ ЛН, № 63, 1956, стр. 152.

⁶ «Историк-марксист», цит. статья, стр. 220.

А. А. СЛЕПЦОВ

<Воспоминания>

I

ФРАГМЕНТЫ АВТОГРАФА

1

Письмо к М. К. Лемке

<Петербург. После 15 февраля 1906 г.>

Многоуважаемый Михаил Константинович,

Вы просили меня хотя бы в кратких чертах рассказать, что вспомню, об эмбриологическом периоде пореформенного освободительного движения, о тех «шестидесятых» годах, свидетелей которых осталось в живых так немного.

С подобным призывом к «воспоминаниям» обращались ко мне не раз многие, но я до сих пор не только не записал ничего, но даже редко, очень редко и неохотно рассказывал кое-что о минувшем. Почему? По многим причинам. Главным образом потому, что говорить о себе как-то неловко, да, казалось, и незачем. Работалось не для того, чтобы рассказать о своих деяниях, а в удовлетворении внутренней потребности согласовать жизнь с идеалами... Как бы то ни было, мне 70 лет, я два раза был на краю гроба и ожил, после тяжких болезней, совершенно неожиданно и для людей и для себя, а никогда не исповедывался в прожитом даже близким...

Однако за последнее время пришлось убедиться, что в своем упорном молчании я был неправ. Пришлось пожалеть, что я не взялся за «воспоминания», когда и память была много свежее и пособить ей могли многие сверстники. Увы, теперь из них уже в живых не осталось почти никого. И те, которые

еще не умерли — только полуживы, забыли многое... Изменили мои отношения к «воспоминаниям» те картины 60-х годов, которые рисуют в настоящее время на моих глазах, изображая эти годы и деятелей их далеко не правдиво. Пусть бы забыли о прошлом — куда ни шло, но его совершенно не понимают, на него клеветают. И этой низости¹ уже нельзя <не> постановить² отпора.

Потому и решаюсь удовлетворить вашему желанию по мере оставшихся сил и возможности. Говорю о «возможности» ввиду того, что, будь я посвободнее, посостоятельнее, — я бы и теперь мог, конечно, написать много больше, проверив, освежив свою память <с> помощью пересмотра старинных газет, посетив нескольких стариков, доживающих последние годы на покое по разным углам России, порывшись в семейных архивах... Но, увы, несмотря на свой преклонный возраст, я не имею никаких средств к существованию, кроме небольшой пенсии (1200 р., из которых две пятых еще удерживаются казначейством за долги) и заработков. От этой заботы о хлебе, при настоящей пониженной работоспособности, на «воспоминания» много времени уделить я не в состоянии. Примите, что пока могу дать. Если окажется досуг и «бог века продлит» (как говорится), пополню кое-что впоследствии.

Все, что напишется, передаю вам в ваше полное распоряжение. Вы спросите, почему не посылаю я этих страниц в печать? А потому, что печать (да будет ей стыдно!) по отношению ко мне уже заявила себя крайне пристрастной в защиту одного из самых неправдивых изобразителей 60-х годов, — не допуская меня свидетельствовать свободно, невзирая на то, что я свои свидетельства подписывал полной фамилией, что вы, усердно роясь в подлинных документах, беседуя с лицами, прикосновенными к прошлому, слышавши о нем от отцов, имеете случай и будете всегда иметь возможность проверить правдивость моих показаний, хотя бы настолько, чтобы, получив подтверждение некоторых частных, проникнуться доверием и к целому. И тогда они, полагаю, вам пригодятся. Если признаете мои листы на что-нибудь годными, — печатайте их в целом, по частям, в извлечениях — как хотите. В дополнение к ним буду по мере того, как встретятся к печати строки, которые сочту полезным комментировать, присылать вам свои заметки. Начинаю с присылки вам той заметки, которую не согласилось напечатать полностью «Былое». На днях пришлю еще кое-какие такие же отрывочные заметки.

¹ Это слово снабжено вопросительным знаком.

² Тоже

<Петербург. 1906 г.>

В ряде фельетонов газеты «Наша жизнь» помещались воспоминания Л. Ф. Пантелеева «о давно минувших днях» 1861—63 г. От внимательных читателей этих фельетонов — насколько я мог убедиться — не ускользнули ни противоречия, которыми изобилуют сделанные сообщения, ни явно пристрастное отношение автора к отдельным личностям, ни его желание выставить себя чуть ли не единственным трезвым деятелем среди каких-то шутов, подвергавших себя и людей серьезным опасностям ради ребяческой игры в «тайное общество». Неблагоприятное впечатление производят эти фельетоны еще и потому, что представляют собою не более как рассказы болезненно самолюбивого участника одного из кружков того времени об отдельных личностях, не давая никакого понятия ни об общем настроении эпохи, ни о стремлениях, одухотворявших первые шаги нашего общественного самосознания, нашей освободительной работы после 19-го февраля. Эти первые шаги в фельетонах Г. Пантелеева совершенно обесмыслены. Между тем, вряд ли они могли быть бессмысленны, душою их являлись такие личности, как Чернышевский, Н. Серно-Соловьевич... А что это было так — свидетельствую, и думаю, что на это имею право. Г. Пантелеев рисует мое участие в деятельности 61—63 гг. в очень нелестных красках, изображая меня под псевдонимом «господин с пенсне»... Но даже из того, что он говорит, ясно, что с делами того времени я знаком, и знаком много более, чем он.

О них я до сих пор не говорил не только печатно, но и с приятелями. Мне бы <нрзб> я находил это неудобным. Но я записывал <недописано>. В <нрзб> многие записки свои вел вне дома, у одного приятеля.

Это несомненно? (если погибли мои мемуары) сделало меня еще более молчаливым, так как после гибели записок приходилось бы говорить бездоказательно. <Нрзб> получил я раз изложение писем М. Бакунина. Только в прошлом году, уступая просьбам нескольких друзей, я еще рассказал 2—3 эпизода [и только, когда для] подтверждения моих рассказов нашлись веские документы.

И к чему, думалось мне, рассказывать! Потрудился каждый из нас, как смог и как сумел, имеет счастье видеть, что общественное дело выясняется и крепнет, и может спокойно сходить со сцены, уступая место новым поколениям.

Но одно дело пройти путь свой, хотя и незаметно, но спокойно, другое — услышать у гроба клевету и на себя и на целый ряд людей близких, и на самое дело, которому служил всей душою и всем достоянием.

Когда в печати появляются рассказы вроде тех, которые написал г. Пантелеев <нрзб> — приходится взяться за перо и, насколько еще позволяют силы, восстановить «давно минувшее» в его истинном свете.

В деле молодом были, конечно, черты молодости, излишек веры в то, во что хотел верить, недостаточное разумение действительности, хотя <?>, но в нем конечно не было той буффонады, которую рисует г. Пантелеев. В нем была несомненно и красота молодых решений <?>. Но после всего, если в кружках 61—63 <гг.> встречались элементы нежелательные, я и даже не я один, в свое время, относили к ним именно прежде всего и Утина и Пантелеева. Это они оба и сознавали. И не в этом ли сознании разгадка той плохо скрытой желчи с какой г. Пантелеев говорит <?> в ней <?> о Гулевице; сказал и недостойно <?>, но чтобы очернить их и с полнейшим искажением личностей и А. А. Рихтера и Чуйко и Владимира И. Жуковского.

Пока примите этот <нрзб> мой. Надеюсь мне удастся дать <?> более полную реабилитацию «давно минувших дней».

А. Слепцов

(На полях, против четвертого и пятого абзацев)

Лица знавшие и знающие меня (а их немало) знают, что и в 60-х годах и позже я никогда не был чужд общественного дела, не считал свою действительно скромную деятельность достойной рассказов во всеуслышание.

Я думал, что так и сойду со сцены (мне около 70 лет) <не рассказав или не записав?> счастливым тем, что <нрзб> деятельность свою <недописано>.

<Нрзб> известно, что я никогда не был чужд общественных дел. Если же я не говорил о них в печати, даже не любил беседовать о них с близкими — молчание мое объясняется, как неизвестно действуют <?> подобные разоблачения так и (нрзб, недописано).

(На отдельном листе)

<Если в?> некоторых кружках дело принимало иногда нежелательный характер личных счетов, то возникали они как раз вследствие того, что некоторые личности, и прежде всего те <нрзб> потому в <?> прежней <?> деятельности <?> «Земли» и в «Оли»» <нрзб> Н. Утин и его сателлит Л. Ф. Пантелеев плохо мирились со скромной <нрзб> работой, которая не давала им возможности порисоваться. Но даже и до сих пор не могу <нрзб, недописано>.

В сумме мы делали дело, но самую <?> сущность <?> <нрзб> скромный <?> производимые преимущественно раз-

ведочные <?> работы. Некоторые лица, особенно из тех, которые лелеяли желание выдвинуться, играть ведущую роль, деятельность которых <?> не удовлетворяла и они нередко затевали ссоры. В <нрзб> особенно выявились в этом случае <?> Н. Утин и его неизменный сателлит Л. Ф. Пантелеев. Утин б<ыл?> оч<ень?> <нрзб> в отношении <?>, но нагло-самоуверен мощь <?> разговоров, но ему неприятно было <?> действие исподтишка <?> <нрзб> Пантелеев. Меня они с одной стороны <нрзб>, с другой—бывали неприятные стычки. Как видно <нрзб> не остыл у Л. Ф. Пантелеева и до сих пор. В своих измышлениях против меня <нрзб> не останавливается и идет на искажение личностей <?> и до В. В. Чуйко <нрзб>, А. А. Р<ихтера>, Гул<евича>, Жук<овского>. Могу опираясь на оценку <?> свидетелей заявить, что все рассказанное в фельетонах об этих лицах совершенно <нрзб> невероятно искажено.

Все это постараюсь описать <нрзб> подробнее, а пока <недописано>.

(3)

Попробую набросать на первый раз хотя бы только общий очерк своей деятельности после выпуска из лицея до выезда за границу в 1863 году.

Пропущу пока и рассказ о годах, предшествовавших 1860-му году, т. к. они, имея, быть может, интерес биографический, не представляют собою, собственно, ничего интересного по вопросу о первых шагах так называемого реформенного освободительного движения...

Оставляю пока в стороне и то, что помню о тревогах, сопутствовавших в обществе ходу работ по освобождению крестьян, о встрече 19 февраля 1861 года.

Начну прямо с очерка волнений, вызванных разочарованием в «великих реформах», особенно неполнотою «воли», объявленной «Положением», и потребностью упрочить новые формы жизни политической реформой в духе народоправства с возможным ограничением самодержавия.

Начну с эпизода совсем комического. Проникнутый жаждой альтруистической деятельности (см. сказания за годы 56—59), совершенно лишенный соображения о стоимости вещей, о количестве труда, требуемого той или другой задачей, в какой-то уверенности, что любое дело оборудовать можно, было бы искренно, глубоко и то¹ желание, я, ни с кем не посоветовавшись, подал гр. Блудову (как своему начальнику... служил я тогда в II отделении собственной его императорского величества канцелярии) заявление, что «желал бы открыть бесплатную гимназию» для проходящих...

НВ. Свои мечты и расчеты. .

Не знаю, какое мнение Блудов и его factotum, правитель

¹ Над этим словом М. Н. Чернышевский надписал: такое-то?

дел И. Д. Делянов, имели о моем состоянии, но ни один не обмолвился ни словом сомнения касательно моих лет (23 года), средств подготовки, программ...

(Сцена Блудова и Делянова).

Блудов поспешил при первом докладе подсунуть мое заявление государю и, приехав, с восторгом оповестил, что гимназия моя высочайше разрешена.

(Беседа, предложение переговорить с Нов)¹.

Зачисление на службу в Министерство народного просвещения 2 июня.

Беседа с К<овалев>ским.

Предложение поехать за границу. Командировка на 11 месяцев.

Гимназия на Петербургской стороне. Читальня.

Дата, когда я жил с Кочетовым.

Мордвинов.

Корсаков.

С<ерно>-Соловьевич.

Неронов, Кочетов, Ольхин.

Так я сразу оказался в—² центре большого кружка.

Первый вечер у Чернышевского.

Проба пера, визит Чернышевского ко мне. Принятое решение. Разговор с медиками.

Эта деятельность скоро свела меня с С<ерно>-Солов<ьевичем>, со ст<удентом> Мих<аэлисом?>, с университетскими пр<офессорами>.

(4)

Наконец, захватил³ с собой письмо Н. Н. Обручева и отправился к Чернышевскому. Почему-то (кажется, по указанию, данному Обручевым) пошел я к нему вечером, да попал в день какого-то собрания на его квартире. По крайней мере, когда, передав⁴ в прихожей письмо и свою визитную карточку прислуге, я затем, по приглашению хозяина, вошел в слабо освещенную залу, там оказалось несколько человек⁵. Чернышевский, как теперь вижу, вышел из-за какого-то стола мне навстречу, протянул руку и со словами: «Милости прошу, пройдемте ко мне», — не представив меня никому, не выпуская моей руки из своей, провел в другую комнату.

— Здесь нам разговаривать будет удобнее, — прибавил он, зажигая свечу. — Садитесь хотя⁶ вот сюда.

¹ Над этим словом М. Н. Чернышевский надписал: Ков [алевский?].

² Длинными тире, здесь и дальше, обозначается число неразобранных слов.

³ В публикации Л. наконец я захватил

⁴ В публикации Л, когда я передал

⁵ В публикации Л, человек...

⁶ В публикации Л, хоть

Посадил он меня к какому-то небольшому столу, затворил дверь, сам сел рядом.

Я всегда, даже в молодости, страдал каким-то странным недостатком зрения: мне все очертания представлялись¹ туманными, все предметы окаймленными как бы расплывающимися линиями; потому мне очень трудно разглядывать и запоминать черты лица. Плохо видел я и лицо своего собеседника, но тем ярче выступала предо² мною его фигура, приковывали к себе его пристальный взгляд и его³ странная, совсем необычайная улыбка — и насмешливая, и ласковая в одно время.

Он облокотился на стол обоими локтями, держа одну руку в другой, и глядел на меня сквозь очки, несколько приподнимая голову.

Ну-с, вы из-за границы, видались там, конечно, с Герценом...⁴.

— Видал...⁵ — произнес я это слово, вероятно, так выразительно, что собеседник мой услышал за ним неизбежное⁶ «но»...

Хотелось мне высказать свои, уже описанные выше⁷, впечатления, вынесенные из поездки в Лондон, но я замялся. Показать себя сразу недостаточно почтительным к «великому изгнаннику» я не решался. Я опасался оттолкнуть от себя Чернышевского с первого раза, а мне так хотелось подойти к нему поближе...

Во взгляде Чернышевского отразилось будто удивление. Лицо его⁸ стало серьезнее⁹. Он, видимо, ожидал встретить¹⁰ молодого человека, ошачливленного встречей с тогдашним владельцем¹¹ либеральных русских сердец.

— Что же? Вы будто его не одобряете?¹²

Я и тут не решился высказать свои сомнения... Именно¹³ потому, что в душе моей были только сомнения, а не сложившийся взгляд. Я еще так недавно действительно представлял себе Герцена средоточием и путеводителем нового движения. Между ним и мною не происходило решительных пререканий; он вселял во мне недоверие к себе чрезвычайным самомне-

¹ В публикации Л представляются

² В публикации Л передо

³ В публикации Л взгляд, его

⁴ В публикации Л Герценом?...

⁵ В публикации Л видался

⁶ В копии Н слово неизбежное было не разобрано и для него оставлено пустое место.

В публикации Л свои впечатления

⁸ В публикации Л удивление, лицо его

⁹ В публикации Л серьезно

¹⁰ В публикации Л выслушать

¹¹ В публикации Л владыкой

¹² В публикации Л Вы будто не одобряете

¹³ В публикации Л сомнения именно

нием¹, но его отношения к всколыхнувшейся России, его взгляды, мнения я еще продумать не успел. Возражать ему я, при свидании в 1861 г. еще не мог². Самое искрометное остроумие его мне тоже не нравилось, когда оно было отравлено самомнением, призыванием к своему трибуналу <?>, даже тогда, когда — уже не — Как он не — себя, когда напал на «Свисток»-«Very dangerous». Я еще слушал его в чайнии найти напутствия и опору своим стремлениям³. Он не удовлетворял меня, но я еще не понимал, что для данного момента Герцену подобала только глубокая признательность, как, несомненно, крупному⁴ деятелю прошлого, что в руководители будущего он уже был непригоден. Впоследствии, при встрече⁵ в Ницце ———— приходят к этому сознанию... как он не сразу согласился⁶.

Я ушел от исповеди не сложившихся еще в душе отрицаний. Переходим к повествованию.

— Герцен, — спешил я ответить⁷, — был ко мне очень внимателен, дал мне позволение приходить к нему в дни, не назначенные для общего приема, знакомил меня в Лондоне⁸ с разными вопросами, особенно, познакомил меня с Мадзини, что было мне очень интересно⁹.

Говорил я и все глядел на своего собеседника.. Рассказ мой о любезности Герцена¹⁰.

.....

Когда же я упомянул о Мадзини, Чернышевский стал снова внимательнее.

¹ В копии Н далее вписано рукою М. Н. Чернышевского: самое искрометное остроумие его мне тоже не нравилось, когда оно было отравлено самомнением, призыванием к своему требованию [?] даже тогда, когда и уже не—как он—когда напал на «Свист[ок?]» «Very dangerous». Но его взгляды, мнения, его отношения к всколыхнувшейся России я еще продумать не успел. Возражать ему я при свидании 61 года еще не мог. В публикации Л мне просто не нравилось.

² В публикации Л но его взгляды, мнения, его отношение к всколыхнувшейся России я еще продумать не успел, возражать ему основательно я при свидании 61 года еще не мог.

³ В публикации Л Я еще слушал его в чайнии найти и получить опору своим стремлениям.

⁴ В публикации Л несокрушному

⁵ В копии Н далее рукою М. Н. Чернышевского Впоследствии при встрече с Н— на ——— к этому сознанию—

⁶ В публикации Л вся эта фраза отсутствует.

⁷ В публикации Л ответом

⁸ В копии Н против этого слова рукою М. Н. Чернышевского с Лондоном? В публикации Л с Лондоном

⁹ В публикации Л с Лондоном познакомил Мадзини.. говорил я и все глядел на своего собеседника. Рассказ мой о любезности Герцена его смущал.

¹⁰ В копии Н его В публикации Л Мадзини

— Мадзини¹, — говорил я, — рассказывает² изумительные вещи. Он уверен не только в окончательном успехе итальянского объединения, но и в том, что будет совсем скоро революция славянск—³. Он уже предвидит разрушение Австрии...

— Да, — заметил смеясь Чернышевский, — он всегда предвидит⁴ где-нибудь революцию на завтрашний день.

— Он и у нас ожидает революцию, говорит, что близость русской революции указана ему многими русскими... Советовал организовать... И вот, Николай Гаврилович, об этом-то я и хотел, собственно, поговорить с вами, послушать что вы скажете.

— Что же, думаете заняться организацией тайного общества⁵.

Чернышевский встрепенулся. Видимо теперь только свидание наше начинало получать для него некоторый смысл.

— Тайного общества? Я этого собственно не предполагал, а предполагал только, что сначала следует нам присмотреться к силам, организовать...

— Что же, это дело, — твердо сказал Чернышевский.

— Вот уже здесь явились воззвания⁶ —

— А они удовлетворяют вас?

— Не знаю, как вам ответить, — сказал я. — И удовлетворяют и не удовлетворяют. Удовлетворяют как начало. Только, не зная среду, к которой обращаешься⁷, говорить трудно... а вот⁸... — — —

— Надо бы сперва приглядеться к—⁹, какая почва для сеяния. Ведь, вот, говорят, будет крестьянское движение в 63 году... будет ли?

¹ В публикации Л рассказывал

² В публикации Л движения

³ В публикации Л славянского мира

⁴ В копии Н предвидел рукою М. Н. Чернышевского исправлено предсказывал. В публикации Л ждет

⁵ В копии Н далее рукою М. Н. Чернышевского: Тайное общество? Я этого собственно не предполагал, а полагал только, что — — — присмотреться к силам, организовать.—Чернышевский встрепенулся. Видимо, теперь только свидание наше начинало получать для него некоторый смысл. — Что же, это дело,—твердо сказал Чернышевский.—А вы, Александр Александрович, пробовали писать какие-нибудь—Последнее предложение М. Н. Чернышевский зачеркнул, пометив против него: зачеркнуто в оригинале. В публикации Л Что же думаете теперь организовать тайное общество?—Тайное общество? Я этого собственно не предполагал, а полагал только, что так или иначе надо присмотреться к силам и потом организовать их. В публикуемом автографе эта фраза, с некоторыми вариантами, помещена дальше.

⁶ В публикации Л (только что «Великорус»).

⁷ В копии Н среду и обращаемого. В публикации Л к которой обращаться говорить трудно...

⁸ В публикации Л а вот отсутствует

⁹ В публикации Л приглядеться и разъяснить, какая почва для слияния разных кружков.

— Тут, не дав ответить, — и вместе с тем поставил вопрос¹.

— А вы пробовали составлять прокламации?²

— Нет, и не думаю, чтобы было возможно — не зная публики³.

— А если бы пришлось все-таки... Интересно бы посмотреть, как вы пишете⁴.

— — — —

— Ну, вы попытайтесь⁵, а я как-нибудь на днях зайду к вам, поговорим обстоятельнее.

Результат вечера превзошел мои ожидания. Как я потом уверился⁶, Чернышевскому именно по душе пришлось мое сомнение в Герцене и сознание необходимости нащупать почву для дела прежде, чем приниматься⁷ за дело.

**
*

Через несколько дней Чернышевский действительно зашел ко мне. Случайно при его приходе я сидел в своем кабинете и при<готовился?> уже к приходу — — — —

Он сидел у меня долго, разговор шел очень —

— Мне Н. Н. Обручев сообщил, о чем предстоит наш разговор, потому я прямо и приступил к нему, пояснил он. Потому и провел вас прямо в свою комнату... Хотелось мне также предварительно ознакомиться с тем, насколько вы увлекаетесь прлрн⁸ Лондона.

Я сознался, что не особенно внимательно перечитывал «Колокол»⁹, но смущаюсь обращаться¹⁰ к царю¹¹, а между тем и здесь слышу Серно-Соловьевич обращался к царю.

— А вы знаете Серно-Соловьевича?

— Как лицеиста.

— Хороший человек, но мечтатель. Но для него то был первый шаг, а Герцен упорствует. А что, написали что-нибудь?

¹ В публикации Л вся фраза отсутствует.

² В публикации Л прокламацию?

³ В публикации Л не зная публики отсутствует.

⁴ В публикации Л как у вас вышло бы. Следующая строка точек отсутствует.

⁵ В копии Н согласитесь попытаться. В публикации Л Вместо меня вы попытайтесь

⁶ В публикации Л убедился

⁷ В публикации Л приняться

⁸ Вероятно, «Полярной звездой».

⁹ Над этим словом М. Н. Чернышевский поставил знак вопроса.

¹⁰ Против выделенной курсивом части слова М. Н. Чернышевский написал: ением?

¹¹ Это слово вписано М. Н. Чернышевским и сопровождается вопросительным знаком.

— Написал... Фразы... пробовал. Наверно я не знаю, к кому обращаться. Может быть, ждать?

Мы стали перебирать—

— Ну, что же, поприглядите здесь, потом в провинции.

— Я мало знаю провинции.

— И так — — можно¹ — Посмотрите здесь в университете.

Вы, я смотрю решили² все-таки.

— Занимаюсь я-то уже зн...³ лицо сегодня — Михайлов.

— Университетские те скоро у—<?>

(5)

Название обществу «Земля и воля» было дано собственно Герценом, который обладал, вообще, удивительной способностью приискивать меткие определения людям, эпохам, событиям и литературным произведениям, что отмечалось всегда его близкими и приводило, помню, в восторг, особенно Василия Боткина и П. В. Анненкова. Оно очень понравилось нам и своей простотой и чрезвычайной популярностью вложенных в него понятий и какой-то силой, красотой своей ясности и законченности. Читая прокламацию Огарева в июле 1861 г., мы и не думали, что будем состоять в обществе, два слова названия которого были уже указаны в первой ее строке. Позже Огарев рассказал мне, что на его вопрос: «как бы лучше назвать тайное общество, если бы основать его сейчас?» Герцен ответил: — «Да ты уж сам сказал несколько месяцев назад. Конечно, «Земля и воля». Немного претенциозно, но ясно и честно, — потому что сейчас это именно и нужно». Огареву так понравилось это Колумбово яйцо, что он потом и предложил такое название.

С конца октября ст.ст. 1861 г. началась подготовительная работа. Помимо выработки небольшого, но не допускавшего неясности устава (о нем скажу во второй части) главное внимание нужно было сосредоточить на подборе людей, которым уже и предоставить вербовку рядовых членов-пропагандистов. Всю силу организации мы видели прежде и больше всего именно в пропаганде, исходя из ужасной темноты народной массы, немногим меньшей начавшего оформляться рабочего и минимального политического развития чиновничества и служилого класса вообще. Пропаганда была нужна широкая, хотя бы и менее глубокая, чем нам хотелось по моменту и задачам не только очередного дня и его злобы. Массам нужно было сказать такие слова, которых они до того почти или вовсе не слыхали, и притом сказать их так, чтобы, не набивая голову мудреностью, проникнуть в сердце заколоченного Ни-

¹ Над этим словом М. Н. Чернышевский поставил знак вопроса.

² Над этим словом М. Н. Чернышевский надписал: занимаетесь

³ Недописано: может быть знаю одно.

колаем и не отпертого Александром русского нутра. Решено было привлечь прежде всего молодежь, желавшую после университетских беспорядков в обеих столицах, с весны 1862 г. ехать доучиваться за границу. Среди них в С.-Петербурге Серно-Соловьевичи обратили особенное внимание на Владимира Игнатьевича Бакста, которому была обеспечена помощь Лугинина: он ехал не столько для научных занятий, сколько для организации доставки лондонских (тогда в сущности единственных) изданий в Россию, на что В. Ф. обещал не пожалеть части своих (вернее отцовских) громадных средств. Затем обращено было внимание на создание возможного взаимодействия с русской журналистикой, чтобы помимо тайной пропаганды, читатель из разночинной интеллигенции, — тогда только что выраставшей и комплектовавшейся, как сколько-нибудь заметная группа, — был взят кругом в определенный цикл понятий и интересов. Решено было остановиться на братьях Василии и Николае Курочкиных, Благосветлове, Г. З. Елисееве и А. Ф. Погосском, умевшем писать для народа и солдат и поддерживать необходимые для этого официальные отношения. Желание расширить влияние на армию (помимо московского кружка «Библиотеки», вернее, в прибавок к ней по заданию), особенно артиллерию, которая и тогда комплектовалась из наиболее развитых солдат, — толкнуло к «метафизику», как его называли некоторые, П. Л. Лаврову. Все эти писатели вступили в общество, Лавров же и Елисеев официально не сделали членами, но сами просили оставить за ними право, не принимая на себя по обществу никаких обязанностей, могущих отвлечь их от прямого дела, являться на наши совещания в качестве совещательных членов. Принимая во внимание разницу в возрасте и житейском опыте, мы поняли этот их шаг, еще и как исходящий от более старших <...>. Иначе обстояло с Чернышевским. Николай Гаврилович беседовал с А. и Н. Серно-Соловьевичами, выслушал их очень внимательно, с горящими глазами и неослабевающим интересом, а когда они кончили свое сообщение, сказал: «За меня дело должны решать болезнь Николая Александровича и неспособность Некрасова вести теперешний журнал одному. Работать же, как сейчас в «Современнике» и у вас, — извините, с вами, — я не вижу физической возможности. Обождемте, что окажется с нашим больным. Когда я увижу, что он в состоянии работать по-прежнему, то через месяц, другой я с вами, но, все-таки, и с «Современником»; он мне дорог как кафедра, которой не должно лишиться ни для меня ни для вас, поскольку вы разделяете общий его тон <...>. Николай Курочкин, врач, не сомневался в плохом исходе для Добролюбова и не ошибся... Однако Чернышевский интересовался работой нарождавшегося общества (тогда еще не имевшего названия) и при свиданиях с бывшими у него братьями и со

мной, всегда притом в отсутствие своей жены, * то подвергал критике наши очередные проекты, то давал советы. Так, ему принадлежит совершенно правильная мысль разделить Россию на округа: северный, где была своя историческая традиция, в атавизм которой он верил при некоторых поправках времени и наших условий; южный, — но не украинский, где работа должна была вестись, как мы и сами решили в самом начале, в стороне от нарождавшегося украинского движения мысли; северный и южный поволжские, приуральский и московский, понимая его в широком смысле всего торгово-промышленного района. На Сибирь мы не надеялись и ее не трогали, в чем были также одобрены Чернышевским, зная, как там трудна работа в условиях тогдашнего времени, почти без всяких путей сообщения, телеграфа и т. п. Сибирь нам должен был осветить Шелгунов, намеревавшийся еще до окончательного осуждения своего друга Михайлова, ехать туда за ним. Мы знали, что Н. В. не прожил бы там долго, но для осуществления плана побега, который он окончательно выработал после удачного бакунинского, все-таки, надо было пожить там, ну, хоть с полгода и очень присмотреться к местным условиям. Посредником между нами и Шелгуновым был Н. В. Гербель, в общество не вступивший, но к нему расположенный, что и доказал, особенно в 1864 г. при ликвидации, спрятав к себе в подвал архив и шрифт, принятые у него через три месяца для уничтожения.

(6)

<Весною 1862 г.> в центре будущего еще не оформленного общества стояли Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, А. А. Слепцов, Н. Н. Обручев и В. С. Курочкин. Они единогласно постановили сложить с себя эти обязанности с осени, поставив во главу общества избранный после лета, при деятельном участии провинциальных организаций, Центральный комитет, чтобы он пользовался, таким образом, полным доверием и авторитетом>. Последнее было особенно важно, чтобы положить предел нарождению случайных местных революционных организаций, сепаратизм которых немало нарушал планмерную и единую по цели и действию деятельность <...>. Мы видели, как исчезали такие общества, вернее кружки, которые были делом рук нескольких лиц, узнававших потом, что аналогичные по заданиям и целям кружки, с разными, конечно, вариациями, существовали рядом, иногда в том же городе, и не имевших достаточно такта и понимания, чтобы не продолжать своего существования. Такая розбить в работе кончалась тем, что, напр<имер>, в Саратове, о чем я скажу во второй части, все кружки замирали, и всякая работа просто прекращалась. Каждый из членов центра, как мы его называли, должен был широко организовать около себя всех,

кто был склонен и способен искренно разделять в основе положения «Что нужно народу?». Выражаясь современным языком, эта прокламация была нашей платформой.

(7)

Отдать справедливость, план был составлен очень удачно, имелось в виду обратиться последовательно, но в сравнительно короткое время, ко всем тем группам, которые должны были реагировать на обманувшую народ реформу 19 февраля. Крестьяне, солдаты, раскольники (на которых тогда вообще возлагали большие и весьма, конечно, ошибочные революционные надежды), — здесь три страдающих группы. Четвертая — молодежь, их друг, помощник, вдохновитель и учитель. Соответственно с этим роли были распределены следующим образом: Чернышевский, как знаток крестьянского вопроса, который он, действительно, знал в совершенной полноте, должен был написать прокламацию к крестьянам; Шелгунов и Николай Обручев взяли на себя обращение к солдатам; раскольников поручили Шапову, а потом, не помню по каким обстоятельствам, передали тоже Николаю Гавриловичу; молодое поколение взяли Шелгунов и Михайлов. О таком плане и его выполнении мне сказал в начале 1861 г. сам Чернышевский, знал о нем и Н. Н. Обручев, потом из боязни быть расшифрованным уклонившийся от участия в общем деле.

(8)

Организация пятерок заключалась в том, что каждый из членов организовал около себя свою пятерку и т. д. Таким образом, если в пятерке были члены а, б, в, г, д, то каждый из них мог быть членом еще и самостоятельной пятерки и, следовательно, около каждого из них должно быть не более восьми знающих его лиц: четверо из той пятерки, к которой он был присоединен, и четверо тех, которых он сам присоединил к своей пятерке. При «провале» кого-нибудь об этом узнавали восемь членов двух разных пятерок. При болтливости могли тоже пострадать только восемь человек. Имена вновь вошедших в новые пятерки сообщались членам, присоединившим неопитов в ту пятерку, в которой он сам получил, так сказать, крещение.

Затем все передавалось уже по восходящей линии, так что всех членов из **всех** пятерок знал только центр. При этом нужно отметить, что каждый член пятерки имел право организовать только одну филиальную группу. Такое предусмотрительное решение было принято для того, чтобы члены организации не увлекались механикой приобщения, а занимались

более существенным делом, которое им будет поручено¹. Только члены основной пятерки Чернышевского могли организовать вновь такое их количество, какое нашли бы нужным.

<В публикации М. К. Лемке этот отрывок звучит так:>

(9)

В основу всей организации клалась организация «пятерок», из членов которых каждый мог организовать около себя свою пятерку и т. д. Таким образом, если в пятерке были Иванов, Сидоров, Петров, Николаев и Павлов, то каждый из них мог быть членом еще и самостоятельной пятерки, и следовательно, около каждого из них должно было быть не более восьми знающих его лиц. При аресте или, как тогда уже говорили, провале кого-нибудь, об этом узнавали восемь членов двух разных пятерок, что считалось больше чем достаточным. Помню, было предложение ограничиться «тройками», но при неопытности в поддержании сношений и, вообще, в ведении работы побоялись, что при меньшем числе в организации в целом не будет достаточной внутренней связи.

(10)

Не помню, кто именно из казанцев достал древний устав иллюминатов, составленный Вейсгауптом, и по его основам предложил провести местную организацию «З<емли> и в<оли>». Сделано это было, насколько удерживаю в памяти, из опасения провалов под влиянием начавшейся в обществе реакции, а с другой стороны, — в виду ужасной пестроты местного студенчества, которая всегда была особенно заметной именно в Казанском университете. Основа Вейсгаупта состояла в продолжительном сроке испытания желавших вступить в общество и постепенном введении их в круг идей и дел союза. Казанское дело, как таковое, было делом рук именно еще испытываемых, что надо твердо помнить, прежде чем осуждать деятельность комитета.

(11)

Сбор денег по квитанциям в изображении Пантелеева (стр. 312) был обставлен непрактично, и это была действительная ошибка нашей неопытности, но ведь, не следует забывать теперь, спустя больше сорока лет, во-первых, тогдашнее недоверие, по непривычке, ко всяким тайным сборам, а во-вторых, что и сам Пантелеев несколько месяцев таскал свою квитанционную книжку, пока на опыте не убедился, что это — ненужный документ обвинения.

¹ Впоследствии Печаев взял основу пятерок Чернышевского за стратегическую базу для своей подпольной работы.

С осени <1862 г.> мы ждали уполномоченных от провинциальных округов для избрания Центрального комитета; однако, после сношений с установленными уже отделами (кроме поименованных выше, — курским, пермским, вологодским — точнее северным и полтавским); в ноябре было решено, что места бр. Серно-Соловьевичей займут Н. Утин и Г. Е. Благосветлов. В качестве заместителей были избраны Николай Курочкин и Г. З. Елисеев, давший на это специальное согласие. Таким решением, подсказанным из провинции, имелось в виду не обнаруживать своих сил петербургской полиции, которая, при подзуживании III Отделения и следственной комиссии кн. А. Ф. Голицына, была уже, действительно, на чеку.

Почти одновременно ловкий Утин, с помощью Пантелеева, нища роли и влияния, каким-то путем (сейчас просто не помню) устроили так, что наш комитет не мог не признать их пятерку полномочным Петербургским окружным комитетом; а так как Центральный комитет держался вообще, очень конспиративно, то роль афишировавшего себя окружного комитета подавала ему жару.

В декабре в Петербург прибыл из Варшавы член Народного центрального комитета Сигизмунд Падлевский и заявил через штабс-капитана Михайловского артиллерийского училища Владислава Геденовича Коссовского о своем желании вступить в переговоры с русским Центральным народным комитетом. Это был момент трудный, который, я помню — стоил нам целой ночи. Обручев и В. Курочкин заявили, что они имеют достаточные основания не обнаруживать нас всех приехавшему, полагая, что ему, вообще, не следует знать о личном составе всего Комитета и в том числе о бывших уже под надзором полиции В. Курочкине и Благосветлове. Представленные им данные, действительно, убеждали в том, что по том и произошло — в неполной надежности постоянного петербургского польского агента Коссовского. Поэтому, как ни прикидывали, а пришлось остановиться на таком решении: вести переговоры с Падлевским было поручено мне и Утину. Он был очень доволен этой миссией и, по какому-то ложному пониманию своих обязанностей, просил высказаться по этому поводу и свой Комитет, спросив, не желает ли он, пользуясь устранением Центрального, заместить последний? Спб. комитет пришел, однако, к заключению, что достаточно поручить это нам. Спб. комитет, вообще, склонен был взять на себя ру-

ководительство всем обществом. Прямо и определенно это не выражалось, но то и дело покушения на самозванство были.

(15)

После знакомства с Потемной (у Чернышевского) мы стали работать с ним в пятерке.

(16)

Козлов, Наранович 4-я группа. Н. Утин.

((17).

Написано Н. Г. Чернышевским и прочитано мне до отправления к Герцену.

II

ФРАГМЕНТЫ, ПРОДИКТОВАННЫЕ М. К. ЛЕМКЕ

(18)

После провала «Великоруса» с арестом В. А. Обручева (начало октября 1861 г.) Николай и Александр Серно-Соловьевичи примкнули к мысли Огарева о необходимости готовиться к организации нового общества, преемственно принявшего от «Великоруса» идею о земском соборе (не им впрочем формулированную), но внесшего и новое как в теоретическое свое построение, так и в приемы работы. Мысль, собственно, не вполне Огарева: пожалуй, одновременно она складывалась у Николая Серно-Соловьевича, как только ему стало ясно направление «Великоруса», которому он писал свой «Ответ», вызвавший «Ответ на ответ» Огарева. С провалом же мысль эта окончательно окрепла, конечно, главным образом, благодаря невозможности что бы то ни было высказать в печати или на общественных собраниях, тогда всегда привлекавших особое внимание полиции и власти вообще. Однако некоторое расхождение между двумя братьями, а также их обоим с Огаревым показало, что прежде следовало основательно столкнуться и дотолковать, продумать будущую организацию, чтобы быть уверенными в ее прочности и, по крайней мере, теоретической конструктивности.

(19)

Есть основание предполагать, что членами «Великоруса» были также адъютант герцога Мекленбургского, потом эмигрант кн. Н. П. Трубецкой, В. Ф. Лугинин и Н. Н. Обручев; так, по крайней мере, я слышал от первого из них за границей в дружеской доверительной беседе, которую впервые и открываю вам.

О возможной роли Лондона мы слышали еще от Кельсиева весной 1862 г., но понимали, что это был преимущественно его собственный проект; как относился сам Герцен, мы точно не знали, имея однако сведения о готовности содействия со стороны Огарева и Бакунина. Но оба были неавторитетны и значительно менее популярны, а второй, кроме того, внушал нам опасения своим стремлением к другому уклону работы — соединению всего славянства против ненавидимой им Австрии. Мы боялись — и думаю, что были правы, — погнавшись за его программой, упустить свое, чисто русское дело. Когда Бакунин выпустил и широко распространил свою брошюру «Народное дело», мы все-таки не переставали опасаться: русский вопрос тонул у него в другом, большом, а мы обслуживать его не могли. Но прежде, чем входить в сношения с Герценом, центр решил нащупать и создать почву для слияния всех тайных обществ под знамя «Земли и воли», как мы стали себя называть с середины августа 1862 г., после большого письма Огарева, привезенного Я. К. Чекаловым. Выпустившая прокламацию «Русская правда», «Библиотека» Мосолова и мелкие военные организации, разбросанные по всей России, особенно же в Западном крае и по югу, — все это сочувственно отнеслось к идее объединения. Нашлись и в них люди, очень державшиеся за сепаратизм, но большинство, в конце концов, было склонно слиться с нами. Однако нам уже ставили вопросы: кто мы и на каких основаниях существуем? — вопросы, которым мы могли удовлетворить не вполне.

С осени 1862 г. члены центра должны были устраниваться от вербовки <...>. Когда Слепцов организовал три пятерки, для четвертой он наметил Николая Утина. После первой продолжительной беседы с Утиным с глазу-на-глаз, для меня стало ясно, что присоединение его не могло быть долго тайной для следовавшего за ним по пятам Пантелеева.

Пантелеев был неизбежным спутником Утина; без привлечения его я ничего не мог сделать в отношении Николая Исааковича, хотя и узнал, что мания величия его товарища может довести до конфликтов не только между нами, но и с центром. Столкновений с собой я не опасался — мало ли приходилось тогда выносить от молодежи, теоретически признавшей центр организации, как правящий орган, но практически не всегда охотно выполнявшей предписания «алгебраического» органа. Назови лиц — другое дело, — но, конечно, лица не назывались.

Из рассказа Пантелеева ясно, что он с Утиным сразу же решили нарушить это условие организации; они дали слово сообщать друг другу о всех присоединенных каждым из них, находя, что принятая система неудобна тем, что «провалятся напр. Утин, так все, через него связанное, неминуемо отрывается, значит, кроме него еще кто-нибудь должен знать о всех им приобщенных к организации» (стр. 294). Конечно, знакомства с тайными обществами Европы у нас было настолько, чтобы понять такую простую вещь, которую два студента открыли как Америку. Утин был присоединен к обществу раньше Пантелеева; следовательно, последний обязан был не присоединяя больше четырех (а не десятки, как можно подсчитать из разных его указаний по всей книге), сообщить их имена только Утину; Утин же вовсе не должен был сообщать Пантелееву о присоединенных им самим, но должен был сообщить о своей пятерке (т. е. собственно о четырех) и о пантелеевской (тоже о четырех) тому, кто присоединил его самого. Так шло до верху и весь состав членов был известен, конечно только центру, что и требовалось, а при системе Пантелеева (хорошо, что она не была поддержана массою членов) неизбежен был провал многих прежде всего из-за людской слабости, которая постигалась только во время процессов, во-вторых, благодаря болтливости, в которой не грешны разве такие опытные заговорщики, как Маццини и ему подобные, а в России Рылеевы.

На мой вопрос, заданный Слепцову, почему же до такой степени была ограничена энергия по присоединению свыше четырех, он ответил, что это было сделано по указанию Огарева, советовавшего с Маццини.

Так как было решено, что с весны Слепцов отправится на лето для организации всего Поволжья, то временно заместителем его центр избрал, по его же предложению, Сергея Рымаренко, и Слепцов, как член центра, должен был связать его со всеми привлеченными им членами. Кроме того, Рымаренко имел какие-то основания, теперь уже не помню в подробностях, лично выслушать мою беседу с Утиным и Пантелеевым, чтобы в случае каких-либо потом осложнений, знать, как на них реагировать. Однако, вологодский юнец был так польщен предложением, что во все свидание ничего, кроме самодовольной улыбки, на его лице мы не видели, а сказанное им было просто общими местами о долге молодежи и пр.

Пантелеев самодовольно удивляется, как мог Слепцов <...> ему, новичку, дать такие важные поручения, как установление

отдела общества в Вологде и присоединение к обществу кружка Зайчневского и Аргиропуло. Находчивый Утин придумал выход из положения, которое создалось бы во время работы в период организации, благодаря постоянному вмешательству во все Пантелеева; он придумал временно сослать его, т. е. командировать на родину в Вологду, благо, там был уже присоединенный к обществу Бекман (о чем Н. И. знал от Александра С<ерно>-Соловьевича, благодаря одному курьезному обстоятельству), сделав при этом вид, что на него, Пантелеева, это присоединение и возлагается. Бекман был предупрежден об этом через одного из членов, поехавшего на север. Зная же характер Пантелеева и крайнюю его подозрительность, Утин просил меня взять эту миссию на себя, что, кстати, не могло не польстить самолюбию ссылаемого, ибо он знал, что я стою в обществе как-то выше, чем известные ему другие. Я же с своей стороны добавил еще о кружке Зайчневского, потому что отношения его с Мосоловым и другими были испорчены еще раньше, благодаря столкновению на почве устава «Библиотеки казанских студентов», да и вообще было ясно, что кружок ответит отрицательно.

(26)

Таких членов, как Пантелеев, которые, протолкавшись два месяца, не нашли бы себе никакого дела, к счастью, было очень мало,—до такой степени в общем осторожен и удачен был выбор людей. Я не склонен ставить это кому-нибудь из нас в особую заслугу, — ошибок, вообще, было сделано по началу, конечно, не мало, и иногда таких, над которыми, напр., Николай Гаврилович дружески посмеивался, трепля меня по плечу, — но хочу этим подчеркнуть, как серьезно отнеслись к делу и старшие и младшие по рангу члены создавшегося молодого общества. Людей, ищущих роли, положения, внешнего вида работы, а не черного первоначального труда, было довольно всегда и во всех организациях, — нас бог спас от многих, но единицы не могли, конечно, не оказаться. Слабость Утина и тоже некоторое желание роли и популярности в новом положении, боязнь, а может быть и нежелание проявить власть в своей пятерке—единственные причины какой-то водевильной ее самодеятельности. Пантелееву конечно неизвестно, что утинская пятерка состояла из него, Утина, М. С. Гулевича¹, А. А. Жука² и Вас. Вас. Лобанова, и что арестование последнего в связи с делом Писарева заставило искать ему заместителя. В то же время мною дано было

¹ Официальные сведения о нем очень скудны: «эмигрант, основавший (1870) с Эльпидиным особый кружок в Женеве, занимавшийся более изданием сочинений Чернышевского. Застрелился в мае месяце 1874 года» («История соц.-револ. движения»).

² Власть о нем совсем ничего не знала.

Утину указание перезнакомить их друг с другом, потому что опыт арестов показал, что в пятерке все должны были знать друг друга. По всем другим пятеркам это было сделано просто, Утину же опять пришлось пойти на дипломатию, чтобы удовлетворить пантелеевскому зуду самостоятельности. Николай Исаакович ловко навел Пантелеева на «выбор» этих лиц, якобы, во вновь формируемую пятерку, уступив ему в замещении освободившейся после Лобанова вакансии Бокковым (чего Пантелееву так хотелось, чтобы войти в сношения с Чернышевским, — в продолжительность ареста Н. Г. никто не верил).

(27)

Я уже упомянул о слабости Утина; результатом ее было убеждение Пантелеевым своих товарищей, чтобы они образовали какое-то заместительство центра, а отсюда — выпуск пятеркой никому не нужной прокламации «К образованным классам». За сочинение ее, под влиянием Пантелеева, а тем более за выпуск (хотя, правда, и без печати общества, которое тогда еще и не приняло никакого названия) Утину впоследствии не раз доставалось. Впрочем, конечно, молодость, рвалась вперед и разумеется наша общая необстреляемость в новом деле.

(28)

Если бы закрылся только сам <петербургский> комитет, от этого ничего плохого ожидать было нельзя — потому что Центральный комитет взял бы на себя его местные функции; но когда Петербургский комитет с поспешностью отправил своих членов в провинцию и мы узнали об этом *post factum* и должны были спешить отправкой гонцов по следам непрошенных «ликвидаторов», то престиж общества был подорван. Создалась путаница, и мы только тогда ясно поняли то, что должны были принять во внимание, конечно, раньше, но в работе все об этом как-то забыли: пришлось разъяснять, что, как в земстве предполагалось тогда иметь губернское и уездное, и оба назывались бы петербургским, так и в обществе были два комитета: один Центральный, другой — Петербургский. Помню, как, по рассказам Курочкина, эта мера не понравилась петербургскому комитету, увидевшему в нас узурпаторов, хотевших, якобы, вовсе закрытия петербургского комитета и к тому, де, дело и ведшему, хотя фактов, подтверждающих такое обвинение, никем приведено не было.

(29)

«В разных случаях из «Земли и воли» попало около 10—12 человек, из них только Андрущенко оказался излишне откровенным при допросах» <Пантелеев, стр. 335>.

Число привлеченных в разное время и по разным поводам

надо увеличить в несколько раз, как и число Андрущенко, напр<имер>, Степанов и другие, валившие многое на Утина, чем закрыли ему возможность скорого возвращения в Россию.

III

ПРИЛОЖЕНИЯ

(30)

Чернышевский был не только причастен к первичным пятеркам, но был инициатором их и членом первой из них. Ее состав был таков: Чернышевский, Николай Серно-Соловьевич, Александр Слепцов, Николай Обручев и Дмитрий Путята. Николай Обручев, член московского кружка «Великороса» являлся таким образом связующим звеном московской организации с пятеркой Чернышевского.

(31)

(Организация областных отделов должна была осуществляться по округам, намеченным Чернышевским (Герцен, т. 16, «Записки Слепцова», стр. 90). Он наметил их следующим образом: Северный округ, Южное Поволжье, округа Приуральский и Московский, понимая последний в широком смысле всего торгово-промышленного района. Зная, как трудна была бы работа в Сибири при условиях тогдашнего времени, Чернышевский соглашался, что на Сибирь надеяться не надо. Там ведь не было ни путей сообщения, ни телеграфа¹ («Записки Слепцова»).

(32)

Разработанная шаг за шагом программа революционного общества «Земля и воля» вылилась в конце концов в аксиому: «Конституцию могут дать, но земскую думу надо взять», и взять ее надо для того, чтобы крестьяне получили землю без выкупа, области — самостоятельность, а население те свободы, которые ведут к социализму».

Органы руководящие: 1) Центральный комитет в Петербурге. С выделением из себя «Совета». 2) Областной комитет в Петербурге. 3) Областные комитеты в провинциях.

Практическая деятельность. 4) Издание прокламаций. 5) Типографии для подземных изданий. 6) Устная пропаганда.

¹ Уже одно это распределение на округа указывает, что работа должна была вестись в России, а не ориентироваться на Лондон.

да, особенно в войсках (военные организации). 7) Организация перевозки литературы из-за границы. 8) Организация для помощи ссыльным. 9) Организация для устройства побегов. 10) Организация для собирания средств, чтобы осуществлять намеченные цели. 11) Организация связи с Польшей: а) в Петербурге, где находится отдел Красного польского «Народно-го Джонда»; б) в самой Польше; и, наконец, возникшая уже позже. 12) Организация отряда надзора за правительством.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Фрагменты автографа

- 1 Впервые—Боград, стр. 672—674. Автограф ИРЛИ (ф. № 250, оп. 1, № 485)—рукой М. Н. Чернышевского в 1913 г. В конце рукописи его же рукою: «Копия с черновика письма Слепцова к М. К. Лемке». При этом письме, как видно из его содержания, Слепцов послал Лемке что-то из своих недавно начатых мемуаров и в частности заметку, предназначенную для журнала «Былое», но не принятую им (Боград, стр. 671). Один из самых неправдивых изобразителей—конечно, Пантелеев.
- 2 Полностью печатается впервые по автографу ЦГАЛИ (ф. 462, оп. 1, № 10). Отрывки впервые—Боград, стр. 670—671 и «Вопросы архивоведения», 1960, № 6, стр. 51—52 (публикация В. А. Дьякова). Этот очень трудный для чтения отрывок, в меру возможного, расшифрован Г. Ф. Граменицкой, которую искренно благодарю за помощь. Предлагаемое чтение в некоторых случаях отлично от данного в публикациях В. Э. Богграда и В. А. Дьякова. Несмотря на то, что некоторые места остались непрочитанными, а иногда и не вполне связными,—смысл этого чернового отрывка угадывается почти во всех фразах. Отрывки нередко повторяют друг друга; не доведя до конца один, Слепцов тут же начинал формулировать свои мысли несколько иначе. Возможно, что этот фрагмент представляет собою первоначальный набросок № 1.
- 3 Впервые—с несколькими неточностями—Боград, стр. 679—680. Автограф ИРЛИ (ф. 250, оп. 1, № 714)—неизвестной рукой, исправленный и продолженный М. Н. Чернышевским в 1913 г. В. Э. Боград предполагает, что перед нами часть плана, скопированная в том, что касается Н. Г. Чернышевского (Боград, стр. 676). Многоточия, вероятно, обозначают пропущенные места. Последние слова отрывка В. Э. Боград без скобок расшифровал: «со студентами Медико-хирургической академии»—такое чтение невозможно; предлагаем более правдоподобное.
- 4 Впервые — Боград, стр. 680—683. Автограф ИРЛИ (ф. № 250, оп. 1, № 714)—М. Н. Чернышевского. Этот автограф представляет собою перебеленную копию черновика, сделанного неизвестной рукой, но исправленную и дополненную М. Н. Чернышевским. По-видимому, тот же текст, также восходящий к автографу А. А. Слепцова, но с рядом разночтений, был в 1919 г. опубликован М. К. Лемке—Герцен, т. 10, стр. 425—427. Он дан в качестве вариантов. На копии, перебеленной М. Н. Чернышевским, надписано: «Из тетрадки Слепцова—наброски по памяти, сделанные им по просьбе М. К. Лемке. 6.X.1913. Мих. Чернышевский».
- 5 Впервые—Герцен, т. 16, стр. 73—75. После слов «Название обществу «Земля и воля»—вставка: «пишет Слепцов». После слов «(о нем скажу во второй части)»—вставка: «пометил Слепцов, так и ненаписавший ее.»—М. Л.). После слов: «Николай Курочкин, врач» вставле-

- но: «добавляет Слепцов». Эти три вставки Лемке определяют принадлежность отрывка к автографической части мемуаров Слепцова.
- 6 Впервые — Герцен, т. 16, стр. 76. Слова в тексте «о чем я скажу во второй части» подтверждают автографичность отрывка.
 - 7 Впервые—М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг. (По архивным документам). Изд. 2, М.—Пг., 1923, стр. 318 со следующим вступлением Лемке: «Вот что он записал в имеющемся у меня своем мемуарном манускрипте».
 - 8 Впервые — Слепцова, стр. 433. Границы текста А. А. Слепцова устанавливаются на основании слов М. Н. Слепцовой. Абзац начинается словами «цитирую по запискам Слепцова». Конец цитаты определяется по смыслу.
 - 9 Впервые — Герцен, т. 16, стр. 76. См. примечание к отрывку № 8.
 - 10 Впервые — Герцен, т. 16, стр. 338. После слов: «Не помню» вставка — «пишет Слепцов». В отрывке речь идет об основателе секты иллюминатов Адаме Вейсгаупте (Weishaupt, 1748—1830). В 1776 г. он основал союз «Perfektbiblisten». Устав Вейсгаупта — «Apologie der Illuminaten», 1786 г. или «Das verbesserte System der Illuminaten», 1788 г. Союз должен был бороться с невежеством, распространяя нравственность и просвещение и в конечной цели стремился заменить монархию республикой. Устав иллюминатов был, в частности, использован Казанскими революционерами: 23 марта (4 апреля) 1863 г. Герцен писал Сохновскому: «В Казани комитет отлично устроен: это образец ума и логики; чорт знает откуда они извлекли устав Вейсгаупта» (Герцен, т. 16, стр. 201).
 - 11 Впервые — Герцен, т. 16, стр. 84. Судя по ссылке на страницы, отрывок представляет собою автограф Слепцова.
 - 12 Впервые — Герцен, т. 16, стр. 85. После слов «С осени»—вставка: «пишет Слепцов».
 - 13 Впервые — Герцен, т. 16, стр. 85. Отрывок непосредственно примыкает к предыдущему и скорее всего представляет собою автограф.
 - 14 Впервые — Герцен, т. 16, стр. 85—86. После слов: «Это был момент трудный, который я помню», вставка: «пишет Слепцов».
 - 15 Впервые—Слепцова, стр. 433—434, сноска. Эти слова процитированы М. Н. Слепцовой в кавычках.
 - 16 Впервые — Слепцова, стр. 438. «В уцелевших обрывках бумаг Слепцова, касающихся этих лет, — пишет М. Н. Слепцова, — есть строка карандашом <следует текст>, а рядом с ними имя Н. Утина» (стр. 438). На этом основании добавляем его имя к тексту М. Н. Слепцовой.
 - 17 Впервые — Герцен, т. 10, стр. 224. Эти слова Слепцова касаются письма «Русского человека» («Колокол», 1860, 18 февраля (1 марта, лист 64)). Цитата сопровождается такими словами Лемке: «На принадлежность письма Чернышевскому указывает хорошо знавший его Слепцов, в бумагах которого и находилась копия с категорическим свидетельством».

Тот же текст напечатан в книге М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг. (По архивным документам). Изд. 2, М.—Пг., 1923, стр. 167 с предисловием: «А. А. Слепцов <...> категорически свидетельствует в своих воспоминаниях...». В этом издании первое слово — «писано». На это различие обратил внимание Б. П. Козьмин (ЛН, № 25—26, 1936, стр. 577—578) — оно, естественно, внушает сомнение в точности текста. О неправдоподобности изложенного в этом отрывке — см. вступительную статью, стр. 254. Добавим еще, что в «Первом полном собрании сочинений» Н. А. Добролюбова находим третью редакцию, принадлежащую редактору издания — тому же Лемке: «Что это письмо действительно написано Н. Г. Чернышевским, я имею доказательства в показании покойного А. А. Слепцова, записавшего это с собственных слов Н. Г. ...» (т. 4, СПб., 1911, стлб. 36).

II. Фрагменты, продиктованные М. К. Лемке

- 18 Впервые — Герцен, т. 16, стр. 72—73. После слов «(начало октября 1861 г.)» — вставлено: «говорит Слепцов». О тексте этого отрывка см. вступительную статью, стр. 252.
- 19 Впервые — Герцен, т. 16, стр. 72. После слов: «Есть основание предполагать...» вставлено — «говорит Слепцов».
- 20 Впервые — Герцен, т. 16, стр. 83—84. После слов: «весною 1862 г.» вставлено: «говорит Слепцов».
- 21 Впервые — Герцен, т. 16, стр. 78—79. В следующем отрывке, непосредственно примыкающем к этому, после слов: «спутником Утина» вставлено — «говорит Слепцов».
- 22 Впервые — Герцен, т. 16, стр. 79. См. предыдущее примечание.
- 23 Впервые — Герцен, т. 16, стр. 77. Слова: «На мой вопрос» свидетельствуют о том, что перед нами диктант, но, судя по цитате, предшествующей отрывку, — перед нами автограф (если только эта страница не смонтирована Лемке).
- 24 Впервые — Герцен, т. 16, стр. 79—80. После слов: «не помню в подробностях» — вставлено: «заметил Слепцов».
- 25 Впервые — Герцен, т. 16, стр. 80—81. Началу отрывка предшествуют слова Лемке: «о чем Слепцов говорит так:»
- 26 Впервые — Герцен, т. 16, стр. 82—83. После слов «Я не склонен...» вставлено «продолжает он». В конце после слов «никто не верил» — снова «продолжает Слепцов». Сохраняем в тексте две сноски — первая из них скорее принадлежит Лемке, но вторая, очевидно, Слепцова.
- 27 Впервые — Герцен, т. 16, стр. 83. Отрывок непосредственно примыкает к № 26.
- 28 Впервые — Герцен, т. 16, стр. 100. После слов: «ожидать было нельзя» — вставлено: «говорит Слепцов».
- 29 Впервые — Герцен, т. 16, стр. 100. После слов: «надо увеличить» — вставлено «говорит Слепцов».

III. Приложения

- 30 Впервые — Слепцова, стр. 404. Этим строкам предшествует следующее замечание М. Н. Слепцовой: «Не знаю, почему в выписках Лемке из погибшей тетради Слепцова не указано, что» — далее следует приводимый текст. Возможно, что он представляет собою изложение или переложение соответствующих отрывков рукописи Слепцова. Обширная сноска к последнему слову приводимого отрывка, вероятно, является текстом, принадлежащим полностью М. Н. Слепцовой.
- 31 Впервые — Слепцова, стр. 448. В рукописи приводимые слова выделены кавычками, а следующие затем — «Записки Слепцова» дописаны в машинописи чернилами. Ссылка на стр. 90 тома 16 Герцена неверна: следует — т. 16, стр. 75 (№ 5 наст. публикации) — возможно, что Слепцова излагает (отчасти цитируя) именно это место.
- 32 Впервые — Слепцова, стр. 449. Приводимые слова сопровождаются ее предисловием: «В чем же, однако, заключалась организация, цель и деятельность общества «Земля и воля»? Я постараюсь восстановить общую его схему по разбросанным мелким заметкам Слепцова, по его, сохранившимся еще в моей памяти рассказам, по существующим отрывочным литературным материалам и по случайным разговорам посещавших нас лиц в 80-е годы».

Таким образом, приводимые строки представляют собою монтаж названных Слепцовой источников: поскольку среди них названы и его заметки, отрывок включается в приложения.

Конец отрывка определен по смыслу. Кавычки после слов: «ведут к социализму» поставлены в рукописи.

И. В. ПОРОХ

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ И. Е. ЗАБЕЛИНА

Среди неопубликованных дневниковых записей довольно известного в свое время историка народного быта России и выдающегося археолога Ивана Егоровича Забелина (1820—1908), хранящихся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея, имеются интересные свидетельства о посещении им в 1860 г. Чернышевского, а также о встрече и беседе Забелина в мае 1861 г. с одним из основателей воскресных школ в России профессором истории Платоном Васильевичем Павловым.

22 января 1860 г. Забелин записал в дневнике: «Обедал с Пыпиным у Чернышевского. Жена его, милая особа вроде цыганки, недурна собою и супруги, кажется, до сих пор по уши влюблены друг в друга. После обеда она поила его кофе, перемешанным частыми поцелуями. Села к нему на колени, обняла голову, давала по глотку кофе и по поцелую. Шутя он жаловался на самодержавную власть и говорил, что мы де положили штрафу полтинник за всякое изъявление самодержавия. Разговаривали о государственности и народности, о принципах Соловьевой истории и Костомаровских лекций. Я сказал, что у Костомарова взгляд казачий. Чернышевский отстаивал казачество, как элемент, погибший от самодержавия. Меня поразило совершенно <нрзб.— И. П.> его суждений об исторических элементах жизни, совершенное нежелание вникнуть в силу развивающихся начал, цивилизующих их развитие от простых явлений племенных, природных»¹.

Упомянутое посещение было уже не первой встречей Забелина с Чернышевским (ни одна из них, кстати говоря, не отмечена в «Летописи жизни и деятельности» писателя-революционера). В «Дневнике» имеются данные о том, что Забелин был 9 февраля 1859 года на торжественном обеде у И. С. Тургенева по поводу подачи прошения на имя министра народного просвещения об учреждении Литературного фонда в

¹ ГИМ, ОПИ, ф. 440, д. 5, л. 287.

помощь нуждающимся писателям и членам их семей, на котором присутствовали, кроме И. С. Тургенева и И. Е. Забелина, Н. Г. Чернышевский, П. В. Анненков, А. Д. Галахов, И. А. Гончаров, А. В. Дружинин, С. С. Дудышкин, К. Д. Кавелин, Е. П. Ковалевский, А. А. Краевский, А. В. Никитенко¹. Вскоре после 9 февраля 1859 г., как пишет Забелин, он около двух часов провел у Чернышевского. К сожалению, никаких подробностей об этой встрече у Забелина не имеется².

Дневниковая запись от 22 января 1860 г. имеет двоякий интерес. С одной стороны, Забелин сообщает любопытные детали об интимной стороне жизни Н. Г. Чернышевского, с другой, что наиболее ценно, передает содержание очень важного спора, выясняющего взгляды Чернышевского на некоторые положения исторической концепции Н. И. Костомарова и на самодержавие.

Чернышевский довольно высоко ценил исследования Забелина, посвященные истории народного быта России. Особенно лестно отзывался он о статье Забелина «Женщина по понятиям старинных книжников». «Как все превосходные исследования г. Забелина, его новая статья, — писал Чернышевский, имея в виду названное выше сочинение, — отличается редким у нас достоинством изложения. Нет надобности говорить, что подобно всем другим исследованиям г. Забелина, эта новая статья останется капитальнейшим трудом по своему предмету»³.

К моменту встречи Чернышевского с Забелиным 22 января 1860 г. последний, энергично пропагандируя самобытность русской культуры, не сформулировал еще отчетливо свою концепцию исторического развития России. В значительной степени он разделял точку зрения историков, принадлежавших к так называемой «государственной школе» (Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин), и поэтому, по всей вероятности, не случайно во время разговора с Чернышевским в качестве своеобразного противопоставления упоминались имена Соловьева и Костомарова. С. М. Соловьев, выпустивший к 1860 г. девять томов своей «Истории России с древнейших времен», развивал идеи о том, что у истоков русской истории стоит род — «союз кровный», который примерно в XII веке в результате борьбы уступает место «союзу гражданскому» или государству. Известно, что Чичерин и Кавелин именно государство считали творцом истории и ее главной движущей силой. Отсюда апологетическое восхваление русского самодержавия у «государственников».

¹ ГИМ, ОПИ, ф. 440, д. 5, л. 130 (об), 131. Это свидетельство Забелина позволяет установить еще двух неизвестных ранее участников обеда — самого мемуариста и И. А. Гончарова.

² ГИМ, ОПИ, ф. 440, д. 5, л. 131 (об).

³ Н. Г. Чернышевский. ПСС, т. IV, стр. 778.

В ряде исследований Н. И. Костомарова, написанных в 50-е годы XIX в., при всей их умеренно-либеральной направленности проскальзывало определенное осуждение деспотизма и произвола самодержавия. Особенно это проявилось в его сочинениях, посвященных Степану Разину и Богдану Хмельницкому. По поводу последнего Чернышевский писал в 1853 г. в «Современнике»: «Богдан Хмельницкий и возвращение Южной Руси к России» — обширное историческое сочинение, которое должно упрочить за ученым автором одно из первых мест между нашими историками. Трудолюбивых исследователей у нас довольно много, но мало людей, которые по всей справедливости заслуживали бы имя замечательных ученых... Своим «Богданом Хмельницким» г. Костомаров доказал, что принадлежит к таким людям»¹.

Лишенный возможности продолжать свою активную революционно-публицистическую деятельность, Чернышевский и в сибирских рудниках и астраханской ссылке не переставал интересоваться книжными новинками, в том числе трудами ученого-этнографа. Показательным в этом отношении является его письмо к А. Н. Пыпину из Астрахани от 9 декабря 1883 г., в котором большое место уделено Забелину: «Дело в том,—отмечал Чернышевский,—что не обо всем и не обо всех мои понятия одинаковы с твоими. Приведу пример из того, что писал ты. У тебя есть статья о первом томе русской истории Забелина. Я знаю эту книгу только по твоей статье. Ты судишь об этом труде Забелина с очень крупными оговорками в пользу его. В сущности ты находишь его мнения неосновательными. Но и хорошего в этой книге очень много, по твоему отзыву. По-моему, эта книга—сплошная ахинея и кроме нестерпимой белиберды, нет в ней ничего. Я написал бы о ней так: «Жаль, что человек почтенный взялся за дело, к которому не подготовлен; он в этом деле оказался невеждою и сумасбродным галлюцином. Уважая его за прежние дельные труды по мелочным, но не совершенно ничтожным частичкам бытовой истории времени Михаила и Алексея, мы просили его, чтоб он не бесславил себя продолжением этой вздорной и не совсем честной чепухи...». Забелин — честный и умный человек и основательный ученый; только взявшийся в этом случае за дело, превышающее силу его ума и размер его учености... Я не охотник щадить то, что не нравится мне, когда речь идет о вопросах науки или литературы или чего-нибудь такого не личного, а общего»².

Приведенный выше отрывок из письма позволяет выяснить

¹ Н. Г. Чернышевский. ПСС, т. IV, стр. 701—702. Несколько ниже в том же обзоре новинки литературы Чернышевский положительно отозвался о статье Забелина «Черты русской жизни в XVII столетии».

² Там же, ПСС, т. XV, стр. 432—433.

точку зрения Чернышевского на цели и задачи научной критики. Вместе с тем, оно, безусловно, запечатлело отголоски прежних идейных разногласий, имевших место между писателем-революционером и Забелиным. Подкрепляя достоверность дневниковой записи последнего от 22 января 1860 г., письмо подвело своеобразный итог тем принципиальным спорам, о которых повествуют оба их участника. В этой связи приобретает значение еще одно свидетельство о резко отрицательном отношении Чернышевского к самодержавию. Оно проявилось даже в иронической форме — установлении в семье штрафа, «за всякое изъявление самодержавия», и в открытом осуждении его как основного виновника гибели казачества, душиателя вольности народной.

Вторая дневниковая запись датирована 15 июня 1861 г.: «Попался Платон Васильевич Павлов, — записал Забелин, — который проводил меня почти до Исакия. Говорил о преследованиях правительства на его особу. Звали в Харьков, в Казань, да здесь в Санкт-Петербурге лучше, сохраннее. Здесь хоть нельзя так вдруг схватить, а там возьмут и ушлют. Вот, например, Щапова. Вообще на эту тему он давно уже поет и даже бьет на нее, желая представить из себя мученика за либерализм. Он прямо и сказал, что он жертва такая же, как Пирогов. Что он и Пирогов все одно, ибо за одно пострадали, разница в величине—одна значит 5, другая 2 и т. д. все одно. Два стана—правительство и оппозиция. Он из оппозиции— и потому жертва. Вообще он старался в разговоре со мною выставить себя в свете пропагандира свободы и прогресса. Это так, но говорить о себе — большое самолюбие»¹.

Имя Платона Васильевича Павлова (1823—1895) довольно часто встречается в мемуарной литературе (М. А. Антонович, П. Д. Боборыкин, П. А. Валуев, Н. И. Костомаров, А. В. Никитенко, Н. Я. Николадзе, В. А. Обручев, Л. Ф. Пантелеев, А. В. Романович-Славатинский, В. Л. Сорокин), официальных документах и агентурных донесениях в III отделение. Как правило, основным поводом к его упоминанию является широко известная речь П. В. Павлова о тысячелетии России, за которую он поплатился высылкой в Ветлугу. Лишь в очень немногих источниках мы имеем сведения о нем до этих событий. Некоторые из этих сведений весьма противоречивы в оценке его политического и общественного облика. Так, В. Обручев считал его человеком «прекраснодушным до неменяемости, которого начальство преследовало по непостижимому недоразумению»².

¹ ГИМ, ОПИ, д. 5, л. 301 (об), 302.

² «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников». Ред. Ю. Г. Оксман, т. I, Саратов, 1958, стр. 387.

Анонимный корреспондент III отделения в своем доносе сообщал содержание разговора, услышанного им в среде петербургских профессоров. Последние высказывали мнение о незаслуженной ссылке Павлова, тем более несправедливой, поскольку «самый вредный агитатор» Чернышевский остался на свободе¹.

Среди студенческой молодежи Павлов пользовался большим авторитетом и уважением. Романович-Славатинский, слушавший его лекции в Киевском университете, профессором которого он сам стал впоследствии, писал о Павлове: «Едва ли чьи-нибудь лекции так содействовали умственному развитию, как лекции этого профессора. Для Киева он был тем, чем Грановский для Москвы, Каченовский для Харькова... Не забыть мне прощального обеда, который мы устроили ему осенью 1859 г., и моей застольной речи, в которой я чествовал Павлова за то, что во время всеобщей болезни молчания он имел гражданское мужество говорить «свободное слово»². Высокий авторитет и популярность завоевал Павлов и в Петербургском университете. Л. Ф. Пантелеев характеризовал его как выдающегося профессора, человека инициативного, одного из организаторов воскресных школ в России³. Вместе с тем современники, знавшие Павлова или даже просто встречавшиеся с ним, отмечали у него болезненную нервозность, граничащую с мнительностью. «Те, кто ближе знал Павлова,—вспоминал Пантелеев,—и тогда считали его не совсем нормальным человеком. Тяжелые ли горячки (последняя осень 1861 г.), которые он перенес не раз, или трудное положение профессора в Киевском университете <...> сделали из него человека крайне подозрительного, он, например, пресерьезно уверял, что за ним везде следят иезуиты. Общественное сredo его было: *la révolution par l'école*⁴ (это выражение он любил повторять), но не в этом смысле, что школа приведет к внешней революции, а что распространение знания неминуемо трансформирует наше полуазиатское общество»⁵.

¹ «Процесс Н. Г. Чернышевского». Под ред. Н. А. Алексева. Саратов, 1939, стр. 38.

² А. В. Романович-Славатинский. «Вестник Европы», 1903, кн. 2, стр. 619—620.

³ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. Ред. С. А. Рейсер, Гослитиздат, 1958, стр. 191: Министр внутренних дел П. А. Валуев записал в своем дневнике 3 января 1861 г.: «Вечером был у гр. Блудова, у министра государственных имуществ и у кн. Долгорукова, который передал мне некоторые записки по делу о воскресных школах. В них приписывается первоначальное возникновение этих школ бывшему киевскому профессору Павлову, якобы по совету Герцена...» Дневник П. А. Валуева. Ред. П. А. Зайончковский, т. I, М., 1961, стр. 56—57.

⁴ Революция через просвещение (франц.).

⁵ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 228—229.

Н. А. Тучкова-Огарева, вспоминая посещение Павловым в марте 1858 г. Герцена, в семье которого он прочитал ряд лекций, писала: «Эта была умная, даровитая личность, но, вероятно, надломленная гнетом этой эпохи, которую так ярко характеризует Никитенко в своем дневнике. Лекции Павлова были превосходны, увлекательны; но в разговоре он производил тяжелое впечатление психического больного. Он был мрачен и говорил постоянно о том, что за ним следят и что это ужасно утомляет. Сначала Герцен старался его разуверить в этом, говоря, что в Англии это немыслимо; однако, он вскоре заметил, что это была магия у Павлова. Последний прожил довольно долго в Лондоне, жалуясь постоянно на преследования русского правительства, и под этим впечатлением оставил Англию»¹.

Исследовательская литература о Павлове скудна. Она исчерпывается по существу двумя работами: главой «Дело профессора Павлова» в книге М. Лемке² и разделом статьи А. З. Барабой³. В книге М. Лемке приведен текст прокламаций «Профессор Павлов сослан в Ветлугу», прокомментированный несколько вольно отдельными биографическими данными. В статье А. З. Барабой введен в научный оборот интересный архивный материал (в приложении впервые напечатан текст речи, произнесенной Павловым 14 декабря 1859 г. перед студентами накануне отъезда из Киева), дан содержательный анализ статьи Павлова «Тысячелетие России» и его речи от 2 марта 1862 г. Автор верно указывает, что Павлов был ближайшим помощником Н. И. Пирогова в его деятельности по организации воскресных школ, имел близкие дружеские отношения с членами студенческого тайного общества и особенно с Я. Н. Бекманом. Однако трудно согласиться с утверждением А. З. Барабой о том, что Павлова и Бекмана связывали «общие политические взгляды».

Подобное сближение, как нам представляется, противоречит фактам. В письме на имя Александра II от 10 марта 1864 г. Павлов просил разрешить ему вернуться в Петербург: «С чистосердечием и откровенностью человека, ищущего спасения в доброте сердца своего государя, я принимаю на себя смелость объяснить, что по своему направлению я при-

¹ Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Ред. В. А. Путинцев. Гослитиздат, 1959, стр. 118.

² М. К. Лемке. «Очерки освободительного движения шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 7—13.

³ А. З. Барабой. Харьковско-Киевское тайное общество 1856—1860 гг. «Исторические записки» АН СССР, т. 52, М., 1955, стр. 258—263.

Ценные сведения о выступлении П. В. Павлова на вечере в доме Руадзе содержатся в публикации Б. П. Козьмина «Из истории либеральной общественности шестидесятых годов» («Красный архив», 1931, т. 2 (45), стр. 171—172).

надлежал и принадлежу к числу приверженцев мирного законного развития, по пути которого, в силу вашей августейшей воли движется вся стройная совокупность современных обширных и благодетельных преобразований, обнимающих собою все отрасли жизни России. Если направление мое не спасло меня от ошибок, то оно уже исключает всякую возможность сочувствия к тайным обществам и революционной пропаганде, к которым я никогда не принадлежал и принадлежать не способен»¹.

Помня о цели и назначении обращения Павлова и внося в его оценку по этому случаю определенные коррективы, не можем не согласиться с автором послания в том, что он был «приверженцем мирного законного развития».

Павлов, по нашему мнению, скорее принадлежал к оппозиционно настроенной по отношению к самодержавию либеральной интеллигенции, чем к революционной демократии. При этом он, вероятно, несколько расширительно трактовал состав лагеря оппозиции. Заявление Павлова о том, «что он и Пирогов все одно» дает дополнительный материал для выяснения его политических взглядов. Пересказав содержание разговора с Павловым, Забелин, несмотря на некоторое осуждение кажущейся ему нескромности со стороны его собеседника, оценил его как «пропагандира» свободы и прогресса. Л. Ф. Пантелеев, по всей видимости, верно определил его политические взгляды как сторонника идеи о преобразующем значении просвещения и общественного мнения. В пользу такого взгляда говорит и дневниковая запись Забелина.

При скудости биографических сведений о Павлове известный интерес представляют некоторые данные этого свойства, сообщенные мемуаристом. Только популярностью Павлова как лектора можно объяснить его приглашение в Казанский и Харьковский университеты. Справедливо сближает Павлов свой вынужденный уход из Киевского университета в декабре 1859 г. с увольнением Пирогова 13 марта 1861 г. от должности попечителя Киевского учебного округа, говоря Забелину, что «они за одно пострадали»². Развивая эту мысль, Павлов определил свое отрицательное отношение к правительству.

В заключение нельзя не отметить того обстоятельства, что Павлов, принимая во внимание арест известных ему членов Харьковско-Киевского тайного общества и расправу правительства над А. П. Щаповым, не исключал и для себя подобной судьбы.

¹ ЦГИАМ, ф. 678, опись 1, д. 326, л. 2,2 (об).

² Об увольнении Н. И. Пирогова Герцен с возмущением писал: «Отставка Н. И. Пирогова—одно из мерзейших дел России дураков против России развивающейся». А. И. Герцен. ПСС в тридцати томах, том. XV, стр. 103.

В. Н. КУРГАНОВ

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ПРЕБЫВАНИИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

При ознакомлении с материалами Алексеевского рavelина Петропавловской крепости нам удалось обнаружить ряд документов, относящихся к пребыванию в ней и высылке из Петербурга Н. Г. Чернышевского. Они охватывают период с 7 июля 1862 г. по 6 июня 1864 года.

**
*

После ареста, уже в Петропавловской крепости в вещах Н. Г. Чернышевского была обнаружена банковская контрамарка на сумму 600 рублей. 27 июля 1862 г. комендант крепости генерал-лейтенант А. Ф. Сорокин обратился к управляющему III отделением собственной его императорского величества канцелярии генерал-майору А. Л. Потапову с вопросом—как поступить с нею. На его отношение А. Л. Потапов ответил, что

«...деньги по сей контрамарке могут быть выданы по представлению оной в Банк, при объявлении, написанном согласно прилагаемому образцу, на простой бумаге, и по надлежащем засвидетельствовании на сем объявлении подписи г. Чернышевского; по написании же такового объявления не изволите ли Ваше превосходительство приказать доставить оное в сие Отделение»¹.

На документе приписка А. Ф. Сорокина:

«Г. Удому² получить от Чернышевского по прилагаемой форме и доставить ко мне объявление».

¹ Центральный Государственный исторический архив (Ленинград), ф. 1280 (Управление коменданта СПб. крепости), оп. 5, ед. хр. 104, л. 52 и 52 об. Здесь и в дальнейшем документы приводятся с сохранением орфографии подлинника.

² Смотритель Алексеевского рavelина Петропавловской крепости.

Присланный образец объявления поступил Н. Г. Чернышевскому:

«В Государственный Банк
(Звание, имя, отчество, фамилия)
Объявление

Представляя при сем выданную из сего Банка контрмарку от 25-го Апреля за № 12, на билет Московской Сохранной казны за № 58096, в шестьсот рублей, покорнейше прошу Государственный банк выдать деньги, причитающиеся по означенному билету, исправляющему должность казначея 3-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии надворному советнику Дьякову

(подпись)

. . . июля 1862 г.

Подпись руки свидетельствую с приложением печати».

На документе Н. Г. Чернышевский написал:

«Чернышевский просит, чтобы деньги, которые будут получены из Банка, были переданы обер-секретарю святейшего¹ Синода, Ивану Григорьевичу Терсинскому, с тем, чтобы он переслал их в Саратов, ея Высочайшую Ольге Сократовне Чернышевской. Н. Чернышевский»².

30 июля 1862 года комендант крепости секретно сообщал в 3-е отделение:

«В следствие отношения Вашего Превосходительства от 28 сего июля № 1959 имею честь препроводить при сем объяснение, написанное содержащимся в Доме Алексеевского равелина титулярным советником Николаем Чернышевским на получение из Государственного Банка 600 руб. по билету Московской Сохранной казны за № 58096, присовокупляя при том, что г. Чернышевский просит, чтобы деньги, которые будут получены из Банка, были переданы обер секретарю Святейшего Синода Ивану Григорьевичу Терсинскому с тем, чтобы он переслал их в Саратов Ея Высочайшую Ольге Сократовне Чернышевской»³.

Один из документов содержит проект доверенности, которой Н. Г. Чернышевский уполномочивал свою жену О. С. Чернышевскую распоряжаться принадлежащим ему имуществом.

¹ Слово «святейшего» написано Н. Г. Чернышевским с маленькой буквы.

² Там же, ф. 1280, оп. 5, ед. хр. 104, л. 53.

³ Там же, л. 54 и 54 об.

Милостивая Государыня,
(Далее рукою Н. Г. Чернышевского: «прошу написать так и форму подписи, которую надобно видеть на таковой—так ли будет, если написать: только чин и имя, — титулярный советник Николай Гаврилов сын Чернышевский или надобно прибавить еще что-нибудь»).

Ольга Сократовна!

Не имея возможности заниматься делами по дому моему, находящемуся в г. Саратове, покорнейше прошу Вас принять оный в полное Ваше распоряжение и управление, собирать с оного доходы, в суммах Вами (рукою Н. Г. Чернышевского над строкою приписано: «поэтому») полученных ни кому отчета не давать, если понадобится вышеупомянутый принадлежащий мне дом отдать в залог, или продать, то я предоставляю Вам право действовать в сих случаях, как с Вашею собственностью не давая (было: «ни давая») рукою Н. Г. Чернышевского исправлено: «не давая» ни мне ни наследникам моим в действиях Ваших ни какого отчета. Настоящею доверенностию отменяются и уничтожаются все прежние (над строкою приписка Н. Г. Чернышевского: «Когда либо бывшие») по дому сему мои распоряжения. (Далее рукою Н. Г. Чернышевского: «Муж и друг Ваш отставной титулярный советник Николай Гаврилов сын Чернышевский»)

Октября 1962 года.

Доверенность сия принадлежит титулярной советнице Ольге Сократовне Чернышевской».

На документе приписка рукою Н. Г. Чернышевского:

«Согласен с этим проектом доверенности и прошу переписать его на бело. Титул. Совети. Н. Чернышевский, 8 окт., 1862»¹.

О литературных занятиях Н. Г. Чернышевского в крепости свидетельствует следующая переписка.

Официальное отношение III отделения:

«3-е Отделение
Собственной Его
Императорского
Величества канцелярии
Экспедиция I.

С-Петербург
20 декабря 1862 г.
№ 3890

Секретно.
Господину коменданту
С-Петербургской крепости

Содержащийся в Алексеевском рavelине титулярный советник Чернышевский просит разрешения купить и перевести XVII том Всеобщей истории Шлоссера, также дозволения продолжать начатый им беллетристический рассказ.

¹ Там же, л. 117 и 117 об.

Уведомляя Ваше превосходительство, что продолжение сего рассказа и перевод истории Шлоссера могут быть ему дозволены, я считаю долгом покорнейше просить не изволи-те ли Вы, милостивый государь, предложить ему о XVII томе истории написать к тому из своих знакомых, которому он желал бы поручить покупку сей книги, или уведомить меня, где именно может быть она куплена; о последующем я буду иметь честь ожидать отзыва Вашего превосходительства.

За отсутствием шефа Жандармов
Свиты Его Величества генерал-майор Потапов.

Ниже приписка чернилами А. Ф. Сорокина:

«Спросить через смотр. г. Удома»¹.

Об этом разрешении Чернышевского извещала записка А. Ф. Сорокина:

«Г. Чернышевскому.

Вам разрешено купить и переводить XVII том Всеобщей истории Шлоссера,—и продолжать начатый Вами беллетристический рассказ—напишите кому либо из Ваших знакомых о покупке и присылке Вам XVII т. истории Шлоссера или укажите, где можно таковую купить».

На документе рукою Н. Г. Чернышевского:

«Я напишу об этом г. А. Пылину. 22 дек. 1862 г. Н. Чернышевский»².

Имеется также автограф Н. Г. Чернышевского, написанный на отдельном листе бумаги. Приводим его:

«Чернышевский имеет честь сообщить, что он стал заниматься переводом одной из частей (именно VI части Таухницевского издания) «Истории Англии» Маколея, 21 декабря 1862 г. — Н. Чернышевский»³.

Однако пользование необходимой Чернышевскому литературой было весьма ограничено администрацией крепости по распоряжению 3 отделения. Об этом свидетельствуют следующие документы:

«Опись книгам и журналам, присланным арестанту № 11 его супругою. Berghaus Physik. Atlas. I und 2 Band. 180 Karten Stielers Hand Atlas. 83 Karten. «Evening Mail». полит. Английская газета 20 номеров, 1863 г. «С.-Петербургские Весто-

¹ Там же, ф. 1280, оп. 5, ед. хр. 104, л. 150 и 150 об.

² Там же, л. 152.

³ Там же, л. 151.

мости», 1863 год, 16 номеров, «Очерки»—газета политическая 1863 года, 50 номеров; «Северная пчела», газета политическая 1862 года за октябрь № 265 и 266 и декабрь № 340. «Отечественные записки» 1862 год, август. «Время»—журнал литературный и политический, 1862 год, октябрь и ноябрь.

Смотритель Алексеевского рavelина майор Удом

25 февраля 1863 года».

Сверху надпись чернилами:

«Представляю Его превосходительству Александру Львовичу на разрешение. А. Сорокин».

Ниже приписка карандашом тем же почерком:

«Можно ли передать все эти книги и письмо г. Чернышевскому»¹.

Из 3 отделения последовал ответ:

«3-е Отделение

Собственной Его

Императорского Величества

канцелярии.

Экспедиция 1.

С.-Петербург

5 марта 1863 г. № 766.

Секретно

Господину коменданту С-Петербургской крепости.

Возвращая при сем опись книгам и журналам, присланным содержащемуся в Алексеевском рavelине титулярному советнику **Чернышевскому**, имею честь уведомить Ваше превосходительство, что высочайше учрежденная Следственная Комиссия признает разрешение ему в настоящее время чтения современных журналов неудобным.

Управляющий отделением

Свиты Его Величества генерал-майор Потапов»².

На документе комендант крепости наложил резолюцию:

«Объявить г. Удому».

После объявления приговора предполагалось перевести Чернышевского из Алексеевского рavelина в тюремный замок. 5 мая 1864 г. из канцелярии СПб. военного генерал-губернатора в Петропавловскую крепость была направлена следующая депеша:

¹ Там же, ф. 1280, оп. 5, ед. хр. 104, л. 199. Весь список, кроме первых двух названий, перечеркнут (по-видимому, А. Л. Потаповым) красным карандашом.

² Там же, л. 198.

«Телеграмма.

5 мая 1864 г., 6 ч. 10 м. по п.

Г. плац-майору С-Петербургской крепости.

После объявления арестанту Чернышевскому вчерашнего приговора, переведен ли он из Алексеевского рavelина, и если нет, то почему?

Его светлость¹ ожидает немедленного ответа.

Управляющий секретным столом Спасский»².

Из С.-Петербургской крепости от плац-майора полковника П. П. Кандаурова последовал ответ:

«Ответ на депешу.

В канцелярию С-Петербургского Военного Генерал-губернатора.

Об объявлении приговора арестанту Чернышевскому в Комендантском Управлении крепости не имеется никакого сведения.

Подписал плац-майор полковник Кандауров³.

В тот же день комендант крепости получил новое уведомление:

Милостивый Государь Алексей Федорович. Приговор Правительствующего Сената Отставному Титулярному Советнику Чернышевскому уже объявлен и об исполнении оногo Ваше Превосходительство изволите получить вслед за сим официальное сообщение, предварительно же сего сообщения, по поручению князя Александра Аркадьевича⁴, честь имею покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, почтить уведомлением, когда Чернышевский будет переведен из Рavelина в обыкновенный каземат крепости и не встретится ли завтрашний день т. е. 6-го Мая каких либо препятствий к свиданию его с сыном и другими близкими родными.

Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

И. Четыркин

5 Мая 1864 года»⁵.

На отношении приписка карандашом А. Ф. Сорокина:

«Уведомить, что перевод вообще из Ал. Рavelина в казем. назначается к исполнению или на кануне того дня, когда назначено публично привести в исполнение конфирмацию или на кануне дня, в которой назначается к отправлению, не объявляя публично. Свидание допускаем в течение дня не в месте заключения, а в особой комнате в присутствии кого либо из чинов Коменд. ведомства. По пробитии вечерней

¹ СПб. военный генерал-губернатор кн. А. А. Суворов.

² Там же, ф. 1280, оп. 5, ед. хр. 108, л. 263. Спасский Платон Никифорович—чиновник особых поручений при СПб военном генерал-губернаторе.

³ Там же, лист 263 об. (Копия).

⁴ Речь идет о Суворове.

⁵ Там же, л. 264 и 264 об. И. Я. Четыркин — управляющий канцелярией СПб военного генерал-губернатора.

зори, осужденному остригут волосы на голове, и бреют бороду и усы, а при самом отправлении одевают в казенное платье, сдают конвойным для следования по назначению на почтовых».

Через несколько дней чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел П. В. Чебыкин подал рапорт коменданту крепости:

«Его Превосходительству Господину коменданту
С-Петербургской крепости.
Генерал-майора Чебыкина¹.

Р а п о р т

Его Светлость Г-н Военный Генерал Губернатор изволил поручить мне уведомить Ваше Превосходительство, что по случаю некоторых изменений в порядке исполнения приговора над преступником Чернышевским, не встречается уже надобность в переводе его в тюремный замок, а потому завтрашний день т. е. 19-го Мая в 7 часов утра Чернышевский будет принят мною для отправления на место исполнения приговора откуда возвращен обратно в С-Петербургскую крепость.

Генерал-майор Чебыкин
№ 602 18 мая 1864 года, С-Петербург².

Рукою коменданта крепости генерала А. Ф. Со-
рокина поставлена резолюция:

«О перемене уведомить г. Потапова».

Один из найденных документов рисует Н. Г. Чернышевского как убежденного и последовательного атеиста. Мы узнаем, что писатель категорически отказался от исповеди и причастия и заявил, что надобности в присылке к нему священника он не испытывает:

«Г. Коменданту С-Петербургской крепости.

В следствие отношения Вашего Превосходительства, от 7 сего Мая, за № 82, честь имею уведомить, что осужденный в каторжную работу отставной Титулярный Советник Чернышевский исповедаться и Св. Таин. прибавляться решительно не желает. Эту решимость я считаю окончательно потому, что а., он, Чернышевский, во Св. Четыредесятницу 1863 и 1864 годов говеть не хотел, б., совершать келейную у него в каземе службу, согласно данному Вами разрешению совершать таковую у арестантов, он мне не дозволил, и в., когда я предложил ему, что к нему, если ему угодно это, будет прислан другой Священник, Чернышевский отвечал мне, что он имеет совершенное ко мне доверие и уважение и присылать к нему другого Священника совершенно излишне.

¹ Чебыкин Порфирий Васильевич являлся членом попечительного общества о тюрьмах.

² Там же, ф. 1280, оп. 5, ед. хр. 108, л. 291 и 291 об.

Благословение же мое Священническое Чернышевский сам просил ему преподать, в чем ему и не отказал я.

Протоиерей Василий Полисадов¹.

8 мая 1864. № 44»².

За день до отправки Н. Г. Чернышевского в ссылку в крепости состоялось его свидание с видным ученым, председателем Литературного фонда Е. П. Ковалевским:

«С-Петербургского
Обер-Полицеймейстера
Канцелярия

Весьма нужное.
Команданту С-Петербургской
крепости.

Стол 1.
19 мая 1864 года.
№ 3292.

Его Светлость г. С-Петербургский Военный Генерал Губернатор, изволил разрешить Сенатору Генерал Лейтенанту Егору Петровичу Ковалевскому, иметь в течение сегодняшнего дня свидание с бывшим Титулярным Советником Чернышевским, о чем поспешаю уведомить Ваше Превосходительство

Генерал-лейтенант Анисимов
Правитель канцелярии³ (подпись)

Ниже рукою А. Ф. Сорокина сделана приписка:

«Дано свидание в 4 ч. пополудни».

Выполняя поручение Чернышевского, А. Н. Пыпин обратился к А. Ф. Сорокину со следующим письмом:

«Ваше превосходительство!

Исполняя желание родственника моего Н. Г. Чернышевского, честь имею обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбою принять прилагаемые при сем деньги, 15 р. сер., для раздачи нижним чинам, услугой которых Чернышевский пользовался во время пребывания своего в крепости.

Позволяю себе надеяться, что Ваше превосходительство сделаете о том зависящее от Вас распоряжение, честь имею быть

Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Александр Пыпин.
10 июня 1864 г.»⁴.

Слева приписка Сорокина:

¹ Полисадов Василий Петрович (1815—1878)—профессор богословия С.-Петербургского университета, настоятель кафедрального придворного собора Петропавловской крепости.

² Там же, ф. 1280, оп. 5, ед. хр. 108, л. 275.

³ Там же, л. 297.

⁴ Там же, ф. 1280, оп. 5, ед. хр. 109, л. 28. Это письмо частично цитируется В. А. Селезневым в статье «Неопубликованные материалы о Н. Г. Чернышевском» («Вестник ЛГУ», 1961, № 14, вып. 3, стр. 166).

«Благодарить г. Пыпина, но принять деньги в награду ниж. ч. воспрещается—они исполняли свою обязанность».

19 мая 1864 г. 3 отделение адресовало коменданту Петропавловской крепости секретное предписание о личных вещах Чернышевского

«3-е Отделение
Собственной Его
Императорского
Величества
Канцелярии
Экспедиция 1.
С.-Петербург
19 мая 1864 г.
№ 1327

Получено 20 мая 1864 г.
Секретно
Господину Коменданту
С.-Петербургской крепости.

В следствие отношения Вашего Превосходительства от сего числа за № 98, г. Шеф Жандармов не находит препятствия к отправлению с государственным преступником Николаем Чернышевским доставленных родственными его вещей в возвращаемом списке поименованных, исключая сочинений «Жоржа Занд», но с тем, чтобы вещи эти, кроме необходимого белья и одежды во время пути, были отправлены прямо в Тобольский Приказ о ссыльных и не выдаваемы на руки преступнику.

Управляющий Отделением Свиты Его Императорского
Величества Генерал-Майор (подпись)

Рукою А. Ф. Сорокина поставлена резолюция:

«Весьма нужное. Исполнить!».

В связи с этим смотритель Алексеевского рavelина доносил коменданту:

«Коменданту С.-Петербургской крепости.
Смотритель Алексеевского рavelина
С.-Петербургской крепости.

РАПОРТ

Опись в подлиннике с росписками в принятии от меня вещей и документов преступника Николая Чернышевского при сем к Вашему превосходительству представляю.

Смотритель Алексеевского рavelина, майор Удомь.
Мая 21 дня 1864 г., № 97»².

Слева на рапорте приписано рукою коменданта крепости А. Ф. Сорокина:

«К свед.»

Опись вещам арестанта,
содержащегося в покое под № 12.

Название вещей	Число вещей
1. Пальто драповое черное	1
2. Сюртук черного сукна	1
3. Брюки черного трико	1

¹ Там же, ф. 1280, оп. 5, ед. хр. 108, л. 307 и 307 об.

² Там же, ф. 1280, оп. 5, ед. хр. 108, л. 323.

4. Гарусной жилет	1
5. Галстук шолковый черный	1
6. Фуражка шолковая черная	1
7. Халат серой байки	1
8. Сюртук летний серого казинета	1
9. Рубах полотняных	3
10. Подштаников полотняных	2
11. Карпеток бумажных	2
12. Полотенце салфеточное	1
13. Салфетка	1
14. Платков носовых	2
15. Полусапожек, пар	1
16. Очков в футляре	2
17. Печать стальная с вензелем	1
18. Портсигар с 8-ю записками и тремя фотогра- фическими карточками	1
19. Запонок бронзовых, пар	2
20. Рубах полотняных	3
21. Подштаников	3
22. Полотенцов	3
23. Носовых платков	3
24. Чулков, пар	4
25. Рубах полотняных	4
26. Пальто на куньем меху с бобровым воротником	1
27. Калоши	1
28. Шапка меховая	1
29. Сапоги поярковые	1
30. Расписка СПб Почтамта на отправление в Саратов Ольге Чернышевской денег 580 руб., за № 57, сентября 18. 1862 года.	
31. Свидетельство от 15 марта 1862 г. за № 2061, данное Саратовской Духовной Консисторией Коллежскому Ассе- сору Пыпину.	
32. Духовная протоиерея Саратовского Кафедрального собо- ра Гавриила Чернышевского, от 5 июля 1858 года »	

Внизу рукою Н. Г. Чернышевского:

«Все показано в этой описи верно и впол-
не, как вещи, так и документы, и получены
мною обратно в исправности, 18 мая 1864.
Н. Чернышевский».

Ниже — приписка А. Н. Пыпина:

«По сей описи все получено сполна.
Мая 20, 1864. А. Пыпин»¹.

**«Опись Собственным вещам преступника Чернышевского
отправленным вместе с ним в Тобольский Приказ о ссыльных.
Мая 20 дня 1864 года.**

<i>В чемодане № 2</i>	<i>Число вещей</i>
Байковый халат	1
Простыня	1
Рубашек	18
Нижних панталон	10
Белевых носков, пар	17
Фильдекосовых носков, пар	6

¹ Там же, ф. 1280, оп. 5, ед. хр. 108, л. 324 и 324 об.

Носков шерстяных серых, пар	3
Полотенцев	5
Платков носовых	10
Книги: сочинения Лермонтова	2
Стихотворения Кольцова	1
Почтовой бумаги пачек	4
Портфель с портретами, транспарантами и конвертами	1
Стихотворения Некрасова	1
Новый Завет	1
Русско-французский словарь	1
Французская Библия	1
Французских книг	2
Конвертов пачек	2
Карандашей коробочек	2
Стальных перьев коробочек	1
Чаю фунтов	2
Походная чернильница	1
Десять ручек деревянных перьев	10
Карандашей с металлическими концами	4
Иголок пачка	1
Ножик перочинный	1
Ножницы	1
Лекарства разного банок и коробочек	4
Одеколону банок	1
Мыла кусков	2
Помады банок	2
Запонок нового золота, пар	2
Простынь	2

Чемодан № 3-й

Простынь	2
Байховое одеяло	1
Брюки драповые	1
Жилет таковой же	1
Туфли	1
Сапоги выростковые	1
Пальто драповое, летнее	1
Вьючный ремень	1
Ящик сигар	1
Счеты	1
Пальто теплое на меху крымской кошки	1
Калоши поношенные	1
Сапоги поношенные	1
Сюртук черного сукна	1

В сак-воляже

Рубашек	4
Нижних панталон	3
Наволочек белых	2
Платков носовых	3
Полотенцев	5
Чулок белевых, пар	2
Чаю фунтов	1
Сахару колотого в бумаге пачка	1
Сигар коробок	4
Мыло кусков	1
Сверток клеенчатый, в нем находятся (нитки, гребень и гребенка, галстук, две серебряные ложки, пуговицы, очки, зонтик для глаз, каучуковый плащ от дождя и спичек несколько коробок).	

Находящиеся при нем:

Пуховая подушка	} в серых наволоках	3
Пуховая		
Сафьяновая		
Енотая шуба крытая черным сукном		1
Пиджак серый		1
Сапоги с длинными голенищами		1
Шарф темный		1
Носков шерстяных, пар		2
Рубашек		2
Нижних панталон		1
Галстук		1
Портсигар кожаный		1
Ковер		1
Брюки		1
Жилет		1
Запонки нового золота, пар		1
Очков в позолоченной оправе		1
Серебряные глухие часы с стальной цепью		1

На подлинной написано: по сей описи вещи показаны вполне и верно. Н. Чернышевский, 20-го мая 1864 года.

С подлинною верно;
секретарь (подпись)¹

В этом же деле имеется список вещей, составленный собственноручно Н. Г. Чернышевским. Ниже мы приводим его полностью²

«Список вещей Н. Г. Чернышевского.

В сак-вояже

Рубашки на дорогу, 4 шт.; штаны на дорогу и нижн. 3 шт. 1 наволочка серая и 2 белых (в скатерти). Три (зачеркнуто чьей-то рукой и карандашом сверху приписано: «четыре») полотенца на дорогу, мыло и одеяло.

Сапоги личные, 1 пар. (Эта строка зачеркнута и карандашом другим почерком приписано — «на нем»).

Каучуковый плащ.

Портфель с бумагой (и несколькими портретами).

Сверток клеенчатый (в нем: 2 пары шерст. носков; 2 пары белевых; 3 носовых платка; 2 гребня; галстук; 2 сереб. ложки; ножницы; перочинный ножик; карандаша 4 в ручках, и 2 коробки; ручка для перьев; полотенце; нитки; иголки; пуговицы).

Чернильница. Перья. Порт-сигар кожаный, и спички. Шарф. Лечебник, на нем. Кунце. Фунт чаю. Сигары 3 коробки. Мятные лепешки. Лекарство на дорогу.

В чемодане (2):

Внизу: Теплое пальто. Четыре рубашки. Четверо носков. Теплый халат и туфли. Библия, на фр. яз. Новый Завет, на русском. Thackeray, The four Geovges, 1 v. (роман Токке-рея). Несколько книжек Жоржа Занда³. Зонтик для глаз.

Вверху: Рубашек новых, 9 шт. Штанов новых, 9 шт. (Другой рукой карандашом зачеркнуто 9 и сверху поставлено—

¹ Там же, ф. 1280, оп. 5, ед. хр. 108, л. 325 и 325 об.

² Об этой описи составители книги «Процесс Н. Г. Чернышевского» (Саратов, 1939) писали, что им не удалось ее разыскать (стр. 356).

³ (Подчеркнуто красным карандашом).

«18»). Пара сапог. Лермонтов 2 т.; Кольцов 1 т. Две простыни (карандашом другим почерком приписано: «1 пр.»).

В чемодане (3):

Внизу: Простынь 1. Носки белевые, 12 пар. Носки фильдековские, 6 пар. Носки шерстяные, 5 пар. Рубашки—4 ночные; 2 дневных. Штаны, 1 нижние. Платки носовые, 10 шт. Полотенец, 6 шт. (Карандашом другой рукой вписано: «5». Бумаги почтовой 4 свертка. Конверты. Счеты. Сигары — в ящике. Стальные перья. Штаны теплые. Жилет. Два фунта чаю.

Вверху: Фланелевое одеяло. Две простыни. Часы серебряные¹.

20 мая 1864 года Н. Г. Чернышевский был отправлен в Сибирь. Приводим материалы, относящиеся к этому периоду.

В делах того же фонда находится небольшая тетрадь с непрономерованными страницами, озаглавленная:

«Тетрадь на записку прихода и расхода собственных денег, принадлежащих преступнику Николаю Чернышевскому, отправляющемуся с Петербургской крепости в Тобольский Приказ о ссыльных. 20 мая 1864 года.

На первой странице ее имеется запись от 20 мая:

«С-Петербургского жандармского дивизиона вахмистру Иону Ильину сдано принадлежащих преступнику Николаю Чернышевскому денег триста рублей. Секретарь».

На второй странице тетради рукою Н. Г. Чернышевского:

«Получил на мелкие расходы пять рублей. Н. Чернышевский, 21 мая 1864 г. Потратил еще один рубль. 24 мая, Н. Чернышевский. 26 мая израсходовал еще один рубль. Н. Чернышевский. 27 мая потратил десять рублей. Н. Чернышевский. 1 июня получил четыре рубля 50 коп. Н. Чернышевский. И три рубля 50 коп. Н. Чернышевский. 2 июня еще два рубля. Итого 27 р. Н. Чернышевский.

Двадцать пять рублей получил 3 и 4 июня. Н. Чернышевский».

В конце тетради указано неизвестной рукой:

«Оставшиеся на расходы деньги двести сорок восемь рублей сданы вахмистру С.-Петербургского жандармского дивизиона (Следует неразборчивая подпись).

6 июня 1864 г.»².

Своими вещами Н. Г. Чернышевский частично пользовался в пути. Об этом говорит следующий документ:

¹ Там же, ф. 1280, оп. 5, ед. хр. 108, лл. 308 и 308 об., 309.

² Там же, ед. хр. 109, л. 32.

«Вещи, находившиеся в сак-вояже, были получены мною во время дороги и часть их израсходована мною; остальные же находятся у меня вместе с сак-вояжем, также находятся у меня и вещи бывшие невложеными в сак-вояж и чемоданы; все как показано в описи.

6 июня 1864 г. Н. Чернышевский.

Тобольск»¹.

¹ Там же, ф. 1280, оп. 5, ед. хр. 109, л. 31. Эта расписка приведена В. А. Селезевым. («Вестник ЛГУ», 1961, № 14, вып. 3, стр. 166).

Е. Г. БУШКАНЕЦ

СТИХОТВОРЕНИЕ «НА КАЗНЬ ЧЕРНЫШЕВСКОГО» И ЕГО АВТОР

Перед нами тетрадь со стихотворениями—ни одно из них никогда не появлялось в печати. Написаны они в 1861—1864 годах. Автор их—малоизвестный литератор-шестидесятник Владимир Романович Щиглев¹.

В. Р. Щиглев (1840—1903)—один из писателей-демократов, вступивших в литературу на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов прошлого столетия. Мировоззрение его формировалось под влиянием «Современника». С полным основанием он считал себя учеником и последователем Чернышевского.

Печататься Щиглев начал еще гимназистом. В 1862 г., по окончании Первой петербургской гимназии, он поступил на юридический факультет университета; некоторое время провёл в Полтавской губернии, пытаясь искать пути к сближению с народом. В шестидесятых годах Щиглев помещал сатирические стихотворения и карикатуры в «Искре» и «Будильнике», печатался также в «Русском слове». Позднее он работал в «Деле», «Русской правде», «Северном курьере» и др. изданиях. До конца жизни он сохранял верность лучшим традициям шестидесятых годов.

¹ Тетрадь находится в архиве Института русской литературы АН СССР (Пушкинского Дома) в фонде журнала «Русская старина»—опись 2, ед. хр. 3197. В тетради девятнадцать стихотворений: «Собор», «Современные вопли», «Мужичок», «Галатея», «Тебя, великий человек...», «Стук, стук, стук», «Печален взор прекрасный твой...», «Я счастлив детски перед сном...», «На 1864 год», «Старая скорбь», «Все одно и то же на земле...», «Что живется нам так трудно...», «Зрелище мрачное, злое...», «Пушки, бастионы спят во тьме ночной...», «Пожар утих, едва мерцает...», «Под небом Красного села...», «30 августа 1864 г.», «Честь небесам, миновала жара...», «На казнь Чернышевского».

Кроме того, в настоящей статье использован автограф стихотворения Щиглева «Скажи-ка, дядя...»—там же, фонд 93, опись 3, ед. хр. 1427.

В 1916 г. В. Семевскому и Р. Минцлову удалось напечатать небольшую заметку о Щиглеве. Они обратили внимание на то, что большая часть стихотворений Щиглева не издана, так как представляет собой «резкую сатиру на проявления произвола правительства и горячее восхваление людей, борющихся с ним, гонимых и преследуемых». При этом отмечалось, что большинство антиправительственных стихотворений Щиглева был вынужден уничтожить сам, когда его предупредили о предстоящем обыске—лишь немногие из них сохранились в копиях у его друзей. Тогда же Семевский и Минцлов опубликовали несколько бесцензурных стихотворений Щиглева, написанных в 1880-е и 1890-е годы,—среди них «На смерть Н. Г. Чернышевского» («Над Волгой где-то там вдали...»¹).

Впрочем, даже в 1916 г. некоторые имевшиеся в его распоряжении тексты Семевский напечатать не мог—стихотворение «Памяти С. Кравчинского-Степняка» было опубликовано им только после революции². Четыре очень интересных стихотворения Щиглева, также восьмидесятых-девяностых годов, сообщил в 1917 г. С. А. Венгеров³.

Несколько приоткрыть завесу над бесцензурным творчеством Щиглева шестидесятых годов удалось И. Г. Ямпольскому. В издание «Поэты «Искры» (1933 г.), он включил ряд не публиковавшихся стихотворений Щиглева второй половины 1860 годов. Три года спустя в «Литературном наследстве» появилось его сообщение о тетради юношеских стихотворений Щиглева и шесть произведений из нее⁴.

Двадцать до сих пор неизвестных стихотворений Щиглева, которым посвящено это сообщение, представляют несомненный историко-литературный интерес. Создание Щиглевым в последние месяцы гимназической жизни и в годы студенчества, эти стихотворения ярко свидетельствуют, как глубоко захватывала молодых писателей-демократов могучая проповедь Чернышевского. Особо значительным представляется

¹ С. Р. Минцлов и В. Семевский. Старый шестидесятник. «Голос минувшего», 1916, № 9, стр. 40—53.

² «Голос минувшего», 1918, № 7—8, стр. 146.

³ «Былое», 1917, № 5—6, стр. 126—132.

⁴ «Поэты «Искры», Л., 1933, стр. 595—615; «Литературное наследство», т. 25—26, 1936, стр. 444—448; два стихотворения 1865 г. из архива Семевского опубликовал Б. П. Козьмин в комментариях к книге Водовозовой «На заре жизни», М., 1934, т. II, стр. 462—464. В них также с глубоким сочувствием упоминается Н. Г. Чернышевский. И. Г. Ямпольский впервые четко определил Щиглева как представителя левого крыла искровцев, в произведениях которого звучала «почти неприкрытая проповедь крестьянской революции, злая издевка над помещиками-консерваторами, недовольными реформой 1861 г., и пад помещиками-либералами, нажившимися на ней». («Поэты «Искры», 1933, стр. 598). К сожалению, из нового издания сборника произведения Щиглева были И. Г. Ямпольским исключены. В послевоенные годы статей или публикаций о Щиглеве не появлялось.

нам стихотворение «На казнь Чернышевского», в котором с большой силой выразилась любовь передовой молодежи к вождю революционных сил, ненависть к его тюремщикам, судьям и палачам. Стихи Щиглева не лишены художественных недостатков. Но они помогают прояснить процесс формирования и развития революционно-демократической поэзии. Они обогащают наши представления о передовой общественно-политической мысли эпохи революционного натиска 1861 года.

Из стихотворения в стихотворение Щиглева проходит мысль об угнетенной и задавленной родине. Он подчеркивает, что главный враг народа—царь-самодержец. Романовы — вот виновники всех несчастий и бед. Напомним, что в конкретных условиях той эпохи одним из серьезных препятствий для развязывания революционной борьбы против самодержавно-крепостнического строя были царистские иллюзии масс. Чернышевский и его единомышленники объясняли крестьянам, что на царя надеяться нечего, пытались разоблачить наивную веру в «добраго царя-батюшку». Именно в этом видит свою задачу и Щиглев, он прямо обращается к народу:

Бедняк-народ! Попал ты в сети,
Тебя опутал царский дом!

(«Ода»)

С гневом говорит он о доме Романовых, который «разросся, как в тюфяке гнездо клопов», он посылает проклятия «помазаным небом уродам, глупым, черствым душой, как бревно». Парад в Красном селе по поводу окончания военных действий на Кавказе не только наводит поэта на воспоминания о пленении в Гунибе Шамиля... Он грустит, что есть в России еще «два Гуниба»,—два места, где обитают ее настоящие враги:

Один из них—Романов дом,
Гнездо плодливое сатрапов,
А за Цепным стоит мостом
Другой Гуниб, другой, и в нем
Еще живет Шамиль-Потапов!
Его мюриды—просто львы,
Их ружья уши, мы их цели,
Аул их—крепость у Невы...

(«Под небом Красного села...»)

Около Цепного моста в Петербурге находилось Третье отделение, А. Л. Потапов—начальник штаба корпуса жандармов и управляющий Третьим отделением. На царя и его жандармов направляет Щиглев бич своей сатиры.

Щиглев вступал в литературу, когда революционное движение в стране уже пошло на убыль. Лучшие представители разночинной молодежи были заточены в тюрьмы и крепости, сосланы в Сибирь; все чаще правительство прибегало к смертным казням. Против торжествующей реакции Щиглев

пытался выступать в подцензурной печати¹,—открыто бичевал ее в своих бесцензурных стихотворениях, предназначенных для нелегального распространения.

Первые тяжелые утраты революционная демократия понесла осенью 1861 года. Расправа властей с участниками студенческих выступлений в Петербургском университете, закрытие университета и заключение в крепость большой группы студентов, арест и ссылка Михайлова вошли в сознание современников как начало правительственных репрессий. С этими событиями совпала преждевременная смерть Добролюбова — тяжелая, невозместимая утрата для лагеря революции. Щиглев откликнулся на эти события взволнованными строками:

Хмурится небо... Туман непроглядный,
Оттепель ярая, год не отрадный,
Видно и небо правительством нашим
Купно бессильем и пьянством монаршим
Очень обижено и недовольно.
Небо! Да разве нам тоже не больно?

В тюрьмах холодных за правое дело
Много безвинных студентов засело...
Паткуль, Игнатъев, Пуятин восстали,
С войском пришли, увидали и взяли...
Хмурится небо, глядит недовольно,
Небо! Да разве нам тоже не больно?

Вот и Михайлов с недужною грудью—
Гласности нашему нет правосудью!
В дальний Тобольск ему ехать решила...
Снежная, ранняя вышла могила...
Хмурится небо, глядит недовольно.
Небо! Да разве нам тоже не больно?

С честною жизнью, с прямою душою
Трудно брести, знать, мирской колеєю...
Жертву одну мы еще проводили —
Рядом с Белинским ее положили...
Хмурится небо, глядит недовольно.
Небо! Да разве нам тоже не больно?²

(«Современные вопли»)

Щиглев часто обращается к воспоминаниям о первых борцах за свободу—он верит, что их никогда не забудет родина:

Были люди с горячей душой,
Их кружок небольшой пред тобою

¹ См., например, карикатуру и подпись к ней, построенную на двух значениях слова «сажают» в «Искре», 1863, № 20; некоторые непропущенные карикатуры вошли в сборник «Неопубликованные карикатуры «Искры» и «Гудка». Изд. «Искусство», 1939; обращает особое внимание карикатура Щиглева на тему: двуглавый орел—урод.

² А. В. Паткуль—петербургский обер-полицмейстер, А. Д. Игнатъев—петербургский генерал-губернатор, Е. В. Пуятин—министр народного просвещения; Добролюбов был похоронен рядом с могилой В. Г. Белинского.

Ждал с любовью, мольбой и тоскою
Первый вздох из груди молодой...
Но погибли они без возврата,
Не успевши тебя умолить...
Не пришлось им тебя оживить —
И цепями была им оплата.

(«Галатея»)

Сурова судьба и нового поколения друзей народа. Щиглев тяжело переживал поражение революционного натиска, преследования лучших людей родины:

Что живется нам так трудно?
Что царит так ярко гадость?
Отчего у нас безлюдно?
Неужели в грезах радость?
Чем же может быть утешен
Человек, когда он дышит
Смрадным воздухом и слышит:
Тот расстрелян, тот повешен!

Поэт проклинает мир, в котором на людей «за честные стремленья» обрушиваются ссылки и казни, в котором

бессильно бешен,
Утомлен и смрадно дышишь
И все только слышишь, слышишь:
Тот расстрелян, тот повешен!

(«Что живется нам так трудно...»)

На новые репрессии царизма—запрещение «Современника» и некоторых других изданий, арест Чернышевского, преследование всех демократических сил—Щиглев откликнулся сатирой «Скажи-ка, дядя...» — перепевом лермонтовского «Бородина». Щиглевский дядя-ретроград не вспоминает с гордостью о старых временах, его вполне устраивают и новые порядки: «Стоит ли жалеть бывшее? И нынче царство не дурное: жандармы там и тут. Пусть зашумят мальчишки снова, и одного довольно слова,—а уж карета и готова: посадят, отвезут».

А наша крепость? Что плохая?
Она—Бастилия родная —
Надежна и крепка!
Какие бравые солдаты,
Как сыры, душны казематы,
Благословенна уж трикраты
Петровская рука!...
Она хранит весь берег невский —
В нем скрыт надежно Чернышевский —
Безбожник, бунтовщик.
И много там сидит народу,
Не жаль мятежную породу —
Они кричали про свободу —
Теперь же нем язык.

Щиглев не раз возвращался в своих раздумьях к заточенным в крепости—Чернышевскому и его единомышленникам. При этом он часто обращался к ритмам и интонациям Лермонтова:

Пушки, бастионы
Спят во тьме ночной.
В башлыке угрюмо
Ходит часовой.
А в стенах томятся
Жертвы правоты...¹

Высшее идейно-художественное достижение в творчестве Шиглева 1860-х годов—стихотворение «На казнь Чернышевского». Приведем этот интересный памятник агитационной поэзии революционной демократии полностью.

На казнь Чернышевского

Как? Под дождем — с открытой головой
Привязанный к столбу, расслабленный, больной!
Чья ж эта подлая потеха?
Какой вертеп устроил гнусный пир?
Где мы?.. Не здесь ли дантов адский мир
Среди скорбей и дьявольского смеха?
Богиня правды, что с тобой?
Кто гибнет казнью площадной?
Гляди: — не вор он, не убийца!
Где ж виселиц стоит безмолвный, страшный ряд,
Где пули каждый день за грудь грудь сверлят —
Там с честью встречен кровопийца!
А он — измученный, больной,
Стоит спокойно над толпой,
В глазах — холодное презренье...
Толпу ты вправе презирать,
Все отдал ты, что мог отдать —
Что ж получил в вознагражденье?
На каторге мертвящий труд,
Потом под синим льдом приют,
Где в вечном сне все спит глубоко,
Где все заносит вьюгой снег...
Прости нас, честный человек,
Нас слабых, стоящих упрека.
Прощай! Идя в далекий путь,
Верь, не одна болит здесь грудь,
Верь, не одни скрежещут зубы...
Сибирский снег нас не страшит,
Но пусть же тайно кровь кипит
И пусть на время сжаты губы...
А ты, властитель-государь,
Державы смирной русский царь —
Твоя убавилась слава:
Пятно великое не смоешь ты с себя,
И даже смыть его нельзя
Отменой крепостного права!

Пафос стихотворения не в подчеркивании революционных заслуг Чернышевского. О его служении родине сказано кратко—все отдал он, что мог отдать. Чернышевский оставался в руках самодержавия, и всякое подчеркивание роли Черны-

¹ Выразительны заключительные строки этого стихотворения:

Подожди немного,
Сядешь там и ты...

шевского в освободительном движении было бы неуместно. Зато с исключительной силой прозвучало в стихотворении проклятие палачам вождя революционеров 61-го года. Необычность темы заставила Щиглева отказаться от характерной для его сатирических стихотворений поэтической манеры. Впервые в его творчестве зазвучала взволнованная речь трибуна-гражданина, в стихах его появились новые ораторские интонации.

Стихотворение «На казнь Чернышевского» явно испытало на себе воздействие лермонтовской «Смерти поэта». Подобно тому, как Лермонтов в заключение стихотворения обращался к виновникам гибели Пушкина—«А вы, надменные потомки...», Щиглев обращался к палачу Чернышевского—«А ты, властитель-государь...». И как тем не смыть своей черной кровью поэта праведную кровь, так Александру II не смыть с себя великого пятна. Расправа над Чернышевским—такое же национальное горе, каким в свое время была гибель Пушкина¹.

Щиглев был очевидцем «гражданской казни» Чернышевского. В 1889 г. он вспоминал, как его учитель стоял у «позорного столба».

Стоял он, слабый, но упорный,
Могучий духом, но покорный,
Но — не покорностью раба!

(«На смерть Чернышевского»)²

Не раз напоминал Щиглев, что на деле к позорному столбу навеки пригвоздили себя царь и его жандармы. В стихах по поводу эпидемии сибирской язвы он писал:

Зараза одна миновала, прошла
Рогатой скотине досталось...
Да жаль, что не ту она нам извела —
Другой еще много осталось.
Осталась другая под крышей дворцов
С избытком земных наслаждений...
Явила бы, язва, ты этих скотов,
Не трогая бедных селений.
От них-то, стоя у позорных столбов,
И либнут российские силы.
И роет Сибирь, среди вечных снегов,
Подснежные вечно могилы...

(«Честь небесам, миновала жара...»)

Щиглев, так тяжело переживавший крушение революционного натиска, понимал, что его участники, несмотря на то, что они потерпели полное поражение, были великими деятелями

¹ Отметим, что отмену крепостного права Щиглев никогда не ставит в заслугу Александру II. По логике стихотворения реформа 19 февраля 1861 г. упомянута лишь как действие царя, по его собственному мнению, якобы, прославившее его.

² «Голос минувшего», 1916, № 9, стр. 51.

эпохи. Память о них будет вдохновлять на борьбу новые поколения революционеров. В одном из стихотворений Щиглев рисует символическую картину разгромленного народного восстания. Скрылся «надежды светоч золотой, разбиты в сердце упования». Мертвый край уныл и мрачен. «Еще свежи в могилах кости, еще хмельны победой гости — мечта заветная, — восклицает поэт, — прощай». Но подвиг героев зародил «искры будущих стремлений» — идеи отцов поднимут на борьбу детей:

Да, дети! С теплой верой в вас
Нам все же легче наше бремя...
Расти же, молодое племя,
И смой пятно обиды с нас!

(«Пожар утих, едва мерцает...»)

Иногда Щиглеву кажется, что победа не так уж далека, что отживающий строй переживает предсмертную агонию — «Пожар старинный угасает, он вас лишь вспышкой обольщает, — так иногда светло сверкает последний уголек!». Иногда же уничтожение самодержавной тирании представляется ему возможным лишь в столь далеком будущем, что «расстаться с этим крепким злом» его «лишь внуков смогут дети!». Но победа все-таки неизбежна!

Поверь, минует непогода,
Зарей осветится восток,
Воскреснет падшая свобода,
Сплетется миртовый венок.
Теперь вперед! Зови же к счастью,
Все силы выдвини сполна —
Всегда борьба с гнетущей властью
Честней бессмысленного сна.

Своими стихами Щиглев неутомимо боролся с «гнетущей властью», стремился приблизить освобождение народа. Его вдохновлял в этой борьбе образ «многострадального и верного сына родной земли» Чернышевского¹.

Стихотворения Щиглева, которые мы кратко охарактеризовали, — яркое проявление нелегальной революционно-демократической сатиры 1860-х годов.

Революционные стихотворения В. Р. Щиглева нелегально распространялись в списках. По одному из таких списков, сохранившемуся в архиве М. Н. Чернышевского, стихотворение «На казнь Чернышевского» без указания автора напечатано в 1928 году². Некоторые стихотворения Щиглева вошли в нелегальные сборники второй половины прошлого столетия. В одном из гектографированных сборников револю-

¹ Определение из стихотворения «На смерть Чернышевского».

² К юбилею Чернышевского. Саратов, 1928, стр. 184—185. Список имеет заглавие «Современная ода (19 мая 1864 года)» и хранится в основном фонде Дома-музея Н. Г. Чернышевского, № 605 (указано Н. М. Чернышевской).

ционных стихотворений помещено стихотворение Щиглева «Тебя, великий человек...»¹, оригинал которого находится в описанной нами тетради.

Внимание историков литературы до сих пор привлекали главным образом сатирические произведения писателей-демократов в том виде, в каком они появлялись на страницах подцензурных изданий — «Свистка» (приложения к «Современнику»), «Искры», «Гудка», отчасти «Будильника». Ученники и последователи Чернышевского через все препоны цензуры провели там идею крестьянской революции. В то же время создавались сатирические произведения, рассчитанные на нелегальное распространение в списках. Идея революции там уже не маскировалась для обхода цензуры — она звучала прямо, неприкрыто. Так, В. С. Курочкин создал для нелегального распространения стихотворения «Двуглавый орел», «Русский певец», «Над цензурой, друзья, смейтесь так же, как и я...», В. Берви-Флеровский — «Несчастливая угодливость», Д. И. Писарев — «На открытие памятника Николаю I» и т. д. Заметный вклад в нелегальную революционно-демократическую сатиру внес В. Р. Щиглев. Вклад этот, как и вообще вся нелегальная сатира революционеров 1861 года, заслуживает самого пристального изучения.

¹ ЦГИАМ, коллекция нелегальных изданий, № 4106, стр. 10.

ДОПОЛНЕНИЕ К ТЕМЕ «ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И Л. ТОЛСТОЙ»

Данной теме в советском литературоведении было посвящено (помимо соответствующих разделов почти в каждой общей работе о критике 1860-х годов, почти в каждой монографии о Чернышевском или Толстом) несколько специальных статей¹, из которых самая последняя—А. И. Шифмана—является и самой обстоятельной. Однако даже в этом исследовании почти не затронут один важный аспект: все многообразие полемических выпадов Чернышевского в известной статье 1856 года относительно истолкования Дружининым творчества Толстого. Обычно подчеркивались лишь диаметрально противоположные выводы, которые делались Дружининым и Чернышевским при анализе толстовских произведений. В действительности соотношение статей Дружинина и Чернышевского более сложно.

В борьбе с так называемой «дидактической» эстетикой Чернышевского Дружинин, как известно, с радостью «ухватился» за произведения молодого Толстого, стремясь их истолковать в свою пользу. Нарочито причисляя писателя к лагерю «свободного искусства», Дружинин главное внимание уделил художественному анализу, что позволило ему, наряду с полемически-субъективистскими идеями, высказать и объективно ценные мысли о некоторых особенностях таланта Толстого.

Интересны в этом отношении две рецензии критика из сентябрьского номера «Библиотеки для чтения» 1856 года: первая — на повести «Метель» и «Два гусара» (№ 9, отд. V,

¹ В. Фриче, Л. Н. Толстой и Н. Г. Чернышевский («Красная новь», 1928, № 9, стр. 131—142; Б. Эйхенбаум, Чернышевский и Толстой («Красная газета», вечерний выпуск, 1928, 29 ноября, № 329 (1999), стр. 3); А. И. Шифман, Чернышевский о Толстом («Лев Николаевич Толстой. Сборник статей и материалов», М., Изд. АН СССР, 1951, стр. 189—267).

стр. 1—30), вторая — на сборник «Для легкого чтения. Повести, рассказы, путешествия и стихотворения современных русских писателей», т. II, СПб., 1856 (там же, отд. VI, стр. 16—25)¹.

В первой статье Дружинин неоднократно отмечал, что главной особенностью таланта Толстого является нравственная высота: «Мысль и поэзия неразлучны с его очерками, и эта мысль есть мысль человека высоконравственного»; «Подвиги, им изображаемые, не имеют в себе никакого великолепия, кроме великолепия нравственного»².

Во второй рецензии Дружинин снова подчеркивает, что писатель «чист и правдив в изложении», а также отмечает еще одно важное свойство Толстого-художника: «У него обозначены мастерски даже те переходные пункты, то переходное состояние, которое даже в физическом человеке очень часто ускользает от заботливого глаза, а тут смело и отчетливо выставлено... как бы точнее выразиться? Духовное расширение человека»³.

Более того, творчество Толстого было настолько ярким художественным отражением современности, что именно при оценке его таланта Дружинин сделал существенную оговорку относительно связи литературы с жизнью: «не следует предполагать, чтобы мы были защитниками вялого бесстрастия в искусстве, того бесстрастия, которое превращает художество в даггеротипную работу и ведет к полному отрешению поэта от интересов житейских. Если б мы даже и проповедовали подобное бесстрастие, труд наш прошел бы даром, ибо во всей истории европейской литературы, древней и новой, не бывало, нет и не будет истинных поэтов, отрешенных от мира с его интересами»⁴.

Дружинин подчеркивал, что он лишь противник дидактичности искусства, элементы которого он, вероятно, усматривал в «Записках маркера», т. к. форму нашел «стеснительной», а рассказ — «бледноватым»⁵.

А три месяца спустя появилась знаменитая статья Чернышевского о «Детстве и отрочестве» и «Военных рассказах» Л. Толстого («Современник», 1856, № 12, отд. III, стр. 53—64), статья, занимающая особое место в наследии критика. Она очень необычна, не похожа на другие рецензии Чернышевско-

¹ Обе рецензии анонимны. Первая включена в «Собрание сочинений А. В. Дружинина», т. VII, СПб., 1865, стр. 168—189; принадлежность второй тому же автору указана в книге: В. С. Спиридонов, Л. Н. Толстой. Библиография. Том первый. 1845—1870, Academia, М.—Л., 1933, стр. 64.

² «Библиотека для чтения», 1856, № 9, отд. V, стр. 4—5.

³ Там же, отд. VI, стр. 23.

⁴ Там же, отд. V, стр. 27—28.

⁵ Там же, отд. VI, стр. 24.

го усиленным вниманием автора к художественной стороне творчества писателя. Это может первоначально привести исследователя даже к сомнению, Чернышевский ли написал эту статью? В «Современнике» ведь она опубликована без подписи. Однако сохранилась рукопись, да если бы и не сохранилась, то содержание, бесспорно, убеждает в авторстве Чернышевского: статья полна выпадов против защитников «свободного творчества». Но она не просто полемична. Чернышевский именно здесь стремится доказать, что противники революционно-демократической эстетики, трактующие о художественности, ничего не смыслят в ней. Правда, он взял в качестве объекта критики не рецензии Дружинина, а «дидактическую» статью Дудышкина о «Военных рассказах» и «Детстве и отрочестве» («Отечественные записки», 1856, № 11, отд. III, стр. 11—18)¹, где автор сетовал на равнодушие Толстого к «грандиозным событиям» Восточной войны и на отсутствие в его произведениях «женского характера» и «чувства любви» (стр. 14, 17). Эстет Дружинин никогда бы, конечно, таких упреков в такой форме не высказал.

Но с Дружининым Чернышевский полемизировал иначе. В качестве существенных черт художественного таланта Толстого он указал почти те же особенности, которые были уже отмечены Дружининым, однако теснейшим образом связал их со своими принципами, в основном противоположными дружининскому методу.

«Диалектику души» (термин значительно более широкий, чем формулы Дружинина о «переходном состоянии» и «духовном расширении») Чернышевский соотнес с субъективной сознательностью автора, с «идейностью» (согласно тезисам его диссертации, писатель должен не только «отобразить» жизнь, но и «объяснить» ее и произнести над нею «приговор») ². «Чистоту нравственного чувства», просто декларированную Дружининым, Чернышевский объяснил сохранением в авторе «юношеской непосредственности и свежести»³. В этом можно видеть проявление просветительской идеи о естественной чистоте и доброте человека, но главное—то, что у Чернышевского (как уже отмечалось советскими литературоведами)

¹ Статья анонимна. Авторство Дудышкина раскрыто в книге: В. С. Спиридонов, ук. соч., стр. 68.

² Показательно, что Чернышевский, в отличие от Дружинина, исключительно высоко оценивает «Записки маркера». Согласно дневниковым записям П. А. Сергеевко и П. И. Бирюкова, излагающим воспоминания Толстого о беседе с Чернышевским, последний подчеркивал, «что «Записки маркера»—лучшее мое произведение, что в искусстве нужна идея»; «такая вещь, как «Записки маркера», это очень хорошо, надо продолжать писать в этом духе, т. е. обличительно» (цит. по книге: Н. Н. Гусев, Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., Изд. АН СССР, 1957, стр. 134).

³ Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. III, М., 1947, стр. 427.

сквозь «диалектику души» и «чистоту нравственного чувства» просвечивали мысли о формировании и развитии характера нового героя современности, борца с самодержавием. Чернышевский жаждал увидеть отображение этих явлений в творчестве передовых писателей. Неоднократно полемически подчеркивая в статье, что он ценит именно художественный талант Толстого, Чернышевский тем не менее поставил художественный анализ в совершенно иную причинно-следственную связь, чем Дружинин.

В советском литературоведении уже много было споров относительно искренности данной статьи Чернышевского, вплоть до выражения крайних мнений о прямой конъюнктурности критика (с целью привлечения в журнал крупного писателя!) или, наоборот,—о безусловной его правдивости. Как часто бывает, обе крайности ошибочны. Чернышевский не лгал, но и не сказал *все* то, что он думает о Толстом. Он недвусмысленно подтвердил это в письме к Некрасову от 5 декабря 1856 г.: статья «кончено, понравится ему (Толстому—Б. Е.), не слишком нарушая в то же время и истину»¹. Другая часть истины, «утаенная», высказана Чернышевским в письме к Тургеневу от 7 января 1857 г.: Толстой «будет писать пошлости и глупости, если не бросит своей манеры копаться в дрязгах и не перестанет быть мальчишкой по взгляду на жизнь»². Чернышевский с тревогой наблюдал за идейными колебаниями писателя. Но он не счел пока нужным печатно отметить эту часть «истины». Выдающийся талант Толстого и полемическая необходимость парировать идеи Дружинина обратили внимание Чернышевского на чрезвычайно ценные особенности художественной манеры писателя и дали ему возможность истолковать их в духе революционно-демократической критики.

Понимание основных черт творчества Толстого позволило Чернышевскому в «Заметках о журналах» из январского номера «Современника» за 1857 год уже вне всякой полемичности отметить еще один важный фактор: особенность изображения Толстым «души поселянина». Но здесь же Чернышевский частично раскрыл читателям «Современника» «тайну» односторонности оценки писателя в предыдущей своей статье: «мы говорили только о силах, которыми теперь располагает его дарование, почти совершенно не касаясь вопроса о содержании»³.

Однако и тут Чернышевский ничего не сказал о противоречиях Толстого. Впервые он печатно заявил о них в 1862 г. в связи с педагогическими идеями писателя.

¹ Н. Г. Чернышевский. ПСС, т. XIV, М., 1949, стр. 329—330.

² Там же, стр. 332.

³ Там же, т. IV, М., 1948, стр. 681.

М. А. АЛДАНОВА

«ЧТО ДЕЛАТЬ?» И ПОВЕСТИ Н. Ф. БАЖИНА 60-Х ГОДОВ

1

Николай Федотович Бажин (псевдоним Холодов) принадлежит к числу тех писателей-демократов, которые, не выделяясь особо ярким дарованием, внесли, тем не менее, свой вклад в развитие демократической прозы 60—70-х годов.

Деятельный сотрудник прогрессивных журналов своего времени: «Русского слова» и «Дела», Бажин поместил в них более полутора десятков романов и повестей. К их числу относятся «Степан Рулев» («Русское слово», 1864, № 11—12); «Чужие меж своими» («Русское слово», 1865, № 1—2); «Житейская школа» («Русское слово», 1865, № 6—7); «Три семьи» («Русское слово», 1865, № 10—12); «История одного товарищества» («Дело», 1869, № 4—8, 11, 12) и другие.

Произведения Бажина расценивались положительно передовой частью русского общества и имели неизменный успех у молодежи. Было время <...>, когда на беллетристике «Русского слова» и «Дела» воспитывалось целое поколение. И вот тогда-то имя Холодова-Бажина было довольно популярно¹. «В свое время молодежь страшно увлекалась этой повестью («Историей одного товарищества». — М. А.)»².

Популярность Бажина в 60—70-е годы объясняется, прежде всего, актуальностью содержания его произведений: затрагивая темы общественной значимости (просветительская деятельность разночинцев-демократов, женская эмансипация и т. д.), Бажин во многом следовал автору знаменитого «Что

¹ С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. II, 1891, стр. 39.

² Энциклопедический словарь русского библиографического института Граната, 11-е изд., т. IV, стр. 428.

делать?». Не потому ли молодежь, видевшая в революционном романе Н. Г. Чернышевского программу своей деятельности, приветствовала в годы наступавшей реакции и повести Бажина, так как в них она находила отзвуки идей романа «Что делать?», узнавала «новых людей» типа Рахметова, Лопухова, Кирсанова?

Герои Бажина действительно близки «новым людям» Чернышевского. Рулев («Степан Рулев»), Братанов («Чужие меж своими»), Гребцов («Житейская школа»), Корчагин («Три семьи») — это разночинцы-демократы, в «трудное время» ведущие пропаганду новых разумных начал жизни. Их просветительская деятельность, включающая борьбу за освобождение женщины, преданность «делу», высокие моральные принципы, которыми они руководствуются в своих поступках и решениях, — все это роднит их с главными героями «Что делать?»¹.

Однако говорить о героях Бажина как alter ego «новых людей» Чернышевского было бы не совсем верно. Молодой беллетрист, начинавший свою деятельность в «Русском слове», испытывал в раннем своем творчестве и несомненное влияние идейного руководителя журнала Д. И. Писарева. Это не могло не сказаться на разработке им образов «новых людей». Разумеется, нельзя проводить какую-то резкую грань между Чернышевским и Писаревым в трактовке положительного героя современности. Д. И. Писарев, проповедовавший своими статьями, как и Чернышевский, материалистические взгляды и передовые социальные идеи, и в разработке образа положительного героя имел много общего с великим революционным демократом: его идеалом являлся человек труда, дела, пропагандист знаний, личность целеустремленная, волевая. Показательна и та высокая оценка, которую дал Писарев роману Чернышевского в статье «Новый тип» («Русское слово», 1865, № 10). Характеризуя в ней «Что делать?» как «произведение в высшей степени оригинальное и чрезвычайно замечательное»², Писарев приветствует героев романа, называя их «новыми людьми» базаровского типа. Но, увлеченный в 1863—65 гг. своей «теорией реализма», Писарев делает акцент не на революционной стороне жизни героев, а

¹ Это сходство было сразу же отмечено журнальной критикой тех лет. Журнал «Отечественные записки», в 1863 году (№ 9—10) нападавший на роман Чернышевского, в ноябрьской и декабрьской книжках 1865 года поместил большую статью Е. Зарина «Четыре повести и один пономарь». Герои Бажина и Слепцова («Трудное время») именуются в ней «чудовищными кентаврами», первым из которых Зарин считает Рахметова. Степан Рулев — «пономарь хоть куда, не хуже самого Рахметова», — иронически замечает он. («Отечественные записки», 1865, № 11, стр. 360).

² «Русское слово», 1865, № 10, стр. 4.

на трудовой деятельности «новых людей». По мнению Писарева, только «целесообразная организация труда может и должна привести за собой счастье человечества... И когда все работники на земном шаре будут любить свое дело, тогда все будут новыми людьми, тогда не будет ни бедных, ни праздных, ни филантропов»¹.

Акцентировка мирного, созидательного начала в деятельности героев, взгляд на труд как на панацею от всех бед, мысль о необходимости распространения в массах естественнонаучных знаний—эти отголоски писаревской теории реализма можно встретить и в повестях Бажина.

Следовательно, можно говорить о двойном влиянии на творчество Н. Ф. Бажина: с одной стороны, романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», с другой—статей Д. И. Писарева².

Вопрос о влиянии Чернышевского и Писарева на творчество Бажина представляет несомненный интерес, тем более, что многочисленным произведениям демократического беллетриста «Русского слова» и «Дела» в нашем литературоведении уделено чрезвычайно мало внимания. Произведения Бажина даже не упоминаются в специальных статьях Н. Бельчикова³ и В. Базанова⁴, посвященных демократической беллетристике 60-х годов. В позднейших трудах Г. А. Бялого⁵, А. И. Батюто⁶, Гр. Тamarченко⁷ и других имя Бажина обычно лишь называется в тех случаях, когда речь идет о влиянии романа Чернышевского на развитие нашей литературы. Так, Гр. Тamarченко в книге «Романы Чернышевского» в главе «Литературно-политическая борьба вокруг романа «Что делать?» говорит об этом только следующее: «В образе центрального героя романа («Степан Рулев»—М. А.) чувствуется прямое сходство, может быть, подражание герою Чернышев-

¹ «Русское слово», 1865, № 10, стр. 11—12.

² На эту зависимость раннего творчества Бажина от Чернышевского и Писарева указывала дореволюционная критика. Н. К. Михайловский писал: «Герои эти (речь идет о новых людях демократической литературы 60-х годов—М. А.) сочинялись по указаниям Писарева и под влиянием романа «Что делать?» («Русская мысль», 1892, № 5, стр. 167). Повести Бажина—«прямое переложение в беллетристику писаревских тенденций плюс значительная доля рахметовщины». (С. Венгеров. Критико-биографический словарь..., т. II, 1891, стр. 41).

³ Н. Бельчиков. Революционно-демократическая беллетристика 60-х годов. «Литературное наследство», т. 22—26, 1936.

⁴ В. Базанов. Новые люди в литературе 60-годов. «Карелия», 1940, № 6.

⁵ Г. А. Бялый. Проза 60-х годов, гл. 1. В кн.: «История русской литературы». Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 288.

⁶ А. И. Батюто. Ник. Фед. Бажин (биографическая справка). В кн.: «Русские повести XIX в. 60-х годов», т. II, М., 1956, стр. 542.

⁷ Гр. Тamarченко. Романы Н. Г. Чернышевского. Саратовское книжное изд-во, 1954, стр. 146—147.

ского—Рахметову»¹. Как правило, в поле зрения исследователей попадает лишь одно произведение Бажина — «Степан Рулев», где, действительно, зависимость от Чернышевского наиболее ярко выражена.

Отмечает идейную близость, сходство бажинского Степана Рулева с Рахметовым и Б. С. Морозов, автор единственной статьи о Бажине «Тип передового разночинца в повести Н. Ф. Бажина «Степан Рулев»². Но Морозов не ставит своей целью специальное освещение вопроса об идейно-художественном влиянии Чернышевского на Бажина. К тому же и он ограничивается анализом лишь первого произведения Бажина, тогда как последующие повести писателя-демократа также несут на себе следы воздействия «Что делать?».

Вопрос о влиянии романа Чернышевского на творчество Бажина 60-х годов в нашем литературоведении в достаточной степени не изучен. А это влияние, подчас осложненное восприятием писаревской «теории реализма», ощущается не только в разработке образов новых людей. Сама форма социально-политического романа Чернышевского, его художественные особенности наложили отпечаток на повести Бажина, обусловив определенную композиционную структуру, стиль произведений писателя-демократа.

2

В 1864 году, спустя полтора года после напечатания «Что делать?», в ноябрьской и декабрьской книжках «Русского слова» появилась повесть никому до этого неизвестного Н. Холодова «Степан Рулев» — первое произведение в демократической беллетристике, написанное под непосредственным воздействием романа Чернышевского и пропагандирующее его основные идеи. Автор ее — один из тех разночинцев 60-х годов, кто «грудью, без связей, без знакомств пролагал себе дорогу». Сын бывшего крестьянина, Н. Ф. Бажин родился в 1843 году в Вятке. Одиннадцатилетним мальчиком он был отдан в Воронежский кадетский корпус. О жизни его в этом заведении можно судить по автобиографическому рассказу «Скорбная элегия»³, где он с горечью вспоминал о «программе истязаний и ломки», которую проходил каждый из воспитанников во время восьмилетнего пребывания в этом учебном заведении.

Страстный любитель литературы, Бажин в корпусе читал все, что только можно было достать. «В высших классах, — писал он в своей автобиографии, — я успел довольно порядоч-

¹ Гр. Тамарченко. Романы Н. Г. Чернышевского. Саратовское книжное изд-во, 1954, стр. 146.

² «Ученые записки Туркменского госуниверситета», 1960, вып. 17.

³ «Русское слово», 1865, № 9.

но познакомиться с русской литературой, с лучшими из иностранных писателей»¹. Несомненно и знакомство Бажина в годы учения с «Современником» и «Русским словом». Не случайно цензор (А. В. Никитенко) писал в 1861 году о том значении, которое приобретают статьи этих двух журналов «между юношами в учебных заведениях, в университетах, в старших классах и даже в военных корпусах. Можно без преувеличения сказать, что настоящее молодое поколение большей частью воспитывается на идеях «Колокола», «Современника» и довершает свое воспитание на идеях «Русского слова»².

В середине 1862 года, после окончания корпуса, Бажин приезжает в Петербург с мыслью поступить в университет. «Готовился было поступить в университет,—пишет он в 1906 году А. А. Коринфскому, — и, между прочим, для лучшего ознакомления с немецким языком, перевел всю книгу Карла Фохта «Физиологические письма»³. Однако поступить в университет Бажину не удалось: еще в сентябре 1861 года ввиду студенческих беспорядков университет был закрыт.

Массовые выступления петербургского студенчества являлись лишь частью того огромного по масштабам демократического движения, которое, из года в год нарастая, достигло своего наивысшего подъема в 1862 году. Именно к этому времени относятся образование тайной политической организации «Земля и воля», появление прокламаций «К барским крестьянам», «К молодому поколению», организация «Молодой России», многочисленные крестьянские волнения и т. д. Как никогда, было огромным влияние «Современника» и «Русского слова». Появление в «Современнике» в 1863 году романа «Что делать?» стало событием огромной общественной значимости. Известна исключительная увлеченность демократической молодежи Петербурга романом Чернышевского: «Кого только ни приходилось посещать в это время (осенью 1863 года. — М. А.), всюду шли толки о романе Чернышевского «Что делать?»... Его обсуждали не только в собраниях, специально для этого устраиваемых, но редкая вечеринка обходилась без споров и толков о тех или других вопросах, в нем затронутых»⁴.

Вдохновляюще действовало на молодое поколение мужественное поведение самого автора романа, находившегося в это время в Петропавловской крепости. Настроение молодежи, видевшей в Чернышевском своего учителя и наставника,

¹ Письмо Бажина к А. А. Коринфскому от 22 декабря 1906 г. ЦГАЛИ, ф. 257, оп. 1, ед. хр. 15.

² Записка А. В. Никитенко от 11 ноября 1861 года о направлении журнала «Русское слово», «Русский архив», 1895, № 2, стр. 226.

³ ЦГАЛИ, ф. 257, оп. 1, ед. хр. 15.

⁴ Е. Водовозова. На заре жизни, Academia, 1934, стр. 216.

выражено в горячих, искренних стихах поэта В. Р. Шиглева¹ «На казнь Чернышевского»².

Гражданский подвиг Чернышевского, его книга, проникнутая глубокой верой в революционное завтра России, порождали в молодом поколении энергию, звали к борьбе. Преданность демократической интеллигенции Чернышевскому находит в эти годы выражение в популяризации идей романа «Что делать?»³.

К числу первых последователей Чернышевского в беллетристике и относится Н. Ф. Бажин.

При создании своих повестей Бажин преследует пропагандистскую цель: рассказать о передовых людях времени для того, чтобы читатель имел перед собой примеры из «жизни хороших людей» и следовал им. В одном из авторских отступлений («Житейская школа»), обращаясь к читателю, Бажин пишет: «Я расскажу тебе некоторые эпизоды, чтобы ты видел, что можно жить хорошо, и что знают эти люди, как можно жить хорошо»⁴.

Первая повесть писателя-демократа «Степан Рулев», словно варьируя известный подзаголовок «Из рассказов о новых людях», носила подзаголовок: «Черты из жизни хороших людей». Главный герой ее принадлежит к числу тех «высших натур», о которых пишет Чернышевский в своей книге: «Таких людей, как Рахметов, мало: я встретил до сих пор только восемь образцов этой породы»⁵. Разумеется, у недавнего выпускника Воронежского военного корпуса, двадцатилетнего Бажина не было (да и не могло быть!) опыта революционной борьбы, политического кругозора Чернышевского, не хватало ему конкретных сведений о деятельности героических борцов за дело народа. Поэтому роман Чернышевского был для молодого беллетриста не только ориентиром, но и важным источником, откуда он мог черпать знания о жизни и деятельности революционной демократии. В этом одна из причин подражания Чернышевскому в создании фигуры «особенного человека» Степана Рулева.

Бажин явно следует автору «Что делать?», когда пишет о своем герое: «В семнадцать лет у него набралось громадное

¹ Возможно, что Бажин уже в эти годы был знаком со Шиглевым: в 1863—1864 годах Шиглев печатался в «Русском слове».

² См. текст стихотворения в настоящем сборнике, стр. 307.

³ Интересно, что В. Р. Шиглев также пытался популяризировать идеи романа Чернышевского в детской книжке. В 1868 году им была написана рукопись «Коралловые друзья, или сон в Летнем саду», запрещенная цензурой за пропаганду социалистических и коммунистических тенденций романа Чернышевского «Что делать?» в кругу детей». (См. вступительную заметку И. Ямпольского о Владимире Шиглеве. (Романы) в сб.: «Поэты «Искры», Л., 1933, стр. 599).

⁴ «Русское слово», 1865, № 7, стр. 96.

⁵ «Современник», 1863, № 4, отд. 1, стр. 485.

количество знаний, вынесенных из чтения... Надо было найти ложь и правду. С этой поры началась серьезная умственная деятельность Рулева... Мускульная работа его тоже не прекращалась: он плавал, с любовью занимался гимнастикой, не бросил ни одной из игр, развивавших силу. В двадцать лет он уже совершенно сформировался физически и выработал самостоятельный, строго реальный взгляд на жизнь»¹. Формирование характера и мировоззрения Рулева напоминает тот метод самовоспитания, который применял «особенный человек» Чернышевского: «...на половине семнадцатого года он (Рахметов) вздумал, что нужно приобрести физическое богатство, и начал работать над собою»² и т. д. И огромная физическая сила Рулева (бурлаки в кабаке «все дивились и толковали об его силе»), и чтение «только относящихся до его дела книг», и аттестация Рулева как «добрейшего и деликатнейшего человека» по отношению к друзьям и беспощадного к «дикой, враждебной силе» — эти примеры свидетельствуют о прямом подражании Чернышевскому в обрисовке характера и поведения деятеля-революционера. Обо всем, что касается главной цели жизни героя, Бажин, как и Чернышевский, говорит скупно и осторожно. В одном из авторских отступлений он пишет, что главное в жизни Рулева — «его предприятие, а на него только намекается»³. Подробно говорить о его деятельности автор, по вполне понятным причинам, находит «неуместным».

Подобно Рахметову, имевшему «бездну» дел, «не касавшихся лично до него», Рулев занят также «не своими делами»: он совершает поездки по краю, народ которого очень интересуется его, спешно уезжает на родину, как только до него доходят слухи о «возмутительных историях», разыгравшихся на горном заводе. «Задуманное дело» требует организации. И герой Бажина окружает себя «нужными людьми»: он долго пробыл в «другой части края», потому что «люди встречались здесь чаще. А хорошие люди были Рулеву нужны»⁴. О том, что цель жизни Рулева — революционная борьба, можно судить и по тому ответу, который дает он учительнице Тиховой. После слов Рулева «Тихова ни слова не могла произнести и молча опустила на спинку стула»⁵. Ради этой основной цели жизни деятель-революционер Бажина отказывается от личного счастья: в ответ на признание «красивой, умной и доброй девушки» он говорит: «Я не люблю вас; я люблю только одно мое дело. А вы...». Ему хотелось сказать

¹ «Русское слово», 1864, № 11, стр. 305—306.

² «Современник», 1863, № 4, отд. 1, стр. 489.

³ «Русское слово», 1864, № 11, стр. 332.

⁴ Там же, стр. 313.

⁵ Там же, № 12, стр. 90.

ей, что, по его мнению, она не только не поддержит его в его деле, но скорее свяжет»¹.

Таких людей, как Рулев, выработавших «самостоятельный взгляд на жизнь» и определивших себе «известный род деятельности», можно, по характеристике автора, «растерзать, раздавить, убить, но запугать или заставить согнуться нельзя»².

Таким образом, мы видим, что Рулев, во многом повторяя Рахметова, являет собою тоже тип «особенного» человека, т. е. профессионального революционера³.

Первая повесть Бажина положила начало целой серии повестей о «новых людях», которые очень охотно принимались в 1865 году редакцией «Русского слова». Сам автор вспоминает о начале творческой деятельности так: «В 1864 году я написал повесть «Степан Рулев», а редакцию благосветловского «Русского слова» ублагораздило принять эту повесть и напечатать ее в ноябрьской и декабрьской книжках. Кончено... Судьба моя была решена, с тех пор я даже и не пытался высвободиться из литературных цепей⁴. Может быть, покажется странным несколько иронический оттенок этого авторского признания. Однако следует учитывать, что Бажину, человеку большой скромности, никогда не было свойственно преувеличение своих литературных заслуг. Скорее наоборот. В письмах 90-х и 900-х годов к друзьям и знакомым он, называя себя «мелким чернорабочим», «незаметным литературным работником», выражает недовольство своими произведениями, скептически относясь к своей творческой деятельности вообще: «Всегда я был недоволен моими писаниями, никогда не придавал им никакого серьезного значения»⁵. «Из писаний моих, больших и небольших, нет ни одного, о котором я мог бы сказать: «Вот это, наконец, удалось»⁶ и т. д. Отчасти Бажин был прав: по художественным достоинствам его вещи уступают произведениям мастеров русской литературы. Но нас в данном случае интересует другое: почему редакция «Русского слова» так заинтересованно отнеслась в молодому беллетристу, широко предоставив страницы журнала для публикации его повестей?

¹ «Русское слово», 1864, № 12, стр. 98—99.

² Там же, стр. 102.

³ Нельзя не согласиться с Б. С. Морозовым, считающим вопреки Гр. Тамарченко, главного героя Бажина организатором и руководителем борьбы, а не рядовым участником ее. Об этом говорит и вся деятельность Рулева, и отношение к нему товарищей, и многозначительные утверждения Рулева в разговоре с Вальтером о том, что «силы есть у нас» и т. д.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 257, оп. 1, ед. хр. 15.

⁵ Там же.

⁶ Письмо Бажина к А. А. Коринфскому от 24 декабря 1906 года. Отл. рукописей Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, арх. Бурцева А. Е., ф. 115, л. 7.

Следует вспомнить, что к этому времени в связи с правительственной и общественной реакцией для демократической литературы сложилась крайне неблагоприятная обстановка. Реакционная журналистика и публицистика единым лагерем ополчаются против нее и, в первую очередь, против романа Чернышевского о новых людях. Появляется целая серия «охранительных», антинигилистических романов («Взбаламученное море» А. Писемского, «Некуда» М. Стебницкого-Лескова, «Марево» В. Ключникова и др.), целью которых было опорочить демократическое движение, унижить разночинцев-демократов, представить их в карикатурно-уродливом виде. Этому потоку клеветы и грязи был дан достойный отпор со стороны демократической критики. В защиту молодого поколения против «скрежета зубовного» реакционной беллетристики выступают Салтыков-Щедрин и Антонович в «Современнике», Писарев и Зайцев в «Русском слове». Но одних критических статей было недостаточно: требовалось позитивное освещение жизни и деятельности «новых людей», пропаганда их взглядов и мыслей. Именно эти цели преследовала повесть Бажина «Степан Рулев». Потому и «ублагоразило» Благосветлова сразу же поместить на страницах «Русского слова» первое произведение молодого писателя, что оно пришлось как нельзя более кстати в той напряженной борьбе, которую вела демократическая беллетристика и критика с «охранительной» литературой. Потому и печатаются одна за другой в «Русском слове» в 1865 году повести Бажина, что они противостоят антинигилистическим романам, где молодое поколение изображалось в уродливо-шаржированном виде.

Влияние Чернышевского ощущается и в этих повестях Бажина, прежде всего, в освещении деятельности новых людей. Разночинцы Братанов, Гребцов, Корчагин, просто «хорошие люди», по выражению автора, своей просветительской деятельностью, образом мыслей напоминают «обыкновенных порядочных людей» Чернышевского—Лопухова и Кирсанова. Их сближает и разночинское происхождение, и любовь к труду, убежденность в правоте своих мыслей и дел, и ярко выраженное чувство собственного достоинства. «Люди, подобные Братанову,—пишет автор,—знают свою силу, заискивать ни в ком не будут, честные и сознательные взгляды свои на жизнь не станут прикрывать красивыми фразами»¹.

Люди университетского образования, врачи, учителя, герои Бажина используют свои знания для пропаганды новых разумных начал жизни. Под влиянием Братанова дочь полковника в отставке Александра Борисовна Дымова решает начать новую трудовую жизнь. Роль наставника сыграл в жизни ее сестры, Варвары Борисовны, разночинец Чернопе-

¹ «Русское слово», 1865, № 1, стр. 126.

ров. Вокруг учителя Гребцова группируются его воспитанники, которым он дает частные уроки, «крепкий, здоровый. мыслящий народ». Политически неблагонадежный лекарь Болотов находится на подозрении у властей города: «...чуть уживешься где-нибудь, найдешь людей по душе, добьешься, что они тебя понимать станут, сейчас же тебя опять посылают в какие-нибудь неизведанные страны». И несмотря на то, что Болотову «тяжко <...> от этих переездов, <...> скверно», бодрости, силы душевной он не теряет: «Покажу я им, что с лекарем Болотовым они все-таки ничего не поделают... У меня камни там вопиять станут, не то что люди»¹.

Герои Бажина выступают горячими сторонниками освобождения женщины от семейного гнета, активного участия ее в общественной жизни. Писатель не говорит так подробно, как Чернышевский, о жизни и деятельности «новых женщин». Он лишь показывает, как под влиянием передовых деятелей складывается по-иному жизнь учительницы Тиховой («Степан Рулев»), сестер Дымовых («Чужие меж своими»), Катерины Александровны («Житейская школа»), Анны Михайловны Лосевой («Три семьи»).

Степан Рулев стремится передать учительнице Тиховой «свой взгляд на жизнь и воспитание». Корчагин советует больной Анне Михайловне «переменить свой образ жизни», «участвовать в деле, могущем занять все мысли и силы»². Следуя его совету, Анна Михайловна уезжает в Петербург и на прощание говорит Корчагину: «Я теперь здорова и весела... Вы меня вылечили»³.

В своих взаимоотношениях с друзьями и, прежде всего, с женщинами, герои Бажина, подобно новым людям Чернышевского, руководствуются теорией разумного эгоизма. Ради счастья любимой девушки Гребцов отказывается от женитьбы на ней, узнав о взаимной любви ее и фельдшера. Он говорит своему «сопернику»: «Я желаю вам счастья... Я знаю вашу невесту; верьте мне, что она для меня дороже, нежели сестра... Мне хотелось бы, чтобы она была счастлива, мне хотелось бы, чтобы муж ее был для нее надежным другом»⁴.

Сближает разночинцев Бажина с героями Чернышевского и вера в то светлое будущее, мечты о котором придают им новые силы в борьбе. В спорах с Черноперовым революционер Братанов в ответ на пессимистическую настроенность товарища убеждает его не падать духом, не поддаваться «мерзостям жизни»: «Стали тебе на дороге к счастью, испортили его <...> борись. Не отступай только перед препятствием»⁵.

¹ «Русское слово», 1865, № 6, стр. 87.

² Там же, № 12, стр. 151.

³ Там же, стр. 174.

⁴ Там же, стр. 168.

⁵ Там же, № 1, стр. 131.

Один из сильнейших доводов Братанова в этих спорах — работа «для будущего». Самого Братанова ведет к цели «мечта создать в будущем вольную, хорошую жизнь, даже не для одного только себя»¹.

Итак, своими мыслями, поступками, личными качествами герои Бажина напоминают «обыкновенных порядочных людей нового поколения», изображенных Чернышевским. Но, разумеется, ставить знак равенства между героями Чернышевского и Бажина нельзя. Как мы уже говорили, влияние Чернышевского на Бажина осложнялось восприятием писаревских идей. В результате разночинцы-демократы Бажина предстают подчас «мыслящими реалистами», «полезными работниками» в духе писаревской «теории реализма». Характерны советы, которые дает Гребцов своему приятелю Володьке: заняться физической работой, сочетая ее с умственной. В пример ему он ставит своего приятеля Савву, арендатора мельницы: «Он и в школе своей орудует, и на пашне вместе с женой работает, и с мельницей справляется, и книжки успевает читать, да, кроме того, еще апостолом зовется»². Одному из своих учеников Гребцов предлагает «новый метод самообразования», который заключается в том, чтобы научиться прилагать <...> знания к жизни». Он советует отправиться «с наступлением весны путешествовать по здешнему округу и изучить его во всех отношениях, т. е. узнать <...> качества земли, климатические условия, богатства рек и гор, средства торговли,—одним словом, доискаться, чем бы он при всех этих обстоятельствах мог быть». И все это для того, чтобы «изучить основательно все средства и способы, которые ведут к хорошей перестройке дрянной жизни»³.

Этот «метод самообразования» чрезвычайно напоминает теорию «строгой экономии умственных сил» с ее «отрицанием всех умственных занятий, не приносящих никому пользы», за которую горячо ратовал Писарев в статьях 1864—1865 годов и в которой видел основное средство спасения человечества, избавления его от всех зол.

Нет в бажинских повестях и того дружного и сплоченного, сильного единства своих целей и стремлений коллектива разночинцев, который мы встречаем в «Что делать?». Нет и светлой жизнеутверждающей окрашенности романа Чернышевского, что можно объяснить «трудным временем» создания повестей. Однако эти отличия не являются определяющими. Бажин (и это главное!) не профанирует в своих повестях идеи Чернышевского, не извращает образы «новых людей», как это можно наблюдать, например, в романах

¹ «Русское слово», 1865, № 2, стр. 78.

² Там же, № 6, стр. 91.

³ Там же, № 10, стр. 116—117.

А. К. Шеллер-Михайлова. В изображении положительного героя современности Бажин продолжает линию Чернышевского, в романе которого разночинцы-демократы показаны как лучшие люди эпохи («живая и светлая часть русского общества»), принадлежащие по своим интересам к народу и близкие ему по чувству.

3

Сходство повестей Бажина 60-х годов с романом «Что делать?» не ограничивается трактовкой образов людей нового поколения. На произведения Бажина наложила свой отпечаток и художественно своеобразная форма романа Чернышевского. Весь строй художественных средств «Что делать?» определяется его публицистическим характером, острым социально-политическим звучанием.

Чрезвычайно своеобразно композиционное построение романа. Стремясь донести до читателей свои революционные взгляды и убеждения, Чернышевский использует самые различные приемы: авторский комментарий, обращение к читателю, сны героини и т. д.¹ Следуя автору «Что делать?», Бажин также ставит целью пропаганду новых разумных начал жизни. Пропагандистский характер повестей Бажина обусловил их композиционную структуру². Характерной особенностью ее являются многочисленные авторские отступления. И по содержанию, и по общей направленности они имеют много общего с отступлениями в романе «Что делать?».

Для того, чтобы придать убедительность, жизненную достоверность своим «рассказам о новых людях», Чернышевский говорит о героях, как о людях не выдуманных, а действительно существовавших. Отсюда присутствие на страницах романа личности самого автора. Чернышевский знаком со своими героями: Рахметовым, Кирсановым и другими. Он подробно говорит о своем знакомстве и разговоре с Рахметовым (глава «Особенный человек»). Этого же принципа придерживается Бажин, когда рассказывает о своих встре-

¹ Своеобразие художественной формы романа Чернышевского было сразу же отмечено журнальной критикой. Рецензент «Отечественных записок» (1863, № 10) определил роман как «неудавшуюся диссертацию в форме романа» (стр. 209); «... у г. Чернышевского политэкономия, технология, агрономия и стихи так перемешаны, что никогда не узнаешь, где оканчивается политэкономия и где начинается роман», — читаем мы в 12 книжке того же журнала за 1863 год (стр. 100).

² Публицистическую направленность произведений Бажина как их отличительную особенность отметила в 1902 году Большая энциклопедия (ред. отдела лингвистики Д. Н. Овсяннико-Куликовский): «...Основное значение и смысл его трудов—это проведение своих общественных, а частью даже философских идей в беллетристической форме», т. II, СПб., 1902, стр. 403.

чах с Рулевым: «В это время я встретил его во второй раз; в первый раз я видел его тогда, когда он только что вышел из школы... Я просидел у него часов до трех ночи, так завлекательны были его разговоры»¹.

Горячий сторонник женской эмансипации, Бажин непосредственно обращается в публицистических отступлениях к своим героиням, убеждая их (а тем самым и читательниц) стремиться к самостоятельности, жить общественными интересами, не замыкаясь в узком кругу семейной жизни. «Не громадны твои силы, дитя мое,—обращается он к Ольге Ивановне («Три семьи»),—но не в этом дело, а в том, что есть счастье выше твоего, есть жизнь шире и плодотворнее твоей»².

Стремясь подчеркнуть жизненность, реальность своих героев, Бажин использует излюбленную Чернышевским форму прямого разговора с читателем: «Я понимаю хорошо, что как Рулев, так и Братанов очень и очень многим из читателей должны показаться личностями сочиненными или, говоря вернее, придуманными...»³. И далее автор доказывает читателю, что такие люди уже есть и что настоящее время чрезвычайно способствует их появлению.

Следует отметить, что самое строение фразы у Бажина (особенно в публицистических отступлениях) напоминает синтаксические конструкции автора «Что делать?». «Не всякому приходилось встречать таких людей, — замечает Бажин, — потому что они являются пока как исключения, но дело все-таки в том, что эти люди есть, и даже, по моему убеждению, именно теперь пришло время для их появления: они, значит, должны появиться»⁴. И по стилистическому оформлению, и по своему характеру и содержанию этот отрывок аналогичен высказыванию Чернышевского о людях «нового типа», которые «рождены временем», «являют собой знамение времени».

Оригинальный композиционный прием, с помощью которого Н. Г. Чернышевский выражает в аллегорической форме социалистические идеи—сны героини — также используется молодым беллетристом «Русского слова» (в повести «Чужие меж своими»—сон Черноперова; в «Истории одного товарищества»—сон Матросова). В сне Черноперова дается картина будущего страны. «Через поля проложены <...> железные дороги, на реках толпятся суда под разными флагами, вместо зеленых болот раскинулись нивы»⁵. Но этой картиной процветания страны сходство ограничивается: сон Черноперова

¹ «Русское слово», 1864, № 11, стр. 313.

² Там же, 1865, № 11, стр. 134.

³ Там же, № 2, стр. 59.

⁴ Там же, стр. 60.

⁵ «Русское слово», 1865, № 1, стр. 144—145.

не является пропагандой социалистических идей самого автора. Сон героя Бажина несет другую нагрузку: он нужен автору для того, чтобы показать, что только во сне видит разночинец Черноперов, у которого под влиянием «грозных фактов» опустились руки, осуществление своей мечты.

Влияние художественной формы романа «Что делать?» обнаруживается и при рассмотрении принципов построения характера в ранних повестях Бажина. Чернышевский, характеризуя своих героев, основное внимание обращает на их политические, философские, этические взгляды. По выражению Луначарского, «Чернышевскому важнее всего было то, как его герои мыслят»¹.

Раскрытие общественных взглядов разночинцев-демократов как нового типа людей с помощью диалогов, споров, «теоретических разговоров» — характерный прием автора «Что делать?». К опыту Чернышевского обращается Бажин, в повестях которого споры, беседы являются едва ли не основным средством характеристики людей мысли и дела. Главное для Бажина — выявление общественной позиции героя. Из многочисленных бесед, которые ведет, например, Гребцов («Житейская школа») с Болотовым, учеником Силой Игнатьевичем, Катериной Александровной, мы узнаем об основной цели жизни Гребцова, о его учительской деятельности и т. д. Но Бажин не прибегает к своеобразному психологическому раскрытию образа, которое характерно для Чернышевского (например, с помощью внутреннего монолога, включающего детальный разбор поступков, мыслей и чувств героя). Разночинцы-демократы Бажина даны односторонне — лишь в плане отношения к тому «делу», той «грандиозной работе», которые составляют основную цель и смысл их жизни. Не имея возможности говорить об этом прямо и открыто, Бажин прибегает к эзоповскому языку, ставшему характерным для всей демократической беллетристики 60-х годов. Пользуясь эзоповским языком, Братанов («Чужие меж своими») говорит о необходимости уничтожить не «болезни», а «источники их», о стремлении «сдвинуть камень» ради блага всех людей и т. д.

В своих повестях Бажин не дает подробного описания внешности героев. Но те портретные зарисовки, которые мы встречаем у него, подчеркивают физическое здоровье, силу, красоту «новых людей». Рулев — «здоровый, высокий, широкоплечий мужчина с загорелым от путешествия лицом»². Учительница Тихова — «красивая, стройная. Русые волосы ее маленькой головки были густы и необыкновенно мягки, нем-

¹ А. В. Луначарский. Русская литература. Избранные статьи. М., 1947, стр. 187.

² «Русское слово», 1864, № 11, стр. 308.

ного бледное лицо очень нежно»¹. Братанов — «молодой и здоровый, с широкими плечами и широким лбом»². У героев повести «Три семьи» «блестящие глаза, горящие светом смелой и сильной мысли»³.

В то время как реакционные публицисты стремились опорочить передовых деятелей 60-х годов, представить их «циничными, невежественными, глупыми», Бажин показал разночинцев-демократов людьми духовно богатыми и внешне привлекательными.

И в этом Бажин следовал Чернышевскому, герои которого предстают перед нами в расцвете духовных и физических сил, красоты, молодости и здоровья.

Повести Н. Ф. Бажина 1864—1865-х годов, возникшие под прямым идейно-художественным влиянием романа Н. Г. Чернышевского, по-своему пропагандировали и развивали его основные идеи и темы. Появление этих повестей в то время, когда уже отошла в прошлое революционная ситуация и определилась правительственная и общественная реакция, было чрезвычайно своевременным. Главные герои Бажина — разночинцы-демократы, «не отступающие перед препятствиями», борющиеся, живущие приближением «дела». «грандиозной работы», возбуждали большой интерес читателей. Эта демократическая настроенность повестей Бажина вызывала не раз нападки цензуры: первое предостережение журналу «Русское слово» было объявлено 20 декабря 1865 года за напечатание статей Д. И. Писарева «Новый тип» и Н. В. Соколова «О капитале» — и за «проникнутые крайним цинизмом отзывы об основных понятиях о чести и нравственности вообще...» в повестях «Три семьи» (стр. 113—115) и «Год жизни» (стр. 224—227)⁴.

Резкой оценке подверг повесть «Три семьи» цензор (И. А. Гончаров) за то, что «один из любимых героев автора <...> проповедует необузданную свободу отдельной личности делать все, даже вред разным подлецам и дуракам». Приводя отдельные цитаты из повести, Гончаров приходит к выводу, что «подобные двусмысленности и намеки в другом журнале, может быть, и не имели бы никакого значения, но в «Русском слове» они со стороны читателей могут быть истолкованы в весьма дурном смысле»⁵.

В 1866 году последовало запрещение печатать в журнале

¹ «Русское слово», 1864, № 12, стр. 88—89.

² Там же, 1865, № 1, стр. 118.

³ Там же, № 12, стр. 163.

⁴ Там же, стр. 1.

⁵ Цитируем по статье К. Военского «Гончаров-цензор». «Русский вестник», 1906, № 10, стр. 582.

«Дело» роман Бажина «Анна Петровна Дорогина»¹. В 1884 году были запрещены к выдаче из общественных библиотек и читален изданные в 1874 году «Повести и рассказы» Н. Бажина, в числе которых находились «Степан Рулев» и «Три семьи». Это запрещение сохранялось вплоть до революции 1905 года.

Как и роман Чернышевского, публицистические повести Бажина были враждебно встречены реакционной критикой. Особенно изощрялся в своих нападках критик «Отечественных записок» Е. Ф. Зарин. Не признавая за повестями ни грана художественности, издеваясь над героями («И какие это все гадкие и противные организмы <...> циничные, невежественные, глупые, и даже глупые-то каким-то особенно отвратительным образом»²), Зарин свои стрелы направляет и против «Современника», «создавшего первого кентавра» (Рахметова), и против «Русского слова», которое «мысль «Современника» договорило теперь всеми буквами»³.

Несомненно, с целью дискредитации «Повестей и рассказов» Бажина, изданных в 1874 году, была помещена рецензия в газете-журнале «Гражданин» (1873, 17 дек., № 51, стр. 1382). Автор ее язвительно называет произведения Бажина «полутенденциозными и реальными», сделанными «на невской водиче, с приправою разных перцев и пряностей». Однако он вынужден признать, что книга Бажина пользуется успехом, что ее читает «многочисленная публика», имя которой «легион». И рецензент свое раздражение переносит на читателей, считая их людьми весьма недалекими, живущими в сфере узко обывательских интересов: не очень отчетливо представляя разницу между Мак Магоном и Мак Ферлалом, они хорошо знают, «когда участковый именинник и когда у частного пристава родился сын».

Цензурные запрещения и нападки реакционной критики лишний раз подтверждают, насколько прогрессивно значимым было содержание произведений писателя-демократа.

Интересно восприятие творческой деятельности Бажина провинциальным автором некролога о нем, который пишет, что Бажин «принимал ближайшее участие в «Современнике»... Все 60 и 70-е годы не прошли мимо Бажина, не тронув его: «Современник» будил русскую мысль»⁴.

Как известно, Бажин не был сотрудником «Современника», но ошибка автора некролога симптоматична: в 900-е

¹ А. Широв. Журнал «Дело» и Н. В. Шелгунов В кн.: «Шестидесятые годы». Изд-во АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 191.

² Incognito <Зарин Е. Ф.>. Четыре повести и один пономарь. «Отечественные записки», 1865, № 11, стр. 371.

³ Там же, стр. 359.

⁴ «Камско-Волжская речь», 1908, 11 октября.

годы Бажин воспринимался как прогрессивный деятель 60-х годов.

В своих воспоминаниях о Бажине (1908 г.) В. С. Лихачев отмечает один эпизод из жизни писателя. На склоне лет, дошедший до крайней нужды, Бажин наотрез отказывается от пенсии: «Этих денег вообще недостаточно, бедняков же — куда беднее меня — много. Как же я у беднейших отнимать буду?». И Лихачев с гордостью восклицает: «Старый закал»¹.

Демократически настроенным Бажин остался до конца дней, хотя в его творчестве последних лет исчезает острота общественного содержания.

Несомненно, наибольший интерес представляют его повести 60-х годов как произведения социального звучания. Именно на этих повестях Бажина, одного из первых последователей Чернышевского в беллетристике, и воспитывалось «целое поколение» революционно настроенной молодежи 60—70-х годов.

¹ Воспоминания В. С. Лихачева «Литераторы и журналисты», ЦГАЛИ, ф. 282, оп. 1, ед. хр. 32, стр. 53—54.

**РОМАН Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?»
В СОВЕТСКИХ ИЗДАНИЯХ
И КРИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(1917—1960)**

Библиографический указатель.

Сост. М. В. Иванова и П. А. Супоницкая.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», оказавший огромное влияние на формирование революционного мировоззрения многих поколений молодежи, с первых лет Советской власти был включен нашей общественностью в число наиболее ценных памятников идейного и культурного наследства.

Это замечательное произведение революционно-демократической беллетристики увидело свет около ста лет назад лишь по недосмотру царской цензуры. До Великой Октябрьской революции оно издавалось в России всего 4 раза¹. За годы Советской власти роман «Что делать?» выдержал 70 изданий на русском языке и двадцати языках народов СССР, из них 21 раз он издавался на языках народов Советского Союза. Общий тираж всех изданий романа (отдельных, в сборниках и собраниях сочинений) составляет около четырех миллионов экземпляров.

В советской научно-исследовательской, методической и популярной литературе о Н. Г. Чернышевском роман «Что делать?» также занимает большое место. Советское литературоведение постоянно стремится раскрыть богатство идейного содержания романа, опровергнуть утверждения реакционной и либеральной буржуазной критики о его художественной

¹ «Современник», 1863, № 3, 4, 5; ПСС в 10-ти т. Изд. М. Н. Чернышевского. Т. 9, СПб., 1906. «Что делать?». Изд. 3-е, СПб.; 1906; «Что делать?». Ром. Изд. 4-е, СПб., 1909.

неполноценности, всесторонне изучить это замечательное произведение.

За годы Советской власти накопилась значительная литература, посвященная специально роману «Что делать?»; еще больше работ, которые в ряду других проблем и вопросов касаются рассмотрения какой-либо одной или нескольких сторон романа.

В настоящее время еще не создана исчерпывающая научная библиография Н. Г. Чернышевского, а все имеющиеся библиографические указатели отражают литературу о нем совершенно недостаточно.

Предлагаемый указатель «Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в советских изданиях и критической литературе» предназначен восполнить этот пробел в библиографической литературе и представить читателю достижения советской науки о Чернышевском-беллетристе.

Указатель состоит из двух частей. Материал располагается в хронологическом порядке.

Часть первая содержит перечень советских изданий романа «Что делать?» на русском языке и сводку иноязычных изданий (по данным Всесоюзной книжной палаты). Здесь учтены также литературно-сценические переделки романа.

Следует исправить одну неточность, вкравшуюся в некоторые библиографические работы о Чернышевском. Например, Е. И. Рыскин в кн. «Основные издания сочинений русских писателей XIX в.» (1-е изд., М., 1946; 2-е, М., 1948) датирует первое советское издание сочинений Н. Г. Чернышевского 1918 годом, определяя его как «перепечатанное со старых матриц» десяти томное собрание, изданное Мих. Чернышевским в 1905—1906 гг. На самом же деле литературно-издательский отдел Наркомпроса в 1918 году выпустил в продажу от своего имени приобретенный Советским правительством у М. Н. Чернышевского нераспроданный тираж издания 1905—1906 гг., перепечатав его титульный лист. Таким образом, издание романа «Что делать?» в IX томе этого собрания сочинений относится к 1906 году и в настоящий указатель не включается. В перечне изданий по возможности указываются, кроме основных сведений, данные о том, по какому тексту напечатано произведение, кто иллюстрировал издание и т. п.

Во второй части учтена с возможной полнотой (хотя, безусловно, не исчерпывающе) научно-критическая и популярная литература о романе «Что делать?».

Монографии, журнальные статьи и статьи в сборниках даны в одном ряду. Вслед за ними помещаются газетные статьи, посвященные роману.

Известно, что первые опыты марксистского анализа «Что делать?» содержатся в статьях о Чернышевском Г. В. Плеха-

нова, опубликованных еще в 1894—1904 гг¹. Эти статьи, как и суждения о романе революционно-демократической критики, были положены в основу научного изучения романа советскими исследователями. За советские годы многократно переиздавались произведения А. И. Герцена, Д. И. Писарева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. В. Плеханова. В указателе все эти работы учтены в первых советских публикациях и последующих авторитетных переизданиях. Отклики на роман «Что делать?» и суждения о нем в обширной мемуарной литературе о Чернышевском в настоящей работе не учитываются². Исключение сделано лишь для работ мемуарного характера, которые содержат высказывания В. И. Ленина о романе «Что делать?» и дают ключ к пониманию огромной идейной и общественной значимости романа.

Указатель дополняется списком диссертаций, посвященных роману «Что делать?» или включающих главы, разделы о нем. Для облегчения разысканий литературы прилагается алфавитный указатель имен.

¹ Характеристику работ Плеханова о романе «Что делать?» и перечень литературы, содержащей критику его неверных положений о Чернышевском, см.: Николаев М. П. Н. Г. Чернышевский. Семинарий. Изд. 2-е, испр. и доп., Л., Учпедгиз, 1959, стр. 23—25.

² Имеется в виду подготовка специального указателя.

I.
ИЗДАНИЯ РОМАНА «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

1923

1. Что делать? Из рассказов о новых людях. М.-Пг., ГИЗ, 1923, XVI, 420 с. (Б-ка русских романов. Под ред. Н. Л. Мещерякова, т. II). 10000 экз.

Предисл. А. Мартынова, с. V—XV.

1928.

2. Ненапечатанные отрывки романа «Что делать?». Публикация и вступит. статья Н. А. Алексева. В кн.: Н. Г. Чернышевский. Сб. статей, докум. и воспомин., М., Изд-во политехноржан, 1928, с. 18—28.

Публикуется XVII ч. 4-й гл. и отрывки из 5-й гл. первоначальной редакции романа.

1929.

3. Что делать? [Из рассказов о новых людях] (Роман, писанный в Петропавловской крепости). В первоначальном виде. [М., Изд-во политехноржан], 1929, 464 с., [2] вклад. листа факсимиле. 4000 экз.

Редакция и примеч. (с. 449—464) Н. А. Алексева.

4. Что делать? [Из рассказов о новых людях] (Роман, написанный в Петропавловской крепости). В первоначальном виде. М., Изд-во политехноржан, 1929, 465 с., [3] вклад. листа портр. и факсимиле. 5500 экз.

Редакция и примеч. (с. 449—464) Н. А. Алексева.

1930.

5. Что делать? Из рассказов о новых людях. [М.-Л.], ГИЗ, 1930, 450 с., 7000 экз. Редакция К. Халабаева и Б. Эйхенбаума.

Предисл. и примеч. В. Кирпотина, с. 1—18, 429—449. Печатается по «Современнику», 1863.

1932.

6. Что делать? Из рассказов о новых людях. В кн.: Н. Г. Чернышевский. Избр. соч. В 5-ти томах. Т. V Под. ред.

А. В. Луначарского. Подготовил к печати Н. Богословский. М.-Л., Соцэкгиз, 1932, 640 с., 5000 экз.

Вступит. статьи: А. В. Луначарский. Романы Н. Г. Чернышевского, с. 6—18. Н. Богословский. Беллетристические сочинения Н. Г. Чернышевского, с. 20—34. Примечания Н. Богословского, с. 617—626.

Текст романа «Что делать?» печатается по журнальной редакции. В примечаниях дается XVII ч. 4-й гл. и XVIII ч. 5-й гл. в первоначальной редакции.

1933.

7. Что делать? Из рассказов о новых людях. М.-Л., ГИХЛ, 1933, 535 с. (Школьная б-ка классиков), 50000 экз.

Предисл. В. Кирпотина, с. 3—22. Словарь-указ. имен, с. 525—534.

8. Что делать? Из рассказов о новых людях. ЛенГИХЛ, 1933, 463 с. (Русские писатели), 10200 экз.

Редакция текста К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. Предисл. и примеч. В. Кирпотина, с. 1—17, 429—449.

Печатается по «Современнику», 1863. Приложение: М. Калаушин. Чернышевский и его роман «Что делать?» в журнальной карикатуре 60-х годов, с. 453—461, 13 илл.-карикатур.

1934.

9. Что делать? [Из рассказов о новых людях]. [М.], Детгиз, 1934, 507 с. (Школьная серия классиков), 50000 экз.

В примеч. к XVII ч. 4-й гл. говорится о первоначальном варианте этой части романа.

1935.

10. Что делать? Из рассказов о новых людях. [Л.], Молодая гвардия, 1935, XVIII, 485 с., 15000 экз.

Предисл. Г. Димитрова. К молодому читателю, с. I—II. Вступит. статья А. Старчакова. О романе Чернышевского «Что делать?», с. III—XVIII.

Обл., фронтис., титул Ю. Мезерницкого.

Примеч. (с. 472—484) сост. по книге Н. Бродского и Н. Сидорова «Комментарий к роману Чернышевского «Что делать?» (см. № 128) и по изданиям: Чернышевский Н. Г. Избр. соч. В 5-ти томах. Т. V, М.-Л., Соцэкгиз, 1932. Чернышевский Н. Г. Что делать?, ЛенГИХЛ, 1933 [в книге ошибочно указан 1932 г.].

1936.

11. Что делать? Из рассказов о новых людях. М., Гослитиздат, 1936, 528 с., 100 000 экз.

Предисл. В. Кирпотина, с. 5—24. Примеч. и указатель имен Н. Богословского, с. 519—528.

Печатается по тексту Избр. соч. Н. Г. Чернышевского в 5-ти томах. Т. V, М.-Л., Соцэкгиз, 1932.

12. Что делать? Из рассказов о новых людях. [Саратов]. Краевое изд-во, 1936, XVII, 452 с., 5000 экз.

Предисл. Г. Димитрова. К молодому читателю, с. I—II. Вступит. статья А. Старчакова. О романе Чернышевского «Что делать?», с. III—XVII.

В примеч. к XVII ч. 4-й гл. говорится о первоначальном варианте этой части романа.

Немецкий яз.

13. Что делать? Рассказы о новых людях Н. Г. Чернышевского. (Отрывки). Энгельс, Гос. изд-во, 1936, 72 с. (Школьная библиотека). 5000 экз.

Украинский яз.

14. Что делать? Киев, Гослитиздат, 1936, 523 с., 15000 экз.
Пер. М. Дукин. Предисл. Г. Димитрова. Вступит. статья А. Старчакова.

1937.

15. Что делать? Из рассказов о новых людях [М.-Л.], Academia, 1937, XXIII, 454 с., 5300 экз.

Подготовка текста, вступит. статья и комментарии Н. В. Водовозова, с. IX—XXIII, 421—450.

Перепл. и илл. — автолитографии В. А. Милашевского.

Печатается по «Современнику», 1863. Все особенности языка Чернышевского, оразившиеся в правописании и пунктуации текста «Современника», полностью сохранены в данном издании.

1938.

16. Что делать? Из рассказов о новых людях. (Журнальная редакция). М., Гослитиздат, 1938, 412 с. (Школьная б-ка), 25 000 экз.

17. Что делать? Из рассказов о новых людях. Минск, ГИЗбел., Худож. лит-ра, 1938, 415 с., 10 120 экз.

Предисл. Г. Димитрова. К молодому читателю, с. 3—4. Примеч. (с. 407—414) даны по изд. 1936 г., Гослитиздат.

Печатается по изданию: Чернышевский Н. Г. Что делать?, [Л.], Молодая гвардия, 1935.

18. Что делать? Из рассказов о новых людях. Саратов, Краевое изд-во, 1938, XV, 449 с.

Армянский яз.

19. Что делать? Из рассказов о новых людях. Ереван, Армгиз, [1939]; на т. л. 1938, 576 с., 2 000 экз.

Пер. Г. Сарикян. Предисл. В. Кирпотина, с. 5—25.

1939.

20. Что делать? Из рассказов о новых людях. М., Гослитиздат, 1939, 592 с., 25 000 экз.

Предисл. В. Я. Кирпотина. Роман «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, с. 3—24. [Подстрочные] примеч. Н. В. Богословского.

Приложение: Первоначальная редакция XVII ч. 4-й гл., с. 580—591.

21. Что делать? Из рассказов о новых людях. (Журнальная редакция). В кн.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XI. М., Гослитиздат, 1939, с. 5—336, 12 000 экз.

Коммент. и примеч. А. П. Скафтымова, с. 702—720.

22. Что делать? Из рассказов о новых людях. (Первоначальная редакция). В кн.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XI. М., Гослитиздат, 1939, с. 337—639, 12 000 экз.

Примеч. Н. А. Алексеева, с. 720—738.

23. Что делать? Из рассказов о новых людях. М., Гослитиздат, 1947, 472 с. (Биб-ка русского романа), 105 000 экз.

Послеслов. Н. В. Водовозова, с. 459—472.

Печатается по журнальному тексту, за исключением XVII ч. 4-й гл., которая воспроизводится в первоначальной редакции. Журнальный текст XVII ч. дается в приложении, с. 457—458.

24. Что делать? Из рассказов о новых людях. М., Гослитиздат, 1947, 472 с. (Биб-ка русского романа). Отпечатано с матриц Воениздатом. Тираж не указан.

Печатается по журнальному тексту, за исключением XVII ч. 4-й гл., которая воспроизводится в первоначальной редакции. Журнальный текст XVII ч. дается в приложении, с. 457—458.

25. Что делать? Из рассказов о новых людях. [Л.], Лениздат, 1947, 480 с., 15 000 экз.

26. Что делать? Из рассказов о новых людях. Саратов, Облгиз, 1947, 468 с., 15 000 экз.

Подготовка текста Н. М. Чернышевской. В основу издания положен текст «Современника», опубликованный в XI томе Полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевского (М., Гослитиздат, 1939). Приложение: XVII ч. 18 XVIII ч. 4-й гл. в первоначальной редакции, с. 456—466.

27. Что делать? Из рассказов о новых людях. [Л.], Молодая гвардия, 1949, на т. л. 1948, 552 с., 50 000 экз.

Предисл. от издательства, с. 3—4. Примечания, 543—549.

Рисунки И. Астапова.

Печатается по изданию: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XI М., 1939.

28. Что делать? Из рассказов о новых людях. Киров, Облгиз, 1948, 467 с., 5 000 экз.

Печатается по изданию: Чернышевский Н. Г. «Что делать?», Саратов, Облгиз, 1947.

Эстонский яз.

29. Что делать? Из рассказов о новых людях. Таллин, «Худож. лит.-ра. и иск-во», 1948, 532 с., 5 000 экз.

Перевод В. Даниель. Вступит. статья Х. Тийдус. Н. Г. Чернышевский.

30. Что делать? Из рассказов о новых людях. [Пермь, Облгиз], 1949, 360 с., 10 000 экз.

31. Что делать? Из рассказов о новых людях. [Свердловск], Облгиз, 1949, 464 с., 20 000 экз.

Печатается по журнальному тексту, за исключением XVII ч. 4-й гл., которая воспроизводится в первоначальной редакции. Журнальный текст XVII ч. дается в приложении, с. 450—451.

32. Что делать? Из рассказов о новых людях. Для слепых. В 8 книгах. М., Учпедгиз, 1949. [Биб-ка рус. романа], 400 экз

33. Что делать? [Из рассказов о новых людях]. [Вильнюс], Гос. изд. худ. лит., 1949, 448 с., 7 000 экз.

Пер. А. Дамбраускас.

1 9 5 0.

34. Что делать? Из рассказов о новых людях. В кн.: Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения. Вступительная статья Г. Фридендера. М.-Л., Гослитиздат, 1950, XII, 839 с. Тираж не указан.

Печатается по журнальной редакции.

Вступит. статья, с. IX—X. Комментарии, с. 793—802.

35. Что делать? Из рассказов о новых людях. М.-Л., Детгиз, 1950, 480 с. (Школьная биб-ка), 50 000 экз.

Подготовка текста, вступит. статья «О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и примеч. Н. Богословского, с. 5—26, 472—478.

Гравюры фронтисп. и страничных рисунков В. Домогацкого. Гравюры заставок и рисунок на титуле А. Журова.

XVII ч. 4-й гл. печатается в тексте по первоначальной редакции. Журнальный текст этой части дается дополнительно, с. 443.

Приложение: Из критической литературы о романе «Что делать?». Д. И. Писарев. Мыслящий пролетариат. (В сокр. виде); А. В. Луначарский. Романы Н. Г. Чернышевского. (В сокр. виде), с. 447—471.

36. Что делать? Из рассказов о новых людях. [Л], Ленгиздат, 1950, 464 с. (Биб-ка школьника), 30 000 экз.

Послеслов. А. Груздева. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», с. 454—463.

Печатается по изданию: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XI. М., 1939.

37. Что делать? Из рассказов о новых людях. Минск, ГИЗ БССР, Ред. худ. лит-ры, 1950, 476 с., 10 000 экз.

Журнальный текст XVII ч. 4-й гл. дается в приложении.

38. Что делать? Из рассказов о новых людях. [Саратов], Облгиз, 1950, 388 с., 15 000 экз.

Подготовка текста Н. М. Чернышевской. В основу издания положен текст «Современника», опубликованный в XI т. полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевского (М., Гослитиздат, 1939).

Приложение: XVII и XVIII ч. 4-й гл. в первоначальной редакции «Что делать?», с. 278—379.

39. Что делать? [Чита], Читгиз, 1950, 404 с., 10 000 экз.

40. Что делать? Из рассказов о новых людях. (Воронеж), Обл. кн. изд., 1950, 452 с., 12 000 экз.

Вступит. статья Н. Богословского. О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?», с. 3—24.

В кн. также: Д. И. Писарев. Мыслящий пролетариат. (В сокр. виде), с. 421—437; А. В. Луначарский. Романы Н. Г. Чернышевского. (В сокр. виде), с. 439—444. Примечания, с. 445—451.

Печатается по изданию: Чернышевский Н. Г. Что делать?, М.-Л., Детгиз, 1950.

Украинский яз.

41. Что делать? Из рассказов о новых людях. Киев, Гослитиздат Украины, 1950, 367 с.

Послеслов. Н. Водовозова.

42. Что делать? Из рассказов о новых людях. М., Гослитиздат, 1951, 480 с., 200 000 экз.

Приложение: Варианты из первоначальной редакции «Что делать?» с. 450—458.

Послесл. Б. С. Рюрикова, с. 459—479.

Казахский яз.

43. Что делать? Из рассказов о новых людях. Алма-Ата, Казгослитиздат, 1951, 520 с., 20 000 экз.

Пер. К. Шангытбаев. Послеслов. Н. Водовозова.

Латышский яз.

44. Что делать? Из рассказов о новых людях. Рига, Латгосиздат, 1951, 472 с., 6 000 экз.

Пер. К. Фрейнберг. Вступит. статья Н. Богословского. Илл. Д. Скулме.

В кн. также: Д. И. Писарев. Мыслящий пролетариат. (В сокр. виде); А. В. Луначарский. Романы Н. Г. Чернышевского. (В сокр. виде).

1952.

45. Что делать? Из рассказов о новых людях. Рига, Латгосиздат, 1952, 408 с., 100 000 экз.

Приложение: Варианты из первоначальной редакции «Что делать?» с. 385—391.

Послеслов. Б. Рюрикова, с. 392—407.

1953.

46. Что делать? Из рассказов о новых людях. [Горький], Горьковск. кн. изд., 1953, 448 с., 100 000 экз.

Печатается по изданию: Чернышевский Н. Г. Что делать?, М., Гослитиздат, 1951.

Армянский яз.

47. Что делать? Ереван, Айпетрат, 1953, 512 с., 5 000 экз.

Пер. Г. Сарикян. Вступ. статья А. Салахян.

1954.

48. Что делать? Из рассказов о новых людях. М., Гослитиздат, 1954, 487 с., 200 000 экз.

Вступ. статья Б. С. Рюрикова. О романе Чернышевского «Что делать?», с. 3—31.

Приложение: Варианты из первоначальной редакции «Что делать?», (XVII ч. 4-й гл. и др.), с. 477—485.

49. Что делать? Из рассказов о новых людях. М., «Московский рабочий», 1954, 488 с. (Б-ка для юношества), 100 000 экз.

Подготовка текста, послесл. «Н. Г. Чернышевский» и примеч. И. В. Вострышева, с. 477—487.

Илл. худ. А. Ермолаева.

Печатается по журнальному тексту, за исключением XVII ч. 4-й гл., к-я воспроизводится в первоначальной редакции.

50. Что делать? Из рассказов о новых людях. [Воронеж], Воронежск. кн. изд., 1954, 431 с., 50 000 экз.

Послеслов. Б. Рюрикова, с. 405—422.

В кн. также: Д. И. Писарев. Мыслящий пролетариат. (В сокр. виде), с. 387—404. Примечания, с. 423—430.

Текст романа и статья Д. И. Писарева печатаются по изданию: Чернышевский Н. Г. Что делать?, М.-Л., Детгиз, 1950. Послеслов. Б. Рюрикова по изданию: Чернышевский Н. Г. Что делать?, М., Гослитиздат, 1951.

51. Что делать? Из рассказов о новых людях. Киев, Гослитиздат Украины, 1954, 448 с., 100 000 экз.

Текст романа сверен с изданием: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., М., 1939, т. XI.

Приложение: Вариант XVII ч. 4-й гл. из первоначальной редакции «Что делать?», с. 441—447.

52. Что делать? Из рассказов о новых людях. Киев, Гослитиздат Украины, 1954, 448 с., 100 000 экз.

Тождествен с предыдущим изданием.

Киргизский яз.

53. Что делать? Из рассказов о новых людях. Фрунзе, Киргизгосиздат, 1954, 536 с., 10 000 экз.

Пер. Д. Абдылдаев. Послеслов. Б. Рюрикова.

Молдавский яз.

54. Что делать? Из рассказов о новых людях. Кишинев, Молдавгиз, 1954, 564 с., 5 000 экз.

Пер. З. Сэпунару. Послеслов. Б. Рюрикова.

1 9 5 5.

55. Что делать? [М.], «Правда», 1955, 476 с., 150 000 экз.

Грузинский яз.

56. Что делать? Из рассказов о новых людях. Тбилиси, Госиздат Груз. ССР, 1955, 599 с., 10 000 экз.

Пер. К. Бакрадзе-Ингорква, Предисл. Г. Джигладзе.

Таджикский яз.

57. Что делать? Из рассказов о новых людях. Душанбе, Таджикгосиздат, 1955, 624 с., 7 000 экз.

Пер. Г. Эфрон. Вступ. статья Б. Рюрикова.

1 9 5 6.

58. Что делать? Из рассказов о новых людях. Киев, «Молодь», 1956, 486 с. (Школьная б-ка), 60 000 экз.

Вступит. статья Б. С. Рюрикова. О романе Чернышевского «Что делать?», с. 3—31.

Илл. К. Заруба.

Печатается по изданию: Чернышевский Н. Г. Что делать?, М., Гослитиздат, 1954.

Уйгурский яз.

(Арабский шрифт)

59. Что делать? Из рассказов о новых людях. Ташкент, «Правда Востока», 1956, 837 с., 2 000 экз.

Пер. Х. Насыров. Послеслов. Б. Рюрикова.

Финский яз.

60. Что делать? Петрозаводск, Госиздат КФССР, 1956, 472 с., 2 000 экз.

Пер. Н. Яккола.

Якутский яз.

61. Что делать? Из рассказов о новых людях. Якутск, Якуткнигоиздат, 1956, 495 с., 3 000 экз.

Пер. С. Данилов.

1957.

62. Что делать? Из рассказов о новых людях. М., Гослитиздат, 1957, 351 с., 30 000 экз.

Приложение: Два отрывка из первоначальной редакции «Что делать?», с. 342—348. Примечания, с. 349—350.

Рисунки В. Н. Минаева.

Печатается по «Современнику», 1863.

63. Что делать? Из рассказов о новых людях. М., Учпедгиз, 1957, 368 с. (Биб-ка школьника), 800 000 экз.

Комментарии М. П. Николаева, с. 358—367.

Печатается по изданию: Чернышевский Н. Г. Что делать?, М., Гослитиздат, 1954.

64. Что делать? Роман. Для слепых. В 8 книгах. (Изд. 2-е). М., Учпедгиз, 1957, 150 экз.

Испанский яз.

65. Что делать? Из рассказов о новых людях. М., Изд. лит. на иностр. яз., [1957], (Б-ка классиков русской лит-ры), 5 000 экз.

Пер. Л. А. Варгас.

Узбекский яз.

66. Что делать? Из рассказов о новых людях. Ташкент, Гослитиздат УзССР, 1957 [вып. дан. 1958], 579 с. (Декада узбек. иск. и лит., Москва, 1958), 15 000 экз.

Пер. Ш. Талибов. Послесл. Б. Рюрикова.

Чувашский яз.

67. Что делать? Чебоксары, Чувашгосиздат, 1957, 496 с., 3 000 экз.

Пер. Н. А. Сандрова и В. Л. Садая.

1958.

68. Что делать? Из рассказов о новых людях. М., Учпедгиз, 1958, 368 с. (Биб-ка школьника), 300 000 экз.

Комментарии М. П. Николаева, с. 358—367.

Печатается по изданию: Чернышевский Н. Г. Что делать?, М., Гослитиздат, 1954.

1959.

69. Что делать? Из рассказов о новых людях. М., Детгиз 1959, 448 с. (Школьная биб-ка), 30 000 экз.

Вступ. статья и примеч. Н. В. Богословского, с. 3—26, с. 441—447.

Рисунки В. Минаева.

Печатается по изданию: Чернышевский Н. Г. Что делать? М., Гослитиздат, 1957.

Приложение: Из критической литературы о романе «Что делать?». Д. И. Писарев. Мыслящий пролетариат. (В сокр. виде); А. В. Луначарский. Романы Н. Г. Чернышевского. (В сокр. виде), с. 417—440.

70. Что делать? Из рассказов о новых людях. М., Учпедгиз, 1959, 368 с. (Биб-ка школьника), 180 000 экз.

Комментарии М. П. Николаева, с. 358—367.

Печатается по изданию: Чернышевский Н. Г. Что делать?, М., Гослитиздат, 1954.

Татарский яз.

71. Что делать? Из рассказов о новых людях. Казань, Таткнигоиздат, 1959, 492 с., 3000 экз.

Пер. С. Файзуллин.

1960.

72. Что делать? Из рассказов о новых людях. М., Учпедгиз, 1960, 368 с. (Биб-ка школьника), 100 000 экз.

Комментарии М. П. Николаева, с. 358—367.

Печатается по изданию: Чернышевский Н. Г. Что делать?, М., Гослитиздат, 1954.

73. Что делать? Из рассказов о новых людях. М., Гослитиздат, 1960, 462 с., 110 000 экз.

Рисунки В. Минаева.

Приложение. Варианты из первоначальной редакции «Что делать?» (XVII ч. 4-й гл. и др.), с. 453—461.

Печатается по изданию: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., М., 1939, т. XI.

Туркменский яз.

74. Что делать? Из рассказов о новых людях. Ашхабад, Туркменгосиздат, 1960, 604 с., 6000 экз.

Пер. М. Сопиев. Пояснения и коммент. М. П. Николаева.

ЛИТЕРАТУРНО-СЦЕНИЧЕСКИЕ ПЕРЕДЕЛКИ

1936.

75. Охитович С. и Охитович Л. На волю! Драматич. представление в 5 актах, 20 карт., 1 ч. драматич. трилогии по ро-

ману Н. Г. Чернышевского «Что делать?» М., Гослитиздат, 1936, 134 с., с нотами, 3000 экз.

76. **Охитович С. и Охитович Л.** Что делать? (I. На волю!) Драматич. представление в 5 актах. (По роману Н. Г. Чернышевского). М., Центр. упр. по распротр. драматург. продукции Цедрам, 1936, 66 с., 2150 экз.
Облегченная редакция пьесы.
См. № 75.

1939.

77. **Охитович С. и Охитович Л.** На волю. Драматич. представление в 5 актах. (По роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?»). М., «Искусство», 1939, 96 с., 1075 экз. Стеклогр. изд.

1953.

78. **Выгодская Н.** Новые люди. Пьеса в 4 действиях. (По роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?»). Союз сов. писателей СССР. Всесоюз. упр. по охране авт. прав. Отдел распротр. драматург. и эстрадн. пр-ий, М., 1953, 91 с.
79. **Заречная С.** Новые люди. (По роману «Что делать?» Н. Г. Чернышевского). Сценическая композиция в 4 действиях, 13 картинах. Союз сов. писателей СССР. Всесоюз. упр. по охране авт. прав. Отдел распротр. драматург. и эстрадн. пр-ий, М., 1953, 91 с.

II

ЛИТЕРАТУРА О РОМАНЕ «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

I. В. И. Ленин о романе «Что делать?»

80. **Ленин В. И.** Замечания на книгу Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевский». В кн.: Ленин В. И. Сочинения. Изд. 4. Т. 38. Философские тетради. М., Госполитиздат, 1958, с. 513—515. То же в кн.: Ленин В. И. О литературе и искусстве. М., 1957, с. 493 и М., 1960, с. 558.
81. **Крупская Н. К.** Что нравилось Ильичу из художественной литературы. В кн.: Ленин о культуре и искусстве. Сборник. М., Изогиз, 1938, с. 292; то же в изд. М., «Искусство», 1938, с. 117—118; то же в изд. М., «Искусство», 1956, с. 505; то же в сб.: Ленин о литературе. М., Гослитиздат, 1941, с. 247; то же в изд. М., Гослитиздат, 1957, с. 557; то же в изд. М., Гослитиздат, 1960, с. 628.
82. **Крупская Н. К.** Что нравилось Ильичу из художественной литературы. В кн.: В. И. Ленин об искусстве и литературе. М., Госполитиздат, 1957, с. 552—553; то же в изд. 1960, с. 628.
83. **Крупская Н. К.** Из воспоминаний о В. И. Ленине. В кн.:

- Воспоминания о В. И. Ленине. В 2-х т. М., Госполитиздат, 1956, т. I, с. 102. То же в кн.: Воспоминания о В. И. Ленине. В 3-х т. М., Госполитиздат, 1956, т. I, с. 87.
84. Ленин о Чернышевском и его романе «Что делать?» (Из книги Н. Валентинова «Встречи с Лениным»). Вступит. статья Б. Рюрикова.—Вопросы литературы, 1957, № 8, с. 126—134.
85. Шульгин В. Памятные встречи, М., Госполитиздат, 1958, с. 13—14. То же в несколько иной редакции см. Литерат. газета, 1955, 16. IV, с. 2.
О чтении В. И. Лениным «Что делать?» и раскрытии им значения Дамы в трауре для выявления революционного содержания романа.
86. Эссен М. М. Встречи с В. И. Лениным накануне и в дни первой русской революции.—Вопросы истории, 1955, № 1, с. 28. То же в воспоминаниях М. Эссен «Встречи с Лениным». В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине. В 2-х т. М., Госполитиздат, 1956, т. I, с. 292. То же в кн.: Воспоминания о В. И. Ленине. В 3-х т. М., Госполитиздат, 1956, т. I, с. 251.
О чтении и высокой оценке В. И. Лениным романа «Что делать?».
87. Рюриков Б. Люди высоких идеалов. [О высказываниях В. И. Ленина по поводу романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?»]—Комсомольская правда, 1958, 23.III, с. 3—4.

2. Советские издания классиков революционно-демократической критики

88. Герцен А. И. Письма к Н. П. Огареву от 29 июля, 30 июля, 4 августа, 27 августа 1867 года. В кн.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. 19. Пг., 1922, с. 409, 410, 425, 445.
89. Герцен А. И. Еще раз Базаров. В кн.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. 21., М.—Пг., 1923, с. 226.
90. Писарев Д. И. Мотивы русской драмы. В кн.: Писарев Д. И. Избранные сочинения. В 2-х т. М., Гослитиздат, 1934—1935. Т. I, с. 528—552.
91. Писарев Д. И. Мыслящий пролетариат. Избр. сочинения. В 2-х т. М., Гослитиздат, 1934—1935. Т. II, с. 383—419.
92. Писарев Д. И. Мыслящий пролетариат. В кн.: Писарев Д. И. Литературно-критические статьи. Избранные. Вступит. статья, коммент. и ред. Н. Ф. Бельчикова. М., Гослитиздат, 1940.
93. Писарев Д. И. Мыслящий пролетариат. Госполитиздат, 1944, 56 с.
94. Писарев Д. И. Мыслящий пролетариат. В кн.: Писарев Д. И. Избранные философские и общественно-политические статьи. Под ред. и с предисл. В. С. Кружкова. М., Госполитиздат, 1949, с. 640—695.

95. **Писарев Д. И.** Посмотрим! В кн.: Писарев Д. И. Соч., т. 3. М. Гослитиздат, 1956, с. 462, 481—485.
96. **Писарев Д. И.** Мотивы русской драмы. В кн.: Писарев Д. И. Соч. в 4-х т. М., Гослитиздат, 1955, т. 2, с. 381.
97. **Писарев Д. И.** Мыслящий пролетариат. В кн.: Писарев Д. И. Соч. Т. 4. М., 1957, с. 7—49.
98. **Салтыков-Щедрин М. Е.** Наша общественная жизнь. Март. 1864 г. В кн.: Щедрин Н. (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч. Т. 6. М., Гослитиздат, 1941, с. 326—327.
99. **Салтыков-Щедрин М. Е.** ГГ. «Семейству М. М. Достоевского, издающего журнал «Эпоха». Там же, с. 485, 487—488.

3. Советская научно-критическая литература

1922.

100. **Святловский В.** Русский утопический роман. Пгр. ГИЗ, 1922. Гл. V. Утопии XIX и XX веков. 2. Чернышевский, с. 43—49.

1923.

101. **Чешихин-Ветринский В. Е. Н. Г.** Чернышевский. 1828—1889. Пгр. Изд. «Колос», 1923, с. 128—131.

Роман рассматривается как персонифицированное изложение социальных и этических воззрений Чернышевского.

102. **Чешихин-Ветринский В. Е. Чернышевский и Достоевский.** Параллели. В кн.: Чешихин-Ветринский В. Е. Н. Г. Чернышевский. 1828—1889. Пгр. Изд. «Колос», 1923, с. 137—148.

О «Что делать?»—с. 141—148; в гл. Н. Г. Чернышевский и кооперация» (с.205—210)—об отражении в романе взглядов Чернышевского на кооперацию.

1925.

103. **Беркова К. Н.** Н. Г. Чернышевский. Биографический очерк. [М.], «Московский рабочий», 1925. Гл. XXI. Роман «Что делать?», с. 146—155.

104. **Плеханов Г. В. Н. Г.** Чернышевский. Сочинения, изд. 2-е, Т. V. М., Гос. изд., 1925, с. 114—121, 179—184. 219—225. Гл. 12 и 13 целиком посвящены роману. См. От составителей.

1926.

105. **Скафтымов А. П.** Роман Чернышевского «Что делать?» (Его идеологический состав и общественное воздействие). В кн.: Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты. Статьи. Материалы. Воспоминания. Саратов, 1926, с. 92—140.

1927.

106. **Евгеньев-Максимов В. Е.** Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века. М.-Л., ГИЗ, 1927. Гл. XI. Роман «Что делать?», с. 81—90.

107. **Пыпин А. Н.** Записка по делу Н. Г. Чернышевского.

Сообщ. Ю. Стеклов. — Красн. архив, 1927, т. III (XXII), с. 226—228.

Толкование романа как художественно-фантастического произведения для оправдания Чернышевского в глазах властей.

108. **Стеклов Ю.** Чернышевский и его роман «Что делать?». — Молодая гвардия, 1927, № 10, с. 153—178.

Извлечения из его же книги: Н. Г. Чернышевский, 1928, т. II.

1928.

109. **Алексеев Н. А.** Вступительная заметка к публикации ненапечатанных открывков романа «Что делать?». См. № 2.

110. **Бухбиндер Н. А.** Цензура о «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. Сообщ. — Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник, 1928, № 7 (44), с. 43—50.

Публикуются два отзыва цензора О. А. Пржецлавского о «Что делать?».

111. **Кара-Мурза С.** Герои и героини романа «Что делать?». — Красная нива, 1928, № 30, с. 8—9.

О прототипах героев романа.

112. **Карелин П. Н.** Сатирическая журналистика о Н. Г. Чернышевском. Каторга и ссылка, М., 1928, кн. 11 (48), с. 18—35.

О «Что делать?» — с. 28—35.

113. **Луначарский А. В.** Н. Г. Чернышевский как писатель.

Вестник Комм. Академии, 1928, № 30 (6), с. 17—40.

В основу статьи положена речь на торжественном заседании по случаю 100-летия со дня рождения Чернышевского.

114. **Н. Б. [Бельчиков Н.]** Чернышевский о себе как беллетристе. — Литература и марксизм, 1928, № 3, с. 6—14.

Публикация «Предисловия» Чернышевского к «Повестям в повести», где дается автохарактеристика «Что делать?».

См. также: Чернышевский Н. Г. Предисловие. Для моих друзей между читательницами и читателями. [Вариант 10 октября 1863 г.]. В кн.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XII М., Гослитиздат, 1949, с. 681—685.

115. **Скафтымов А. П.** Чернышевский и Жорж Санд. В кн.: Николай Гаврилович Чернышевский. 1828—1928. Неизд. тексты, материалы и статьи. Под общ. ред. С. З. Каценбогена. Саратов, 1928, с. 223—243.

То же в кн.: Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе. См. № 304.

Сходство и различие романов «Что делать?» и «Жак», с. 229—240.

116. **Стеклов Ю. М.** Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. Изд. 2-е испр., доп. Гос. изд-во. М.-Л., 1928, т. I, гл. 2. Этическая система Чернышевского (1. Основы-положники материалистической этики. 2. Мораль разумного эгоизма).

О «Что делать?»—с. 294—298.

117. **Стеклов Ю. М.** Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. Изд. 2-е испр. и доп. Гос. изд-во. М.-Л., 1928, т. II, гл. 4, раздел 2: «Новые люди» и роман «Что делать?», с. 120—142.

118. **Стеклов Ю.** К истории освобождения Н. Г. Чернышевского. В кн.: Н. Г. Чернышевский. Сборник статей, документов и воспоминаний. М., Изд. политкаторжан, 1928, с. 144—180.

Текст прошения М. Н. Чернышевского Александру III об освобождении Н. Г. Чернышевского, содержащий толкование истории создания романа, с. 173—174.

119. **Фриче В. Л.** Н. Толстой и Н. Г. Чернышевский.—Красн. новь, 1928, № 9, с. 136—142.
«Что делать?» в оценке Л. Н. Толстого.

1929.

120. **Баскин М. П.** Пропаганда материализма в романе Чернышевского «Что делать?». Научн. труды Индустриально-педагогич. ин-та им. К. Либкнехта, В. 6, 1929, М., 15 с.
121. **Пиксанов Н. К.** Предисловие. В кн.: Богданович Т. А. Любовь людей 60-х годов. Л., «Academia», 1929, с. III—IX. Этическое и эстетическое значение романа для современности.

1930.

122. **Берлинер Г. Н.** Г. Чернышевский и его литературные враги. М.-Л., ГИЗ, 1930, 232 с.

«Что делать?» в литературной полемике по поводу «Отцов и детей» И. С. Тургенева.

123. **Воробьев П.** «Что делать?» Чернышевского. (Опыт социологического истолкования). —Русский язык в школе, 1930, № 3, с. 51—65.

1931.

124. **Ипполит И. К.** Политический роман 60-х годов. (Тургенев и Чернышевский).—Литература и марксизм, 1931, кн. 1, с. 38—60.

125. **Ипполит И. К.** Тургенев и Чернышевский.—Пролетарская литература, 1931, № 4, с. 103—121.

Статья является продолжением предыдущей.

1932.

126. **Луначарский А. В.** Романы Н. Г. Чернышевского. См. № 6.

127. **Богословский Н.** Беллетристические сочинения Н. Г. Чернышевского. См. № 6.

1933.

128. **Бродский Н. Л. и Сидоров Н. П.** Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?», М., «Мир», 1933, 228 с. (Комментарии к памятникам худ. лит-ры).

Перепечатаны выдержки из статей В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, Ю. М. Стеклова. Дается также реальный и историко-литературный комментарий.

129. **Вороницын И. П.** Н. Г. Чернышевский и религия. М., Гос. антирелиг. издат., 1933. Гл. 3-я. Отношение Чернышев-

ского к религии и церкви в период заключения в крепости [и роман «Что делать?»], с. 116—126.

130. **Калаушин М.** Чернышевский и его роман «Что делать?» в журнальной карикатуре 60-х годов. См. № 8.
131. **Кирпотин В.** Предисловие. См. № 7, 8.
132. **Пиксанов Н. К.** Разум и сердце Чернышевского. В сб.: Пиксанов Н. К. О классиках. М., Моск. т-во писателей, 1933, с. 210—211, 216, 218, 220—о романе «Что делать?».
133. **Чернышевская Н. М.** Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М.—Л., «Academia», 1933, 255 с. О романе — по Указателю сочинений Н. Г. Чернышевского.
134. **Эльсберг Я.** Романы демократа и социалиста.—Художественная литература (критико-библиогр. бюллетень), 1933. № 6, с. 47—50.
Рец. на кн.: Чернышевский Н. Г. Избр. соч., т. V. См. № 6.

1934.

135. **Луначарский А. В. Н. Г. Чернышевский как писатель.** В кн.: Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения. Эстетика. Критика. Ред. Н. В. Богословского, А. В. Луначарского, И. В. Фролова. [М.], Гослитиздат, 1934, с. 7—23.
136. **Полянский Вал.** Чернышевский—литературовед и писатель.—Больш. сов. энциклопедия, т. 61, М., Гос. изд-во «Советская энциклопедия», 1934, с. 404—406.
137. **Чуковский К.** История слепцовской коммуны. В кн.: Чуковский К. Люди и книги шестидесятих годов. Статьи и материалы. Изд. писателей в Ленинграде. 1934, с. 221—249. Почти без изменений перепечатана в кн.: «Люди и книги». См. № 306.

О практическом осуществлении идей романа «Что делать?» передовыми людьми 60-х годов XIX в.

138. **Штрайх С.** Героиня романа «Что делать?» в ее письмах. В сб.: Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы и общественной мысли XIX века. Кн. III—IV, М.—Л., 1934, с. 588—616.

Вступ. статьи и коммент. к публикации писем М. А. Боковой-Сеченовой.

1935.

139. **Македонов А.** Реализм и романтизм в эстетике Белинского.—Лит. критик, 1935, № 10, с. 28—31.

Образ Рахметова как воплощение идеи В. Г. Белинского о положительном герое, совмещающем черты реального и идеального человека.

140. **Старчак А.** О романе Чернышевского «Что делать?». См. № 10.

141. **Юнович М.** «Что делать?» [О героине романа Н. Г. Чернышевского—Вере Павловне].—Комсомольская правда, 1935, 21.IX, с. 3.

1936.

142. **Бельчиков Н.** Революционно-демократическая беллетри-

стика 60-х годов.—Лит. наследство, т. 25—26, 1936, с. 70—120.

О влиянии «Что делать» на демократическую литературу своего времени.

С. 105—110, 115 — обзор критической литературы о романе за 1930-е годы.

143. **Вальбе Б. Помяловский.** Жизнь замечательных людей. М., Жургаз. объединение, 1936, с. 237—238.

Творчество Помяловского и «Что делать?».

144. **Виноградов Ив.** Вопросы марксистской поэтики. Л., Гослитиздат, 1936, с. 335, 342—351.

«Что делать?» рассматривается как произведение критического реализма, «отражающее противоречия философии Чернышевского».

145. **Ленюль Г.** «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и современный читатель. Споры вокруг романа, написанного 70 с лишним лет назад.—Молодая гвардия, 1936, № 12, с. 142—159.

146. **Луначарский А. В.** Литература шестидесятых годов.—Лит. критик, 1936, № 2, с. 9—41. О «Что делать?»—с. 33—34.

Стенограмма лекции из курса истории русской литературы, прочитанного А. В. Луначарским в Коммунистическом университете им. Свердлова в 1924—1925 гг.

147. **Фет А. А.** Неизданная статья А. А. Фета о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Вступ. ст. Ю. Стеклова. Публ. Г. Волкова—Лит. наследство, 1936, № 25—26, с. 477—544.

148. **Эльсберг Я. Е.** Мироззрение и творчество Щедрина. М.—Л., Изд. АН СССР, 1936, с. 31—67.

«Что делать?» в оценке М. Е. Салтыкова-Щедрина.

149. **Дайреджиев Б.** Добролюбов и «Что делать?»—Литерат. газета, 1936, 5. II, с. 3.

1937.

150. **Водовозов Н. В.** Вступительная статья и комментарий. См. № 15.

151. **Луначарский А. В.** Литература шестидесятых годов. В кн.: Луначарский А. В. Классики русской литературы. (Избранные статьи). Ред. Н. Ф. Бельчикова. М., Гослитиздат, 1937, с. 197—234.

О «Что делать?» — с. 224—226.

152. **Луначарский А. В.** Н. Г. Чернышевский как писатель. Там же, с. 243—269.

153. **Луначарский А. В.** Романы Н. Г. Чернышевского. Там же, с. 270—286.

1938.

154. **Базанов В.** Из литературной полемики 60-х годов («Что делать?» Чернышевского и «Некуда» Лескова). Карелия. 1938, с. 158—168.

155. **Кирпотин В.** Роман «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. В кн.: Кирпотин В. Классики. М., «Сов. писатель», 1938, с. 220—233. Впервые напеч. в кн. Чернышевский Н. Г. «Что делать?», М.-Л., ГИХЛ, 1933.

156. **Никитин Н.** Образ новой женщины в романе «Что делать?». К 110-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского.—Общественница, 1938, № 8, с. 44—45.

157. **Скафтымов. А.** Преподавание литературы в дореволюционной школе.—Учен. зап. Саратов. пед. ин-та, в. III, 1938, с. 217—220.

Проникновение романа «Что делать?» в школьное преподавание литературы.

158. **Кирпотин В.** Семидесятипятiletие романа Чернышевского «Что делать?» — Литерат. газета, 1938, 15. IV, с. 3.

159. **Царская** цензура о романе «Что делать?» — Коммунист (Саратов), 1938, 24. VII., с. 2.

1939.

160. **Алексеев Н. А.** К первоначальной редакции «Что делать?». Комментарии. В кн.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XI. М., Гослитиздат, 1939, с. 720—738.

161. **Евгеньев-Максимов В. Е.** Последние годы «Современника» 1863—1866. Л., Гослитиздат, 1939. [раздел] I. История журнала. Гл. IV <...> Обстоятельства появления в №№ 3, 4, и 5 романа Чернышевского «Что делать?». Страхи, возбужденные им в цензурных инстанциях, с. 54—66. II. Содержание и направление журнала. Гл. IV. Тема «новых людей» в «Современнике» рассматриваемого периода. Исключительное значение романа «Что делать?». Положительная оценка его героев в редакционной статье, с. 220—234. Гл. VI <...> Полемические высказывания Жуковского, Елисеева и Салтыкова-Щедрина по адресу автора романа «Что делать?», их оценка, с. 254—263.

162. **Евгеньев-Максимов В.** Роман «Что делать?» — Краснофлотец, 1939, № 20, с. 27—30.

163. **Евгеньев-Максимов В. Е.** Цензурные мытарства Н. Г. Чернышевского.—Звезда, 1939, № 12, с. 167—172.

История первой публикации «Что делать?» — с. 170—172.

164. **Ефремов А. Ф.** Язык романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». В кн.: Н. Г. Чернышевский. Сб. статей. Саратов, Облзд., 1939, с. 253—325.

165. **Лежнев И.** Вождь революционной демократии Н. Г. Чернышевский. (К 50-летию со дня смерти). М., «Правда», биб-ка «Огонек», № 65—66, 1939.

О романе «Что делать?» — с. 29—32, 42—79.

166. **Никитин Н. И.** Искусство и публицистика (к 50-ле-

тию со дня смерти писателя).—Литература в школе, 1939, № 5, с. 28—42.

Анализ художественного своеобразия романа «Что делать?» как особого жанра художественной публицистики.

167. Нович И. Властитель дум.—Огонек, 1939, № 28, с. 13—14.

Об основных проблемах и образах романа «Что делать?» — с. 13.

168. Нович И. Жизнь Чернышевского. М., Гослитиздат, 1939. Гл. XIII. Чернышевский-беллетрист. «Что делать?». Новые люди <...>, с. 290—306.

169. Плоткин Л. Чернышевский-литератор.—Звезда, 1939, № 10—11, с. 259—268.

Рассматриваются романы «Что делать?» и «Пролог».

170. Ренский П. Герой революционной демократии (О герое романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» Рахметове).—Октябрь, 1939, кн. 10—11, с. 294—297.

171. Ритман М. И. Реализм революционной демократии. К 50-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского.—Литература и искусство Казахстана, 1939, № 10, с. 22—45.

Стиль романа «Что делать?».

172. Сергеев Н. Читатели о романе «Что делать?».—Книга и пролетарская революция, 1939, № 9, с. 120—122.

Подборка высказываний под рубрикой «Из истории книги».

173. Скафтымов А. П. Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского. Саратов, Обл. изд., 1939. О романе гл. VIII. с. 67—77.

174. Скафтымов А. П. Комментарии и примечания к журнальной редакции «Что делать?». В кн.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XI, М., Гослитиздат, 1939, с. 702—720.

175. Скафтымов А. П. Художественные произведения Н. Г. Чернышевского, написанные в Петропавловской крепости. В кн.: Н. Г. Чернышевский. Сб. статей. Саратов, Обл. изд., 1939, с. 210—252; о «Что делать?» — с. 210—234. То же в кн.: Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе. См. № 305.

177. Абрамович А. Мечта революционера. [Картины будущего общества в романе «Что делать?】—Коммунист (Саратов), 1939, 29. X, с. 2.

178. Барак Л. «Что делать?» Чернышевского.—Советская Белоруссия, 1939, 29. X, с. 2.

179. Кипренский А. Новые люди в творчестве Чернышевского.—Московский большевик, 1939, 28. X, с. 3.

180. Лежнев И. Рахметов.—Литерат. газета, 1939, 30. X, с. 3.

181. Никитин Н. Новые люди.—Учительская газета, 1939, 29. X, с. 3.

182. Никитин Н. Подлинный художник. [О романе «Что делать?】—Литерат. газета, 1939, 30. X, с. 2.

183. **Нович И.** Чернышевский-писатель. [В основном о романах «Что делать?» и «Пролог»].—Труд, 1939, 28.X, с. 4.
184. **Плоткин Л.** Учебник жизни. [О романе «Что делать?»].—Смена (Ленинград), 1939, 20.X, с. 3.
185. **Рожков А.** Сны Веры Павловны и наша действительность. Сов. Сибирь (Новосибирск), 1939, 29.X, с. 3.
186. **Розова К.** Героиня романа «Что делать?».—Мед. работник, 1939, 8.V, с. 4.
187. **Савельев Н.** Роман революционного пафоса.—Алтайская правда (Барнаул), 1939, 29.X, с. 2.
188. **Шуб. Т. А.** Роман «Что делать?».—Социалистическая Якутия (Якутск), 1939, 30.X, с. 3.

1940.

189. **Алексеев М. П.** Эмиль Золя и Н. Г. Чернышевский.—Изв. Акад. наук СССР. Отд. литературы и языка, 1940, № 2, с. 93—102.
Влияние «Что делать?» на создание романа Э. Золя «Дамское счастье».
190. **Базанов В.** Новые люди в литературе 60-годов.—Карелия, кн. 6, 1940, с. 144—165. Статья вошла в кн.: Базанов В. Г. Из литературной полемики 60-х гг. См. № 196.
191. **Борщевский С.** Раскол в нигилистах.—Лит. критик, 1940, № 11—12, с. 65—92.
Об. оценке романа М. Е. Салтыковым-Щедриним и Д. И. Писаревым и разногласиях в редакции «Современника» по этому вопросу.
192. **Ковалев И. Н. Г.** Чернышевский и царская цензура. Публикация и примечания. В кн.: Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. Под ред. Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. М.—Л., Изд. АН СССР, 1940, с. 383—424.
О «Что делать?» — с. 387, 390, 391, 397, 399, 400, 402, 408, 405, 418.
193. **Пулинец А.** Образ нового человека в повести Н. Г. Чернышевского «Алферьев».—Науч. зап. Луган. пед. ин-та, 1940, т. 1, с. 37—48.
Алферьев как «поправка» Рахметова, с. 40.
194. **Шилов А.** Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в оценке Н. В. Шелгунова. В кн.: Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. Под ред. Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. М.—Л., Изд. АН СССР, 1940, с. 173—186.
Вступит. статья и публикация запрещенной цензурой части статьи Н. В. Шелгунова «Русские идеалы, герои и типы».

1941.

195. **Алексеев М. П.** Н. Г. Чернышевский в западных литературах. В кн.: Н. Г. Чернышевский (1889—1939). Тру-

ды Научной сессии к 50-летию со дня смерти. Л., Изд. Лен. ун-та, 1941, с. 242—269.

О переводах и распространении «Что делать?».

196. **Базанов В.** Из литературной полемики 60-х годов. Петрозаводск, Гос. изд. Карело-Финской ССР, 1941, 194 с. Роман Чернышевского и поиски положительного героя в литературе 60-х годов. «Что делать?» и «Некуда» Лескова.

197. **Евгеньев-Максимов В. Е.** Роман «Что делать?» в «Современнике». В кн.: Н. Г. Чернышевский. 1889—1939. Труды Научной сессии к 50-летию со дня смерти. Л., Изд. Лен. ун-та, 1941, с. 226—241.

198. **Лаврецкий А.** Щедрин — публицист «Современника». [Вступит. статья]. В кн.: Щедрин Н. (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч. Т. VI. М., Гослитиздат, 1941, с. 7—36. «Что делать?», с. 28—30.

199. **Ритман М. И.** Н. Г. Чернышевский — писатель-революционер. — Учен. зап. Алма-Атинского пед. ин-та, 1941, с. 5—107.

Статья в основном посвящена роману «Что делать?».

200. **Семенов Л.** Коста-драматург. В кн.: «Юбилей Коста Хетагурова», 1941, с. 241—249.

О влиянии «Что делать?» на трактовку женских образов в пьесе К. Хетагурова «Дуня».

1946.

201. **Белкин И.** «Социалистический катехизис» Жюля Гада. — Вопросы истории, 1946, № 8—9, с. 91—96.

«Что делать?» упоминается как источник материалистических воззрений Гада.

202. **Бельчиков Н.** Николай Гаврилович Чернышевский. (Критико-биографический очерк). М., Госполитиздат, 1946. О «Что делать?» — с. 143—159, 167.

1947.

203. **Водовозов Н. В.** Послесловие. См. № 23.

204. **Луначарский А. В.** Литература шестидесятых годов. В кн.: Луначарский А. В. Русская литература. Избранные статьи. Ред. и коммент. Н. Ф. Бельчикова. М., Гослитиздат, 1947, с. 58—99.

О «Что делать?» с. 89—91.

205. **Луначарский А. В.** — Н. Г. Чернышевский как писатель. Там же, с. 149—179.

206. **Луначарский А. В.** Романы Н. Г. Чернышевского. Там же, с. 180—198.

207. **Скафтымов А. П.** Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского. Изд. 2-е испр. и доп. Саратов, Обл. изд., 1947. Гл. Чернышевский в Петропавловской крепости, с. 58—68.

1948.

208. **Гоффеншефер В.** Чернышевский и революционный Запад. — Знамя, 1948, № 8, с. 141—154.

Данные о популярности романа в Европе.

209. **Громов Н. И.** Особенный человек (Опыт анализа главы романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?») — Литерат. в школе, 1948, № 5, с. 3—13.
210. **Покусаев Е. И.** Н. Г. Чернышевский и М. Е. Салтыков-Щедрин. — Учен. зап. Сарат. ун-та, т. XIX, вып. посвящ. памяти Н. Г. Чернышевского, 1948, с. 35—101.
О «Что делать?» — с. 82—93.
211. **Розенталь М.** Философские взгляды Н. Г. Чернышевского. [М.], Госполитиздат, 1948. Гл. 8. Этика «новых людей», с. 253—266.

1949.

212. **Барсук И. Я.** Революционный демократизм Н. Г. Чернышевского. — Учен. зап. Акад. обществ. наук, вып. 5. Из истории русской материалистической философии, 1949, с. 127—150.
Взгляды Чернышевского на будущее общество — по роману «Что делать?».
213. **Николаев М. П.** Характеры и стиль романа «Что делать?». — Учен. зап. Кабардинского пед. и учит. ин-та, в. II, Нальчик, 1949 (на переплете 1950), с. 3—37.
214. **Спижарская Н. В.** Неизвестная статья А. Бебеля о Чернышевском — Докл. и сообщ. филол. ин-та Ленингр. ун-та им. А. А. Жданова, в. I, 1949, с. 92—102.
Публикация статьи А. Бебеля «Идеалистический роман». (О романе «Что делать?»). В комментарии содержатся извлечения из статьи К. Цеткин «Русские студентки».
215. **Шибяев С. М.** Проблема революционно-героического характера в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (Рахметов). — Учен. зап. Моск. Обл. пед. ин-та. Труды каф. русской литературы, т. XIII, в. I, 1949, с. 54—85.

1950.

216. **Богословский Н.** О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?». См. № 35.
217. **Бурсов Б. И.** Проблема положительного героя в эстетике Чернышевского. — Изв. Акад. наук СССР. Отд. литературы и языка, т. IX, в. 4, 1950, с. 249—264.
О «Что делать?» — с. 251—252.
218. **Груздев А.** Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». См. № 36.
219. **Егорова К. И.** Н. Г. Чернышевский и украинские писатели-демократы 70—90 годов XIX столетия. — Труды Одесского ун-та, т. XII, в. I [67], 1950, с. 99—131.
Материал об оценке романа «Что делать?» П. Мирным и И. Франко.
220. **Ерихонов Л.** Русские революционные демократы и общественная мысль южных славян в 60—70-х гг. XIX века. М., Госполитиздат, 1950.
Влияние идей романа «Что делать?» на передовую интеллигенцию Болгарии и Сербии — с. 45—52.
221. **Кон И. С.** Этические воззрения Н. Г. Чернышевского.

—Вопросы философии, 1950, № 2, с. 148—168.

Отражение этических взглядов Чернышевского в романе «Что делать?».

222. Угрюмов В. И. Революционный демократ Панас Мирный. — Вестник Моск. ун-та, серия обществ. наук, в. 2, № 4, 1950, с. 137—152.

Влияние «Что делать?» на поэму Мирного «Сон» и др.

223. Фридлиндер Г. Вступительная статья и комментарий. См. № 34.

1951.

224. Бушканец Е. Царская цензура и «Что делать?» Чернышевского. — Огонек, 1951, № 39, с. 24.

Свидетельство цензора В. Н. Бекетова о пропуске цензурой «Что делать?» в записи казанского краеведа Н. Я. Агафонова.

225. Гурвич А. Сила положительного примера.—Новый мир, 1951, № 9, с. 155—156.

Об активной действенности положительных героев романа.

226. Киселев А. Павел Грабовский и передовая русская культура. В кн.: Русско-украинские литературные связи. М., Гослитиздат, 1951, с. 150—155.

О влиянии «Что делать?» на формирование взглядов Грабовского.

227. Озерова А. А. Н. Г. Чернышевский. Пособие для учителей средней школы. М., Учпедгиз, 1951. Роман «Что делать?», с. 68—141. Примерный план разбора романа «Что делать?» в вопросах и заданиях, с. 150—154.

228. Рюрик Б. С. Послесловие. См. № 42.

229. Бурсов Б. К вопросу о традиции. [По поводу статьи А. Гурвича в «Новом мире», 1951, кн. 9].—Литерат. газета, 1951, 9.X, с. 3. См. № 225.

1952.

230. Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Некрасова. Т. 3. М., Гослитиздат, 1952, с. 255—291.

В гл. 19—20—история печатания «Что делать?» в «Современнике».

231. Кругликов И. Новые люди [Пьеса С. Заречной «Новые люди» по роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в театре им. Ленинского комсомола. Москва].—Театр, 1952, № 6, с. 36—49.

232. Кузнецова А. На сцене литературные герои [Пьеса С. Заречной «Новые люди» по роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в театре им. Ленинского комсомола. Москва].—Огонек, 1952, № 43, с. 25—26.

233. Коварский Н. Произведения Чернышевского в театре. [Часть статьи—о пьесе С. Заречной «Новые люди» по роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в театре им. Ленинского комсомола. Москва].—Литерат. газета, 1952, 25.XI.

234. **Бухштаб Б. Я.** Записка Н. Г. Чернышевского о романе «Что делать?». — Изв. Акад. наук СССР. Отд. литературы и языка, т. 12, в. 2, 1953, с. 158—169.
235. **Водовозов Н. В.** Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». М., «Знание», 1953. 32 с. (Всесоюзн. о-во по распространению политич. и науч. знаний. Серия II. № 49),
236. **Дубинина И. С.** Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. кандид. филол. наук, М., 1953, 16 с. (Моск. пед. ин-т им. В. И. Ленина).
237. **Кон И. С.** Чернышевский — борец за раскрепощение женщины. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 90, 1953, с. 177—191.
238. **Куприянова Н. И.** Образ революционера-демократа в творчестве Н. Г. Чернышевского. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. кандид. филол. наук, М., 1953, 16 с. (Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской).
239. **Николаев П. А.** Литературно-эстетические взгляды Н. Г. Чернышевского и особенности его реалистического мастерства как писателя. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. кандид. филол. наук, М., 1953, 16 с. (Моск. ун-т, филол. ф-т).
240. **Николаев П. А.** Эстетические принципы Н. Г. Чернышевского и его роман «Что делать?». — Литерат. в школе, 1953, № 3, с. 11—21.
241. **Покусаев Е. И.** Н. Г. Чернышевский (Критико-биографический очерк). Саратов, Кн. изд., 1953. Гл. Чернышевский в Петропавловской крепости. Роман «Что делать?», с. 95—109.
242. **Рюриков Б.** Возрождение человека. О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?». В кн.: Рюриков Б. Литература и жизнь. Статьи критические и публицистические. М., «Сов. писатель», 1953, с. 342—380. То же с сокращ. в кн.: Чернышевский Н. Г. «Что делать?». См. № 42.
243. **Тамарченко Г.** Образ революционера в романе «Что делать?» — Октябрь, 1953, кн. 7, с. 159—169.
244. **Чернышевская Н.** Чернышевский в творчестве советских писателей. — Новая Волга, кн. 18, Саратов, Кн. изд., 1953, с. 158—170.

Использованы отрывки из писем советских писателей к Н. М. Чернышевской. О «Что делать?» — с. 159 (из письма Ф. Гладкова); с. 163 (из письма А. Коптяевой); с. 164 (из письма П. Федорова); с. 169 (из письма В. Лациса).

245. **Чернышевская Н. М.** Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. Изд. 2-е, М., Гослитиздат, 1953, 678 с.

Даты и факты, связанные с написанием и публикацией романа, а также отклики на него в печати 60-х гг. см. по указ. названий.

246. **Каменская Е.** Герои Чернышевского на сцене. [Пьеса С. Заречной «Новые люди» по роману Н. Г. Чернышевского в Саратовском ТЮЗе]. — Коммунист (Саратов), 1953, 15.III, с. 3.

247. **Маджарян Г.** Художник-реалист [О романах Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и «Пролог»]. — Коммунист (Ереван), 1953, 24.VII, с. 3.

1954.

248. **Белицкий В. М.** Изучение жизни и творчества Н. Г. Чернышевского в школе. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. кандид. педагогич. наук (по методике литературы). М., 1954, 16 с. (Акад. пед. наук РСФСР. Науч.-исслед. ин-т методов обучения).

249. **Карапетян Р. А.** Этические взгляды Н. Г. Чернышевского. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. кандид. философ. наук. Ереван, 1954, 17 с. (Ереванск. ун-т).

Отражение в «Что делать?» этических воззрений Н. Г. Чернышевского.

250. **Лебедев А. А.** Учение Н. Г. Чернышевского о прекрасном и некоторые особенности его художественного метода. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. кандид. филол. наук. М., 1954, 19 с. (Моск. ун-т, филол. ф-т).

251. **Николаев М. П.** Стиль романа «Что делать?». В кн.: Семинарий по Чернышевскому. М., Учпедгиз, 1954, с. 147—178.

252. **Пинаев М. Т.** Герой Чернышевского — революционный преобразователь общества и природы. (К проблеме положительного героя в творчестве Н. Г. Чернышевского). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. кандид. филол. наук. Саратов, 1954, 22 с. (Сар. ун-т).

253. **Рюриков Б. С.** О романе Чернышевского «Что делать?». См. № 48.

254. **Саркизов-Серазини И. М.** Путь к здоровью и долгой жизни. М., Изд. «Физкультура и спорт», 1954, с. 18.

Реальный источник рассказа о Никитушке Ломове в романе «Что делать?».

255. **Шумский И. М.** Этические воззрения Н. Г. Чернышевского. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. кандид. философ. наук. М., 1954, 16 с. (Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра ист. философ.).

«Что делать?» и этика Чернышевского.

1955.

256. **Белицкий В. М.** Изучение в школе художественных образов романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». — Учен. зап. Шуйского пед. ин-та, в. I, 1955, с. 169—194.

257. **Богословский Н.** Николай Гаврилович Чернышевский. 1828—1889. [М.], «Мол. гвардия», 1955. (Жизнь замеч. людей). Гл. XXVI. «Что делать?», с. 439—464.

258. **Гольдинер В. Н. Г.** Чернышевский—художник.—Октябрь, 1955, № 8, с. 170—180.
259. **Гурвич В. Е.** Еще одно доказательство личной и идейной близости И. М. Сеченова и Н. Г. Чернышевского.—Труды Ин-та истории естествознания и техники Акад. наук СССР, т. 4. История биол. наук, 1955, с. 376—379.
О совпадении взглядов Сеченова и Чернышевского по вопросам физиологии и среды—на основании романа «Что делать?».
260. **Ефремов А. Ф.** Приемы эзоповской речи в произведениях Н. Г. Чернышевского.—Учен. зап. Саратов. пед. ин-та, в. 17, 1955, с. 286—302.
Привлекается роман «Что делать?».
261. **Нович И. М.** Горький в эпоху первой русской революции. М., Гослитиздат, 1955. Гл. 15, раздел I. От романа «Что делать?» к повести «Мать», с. 333—342.
262. **Пинаев М. Т.** Образ Рахметова и революционная действительность шестидесятых годов XIX в.—Учен. зап. Волгоградского пед. ин-та, вып. 6, 1955, с. 128—155.
263. **Покусаев Е. Н. Г.** Чернышевский (Критико-биографический очерк). Втор. доп. изд. Саратов, Кн. изд., 1955. Гл. Чернышевский в Петропавловской крепости. Роман «Что делать?», с. 95—109.
264. **Тамарченко Г. Е.** Романы Н. Г. Чернышевского. Саратов, Кн. изд., 1954, 280 с. О «Что делать?»—с. 16—152.
265. **Трофимов И. Т.** Щедрин о романе Чернышевского «Что делать?». В кн.: Трофимов И. Т. М. Е. Салтыков-Щедрин о реализме русской литературы. Пособие для учителей. М., Учпедгиз, 1955, гл. II, с. 52—56.

1956.

266. **Белицкий В. М.** Анализ образа профессионального революционера Рахметова в средней школе.—Учен. зап. Шуйского пед. ин-та, в. 3, 1956, с. 162—177.
267. **Белицкий В. М.** Принципы изучения романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Там же, с. 48—69.
268. **Белицкий В. М.** Художественные особенности романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и его значение. Там же, с. 230—258.
269. **Бухштаб Б. Я.** К вопросу о сюжете романа Чернышевского «Что делать?».—Изв. Акад. наук СССР. Отд. литературы и языка, т. 15, в. 5, 1956, с. 444—456.
270. **Бялый Г. А.** Проза шестидесятых годов. (Общий обзор). В кн.: История русской литературы. Изд-во АН СССР, М.-Л., 1956, т. VIII; ч. I. Проза 60-х годов, гл. 1, с. 278—315.
О «Что делать?»—с. 285—288.
271. **Лейзеров Н. Л.** Изучение образов-персонажей романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (Из опыта). Киев,

1956, 49 с. (Киевский обл. ин-т усовершенствования учителей).

Методическое пособие для учителей.

272. **Липеровская С. И.** Идеино-художественное значение снов Веры Павловны в романе Чернышевского «Что делать?». (Из опыта работы лит. кружка). В сб.: Изучение художественного текста в школе. М., Изд. Акад. пед. наук, 1956, с. 87—100.
273. **Лотман Л. М.** Чернышевский-романист. В кн.: История русской литературы. Изд-во АН СССР, М.-Л., 1956, т. VIII, ч. I. Проза 60-х годов, гл. V, с. 484—535. О «Что делать?»—с. 487—515.
274. **Озерова А. А. Н. Г.** Чернышевский. Пособие для учителей средней школы. Изд. 2-е, испр., доп. М., Учпедгиз, 1956. О «Что делать?»—с. 103—181.
275. **Шибяев С. М.** Эстетическая мысль Н. Г. Чернышевского в романе «Что делать?» (О художественности и типичности).—Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та, т. 40. Труды кафедры русской литературы, в. 2, 1956, с. 59—75.
276. **Шульгин В. Н.** Очерки жизни и творчества Н. Г. Чернышевского. М., Гослитиздат, 1956. Гл. I «Чернышевский в Алексеевском равелине. Роман «Что делать?», с. 81—133.

1957.

277. **Бельчиков Н. Ф.** Журналы 60-х годов XIX в. в оценке III отделения. — Исторический архив, 1957, № 4, с. 156—167.

Публикуются «Записки III Отделения», о романе «Что делать?», с. 162—163.

278. **Богословский Н.** Николай Гаврилович Чернышевский. 1828—1889. [М.], «Мол. гвардия», 1957, изд. 2-е, испр. (Жизнь замеч. людей). Часть 3, гл. «Что делать?», с. 301—318.
279. **Богословский Н.** Чернышевский — литературный критик и писатель. Больш. сов. энциклопедия, изд. 2, т. 47. М., Изд. «Советская энциклопедия», 1957, с. 211—213. О стилистическом новаторстве Чернышевского и образе Рахметова.
280. **Верховский Г.** Некоторые особенности романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и образ Рахметова. В кн.: О литературном мастерстве. Сб. статей Ярославское кн. изд., 1957, с. 44—104.
281. **Горелов А. Е.** Призыв к подвигу (Н. Г. Чернышевский). В кн.: Горелов А. Подвиг русской литературы. Л., Советский писатель, 1957, с. 178—194.
- Тема любви в романе «Что делать?».
282. **Димитров Г.** К молодому читателю. В кн.: Димитров Г. Избранные произведения. В 2-х т. Т. I. М., Госполитиздат, 1957, с. 385—387.
283. **Клочков В. М.** Сходство и различия в этических взгля-

дах Л. Фейербаха и Н. Г. Чернышевского.—Вопросы философии, 1957, № 6, с. 47—58.

В анализе этики Чернышевского привлекается «Что делать?».

284. **Луначарский А. В.** Литература шестидесятых годов. В кн.: Луначарский А. В. Статьи о литературе. Сост., подготовка текста и примеч. И. А. Саца. М., Гослитиздат, 1957, с. 172—213.

О «Что делать?»—с. 203—205.

285. **Луначарский А. В.** Н. Г. Чернышевский как писатель. Там же, с. 214—245.

286. **Рейсер С. А.** Легенда о прототипах «Что делать?».—Труды Ленингр. библиотечн. ин-та им. Н. К. Крупской, т. 2, Кафедра литературы, 1957, с. 115—125.

287. **Рюриков Б.** Вступительная статья к воспоминаниям Н. Валентинова «Встречи с В. И. Лениным». См. № 84.

288. **Фридман С.** История одного предисловия.—Нева, 1957, № 6, с. 220.

О предисл. к роману, написанном Г. М. Димитровым.

289. **Юшин П. Ф.** Труд в эстетике Н. Г. Чернышевского.—Вестник Моск. ун-та, 1957, № 1, с. 66—79.

«Что делать?» как произведение, воплотившее эстетические взгляды Чернышевского.

1958.

290. **Бажанова В. А.** Проблема типического образа в эстетике Н. Г. Чернышевского.—Труды Казанского авиационного ин-та, 42, 1958, с. 151—177. Раздел. «Идеал и типический образ», с. 163—172.

291. **Богословский Н.** Жизнь Чернышевского. М., Детгиз, 1958. Гл. «Роман о новых людях», с. 230—243.

292. **Виноградов И. И.** Проблемы содержания и формы литературного произведения. М., Изд. МГУ, 1958.

О «Что делать?» — с. 74—75.

293. **Домбровский Р. Я.** Образ Рахметова по роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?» В кн.: Вопросы воспитания и обучения. Сб. статей, в. 4, Ульяновск, 1958, с. 153—172.

294. **Жданов Вл.** Он мечтал о цветении всей земли.—Советская женщина, 1958, № 7, с. 14—15.

О романе «Что делать?».

295. **Каплан И. Е.** Анализ главы «Особенный человек» из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».—Литерат. в школе, 1958, № 4, с. 43—49.

296. **Клочков В. М.** Этические взгляды Н. Г. Чернышевского. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. кандид. философ. наук. М., 1958, 13 с. (Ин-т философ. Акад. наук СССР).

297. **Лебедев А. А.** Некоторые особенности художественного метода Чернышевского. (О революционной романтике «Что делать?»). В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи.

- исследования и материалы. Под ред. Е. И. Покусаева, Ю. Г. Оксмана, А. П. Скафтымова. Саратов, Кн. изд., 1958, с. 154—213.
298. **Лебедев А.** От Рахметова к Волгину. (К проблеме эстетич. своеобразия Чернышевского-художника).—Русская литература, 1958, № 4, с. 98—122.
299. **Луначарский А. В.** Н. Г. Чернышевский как писатель. В кн.: Луначарский А. В. Статьи о Чернышевском. Послесл. и примеч. Е. А. Мельниковой. М., Гослитиздат, 1958, с. 54—85.
300. **Луначарский А. В.** Романы Н. Г. Чернышевского. Там же, с. 86—105.
301. **Магон Л.** Роман «Что делать?» и общественно-политическая платформа «Молодой России». В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Под ред. Е. И. Покусаева, Ю. Г. Оксмана, А. П. Скафтымова. Саратов, Кн. изд. 1958, с. 499—513.
302. **Медведева Л. П.** Поэзия Некрасова в беллетристике Чернышевского. Там же, с. 514—533.
О «Что делать?»—с. 516—521.
303. **Пинаев М. П.** Образ ученого в творчестве Чернышевского. Там же, с. 214—271.
Привлекается образ Кирсанова.
304. **Скафтымов А. П.** Чернышевский и Жорж Санд. В кн.: Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе. Саратов, Кн. изд., 1958, с. 203—227. См. № 115.
О «Что делать?» — с. 210—223.
305. **Скафтымов А. П.** Художественные произведения Н. Г. Чернышевского, написанные в Петропавловской крепости. Там же, с. 161—202. О «Что делать?» — с. 161—184. См. № 175.
306. **Чуковский К.** История слепцовской коммуны. В кн.: Чуковский К. Люди и книги. М., Гослитиздат, 1958, с. 272—304. См. № 137.
307. **Шагинян М.** «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. В кн.: Шагинян М. Собр. соч., М., Гослитиздат, 1958, т. 6. Об искусстве и литературе, с. 185—197. То же в кн.: Шагинян М. С. Об искусстве и литературе. Статьи и речи. М., «Сов. писатель», 1958, с. 118—128.

1959.

308. **Богословский Н. В.** Вступительная статья. См. № 69.
309. **Верховский Г.** О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Ярославское кн. изд., 1959, 192 с.
310. **Дювель Вольф.** Чернышевский в немецкой рабочей печати (1868—1889). [Статья и публикация]. Перевод с нем.—Лит. наследство, т. 67, 1959, с. 163—205.
О романе «Что делать?» — с. 184—191.
311. **Ковалев И. Ф.** Запрещенная статья о романе Чернышев-

- ского «Что делать?» [Предисловие и публикация статьи неизв. автора «Экономические вопросы», предназначенная для газ. «Народное богатство», 1863 г.]—Лит. наследство, т. 67, 1959, с. 133—136.
312. **Крамаренко-Невельштейн М. П.** Борьба вокруг романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в литературной критике 60-годов. —Учен. зап. Даугавпилсского пед. ин-та, т. 4, в. 3, 1959, с. 135—168.
313. **Молок Ф. А.** «Некролог» Чернышевскому в чешском журнале «Budoucnost» [«Будущность»]. Предисловие. Публикация.—Лит. наследство, т. 67, 1959, с. 206—208. Упоминается «Что делать?».
314. **Николаев М. П.** Н. Г. Чернышевский. Семинарий. Изд. 2-е перераб. и доп. Л., Учпедгиз, 1959. История изучения романа «Что делать?»—с. 8—34; библиография к темам по изучению «Что делать?» — с. 200—207.
315. **Трофимов И. Т. М. Е.** Салтыков-Щедрин и Н. Г. Чернышевский.—Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, т. ХСVIII, 1959, с. 211—235. О «Что делать?»—с. 226—230.
316. **Шibaев С. М.** К вопросу об особенностях художественного метода Н. Г. Чернышевского в романе «Что делать?». В кн.: В. Тупикин, С. Шibaев, В. Щеулин. Некоторые вопросы наследия Н. Г. Чернышевского (к 70-летию со дня смерти писателя). Шахты, 1959, (Шахтинский гос. пед. ин-т), с. 25—44.
317. **Щербина В.** Еще раз о Рахметове и Волгине.—Вопросы литературы, 1959, № 7, с. 105—120.
- 1960.
318. **Азнауров А. А.** Этическое учение Н. Г. Чернышевского. М., Гос. изд. «Высшая школа», 1960. О «Что делать?»—с. 79—94.
319. **Азнауров А. А.** Этические воззрения русских революционных демократов XIX в. (А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. докт. философ. наук. М., 1960, 47 с. (АН СССР. Ин-т философии).
320. **Клочков В. М.** Н. Г. Чернышевский об этическом идеале.—Учен. зап. Куйбышевского пед. ин-та, в 33, ч. I, 1960, с. 61—82.
321. **Нович И. М.** Горький в эпоху первой русской революции. М., Гослитиздат, 1960, изд. 2-е, доп. Гл. 15, раздел I. От романа «Что делать?» к повести «Мать», с. 425—436.
322. **Покусаев Е. И.** Николай Гаврилович Чернышевский. М., Учпедгиз, 1960. Гл. 5. Чернышевский-писатель, с. 146—181.

Диссертации

1948.

323. **Шибяев С. М.** Проблема положительного героя в романе «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. Дисс. на соиск. учен. степ. кандид. филол. наук. М., 1948, 1, 214 с. (Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской, кафедра рус. лит-ры).

1950.

324. **Потиха З. А.** Лексика романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Дисс. на соиск. учен. степ. кандид. филол. наук Л., 1950, VIII, 339, 12 с. (Ленингр. пед. ин-т им. М. Н. Покровского).

1951. 1

325. **Трифоновна Н. И.** Положительный герой в творчестве Чернышевского. Дисс. на соиск. учен. степ. кандид. филол. наук. М., 1951, [2], 258, 10 с. (Акад. обществ. наук при ЦК ВКП(б). Кафедра теории и истории литературы). Гл. 2. Значение романа «Что делать?» в раскрытии образа положительного героя, с. 70—166.

1953.

326. **Дубинина И. С.** Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Дисс. на соиск. учен. степ. кандид. филол. наук. М., 1953, I, 222 с. (Моск. пед. ин-т им. В. И. Ленина).

327. **Куприянова Н. И.** Образ революционера-демократа в творчестве Н. Г. Чернышевского. Дисс. на соиск. учен. степ. кандид. филол. наук. М., 1953, 324 с. (Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской). Гл. 2. Анализ образов революционных демократов в произведениях «Что делать?», «Алферьев», «Повести в повести», с. 89—209.

328. **Николаев П. А.** Литературно-эстетические взгляды Н. Г. Чернышевского и особенности его реалистического мастерства как писателя. Дисс. на соиск. учен. степ. кандид. филол. наук. М., 1953, 301 с. (Моск. ун-т, филол. ф-т). Гл. 2. Особенности реализма романа «Что делать?», с. 95—227.

329. **Пинаев М. Т.** Герой Чернышевского—революционный преобразователь общества и природы. (К проблеме положительного героя в творчестве Н. Г. Чернышевского). Дисс. на соиск. учен. степ. кандид. филол. наук. Волгоград, 1953, 426 с. (Волгоград. пед. ин-т им. А. С. Серафимовича).

1954.

330. **Белицкий В. М.** Изучение жизни и творчества Н. Г. Чернышевского в средней школе. Дисс. на соиск. учен.

степ. кандид. педагогич. наук (по методике литературы). М., 1954, 291 с. (Акад. пед. наук РСФСР. Науч.-исслед. ин-т методов обучения). Гл. 3. Изучение романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, с. 91—284.

331. **Лебедев А. А.** Учение Н. Г. Чернышевского о прекрасном и некоторые особенности его художественного метода. Дисс. на соиск. учен. степ. кандид. филол. наук. М., 1954, XI, 396, 49, 5 с. (Моск. ун-т, филол. ф-т) Гл. 3. Некоторые особенности художественного метода Н. Г. Чернышевского (о революционной романтике «Что делать?», с. 310—396.

332. **Шумский И. М.** Этические воззрения Н. Г. Чернышевского. Дисс. на соиск. учен. степ. кандид. философ. наук. М., 1954, [1], 287, XI с. (Акад. обществ. наук при ЦК КПСС).

1958.

333. **Клочков В. М.** Этические взгляды Н. Г. Чернышевского. Дисс. на соиск. учен. степ. кандид. философ. наук. М., 1958, 234 с. (Акад. наук СССР. Ин-т философ.). Гл. 2. Разработка Н. Г. Чернышевским проблем революционно-демократич. этики. Этика «новых людей», с. 58—163. Гл. 3. Н. Г. Чернышевский о моральном облике профессионального революционера, с. 164—220.

1959.

334. **Верховский Г. П.** О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» Дисс. на соиск. учен. степ. кандид. филол. наук (Защ. в Моск. пед. ин-те им. В. И. Ленина). См. № 309.

Именной указатель

- Абдылдаев Д. — 53
Абрамович А. Ф.—177
Агафонов Н. Я. — 224
Азнауров А. А.—318, 319
Алексеев М. П.—189, 195
Алексеев Н. А.—2, 3, 4, 22,
109, 160
Антонович М. А. — 95
Астапов И. — 27
Бажанова В. А. — 290
Базанов В. Г. — 154, 190,
196
Бакрадзе-Ингороква К. —
56
Бараг Л. — 178
Барсук И. Я.—212
Баскин М. П.—120
Бебель А. — 214
Бекетов В. Н. — 224
Белинский В. Г. — 139,
319
Белицкий В. М. — 248, 256,
266—268, 330.
Белкин И.—201
Бельчиков Н. Ф. — 92, 114,
142, 151, 202, 204, 277
Беркова К. Н.—103
Берлинер Г.—122
Богданович Т. А.—121
Богословский Н.—6, 11, 20,
35, 40, 44, 69, 127, 135,
216, 257, 278, 279, 291, 308
Бокова-Сеченова М. А. —
111, 138, 186
Борщевский С. — 191
Бродский Н. Л.—10, 128
Бурсов Б. И.—217, 229
Бухбиндер Н. А.—110
Бухштаб Б. Я. — 234, 269
Бушканец Е. Г.—224
Бялый Г. А.—270
Валентинов Н.—84, 287
Вальбе Г.—143
Варгас Л. А.—65
Верховский Г. П.—280, 309,
334
Виноградов И. И.—144, 292
Водовозов Н. В. — 15, 23,
41, 43, 150, 203, 235
Волков Г.—147
Воробьев П.—123
Вороницын И. П.—129
Вострышев И. В.—49
Выгодская Н.—78
Гед Жюль—201
Герцен А. И.—88, 89, 319
Гладков Ф.—244
Гольдинер В.—258
Горелов А. Е.—281
Горький М.—261, 321
Гоффеншефер В.—208
Грабовский П. А.—226
Громов Н. И.—209
Груздев А.—36, 218
Гурвич А.—225, 229
Гурвич В. Е.—259
Дайреджиев Б.—149
Дамбраускас А.—33
Даниель В.—29
Данилов С.—61
Джибладзе Г. —56.
Димитров Г.—10, 12, 14, 17,
282, 288
Добролюбов Н. А. — 149,
220, 319
Домбровский Р. Я.—293
Домогацкий В. — 35
Достоевский М. М.—99

- Достоевский Ф. М.—102
 Дубинина И. С.—236, 326
 Дукин М. — 14
 Дювель В.—310
 Евгенийев-Максимов В. Е.—
 106, 161—163, 197, 230
 Егорова К. И.—219
 Елисеев Г. З.—161
 Ерихонов Л.—220
 Ермолаев А. — 49
 Ефремов А. Ф.—164, 260
 Жданов В.—294
 Жорж Санд (Аврора Дю-
 пен-Дюдеван) — 115, 304
 Жуковский Ю. Г.—161
 Журов А.—35
 Заречная С. — 79, 231—
 233, 246
 Заруба К.—58
 Золя Э.—189
 Ипполит И. К.—124, 125
 Калаушин М.—8, 130
 Каменская Е.—246
 Каплан И. С.—295
 Кара-Мурза С.—111
 Карапетян Р. А.—248
 Карелин П. Н.—112
 Каценбоген С. З. —115
 Киселев А.—226
 Кипренский А.—179
 Кирпотин В. — 5, 7, 8, 11,
 19, 20, 131, 155, 158
 Клочков В. М. — 283, 296,
 320, 333
 Ковалев И. Ф.—192, 311
 Коварский Н.—233
 Кон И. С. — 221, 237
 Коптяева А.—244
 Крамаренко-Нивельштейн
 М. П.—312
 Кругликов И.—231
 Кружков В. С.—94
 Крупская Н. К.—81—83
 Кузнецова А.—232
 Куприянова Н. И.—238, 327
 Лаврецкий А.—198
 Лебедев А. А.—250, 297,
 298, 331
 Лежнев И.—165, 180
 Лейзеров Н. Л.—271
 Ленин В. И.—80—87, 128,
 287
 Ленобль Г. — 145
 Лесков Н. С. — 154, 196
 Липеровская С. И. — 272
 Лотман Л. М.—273
 Луначарский А. В.—6, 35,
 40, 44, 69, 113, 126, 135,
 146, 151—153, 204—206,
 284, 285, 299, 300
 Магон Л.—301
 Маджарян Г.—247
 Македонов А.—139
 Мартынов А.—1
 Медведева Л. П.—302
 Мезерницкий Ю.—10
 Мельникова Е. А.—299
 Мещеряков Н. Л.—1
 Милашевский В. А.—15
 Минаев В. Н.—62, 69, 73
 Мирный П.—219, 222
 Молок Ф. А.—313
 Насыров Х.—59
 Некрасов Н. А.—230, 302
 Никитин Н. И.—156, 166,
 181, 182
 Николаев М. П.—63, 68, 70,
 72, 74, 213, 251, 314
 Николаев П. А. — 239, 240,
 328
 Нович И.—167, 168, 183, 261,
 321
 Обручева М. А.—См. Боко-
 ва-Сеченова М. А.
 Озерова А. А.—227, 274
 Огарев Н. П.—88
 Оксман Ю. Г.—297, 301
 Охитович Л.—75—77
 Охтович С.—75—77
 Пиксанов Н. К.—121, 132,
 192, 194
 Пинаев М. Т.—252, 262, 303,
 329
 Писарев Д. И. — 35, 40, 44,
 50, 69, 90—97
 Плеханов Г. В.—80, 104, 128

- Плоткин Л.—169, 184
Покусаев Е. И. — 210, 241,
263, 297, 301, 322
Полянский Вал.—136
Помяловский Н. Г.—143
Потиха З. А.—324
Пржецлавский О. А.—110
Пулинец А.—193
Пыпин А. Н.—107, 118
Ренский П.—170
Рейсер С. А.—286
Ритман М. И.—171, 199
Рожков А.—185
Розенталь М.—211
Розова К.—186
Рюриков Б. С.—42, 45, 48,
50, 53, 54, 57—59, 66, 84,
87, 228, 242, 253, 287
Савельев Н.—187
Садая В. Л.—67
Салахян А.—47
Салтыков-Щедрин М. Е. —
98, 99, 148, 161, 191, 198,
265, 315
Сандарова Н. А.—67
Сарикян Г.—19, 47
Саркизов-Серазини И. М. —
254
Сац И. А.—284
Святловский В.—100
Семенов Л.—200
Сергеев Н.—172
Сеченов И. М.—259
Сидоров Н. П.—10, 128
Скафтымов А. П.—21, 105,
115, 157, 173—175, 207,
297, 301, 304, 305
Скулме Д.—44
Сопиев М.—74
Спижарская Н. В.—214
Старчаков А. — 10, 12, 14,
140
Стеклов Ю. М. — 107, 108,
116—118, 128, 147
Сэпунару З.—54
Талибов Ш.—66
Тамарченко Г. Е.—243, 264
Таубин Р. А.—176
Тийдус Х.—29
Толстой Л. Н.—119
Трифопова Н. И.—325
Трофимов И. Т.—265, 315
Тупикин В.—316
Тургенев И. С.—122, 124, 125
Угрюмов В. И.—222
Файзуллин С.—71
Федоров П.—244
Фейербах Л.—283
Фет А. А.—147
Франко И.—219
Фрейнберг К.—44
Фридлиндер Г.—34, 223
Фридман С.—34
Фриче В.—119
Фролов И. В.—135
Халабаев К.—5, 8
Хетагуров К.—200
Царская цензура о романе
«Что делать?»—159
Цеткин К.—214
Цехновицер О. В.—192, 194
Чернышевская Н. М. — 26,
38, 133, 244, 245
Чернышевский М. Н. — 118
Чешихин-Ветринский В. Е.—
101, 102
Чуковский К. И.—137, 306
Шагинян М.—307
Шангытбаев К.—43
Шелгунов Н. В.—194
Шибаяев С. М. — 215, 275,
316, 323
Шилов А.—194
Штрайх С.—138
Шуб Т. А.—188
Шульгин В. Н.—85, 276
Шумский И. М.—255, 332
Щербина В.—317
Щеулин В. —316
Эйхенбаум Б.—5, 8
Эльсберг Я. Е.—134, 148
Эссен М. М.—86
Эфрон Г.—57
Юнович М.—141
Юшин П. Ф.—289
Яккола Н.—60

Н. М. ЧЕРНЫШЕВСКАЯ

Н. А. АЛЕКСЕЕВ

В 1925 году в Саратов приехал один из выдающихся соратников В. И. Ленина Николай Александрович Алексеев. Проездом по Волге Н. А. Алексеев посетил Дом-музей Н. Г. Чернышевского. Музей и его здания находились в ремонте, и Николаю Александровичу удалось лишь полюбоваться видом на Волгу из окон дома.

Эта поездка на родину Чернышевского оставила большой след в истории нашей культурной революции. Николай Александрович оказался не обычным посетителем памятных мест великого русского революционного демократа. Еще десятилетним учеником Новгород-Северской гимназии он хранил в своем сундучке запрещенный роман «Что делать?», который читал стоявший с ним на одной квартире гимназист старшего класса, а будучи сам в старших классах, Н. А. Алексеев стал деятельным членом кружка самообразования. Кружок собирався в пустовавшем арестном помещении при земской управе, смотрителем которого был отец другого участника кружка. «У нас были свои приемы конспирации, — рассказывал Николай Александрович.—Если камера была занята, втыкалась палка в отверстие вентиляции, выходившее на улицу, и тогда мы знали, что приходить нельзя».

Члены кружка переписывали от руки роман «Что делать?» и другие запрещенные вещи, чтобы давать их на прочтение надежным товарищам.

После долгих лет революционной борьбы с царизмом, после бегства из ссылки и проживания в Лондоне, где проходила активная работа Н. А. Алексеева как энергичного деятеля, помогавшего В. И. Ленину и Н. К. Крупской, Н. А. Алексеев принял участие и в первой русской революции, и в борьбе за власть Советов после Великого Октября. По предложению В. И. Ленина он был отозван на работу в Москву из Иркутска.

«Я знаю его с 1902 года, с Лондона, где вместе работали в «Искре»,—писал о Н. А. Алексееве В. И. Ленин в Центральном Комитет.—Очень образованный марксист, большевик и замечательно добросовестный к исполнению своего долга товарищ» (XXXVI Ленинский сборник, стр. 350).

Еще с 1918 г. началась деятельность по выявлению неизданных произведений и писем Н. Г. Чернышевского, а также документов, относящихся к процессу и ссылке писателя. После Октябрьской революции в жандармских тайниках были вскрыты огромные архивные залежи этих материалов. Семейная переписка была подготовлена к печати сыном Н. Г. Чернышевского—Михаилом Николаевичем, но лежала под спудом, дожидаясь опубликования. Документы из Архива Революции были скопированы, но еще не систематизированы. Михаилу Николаевичу удалось опубликовать лишь статью «Н. Г. Чернышевский в Вилюйске» и «Два пропавших письма Н. Г. Чернышевского» в журнале «Былое». Им же были расшифрованы студенческие дневники Н. Г. Чернышевского и мелкие записи 40-х годов.

Новые работники Государственного издательства в послеоктябрьский период не проявили достаточного внимания к наследию Н. Г. Чернышевского.

В этот трудный момент нужна была энергичная помощь авторитетного деятеля, и такой человек нашелся. Глубоко эрудированный, с детства и юности воспитавшийся на Чернышевском, разделявший преклонение В. И. Ленина перед его чистой личностью и гениальным умом, Николай Александрович Алексеев был первым, кто подошел к его наследию и сдвинул его изучение с мертвой точки, дав ход целому ряду публикаций. Н. А. Алексеев добился этого, обратившись с письмом в Совет Народных Комиссаров.

Прежде всего было обращено внимание на дневники, автобиографию и письма. Так вышло трехтомное «Литературное наследие», впервые ознакомившее советского читателя с обширной перепиской Н. Г. Чернышевского и с его замечательным дневником в расшифровке М. Н. Чернышевского за 1848—1853 гг. В это издание Н. А. Алексеев включил в виде приложений задержанные письма писателя из крепости и из Сибири и переписку о нем III отделения с сибирскими властями, а также письма к Чернышевскому многочисленных его корреспондентов. Он был душой всего этого издания¹.

¹ В сборнике «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. 2» (Саратов, 1961), помещено ошибочное указание на то, что I том «Литературного наследия» был подготовлен Н. А. Алексеевым совместно с М. Н. Чернышевским (стр. 310). Последнего уже не было в живых в это время, а с Н. А. Алексеевым они не были знакомы и работать совместно не могли.

Ознакомление с текстом дневника Николая Гавриловича привело Н. А. Алексева к мысли о необходимости самому изучить индивидуальную стенограмму Чернышевского и еще раз расшифровать пропущенные и неразобранные места. С этого времени началась кропотливая и неутомимая работа, требующая огромного терпения и настойчивости. Николай Александрович Алексеев с честью справился с этой задачей. Он изучил и заново расшифровал не только дневник, но после этого в течение свыше 30 лет занимался (и занимается до сих пор) расшифровкой «конспиративных писем», выработанных еще в Саратове юным семинаристом.

Скоро дневники Чернышевского появились в новой расшифровке, более полной, уточненной, с полным указателем имен. Этот двухтомник был издан в Москве издательством Политкаторжан в 1931—1932 гг. В приложениях к дневнику Н. А. Алексеев впервые опубликовал еще часть неизданной семейной переписки Н. Г. Чернышевского и о нем, хранившейся и обнаруженной в архиве Дома-музея, а также только что приобретенных музеем писем М. Л. Михайлова. Текст дневника, расшифрованного Н. А. Алексеевым, впоследствии вошел в I том полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, выпущенного Гослитиздатом (1939 г.). В архиве М. Н. Чернышевского сохранилось начало ключа к шифру его отца, но оно не было опубликовано. Н. А. Алексеев продолжил эту работу, составив подробный указатель и опубликовав его в журнале «Красный архив»¹.

Этот указатель дал возможность проводить в саратовском Доме-музее Н. Г. Чернышевского архивные занятия со студентами университета над разными рукописями Н. Г. Чернышевского.

В продолжение многих лет своей архивной работы Н. А. Алексеев никогда не терял связи с музеем. Наоборот, он всегда старался, используя музейный материал, оказать дому Чернышевского помощь и поддержку в его научной работе. Постоянно работая в центральных архивах и над фотокопиями, Николай Александрович ставил в известность музей о ходе работ по описанию и репродукции архива Н. Г. Чернышевского, содействуя таким образом заказу фотостатических копий и микрофильмов для музея. Это обогащало музейный архив и дало возможность углубить изучение исторических материалов на родине Чернышевского.

Так появились в печати произведения, написанные в крепости,—капитальные романы «Повести в повести», «Алферь-

¹ «Красный архив», 1936, т. III (76), стр. 221—225.

ев»¹. Наконец, Н. А. Алексееву удалось обнаружить главную жемчужину в наследии узника Петропавловской крепости— первоначальный текст романа «Что делать?». С юношеской страстью была опять начата переписка и расшифровка этой рукописи. Результаты оказались ценнейшим открытием для исследователей: была найдена неизвестная интереснейшая глава о судьбе мастерской Веры Павловны, по-видимому, изъятая автором из автоцензурных соображений. В этом же первоначальном варианте полнее раскрыта борьба автора против завоевательных войн. Значение этого текста «Что делать?», в целом разнящегося от журнальной редакции «Современника», было признано настолько важным, что редколлегия Гослитиздата включила в XI том собрания сочинений Н. Г. Чернышевского обе редакции романа. Том вышел в 1939 г.

Таким же образом Н. А. Алексеевым были пересмотрены оригиналы других произведений Н. Г. Чернышевского и опубликованы не только беллетристические его произведения, но и перевод статьи Кинглека о Крымской войне, Предисловие к переводу Гервинуса и многое другое.

В архиве Н. Г. Чернышевского видное место занимают записи его студенческих лекций. Нечего говорить, какой это ценный материал для изучения истории русской культуры 40-х годов. Мы видим здесь лекции по философии, русской истории, по славянским древностям, по языку и литературе. И к этим плотно сшитым тяжелым тетрадкам прикоснулась рука единственного знатока шифра Чернышевского — Н. А. Алексеева. Первыми, при поддержке государственного литературного музея в Москве и его директора В. Д. Бонч-Бруевича, были расшифрованы философские лекции проф. А. Фишера. После них работа продолжалась и над другими лекциями (Куторги, Никитенко, Срезневского).

Наконец, Н. А. Алексеева заинтересовали и сочинения юного Чернышевского. Он расшифровал и «семинарские за-

¹ Роман «Алферьев» появился под редакцией Н. А. Алексеева в издании О-ва политкаторжан в 1933 г. Часть романа была перепечатана из полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского (СПб., 1906), а вторая глава лежала в архиве Петропавловской крепости. Н. А. Алексеев объединил обе части. К 50-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского Н. А. Алексеевым впервые был подготовлен и выпущен в саратовском издательстве первоначальный текст этого романа.

К нему были приложены неопубликованные переводы: «Исповеданное Жаном-Жаком Руссо» и «Заметки для биографии Руссо» (т. е. выписки из Руссо). Книга вышла под названием «Н. Г. Чернышевский. Неопубликованные произведения 1863—64. Под общей редакцией Н. А. Алексева». Недавно в печати подготовка этого издания была приписана еще В. Я. Каплинскому и Н. М. Чернышевской («Н. Г. Чернышевский, Статьи исследования и материалы. 2». Изд. Саратовского университета, 1961, стр. 309).

дачи» и отрывки студенческих лет. Из них особенно интересна повесть «Теория и практика», постепенно отыскивавшаяся на оборотах разных других рукописей и опубликованная сначала в сборнике «Звенья». В настоящее время неменьший интерес представляет появившаяся в расшифровке Н. А. Алексеева страница с развернутыми тезисами разбора поэмы «Медный всадник» (1850 г.).

Расшифровка литературных произведений Н. Г. Чернышевского шла у Н. А. Алексеева рука об руку с углубленным изучением документов его процесса. Это было естественной данью победам Великого Октября. Еще в дореволюционное время дело Чернышевского, изложенное в отрывках по заграничным изданиям Элпидина и др. глубоко волновало русских революционеров, вынужденных покинуть царскую Россию. В годы первой русской революции и после Октября М. К. Лемке трижды выпустил свою большую работу о процессах Чернышевского, Михайлова и Писарева. Но и в статьях Лемке документы редко приводились целиком, они большей частью цитировались.

Н. А. Алексеев собрал и обработал для печати самые документы, относящиеся к делу Н. Г. Чернышевского, систематизировал их не в хронологическом порядке, а по отдельным темам. Рукопись была прислана в саратовское издательство, которое, однако, не согласилось с такой конструкцией сборника. На юбилейном комитете профессор саратовского университета А. М. Панкратова горячо поддержала Н. А. Алексеева и его работу, отстояв ее право на опубликование. Комитет поручил А. М. Панкратовой написать вступительную статью к собранию этих документов. Таким образом, в Саратове появился интересный сборник под названием «Процесс Чернышевского» (1939).

Хорошо владея английским языком, Н. А. Алексеев приложил эти знания еще к одной области изучения рукописей Н. Г. Чернышевского. Много лет лежали без движения книги Г. Т. Бокля «История цивилизации в Англии» на английском языке, принадлежавшие Н. Г. Чернышевскому. Они были испещрены его сокращенными заметками на полях. Для того, чтобы разобраться в наследии обоих писателей, необходимо было приступить к нему не только со знанием английского языка Бокля, но и шифра Чернышевского. Надо было вместе с тем быть человеком, знакомым с социологическими трудами разных ученых и хорошо разбирающимся в политических событиях и освободительных движениях разных стран. Все это соединилось в Н. А. Алексееве, и советская научная общественность обязана ему введением в научный оборот этого цен-

нейшего исторического материала, входящего уже в область зарубежных культурных связей¹.

В настоящее время, несмотря на свои 88 лет, Николай Александрович не оставляет своего труда, посвященного памяти великого революционного демократа. В результате новых многолетних поисков у него составлено значительно пополненное собрание документов для 2-го издания сборника «Процесс Н. Г. Чернышевского».

Прекрасное знание иностранных языков дает возможность Н. А. Алексееву делать переводы с немецкого, французского, польского. Он немедленно делится с Домом-музеем сведениями о Н. Г. Чернышевском, как только встречается их в зарубежных изданиях.

Дому-музею прислан Н. А. Алексеевым машинописный текст брошюры А. А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела», изданный в Веве в 1867 г., и перевод немецкого предисловия автора к этой брошюре в издании С. Л. Боркгейма (Лейпциг, 1871)².

Хочется пожелать от имени родины Н. Г. Чернышевского, чтобы множились дни и годы прекрасного человека русской земли—Николая Александровича Алексева, которого любит, ценит и уважает учащаяся молодежь и научная общественность нашей великой страны.

¹ Замечания Н. Г. Чернышевского в количестве свыше четырехсот на полях второго английского издания первого тома «Истории цивилизации в Англии» Т. Г. Бокля (1858) и первого издания второго тома (1861) вместе с соответственными отрывками из Бокля в переводе Н. А. Алексева и с его комментариями опубликованы в XVI томе собрания сочинений Н. Г. Чернышевского (Гослитиздат, М., 1953, стр. 535—635).

² Архив Дома-музея Н. Г. Чернышевского, осн. ф. № 2449 и 2501.
XXIII XXII.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Азадовский М. К.—23
 Аксаков К. С.—219
 Аксаков С. Т.—122
 Алданова М. А.—317
 Александр II—70, 73, 112, 114,
 115, 229, 269, 288, 310.
 Александровский Г. В.—7
 Алексей Михайлович, царь—28,
 217.
 Алексеев В. А.—256
 Алексеев Н. А.—3, 208, 287, 371,
 376.
 Андрущенко И. А.—278, 279
 Анненков П. В.—17, 52, 54, 99,
 103, 105, 113, 148, 268, 284
 Антонелли Джакомо—84
 Антонова Г. Н.—92, 215.
 Антонович М. А.—26, 29, 189, 196,
 286, 325
 Аргиропуло П. Э.—277
 Ариосто Лодовико—59
 Арндт Эрнст Мориц—220
 Афанасьев А. Н.—32
 Ахшарумов Н.—103
 Бабст И. К.—31
 Бажин Н. Ф.—3, 317—333
 Базанов В. Г.—23, 319
 Бакст В. И.—269
 Бакунин М. А.—107, 116, 172,
 190, 260, 275
 Балакирев М. А.—190, 203.
 Баласогло А. П.—11
 Барабой А. З.—288.
 Барнум Финеас Тейлор—245
 Барцевич В. П.—126
 Барышев И. И.—198
 Батурицкий В. П.—107, 108
 Батюто А. И.—319
 Бекман Я. Н.—277, 288
 Белинский В. Г.—6—8, 10—13,
 17, 20—22, 24, 51, 56, 72, 94,
 126, 194, 213, 218, 219, 231,
 307.
 Белов Е. А.—214, 215
 Белооголовый Н. А.—171, 179
 Бельчиков Н. Ф.—214, 319
 Берви-Флеровский В. В.—165, 312
 Бехер Э.—173, 175
 Бирюков П. И.—315
 Благовещенский Н. А.—132, 149
 Благовестов Г. В.—269, 273, 325
 Блан Луи—11, 24
 Блудов Д. Н.—262, 263, 287
 Боборыкин П. Д.—130, 131
 Боград В. Э.—200, 233, 249—252,
 259, 278
 Бодянский О. М.—220
 Бокль Генри Томас—7, 30, 31,
 375, 376
 Боков П. И.—184, 186, 278
 Бокова М. А.—184, 186
 Бонч-Бруевич В. Д.—210—212,
 374
 Борисов Ф. А.—214
 Боркгейм С. Л.—376
 Боткин В. П.—54, 55, 113, 266
 Браун Джон—80
 Буренин В. П.—92
 Бурсов Б. И.—50
 Бурцев А. Е.—324
 Бурцев В. Л.—250
 Буслаев Ф.—217
 Бутков Я. П.—19
 Бушканец Е. Г.—304
 Бушмин А. С.—180
 Бялый Г. А.—93, 319
 Валуев П. А.—89, 284, 285
 Введенский И. И.—11, 219
 Вейсгаупт А.—281
 Венгеров С. А.—201, 206, 317
 Виардо П.—122
 Виктор Эммануэль—84
 Винникова И. А.—107
 Виноградов Г.—23
 Водовозова Е.—305, 321
 Военский К.—331
 Вольнский А.—12
 Волькенштейн М. Ф.—210, 211
 Вольпе Л. Н.—7
 Вольф М. О.—211
 Вырубок Г. Н.—125
 Габель М. О.—92, 96, 99
 Гакстгаузен Август—110
 Галахов А. Д.—282
 Ганнефельд С. П.—250
 Гарибальди Джузеппе—79, 80, 84

- Гегель Георг Вильгельм Фридрих—12
Геннади Г. Н.—218
Гербель Н. В.—270
Герберштейн Сигизмунд—28
Гервинус Георг Готфильд—374
Герцен А. И. (Искандер)—3, 8, 10, 11, 18, 19, 20, 22, 24, 86, 93—95, 98, 102, 107—123, 125, 146, 153, 159, 172, 176, 177; 200, 231, 249, 251, 254, 257, 260, 264, 265, 267, 268, 274, 275, 279, 282, 287—289
Гете Иоганн Вольфганг—193, 194
Гинцбург И. Я.—203
Глинка М. И.—203
Глинка Ф. Н.—33
Гнедич Н. И.—33
Гоголь Н. В.—17, 18, 21, 36, 52, 56, 126, 132, 149, 193
Головин А. В.—89
Голицын А. Ф.—273
Гомер—21
Гончаров И. А.—102, 284, 331
Горький А. М.—127, 129, 150, 201, 227
Гофштеттер Г. П.—254, 255
Граменицкая Г. Ф.—28
Грановский Т. Н.—32, 152, 287
Гревс И. М.—195
Грибоедов А. С.—193, 194
Гримм Якоб—217
Григорьев А. А.—51, 55, 56, 61, 102
Грузинский А. Е.—92
Гуковский Г. А.—98
Гулевич М. С.—261, 262, 277
Гусев В. Е.—23, 34
Гусев Н. Н.—315
Гюйо Жан Мари—7
Данте Алигьери—194
Делянов И. Д.—263
Де-Пуле М.—103
Державин Г. Р.—83
Диккенс Чарльз—221
Добролюбов Н. А.—6, 7, 12, 22, 24, 32, 33, 57, 61, 65, 77, 84, 92, 96, 102, 104—106, 141, 149, 154, 176, 183, 191, 196, 198, 203, 224, 269, 281, 307
Долгоруков В. А.—287
Домановский Л. В.—213
Достоевский Ф. М.—18, 22, 120, 140, 147, 148
Драгоманов М. П.—107, 117
Дружинин А. В.—54, 56, 101, 284, 313—316
Друян Н. Д.—129
Дудышкин С. С.—101, 284, 315
- Духовников Ф. В.—198
Дьяков В. А.—280
Евгеньев-Максимов В. Е.—54, 157, 188
Егоров Б. Ф.—313
Елсеев Г. З.—177, 257, 269, 273
Ермак Тимофеевич—29
Ждановский Н. П.—127, 129
Жорж Санд—103, 298, 301
Жук А. А.—277
Жуков И. Г.—184, 185
Жуковский В. И.—261, 262
Забелин И. Е.—3, 283—287, 289
Зайончковский П. А.—287
Зайцев В. А.—39, 325
Зайчневский П. Г.—277
Зарин Е. Ф.—318, 332
Захаркин А. Ф.—96, 99
Захарьин А. А.—209
Зеленый А. С.—36
Златовратский А. П.—65
Иван Грозный, царь—220
Иванов И.—92
Игнатъев А. Д.—307
Измайлов А.—130, 184, 204
Иорников В. А.—194, 195
Иосиф II—71
К.
Кабе Этьен—155
Кавелин К. Д.—107, 284
Кавеньяк Луи Эжен—62, 69, 72
Кавур Камилло—85—86
Кант Иммануил—12
Каплинский В. Я.—374
Карамзин Н. М.—194
Карл Х.—62, 67, 72
Катков М. Н.—116
Кашкин Н. С.—9, 17
Кельсиев В. И.—275
Кельх Христиан—220
Кетчер Н. Х.—111
Киреевский П. В.—38, 100
Кириллов Н.—10
Кинглек Александр Уильям—374
Клочков М.—204
Клюшников В.—325
Княжнин В.—51
Ковалев И.—73, 89
Ковалевский Е. П.—263, 284, 297
Коган З.—108
Кожевников М. Л.—234
Козлов В.—274
Козьмин Б. П.—174, 200, 249, 256, 257, 279, 281, 305
Колесницкая И. М.—23, 34
Кольцов А. В.—12—17, 19, 20, 300, 302
Кандауров П. П.—295

Консидеран Виктор—11
Конт Огюст—18, 19
Корб Иоганн Георг—28
Коринфский А. А.—321, 324
Корсаков—263
Корш В. Ф.—111
Косица Н. (Страхов Н. Н.)—26
Косовский В. Г.—273
Костомаров В. Д.—73, 74, 195,
204, 206
Костомаров Н. И.—33, 213—216,
218—232, 283—286
Кочетов—263
Кочубей—112
Крабб Джордж—66
Краевский А. А.—20, 284
Кропоткин П. А.—165
Красовский А.—60
Красовский А. А.—190
Крузе Н. Ф.—113
Крупская Н. К.—371
Курганов В. М.—290
Курляндская Г. Б.—93, 96
Курочкин В. С.—269, 270, 273,
312
Курочкин Н. С.—269, 273, 280
Куторга М. С.—374
Лавров В. М.—198
Лавров Н. С.—252
Лавров П. Л.—165, 177, 178,
208, 269
Лазерсон Б. И.—62, 68
Ламберт Е. Е.—120
Лебедев А. А.—199
Левин М. Г.—23
Левитов А. М.—133, 150
Лемке М. К. (Л.)—109, 200, 202,
206, 210, 211, 249—256, 258,
260, 263—267, 278, 280—284,
288, 375
Ленин В. И.—34, 62, 64, 119, 123,
141, 172, 175—177, 187, 199,
207, 211, 228, 230, 231, 371,
372
Леопольдов А. Ф.—225, 226
Лермонтов М. Ю.—18, 101, 193,
300, 302, 308, 310
Лесков Н. С.—325
Лессинг Готхольд Эфраим—66,
71, 72
Лещенко Д. И.—203
Линков Я. И.—252
Лихачев В. С.—333
Лобанов В. В.—277, 278
Лозанова А. Н.—224
Ломоносов М. В.—16
Лопатин Г. А.—189
Лугинин В. Ф.—115, 256, 269,
274

Луи (Людовик) Наполеон—62, 70
Луи Филипп—70, 72, 73
Луначарский А. В.—203, 330
Львов С. И.—226, 227
Людовик XI—75
Людовик XIII—74
Людовик XVI—67
Людовик XVIII—62, 67, 72
Ляцкий Е. А.—105, 201, 213, 221
Майков В. Н.—3, 6—8, 10—22
Макашин С. А.—7, 10, 179
Макалинский П. В.—192
Мак-Магон—332
Маколей Томас—293
Мальтус Томас—35
Мамин-Сибиряк Д. Н.—150
Маркс Карл—9, 109, 172, 176, 216
Мартынов А. Е.—193
Матушевский Ф.—141
Мацкевич Д. И.—233
Маццини (Мадзини) Джузеппе—
84, 109, 265, 266, 276
Медведев А. П.—11
Медовиков П.—217
Мелантович И.—214
Мензорова А. Н.—95, 96, 99
Милль—18, 37, 40, 186, 188, 189
Милюков А. П.—39
Милютин В. А.—10, 17,
Минцлов Р.—305
Михайлов М. Л.—20, 24, 187, 198,
206, 268, 270, 271, 307, 373,
375
Михайловский Н. К.—133, 178
Михаэлис Е. П.—263
Михневич А. О.—154
Мишле И.—109
Модзалевский Б. Л.—201
Мольер Ж.—194
Мордвинов А. А.—250, 263
Мордовцев Д. Л.—215
Мордовченко Н. И.—7
Морепа Ж.—67
Морозов Б. С.—320, 324
Мосолов Ю. М.—275, 277
Мухин А.—7
Надеждин А. Е.—72
Наполеон I—48, 84
Наполеон III—66, 75, 78, 79
Наранович А. П.—274
Невский В. И.—250
Некрасов Н. А.—24, 28, 34, 65—
67, 71, 126, 153, 165, 188, 189,
194, 195, 198, 202, 207, 218,
269, 300, 316
Неронов—263
Нечаев С. Г.—272
Нечкина М. В.—249, 251, 253—
254, 257

- Никитенко А. В.—191, 284, 286, 321, 374
 Никитин И. С.—194
 Николадзе Н. Я.—196, 208—210, 286
 Николай I—61, 268—269, 312
 Новикова Н. Н.—254, 256
 Обручев В. А.—274, 286
 Обручев Н. Н.—256, 263, 267, 270, 271, 274, 279
 Овсяннико-Куликовский Д. Н.—328
 Огарев Н. П.—107, 113, 115, 116, 153, 254, 257, 268, 274, 276
 Одоевский В. Ф.—19
 Оксман Ю. Г.—107, 113, 286
 Олдридж А.—193
 Олери Адам—28
 Ольденбург С. Ф.—201
 Ольхин А. А.—263
 Оммулевский И. В.—176
 Островский А. Н.—3, 50—61, 105, 194
 Острогорский В. П.—149, 192—195
 Павлинов Е. М.—185
 Павлов П. В.—283, 286—289
 Падлевский З.—273
 Панаев И. И.—52—57, 61, 234
 Панаева А. Я.—188
 Панкратова А. М.—375
 Пантелеев Л. Ф.—75, 76, 189, 250, 251, 253, 255—257, 260—262, 272, 273, 275—278, 286, 287, 289
 Папковский Б. В.—7, 11
 Пасхалова А. Н.—214, 215, 223
 Паткуль А. В.—307
 Паульсон И. И.—192
 Петр I—28
 Петрашевский (Бутаевич) М. В.—8—11, 15, 17, 153, 168,
 Петров А.—49, 168
 Петров С. М.—96
 Пий IX—84
 Пиотровский И. А.—49
 Пирогов Н. И.—286, 288, 289
 Писарев Д. И.—59, 97, 126, 140, 147, 148, 163, 206, 277, 312, 318, 319, 325, 327, 331, 375
 Писемский А. Ф.—325
 Плеханов Г. В.—6, 7
 Плещеев А. Н.—19, 21, 22, 194, 195
 Пнин И. П.—33
 Погдин М. П.—114, 224
 Погосский А. Ф.—269
 Покусаев Е. И.—151, 195, 214, 215
 Полевой Н. А.—72
 Полисадов В. П.—297, 298,
 Помяловский Н. Г.—3, 126—150
 Попугаев В. В.—33
 Порох И. В.—251, 257, 283
 Потанов А. Л.—190, 290, 293, 294, 296, 306
 Потеня А. А.—274
 Потехин А.—60
 Позерио Карло—77
 Протопопов М. А.—7
 Прудон П. Ж.—11, 19
 Пугачев Е. И.—162, 226, 228, 230
 Путинцев В. А.—288
 Пулята Д.—279
 Пулятин Е. В.—307
 Пушкин А. С.—132, 191, 212, 225, 310
 Пыпин А. Н.—186—193, 195—198, 200, 202, 204—207, 215, 222, 233, 252, 283, 285, 293, 299
 Пыпин Н. А.—190
 Пыпина В. А.—190, 198, 206
 Пыпина Евг. Н.—190, 192,
 Пыпина Ек. Н.—190, 230
 Пыпина Н. А.—190
 Пыпина П. Н.—192
 Пыпина Ю. П.—190
 Пятковский А. П.—103
 Радищев А. Н.—33, 35, 168, 170
 Разиц Степан—172, 216, 222—231, 285
 Разумовский Н. Н.—214
 Ракитникова И.—214
 Раскатов Е.—156
 Рахманинов Ф. И.—77
 Рейсер С. А.—76, 108, 112, 247, 287
 Решетников Ф. В.—133, 150
 Ресторн А.—193
 Рихтер А. А.—261, 262
 Ровинский П. А.—202
 Романович-Славягинский А. В.—286, 287
 Ростовцев Я. И.—113
 Руссо Ж. Ж.—374
 Рылеев К. Ф.—276
 Рымаренко С. С.—276
 Рязанов Д.—216
 Савваитов П.—143
 Савонарола Д.—194
 Саккетти А. А.—195
 Салтыков-Щедрин М. Е.—3, 7, 10, 11, 19, 104, 105, 127
 Самарин Ю. Ф.—26
 Сахаров Я.—100
 Селезнев В. А.—297, 303
 Селезнев В. М.—50

- Севе́ский В. И.*—192, 202, 305
Сен-Симон—8, 19
Сергиенко П. А.—315
Сергиевский И. В.—25
Серно-Соловьёвич А. А.—269, 270, 273, 277, 376
Серно-Соловьёвич Н. А.—187, 254, 256, 260, 263, 267, 269, 270, 273, 274, 279.
Скабичевский А. М.—6, 133
Скафтымов А. П.—51
Славутинский С. Т.—105
Слепцов А. А.—3, 198, 250—258, 261, *270, 276, 279—282
Слепцов А. А.—250
Слепцов В. А.—250
Слепцов В. А.—133
Слепцов Д. А.—250
Слепцов Н. А.—250
Слепцова М. Н.—199, 200, 249—253, 255, 281, 282
Соколов Н. В.—165, 331
Солдатенков К. Т.—198
Соловьёв С. М.—283, 284
Сопиков В. С.—218
Сорокин А. Ф.—290, 293—298
Сорокин В. Л.—286
Сохновский—281
Спасский П. Н.—295
Спенсер Герберт—7
Спиридонов В. С.—314, 315
Срезневский И. И.—220, 223, 374
Станкевич Н. В.—92, 93, 104
Стасова Е. Д.—203
Стасюлович М. М.—200, 206
Степанов Д. Т.—279
Степняк-Кравчинский С.—305
Стюнин В. А.—192
Страннолюбский А. Н.—192
Страннолюбский Н. Н.—192
Суворов А. А.—295
Судакова Л. Я.—195
Сухово-Кобылин А. В.—56
Сушицкий В. А.—214
Сытин И. Д.—211
Тамарченко Г. Е.—319, 320, 324
Тарле Е. Ф.—80
Татуйко А. А.—129
Теккерей Уильям Мейкпис—301
Терсинский И. Г.—291
Тихменев А. Г.—215
Тихонравов Н. С.—218
Ткачев П. Н.—165, 173, 174
Токарев С. А.—29
Токарский А. А.—198, 199
Толстой А. К.—113
Толстой Л. Н.—18, 127, 147, 203, 313-316
Трубецкой Н. П.—256, 274
Тургенев И. С.—3, 17, 53—55, 92—109, 111—117, 120—125, 139, 194, 283, 316
Тучкова-Огарева Н. А.—288
Тэн Ипполит—7
Уитли Филлис—33
Удом—290, 293, 294, 298
Усакина Т. Н.—6, 111
Успенский Н. В.—44, 45, 127, 133, 147, 149
Утин Н. И.—190, 257, 261, 262, 273—279, 281, 282
Федоров К. М.—203
Фейербах Людвиг—7—11, 14, 18, 19
Фет А. А.—113
Филипп Прекрасный—75
Филлипов Т. И.—38, 39
Фишер А.—374
Флетчер Джилд—28, 218, 221
Фомина А. Г.—201
Фохт Карл—321
Франциск II—84
Франц Иосиф—84
Фридрих Великий—71
Фриче В.—313
Фролов Н.—29
Фурие Шарль—8, 9, 11, 17, 155
Ханыков А. В.—11
Хмельницкий Богдан—285
Хоментовская А.—195
Хомяков А. С.—100—101
Цезарь Гай Юлий—194
Цитович П. П.—194
Чебыкин П. В.—296
Чекалов Я. К.—275
Черкесов А. А.—189, 250
Чернышевская Н. М.—11, 128, 183, 187, 202, 208, 212, 311, 371, 374
Чернышевская О. С.—184, 185, 186, 188, 193—198, 202, 212, 292, 299
Чернышевский М. Н.—183—186, 188, 190—212, 252, 262, 263, 265, 266, 267, 268, 278, 311
Черняк М. А.—256
Четыркин И.—295
Чебыкин П. В.—296
Чешихин-Ветринский В. Е.—202, 203
Чичерин Б. Н.—42, 70, 74, 101, 102, 111, 284
Чуйко В. В.—261, 262
Шаганов В. Н.—202
Шамиль—306
Шамшин И. И.—254, 255
Шапошников Н. В.—252
Шатобрриан Ф. Р.—59

- Шевченко Т. Г.—170, 198
Шекспир Вильям—193, 194
Шелгунов Н. В.—24, 65, 75,
154, 165, 174, 270, 271, 332
Шеллер-Михайлов А. К.—328
Шенье Андре—225
Шиллер Иоганн Кристофер Фридрих—193, 194
Шилов А. А.—201, 332
Шифман А. М.—313
Шлоссер Ф. К.—187, 189, 215,
293
Шпильгаген Фридрих—194
Штрайх С. Я.—183
Штейн И. К.—66
Шульгин В. Н.—82
Щапов А. П.—271, 286, 289
Щебальский П.—178
Щеголев П. Е.—9, 201
Щепкин М. С.—56, 60
Щербина Н. Ф.—56
Щиглев В. Р.—304—312, 322
Эйхенбаум Б. М.—313
Эккардт Людвиг—192
Эллидин М. К.—208, 277
Эльсберг Я. Е.—7, 116, 120, 159
Энгельс Фридрих—9, 109
Эссен М. М.—207
Южаков С. Н.—250
Якоби В. И.—198
Якушкин И. Д.—56
Ямпольский И. Г.—128, 132, 134,
305, 322
-

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
I. Исследования и статьи	
<i>Т. И. УСАКИНА</i> . Чернышевский и Валерьян Майков	6
<i>В. Г. БАЗАНОВ</i> . Чернышевский и некоторые проблемы демократического народоведения	23
<i>В. М. СЕЛЕЗНЕВ</i> . Чернышевский об Островском	50
<i>Б. И. ЛАЗЕРСОН</i> . Публицистика Чернышевского в годы революционной ситуации	62
<i>Г. Н. АНТОНОВА</i> . Чернышевский и Тургенев о «лишних людях» (1859—1863 гг.)	92
<i>И. А. ВИННИКОВА</i> . Poleмика И. С. Тургенева с А. И. Герценом в 1862—1863 гг.	107
<i>В. П. БАРЦЕВИЧ</i> . Реализм правды без всяких прикрас («Очерки бурсы» Помяловского)	126
<i>Е. И. ПОКУСАЕВ</i> . После крушения революционной ситуации	151
II. Материалы и сообщения	
<i>Н. М. ЧЕРНЫШЕВСКАЯ</i> . Младший сын Н. Г. Чернышевского	183
<i>Л. В. ДОМАНОВСКИЙ</i> . К саратовским взаимоотношениям Н. Г. Чернышевского и Н. И. Костомарова	213
<i>В. Э. БОГРАД</i> . Доцензурная редакция статьи Чернышевского «Откупная система»	233
<i>С. А. РЕЙСЕР</i> . Воспоминания А. А. Слепцова	249
<i>И. В. ПОРОХ</i> . Из дневниковых записей И. Е. Забелина	283
<i>В. Н. КУРГАНОВ</i> . Новые документы о пребывании Чернышевского в Петропавловской крепости	290
<i>Е. Г. БУШКАНЕЦ</i> . Стихотворение «На казнь Чернышевского» и его автор	304
<i>Б. Ф. ЕГОРОВ</i> . Дополнение к теме «Чернышевский и Л. Толстой»	313
<i>М. А. АЛДАНОВА</i> «Что делать?» и повести Н. Ф. Бажина 60-х гг.	317
<i>М. В. ИВАНОВА и П. А. СУПОНИЦКАЯ</i> . Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в советских изданиях и критической литературе. Библиографический указатель	334
<i>Н. М. ЧЕРНЫШЕВСКАЯ</i> . Н. А. Алексеев	371
Именной указатель	377

Н. Г. Чернышевский
Статьи, исследования и материалы

Редактор *А. А. Жук*
Технический редактор *В. В. Зенин.* Корректор *В. Г. Важова.*

НГ10913. Сдано в набор 1.XII.61 г. Подписано к печати 11.VI.62 г.
Формат 60×92¹/₁₆. Печатн. л. 24. Уч.-изд. л. 23,79.
Тираж 1000. Заказ № 1364. Цена 1 р. 51 к.

Издательство Саратовского университета, Астраханская, 83.
Типография издательства «Коммунист», пр. Ленина, 94.